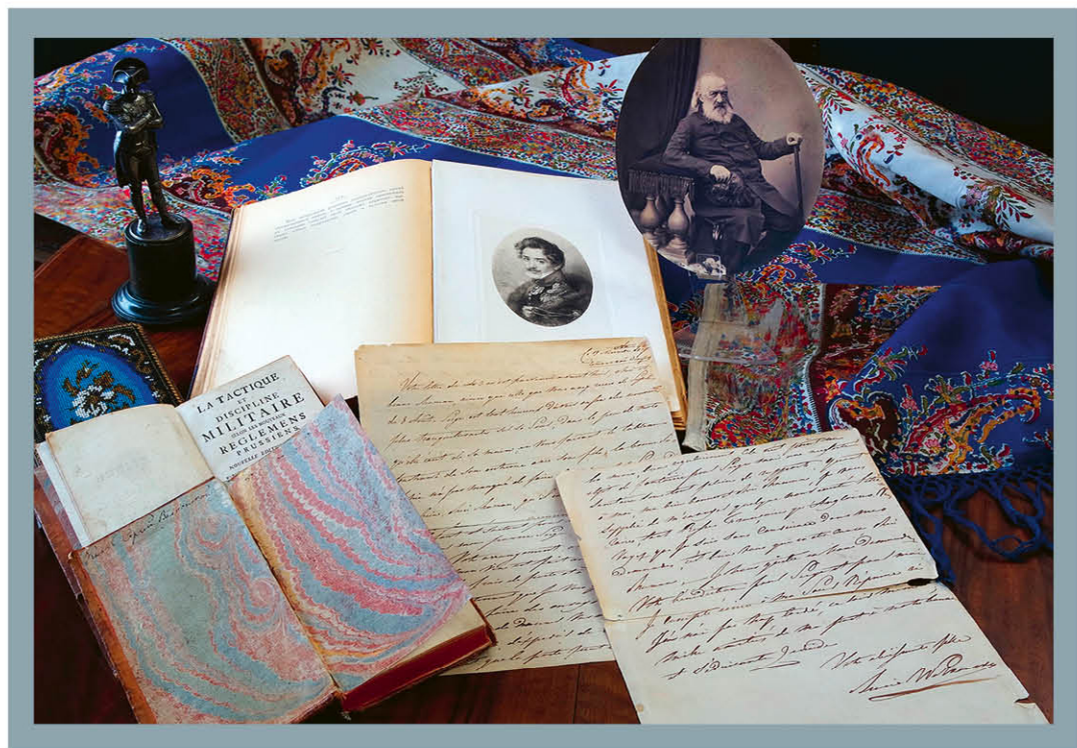

Иркутский областной
Историко-Мемориальный
Музей
Декабристов

ДЕКАБРИСТСКОЕ КОЛЬЦО

Вестник
Иркутского музея декабристов

Выпуск 6

2021

Декабристское кольцо

Вестник Иркутского музея декабристов

Выпуск 6

Иркутск
Иркутский музей декабристов
2021

УДК 947.073
ББК 63.3(2)521-425
Д 28

Редакционная коллегия:
Е.А. Добрынина (отв. редактор),
Н.Ф. Мусабилова, А.Н. Гарашенко, А.В. Глюк

Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов :
Д 28 Сборник статей. Вып. 6. – Иркутск : Иркутский музей декабристов,
2021. – 232 с. : ил.

ISBN 978-5-901539-23-1

Сборник объединяет статьи участников международной научно-практической конференции «Альбомная культура: исторический экскурс и современное прочтение», а также содержит научные труды исследователей, занимающихся вопросами истории, архивного наследия, краеведения и музейного дела.

Помимо статей сотрудников Иркутского музея декабристов, в сборник вошли работы специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска и Красноярска.

Сборник предназначен для музееведов, историков, краеведов и всех, кто интересуется историей декабристов и краеведением.

ISBN 978-5-901539-23-1

Содержание

К читателю	4
-------------------------	---

Альбомная культура

<i>Л. Г. Агамаян.</i> Альбом Анны Алексеевны Олениной	6
<i>Т. С. Комарова.</i> Альбом Петра Александровича Валуева	18
<i>О. В. Молчанова.</i> Альбомная культура и культура оформления альбомов. .	26
<i>А. П. Шайхлисламова.</i> Альбом Жан-Пьера Алибера – французское наследие Сибири XIX в.	52

Сохранение историко-культурного наследия

<i>А. Н. Гаращенко.</i> О местах проживания декабристов в Иркутске (к постановке проблемы)	60
<i>Ю. А. Киселева.</i> Перезахоронение декабристов А. П. Юшневского и А. З. Муравьева: новые данные из документального фонда ИОКМ. . . .	88

Архивное наследие

Письма М. С. Волконского. <i>Публикация и примечания А. О. Афанасьевой.</i> . . .	98
<i>Е. А. Добрынина.</i> М. В. Муравьев: от новгородского любителя древностей до хранителя наследия декабристов	109

Декабристоведение: историко-краеведческие исследования

<i>К. Е. Кузьмин.</i> Дипломат Михаил Волконский (служебная деятельность сына декабриста в 1849–1856 гг.)	156
<i>А. В. Сакович.</i> «Ели мы прескверно...» (о питании декабристов в Сибири)	167

Музейное дело

<i>А. Н. Гаращенко.</i> К вопросу об авторстве портрета иркутского гражданского губернатора А. В. Пятницкого (гипотеза)	194
<i>О. А. Акулич.</i> Из опыта перевода писем декабристов	202

Люди и судьбы

<i>Е. А. Добрынина.</i> Дело жизни и жизненность дела правнука декабриста (по материалам архива М. П. Волконского)	208
---	-----

Есть ли жизнь в музее?

<i>Л. М. Подшивалова.</i> Иркутский музей декабристов: хроника событий . . .	227
Список сокращений	231

К читателю

В 2021 г. «Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов» отмечает своеобразный юбилей – десять лет со времени выхода первого номера. Задуманный как издание, публикующее материалы ежегодных музейных научно-практических конференций, сборник объединил усилия многих исследователей, и не только музейных, в изучении истории судеб декабристов, их детей и наследников, а также мемориальных коллекций, памятников истории и архитектуры. За десять лет своего существования «Вестник» значительно расширил тематику публикуемых материалов, круг авторов, вырос и уровень исследовательских работ сотрудников Иркутского музея декабристов.

Впервые сборник оформляется по нормам Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и будет включен в Научную электронную библиотеку eLibrary.ru. Теперь он станет доступен любому пользователю этой платформы, база данных которой аккумулирует более двенадцати миллионов публикаций российских авторов. Открытый доступ позволит также более объективно оценить результативность исследовательских работ и детально изучить статистику публикационной деятельности музея.

Открывает выпуск новый раздел «Альбомная культура», основой которого послужил культурно-просветительский проект, задуманный и реализованный музеем в 2020 г. Цель этого проекта – представить общественности памятники историко-культурного наследия, а именно домашние семейные альбомы XIX в. Проект получил государственную поддержку и, несмотря на то, что в связи с пандемией его перевели в онлайн-формат, был успешно осуществлен во время фестиваля «Декабристские вечера» зимой 2020 г. В научно-практической конференции приняли участие ведущие историки федеральных и областных музеев, библиотек. Об альбомах из домашних собраний рассказали хранители реликвий – потомок Лавалей Жан де Винераль (Париж, Франция) и потомок И.В. Поджио Ю.Ю. Куликов (Нижний Новгород, Россия). В настоящий сборник вошли статьи кандидата исторических наук, сотрудника Государственного исторического музея О.В. Молчановой, старшего научного сотрудника РО ИРЛИ РАН Л.Г. Агамаян, ведущего научного сотрудника КККМ музея Т.С. Комаровой и директора музея истории ИрНИТУ А.П. Шайхлисламовой.

В разделе «Сохранение историко-культурного наследия» иркутский историк А.Н. Гаращенко на основе значительного корпуса исторических документов выявляет места непосредственного проживания декабристов в Иркутске. Ю.А. Киселева, старший научный сотрудник Иркутского областного краеведческого музея, приводит новые данные из документального фонда ИОКМ о перезахоронении декабристов А.П. Юшневского и А.З. Муравьева.

Раздел «Архивное наследие» открывается публикацией писем М.С. Волконского, подготовленной А.О. Афанасьевой. К сожалению, из-за техниче-

ской ошибки публикация не вошла в предыдущий выпуск сборника, где ее изначально планировалось поместить.

В статье «М.В. Муравьев: от новгородского любителя древностей до хранителя наследия декабристов» директора Иркутского музея декабристов Е.А. Добрыниной речь идет о внучатом племяннике декабриста А.З. Муравьева в шестом поколении, Михаиле Валериановиче, который являлся последним хранителем семейного архива Муравьевых. Задуманная М.В. Муравьевым без малого сто лет назад публикация писем М.К. Юшневской к В.А. Муравьевой осуществлена в нашем сборнике.

Для научного сотрудника Иркутского музея декабристов К.Е. Кузьмина статья «Дипломат Михаил Волконский» о служебной деятельности сына декабриста в период 1849–1856 гг. стала его первой публикацией в сборнике. Статья вошла в раздел «Декабристоведение: историко-краеведческие исследования». Здесь же – продолжение серии публикаций главного специалиста по учету фондов А.В. Саковича, посвященных быту декабристов на каторге и в ссылке. В этот раз речь идет о питании декабристов в период их пребывания в Сибири.

А.Н. Гарашенко в разделе «Музейное дело» рассуждает по поводу авторства портрета иркутского гражданского губернатора А.В. Пятницкого, а научный сотрудник Иркутского музея декабристов О.А. Акулич обращается к одной из самых актуальных для Иркутского музея декабристов тем – проблеме перевода эпистолярного наследия декабристов, в частности писем Н.М. Муравьева.

В разделе «Люди и судьбы» Е.А. Добрынина анализирует материалы из хранящегося в Иркутском музее декабристов архива М.П. Волконского. Правнук декабриста внес огромный вклад в создание Иркутского музея декабристов и формирование его коллекции. Статья приурочена к 130-летию со дня рождения Михаила Петровича, певца, актера, переводчика, исследователя, для которого изучение документов и материалов из семейного архива Волконских стало делом жизни.

В последний раздел под названием «Есть ли жизнь в музее» вошла статья кандидата исторических наук, заведующей отделом «Дом и усадьба Волконских» Л.М. Подшиваловой. Статья подводит итог разноплановой и обширной деятельности Иркутского музея декабристов за 2020–2021 гг. «Хроника событий» включает в себя самые значительные события из жизни музея.

Мы приглашаем читателей ознакомиться с научной жизнью Иркутского музея декабристов. Надеемся, что они узнают много нового, интересного и полезного.

Альбомная культура

Л. Г. Агамалян

Альбом Анны Алексеевны Олениной

Аннотация. Альбом Анны Алексеевны Олениной из собрания Литературного музея Пушкинского Дома публикуется впервые. Он также никогда внимательно не изучался, несмотря на прочную связь фамилии Олениных с именем Пушкина. Причина, по всей вероятности, – неопределенность его принадлежности. В Литературном музее он зарегистрирован как «альбом рисунков, принадлежавший Олениным». Как нам думается, это связано с отсутствием владельческой надписи и, напротив, наличием автографов и имен других членов семьи Олениных. Анализ содержания рисунков и сопоставление их с записями в Дневнике Анны Олениной позволили автору подтвердить принадлежность альбома Анне Олениной – адресату лирики Пушкина, предмету его сильного увлечения 1828 г.

Кроме автографов Алексея Николаевича Оленина, братьев Алексея и Петра Олениных, в альбоме находятся рисунки А. П. Брюллова, К. К. Гампельна, Ф. Г. Солнцева, И. А. Крылова и др. Особенный интерес представляет выполненный сепией вид города Иркутска. Автор рисунка – Тимофей Алексеевич Васильев (1783–1838), русский живописец, пейзажист. Рисунок выполнен в 1805–1806 гг. и вклеен в альбом Олениной в конце 1820-х.

Ключевые слова: альбом Анны Алексеевны Олениной; Оленины; Дневник Анны Олениной; альбомный рисунок; автограф; вид Иркутска.

L. G. Agamalyan

Album of Anna Alekseevna Olenina

Abstract. The album of Anna Alekseevna Olenina from the collection of the Literary Museum of the Pushkin House is published for the first time. It was also never carefully studied, despite the strong connection of the Olenin family name with the name of Pushkin. The reason, in all probability, is the uncertainty of its belonging. In the Literary Museum, it is registered as «an album of drawings that belonged to the Olenins». As we think, this is due to the absence of the owner's inscription and, on the contrary, the presence of autographs and names of other members of the Olenin family. The analysis of the content of the drawings and their comparison with the entries in the Diary of Anna Olenina allowed the author to confirm that the album belongs to Anna Olenina, the addressee of Pushkin's lyrics, the subject of his strong passion in 1828.

In addition to the autographs of Alexey Nikolaevich Olenin, brothers Alexey and Peter Olenin, the album contains drawings by A. P. Bryullov, K. K. Gampeln, F. G. Solntsev, I. A. Krylov, and others. Of particular interest is the sepia view of the city of Irkutsk. The author of the drawing – Timofey Alekseevich Vasiliev (1783–1838), Russian painter, landscape painter. The drawing was made in 1805–1806 and pasted into the album by Olenina in the late 1820s.

Keywords: album of Anna Alekseevna Olenina; the Olenin family; Diary of Anna Olenina; drawings in the album; autograph; view of Irkutsk.

Агамалян Лариса Георгиевна – старший научный сотрудник РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, кандидат культурологии, Санкт-Петербург, Россия.

Agamalyan Larisa G. – senior researcher, Institute of Russian Literature of Russian Academy of Sciences, candidate of Cultural Studies, Russia, St. Petersburg. E-mail: l_agamalian@mail.ru

Альбомы Олениных всегда интересны. Эта фамилия многое говорит историкам русской культуры. Алексей Николаевич Оленин (1763–1843) – видный деятель Александровской и Николаевской эпох, оставивший значительный след в истории русского просвещения, директор Императорской Публичной библиотеки, президент Императорской Академии художеств, государственный секретарь, член Государственного совета, действительный тайный советник, кавалер многих российских орденов, член множества обществ и центр собственного, «оленинского» кружка. Его дом в Петербурге и усадьба с красноречивым названием Приютино были притягательны для самых разных людей и запечатлены в стихах, мемуарах, дневниках, упоминаются в письмах замечательных людей эпохи и т. д.

Следы этих разнообразных связей можно отыскать и на страницах домашних альбомов Олениных. Упоминания об альбомах Анны Алексеевны Олениной (в замужестве Андро, 1808–1888) встречаются во множестве публикаций. Однако столь же часто они сопровождаются определениями «несохранившийся», «утраченный» и т. п. Из воспоминаний Ольги Николаевны Оом (1868–1938), внучки Анны Алексеевны, опубликованных в предисловии к парижскому изданию ее «Дневника», известно об альбомах с рисунками и стихами, относившихся к молодости ее бабушки. «Из нашей памяти никогда не изгладится та умилительная картина, – вспоминала Ольга Николаевна, – которая предстала перед нашими глазами, когда мы застали Анну Алексеевну, нашу милую 77-летнюю бабушку, точно помолодевшею при воспоминании о прошлом, разбирающую пожелтевшие листки писем <...>. Особенно нас тогда интересовали альбомы с рисунками, относившиеся к молодости бабушки. С той живостью и ясностью ума, которые она сохранила до конца своей жизни, она нам объясняла, при каких обстоятельствах были написаны в ее альбомы разные автографы поэтов. Мы жадно вслушивались в ее живые рассказы, для нас – уже осколки истории. <...> ”Вот, смотрите, дети, это рисунок Кипренского”, – поясняла нам бабушка, взяв в руки большого формата альбом. <...> В этом же альбоме находились редкие рисунки Брюллова <...>. ”А вот рисунок, сделанный для меня отцом”». Здесь же Ольга Николаевна сообщала, что бабушка оставила ей альбом, «в котором среди других автографов Пушкин в 1829 г. вписал стихи ”Я вас любил...”»¹. В конце XIX в. архив Анны Алексеевны, в том числе один из альбомов, был предоставлен в распоряжение П. М. Устимовича ее дочерью Антониной Федоровной Уваровой и частично опубликован им в журнале «Русская старина» (1890. Т. 67. Кн. 8) в очерке «Анна Алексеевна Андро». Архив, к сожалению, впоследствии был распылен, альбом утрачен.

Альбом А. А. Олениной из собрания Литературного музея Пушкинского Дома публикуется впервые. Он также никогда не экспонировался. Причина, по всей вероятности, – неопределенность его принадлежности. Поступил альбом из Рукописного отдела Пушкинского Дома, куда был передан в 1924 г. Михаилом Павловичем Алексеевым, будущим академиком. К сожалению, никакой легенды альбом не имеет. В инвентарной книге Рукописного отдела он значился как альбом Анны Алексеевны Олениной: по-видимому,

¹ Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828–1829). Париж, 1936. С. XXXVII–XL.

Ил. 1. Альбом Анны Алексеевны Олениной

Ил. 2. Неизвестный художник.
Портрет неизвестной. Аква. 1830-е

эта атрибуция исходила от самого М. П. Алексеева. Однако в Литературном музее его принадлежность была подвергнута сомнению, и он был зарегистрирован как «альбом Олениных», что, как нам думается, связано с отсутствием владельческой надписи и, напротив, присутствием автографов и имен других членов семьи Олениных. Как нам представляется, нам удалось подтвердить принадлежность альбома Аннет Олениной – адресату лирики Пушкина, предмету его сильного увлечения 1828 г. Этот роман нашел отражение на страницах ее знаменитого дневника – замечательного свидетельства отношений поэта и семьи Олениных, сохранившего на своих страницах картины жизни «простого русского семейства», которое принадлежало к высшим кругам александровской и николаевской России.

Альбом неплохо сохранился. По своему формату и декору обложки он представляет собой типичный альбом 1830-х гг. В нем 50 листов, 57 рисунков карандашом, акварелью, тушью, сепией, одна фотография с гравюры. Несколько акварелей, изображающих букеты и соцветия (л. 15, 16, 19), позволяют предположить, что альбом дамский. На л. 20 наклеен акварельный портрет девушки в розовой вуали поверх высокой прически, с цветком гортензии в волосах. В инвентарной книге он определен как «портрет Олениной-Андро», правда, запись сопровождается вопросительным знаком. Однако известные портреты Анны Алексеевны, исполненные О. Кипренским (1828), В. Гау (1839), П. Соколовым (ок. 1825), не позволяют согласиться с предложенной атрибуцией (ил. 1, 2).

Крайние даты заполнения определяются концом 1820-х – 1840-ми гг. Уже на третьем листе появляется дата 1838 г.: к его обороту приклеен листок со следами засушенного цветка и надписью: «pensée de Rojestveno. Offerte par la princesse N. G. le 16 décembre 1838» («анютины глазки из Рождественно². Подарено княгиней Н. Г. 16 декабря 1838 г.»). Это одна из шести дат, проставленных под рисунками: 1838 (л. 3), 1835 (л. 8), 1826 (л. 12), 1839 (л. 24), 1829 (л. 24), 1821 (л. 40). Датировать остальные изображения

² Село Рождественно (позже Рождественно) – с нач. XIX в. центр Рождественской волости Гатчинского уезда. В 1838 г. принадлежало наследникам надворного советника Н. Е. Ефремова, при котором сформировался усадебный комплекс.

Ил. 3. А. П. Брюллов. Сцена из итальянской жизни. Карандаш. 1829

возможно, лишь расшифровав сюжет и опираясь на литературный контекст.

На первой странице Анна Алексеевна записала стихотворение на английском языке, по всей видимости собственного сочинения. Это единственный в альбоме литературный автограф: альбом заполнен рисунками. В доме Олениных бывали многие известные художники того времени: О. А. Кипренский, К. П. и А. П. Брюлловы, Г. Г. Гагарин, К. К. Гампельн, Ф. Г. Солнцев и др. Прекрасно рисовал и сам А. Н. Оленин, с 1817 г. занявший пост президента Академии художеств. Он часто составлял «программы» для художников, иллюстрировавших издания близких к нему литераторов. Любителям поэзии хорошо известна монограмма «АО», украшающая титульные листы сочинений К. Н. Батюшкова и И. А. Крылова, рисунки к «Басням и сказкам И. И. Хемницера», стихотворениям Г. Р. Державина, трагедиям В. А. Озерова, и, конечно, виньетка к первому отдельному изданию поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» (1820). Хорошо рисовали и братья Петр и Алексей Оленины. Петр в 1827 г. был «принят в почетные вольные общники» Академии художеств. Имена Александра Брюллова, Федора Солнцева, Карла Гампельна можно видеть под рисунками в альбоме (ил. 3, 4).

Ил. 4. К. К. Гампельн. Портрет Анны Олениной. Карандаш. 1820-е

Все изображения наклеены на альбомные листы и даже на внутреннюю сторону задней крышки, подписи частично утрачены. Несколько рисунков вырезаны по контуру. Время создания рисунков и время их помещения в альбом часто не совпадают. Они были исполнены в разное время, хранились отдельно, возможно, были вынуты из других альбомов: на это предположение наводит многослойность некоторых листов. Многие подписи, называющие автора, сделаны рукою Алексея Алексеевича Оленина. Когда это было сделано, неясно: повторяем, что история бытования альбома остается неизвестной.

Непоследовательность датированных рисунков позволяет предположить особую логику заполнения альбома: это «памятная книжка», в которую владелица клеивала рисунки, руководствуясь сиюминутным желанием, не думая о хронологии, стремясь сохранить память о близких сердцу людях.

В альбом вклеены портрет матери Анны Алексеевны, Елизаветы Марковны, исполненный И. А. Крыловым (л. 14), рисунки братьев – Алексея и Петра Олениных, карандашный набросок Григория Никаноровича Оленина «Amusemens de Rome in hiver» («Римские развлечения зимой») – память о европейском путешествии сестры Варвары с мужем в 1827–1828 гг. (ил. 5).

Несколько автографов и рисунков Алексея Николаевича Оленина, интересных для нас сами по себе, должны были напоминать о важных эпизодах жизни Анны Алексеевны. Так, на восьмом листе изображена в профиль женская фигура в рост, в платье с высоким стоячим воротником. Подпись рукою Алексея Николаевича Оленина: «Première reception de Lady / Durham on 1835 15 November / A. O.» («Первый прием леди Дарем 15 ноября 1835 г. А. О.»). Изображение шаржированное. По-видимому, это память о присутствии на приеме у английского посла лорда Дарема, служившего в России в 1835–1837 гг. Изображенная – скорее всего, жена посла леди Луиза Элизабет Дарем, урожд. графиня Грей, дочь 26-го премьер-министра Великобритании (1830–1834) (ил. 6).

Ил. 5. И. А. Крылов.
Портрет Е. М. Олениной.
Карандаш. 1830-е

Ил. 6. А. Н. Оленин. Première reception
de Lady / Durham on 1835 15 November
(«Первый прием леди Дарем
15 ноября 1835 г.»). Тушь, перо

Еще один автограф А. Н. Оленина помещен на 12-м листе альбома. На рисунке пером изображен молодой офицер в генеральском мундире со шпагой и шляпой с длинным плюмажем. Подпись гласит: «Анне Алексеевне О. в память Девонширского бала 10 сентября 1826, в Москве». Об этом событии хочется сказать несколько подробнее (ил. 7).

Прежде всего – это воспоминание о присутствии Олениных на коронационных торжествах в Москве. Коронация Николая I состоялась 22 августа 1826 г. И Алексей Николаевич Оленин как статс-секретарь, и Анна Алексеевна как фрейлина императрицы на торжествах присутствовали. В день коронации Оленин был назначен государственным секретарем. Торжества продолжались целый месяц. Рисунок А. Н. Оленина напоминает дочери об одном из самых пышных балов церемонии – коронационном проекте герцога Девонширского. Князь Н. С. Голицын отмечал, что бал у герцога Девонширского «особенно отличался богатством во всем»³. «Одним из кульминационных моментов праздника была демонстрация только что исполненного Джорджем Доу коронационного портрета Николая I. Поместив этот огромный, яркий, декоративный портрет так, чтобы его было видно издали, герцог достиг сильного театрального эффекта. <...> Поскольку герцогу удалось сохранить заказ в тайне, огромное изображение только что коронованного монарха оказалось для всех сюрпризом, что, конечно, усилило его воздействие на зрителей <...>»⁴.

Однако, скорее всего, появление на страницах альбома этого рисунка вызвано более поздними событиями и очень личными переживаниями. В конце февраля – начале марта 1831 г. в Петербурге гостил граф Альфред де Дама, брат батальонного командира Николая и Петра Олениных в войне 1812 г., барона Максима Ивановича Дамаса. Давний знакомый Олениных стал предметом нового сердечного увлечения Анны Алексеевны, нашедшего отражение на страницах ее дневника. Дневниковая запись датируется 28 февраля 1831 г. «С Альфредом, графом де Дама, братом барона, мы познакомились в 25 году перед коронацией. Он был очень мил, и мы его часто видели в Петербурге и особенно в Москве на коронации. Он посещал нас почти каждый день и очень меня развлекал. <...> Мы расстались, и в памяти моей Альфред сохранился лишь благодаря тому приятному впечатлению, которое произвел

Ил. 7. А. Н. Оленин.
Анне Алексеевне О. въ память
Девонширскаго бала
10 Сентября 1826, въ Москвѣ. Тушь, перо

³ Записки князя Николая Сергеевича Голицына. 1825–1855 // Рус. старина. 1881. Т. 30. С. 38.

⁴ Ренне Е. Коронационный проект герцога Девонширского // Наше наследие. 2000. № 55. С. 29.

Ил. 8. Т. А. Васильев. Вид Иркутска. Сепия. 1805

на меня его нрав – открытый и веселый. <...> Вдруг в этом году, в феврале месяце, в мою комнату входит маменька и сообщает мне, что приехал наш давний знакомый, а ныне бедный эмигрант Альфред. <...> Натуру Альфреда можно выразить одним-единственным словом, но это слово скажет о нем – о человеке, о характере – все, и это слово – благородство. Альфред благороден в своих чувствах, в своих поступках, в своем облике. <...> Встретив его вновь, я сказала своему сердцу: «Вооружись мужеством! Альфред опасен для тебя». <...> Уезжая, Альфред сделал мне два подарка на память. Один из них никогда меня не покидает, это кольцо, изготовленное в Венеции. <...> Странно, но на коронации при его отъезде я ему подарила серебряное черное кольцо, привезенное с Кавказа. Это странное обстоятельство побудило меня говорить иногда, что я обручена»⁵. Как нам представляется, рисунок «в память Девонширского бала» мог быть вклеен в альбом в 1830-х гг., а запись в дневнике Аннет Олениной – тот контекст, который раскрывает значение для нее этого сувенира.

Особенный интерес для Иркутска представляет наклеенный на 41-й лист альбома выполненный сепией вид города. Вверху справа карандашом: «Городъ Иркутскъ», внизу слева чернилами: «Видъ Иркутска», справа: «Васильевъ». Подписи чернилами сделаны А. А. Олениным (ил. 8).

Автор рисунка – Тимофей Алексеевич Васильев (1783–1838), русский живописец, пейзажист. Первоначальное образование приобрел в Воспитательном училище при Императорской Академии художеств, с 1788 по 1803 г. обучался в Академии. В 1804 г. юный выпускник вместе с академиком Андреем Ефимовичем Мартыновым и другим выпускником академии Иваном Петровичем Александровым⁶ был отправлен в качестве рисовальщика с экс-

⁵ Оленина А. А. Дневник. Воспоминания. СПб., 1999. С. 152–156.

⁶ Впоследствии портретист, по возвращении в Санкт-Петербург он представил свой альбом рисунков, выполненный в 1806 г. в путешествии по Монголии.

Ил. 9. А.Е. Мартынов. Вид Иркутска

педицией графа Ю. А. Головкина в Китай. Главным художником был назначен академик Мартынов. Посольство было отправлено под предлогом поздравления императора Цзяцина с восшествием на престол и извещения о воцарении Александра I. Фактической же целью было установление прочных торговых сношений между Россией и Китаем и уступка России Амура. Миссия Головкина не увенчалась успехом. Экспедиция добралась только до Урги, где Головкину были предъявлены такие требования относительно церемониала его приема (ритуал земного поклона), что он счел их неприемлемыми и возвратился в Иркутск. Неудача вызвала неудовольствие императора Александра I, и Головкину долго пришлось прожить в Иркутске, пока ему не было разрешено явиться в Петербург, куда он возвратился лишь в декабре 1806 г.

Т. А. Васильев, как и другие художники, провел два года в Сибири и сделал там многочисленные зарисовки для создания впоследствии видов этого края. За написанное в 1807 г. полотно «Вид города Селенгинска» Васильев был удостоен звания академика. В 1815 г. он получил звание советника Академии художеств по пейзажной живописи за картину «Вид на Байкальское озеро». С 1816 г. Васильев служил при Воспитательном училище Академии художеств, а с 1818 по 1824 г. занимал должность инспектора Академии. В 1824 г. он написал «Вид Никольской пристани при впадении реки Ангары в Байкальское озеро» (Государственный Русский музей), показанный на академической выставке того же года. В 1837 г. Академия художеств купила у него «Вид Красноярска». Зарисовки, сделанные в долгом путешествии, легли также в основу серии акварелей «Виды России и Монголии» А. Е. Мартынова (1806–1810)⁷. Для сравнения приведем здесь пейзаж Иркутска кисти Мартынова, выполненный с той же точки, что и сепия Васильева (ил. 9).

Каким образом ранний рисунок Васильева попал в домашний альбом Анны Олениной? Можно предположить, что А. Н. Оленин, будучи прези-

⁷ В 1819 г. в типографии А. Плюшара в Петербурге им был выпущен на русском и французском языках альбом офортв «Живописное путешествие от Москвы до китайской границы Андрея Мартынова, советника Академии художеств».

дентом Академии художеств, мог когда-то получить его в подарок от автора. Однако почему Анна Алексеевна почти четверть века спустя вклеивает его в свой альбом? Ответ, как нам кажется, находим в ее дневнике. Осенью 1828 г. Анна пережила довольно сильное романтическое увлечение гостившим в Приютино диким «козаком» Алексеем Петровичем Чечуриным. Биография А. П. Чечурина реконструируется только по дневнику Олениной, где ему посвящен ряд записей под общим названием «Роман моего сочинения». Свои чувства Анна Алексеевна описывает так: «Я не любовь к нему имела, но то неизъяснимое чувство, которое имеешь ко всему прелестному и достойному. Он был мой идеал в существе. <...> Благородность души, правила непорочные, ненависть к разврату и притеснению, чистая вера, пылкость чувств и любовь, которую только узнал при своем отъезде, – вот что привязало меня к нему»⁸.

А. П. Чечурин родился в 1809 г. в Иркутской губернии, вступил в Сибирское линейное казачье войско и в 1823 г. был произведен в хорунжий (младшее офицерское звание в казачьих войсках); в 1826 г. был вызван в Иркутск. В 1827 г. он получил назначение в пограничные крепости для борьбы с контрабандой; в следующем году сопровождал в инспекторской поездке гражданского губернатора Иркутска И. Б. Цейдлера. Узнав о начале войны с Турцией, выехал в Петербург, надеясь определиться в действующую армию. Познакомившись 30 июля 1828 г. у А. М. Сухаревой⁹ с Олениными, провел некоторое время в Приютино. В конце сентября отбыл к театру военных действий. Дальнейшая судьба Чечурина неизвестна.

13 августа 1828 г. Оленина записывает в дневнике: «В субботу были мои рожденья. Мне минуло 21 год! <...> У нас было много гостей, мы играли в барры¹⁰, разбегались и после много пели. Пушкин, или Red Rover¹¹, как я прозвала его, был, по обыкновению, у нас. Он влюблен в Закревскую¹² и все об ней толкует, чтоб заставить меня ревновать. <...> Но Любезной Герой сего дня был милой Алексей Петрович Чечурин, или прелестной [Roland]

⁸ Оленина А. А. Дневник. Воспоминания. С. 78.

⁹ Сухарева Агафоклея Марковна (урожд. Полторацкая, 1776–1840), сестра Елизаветы Марковны Олениной, тетка Анны Алексеевны.

¹⁰ От франц. Jouer aux barres – бегать взапуски.

¹¹ «Red Rover» («Красный корсар») – роман Фенимора Купера, вышедший в 1828 г. «Олениной казалось, вероятно, – полагала Т. Г. Цявловская, – что Пушкин похож на героя Купера даже своей внешностью: маленький рост, вьющиеся волосы, умные голубые глаза. Красный корсар обладал сильными страстями, противоречивыми, но исполненными решимости и благородства. <...> Вероятно, «странность нрава природного и принужденного» у Пушкина (по наблюдению Олениной), свободолобие поэта и необыкновенная судьба сближают в глазах Олениной Пушкина с образом «благородного разбойника» Купера» (Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л., 1958. Т. 2. С. 267–268).

¹² Закревская Аграфена Федоровна (урожд. гр. Толстая, 1799–1879), предмет увлечения Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского и А. С. Пушкина (летом – осенью 1828 г.), посвятившего ей стихотворения «Портрет» («С своей плавающей душой...»), «Наперсник» («Твоих признаний, жалоб нежных...»), «Счастлив, кто избран своенравно».

Граете¹³, как прозвала я его: он из Сибири, с границ Китая, был в Чите¹⁴, видел всех, имел ко мне большую доверенность (выделено мною. – Л. А.) и очень интересен¹⁵. Несомненно, речь здесь идет о ссыльных декабристах, со многими из которых Олениных связывали родственные и дружеские отношения, многолетнее знакомство. Первым среди них следует назвать кн. С. Г. Волконского. «Батюшка, который, будучи двоюродный брат к[ня]зю Сергею Григ[орьевичу] Волхонс[кому], просил, чтоб его по закону отсторонить от этого суда <...>, – вспоминала В. А. Оленина об отказе отца от участия в суде над декабристами. – Но г[осуда]рь ему этого не простил никогда»¹⁶. Тесные, почти родственные отношения связывали Олениных с братьями С. И. и М. И. Муравьевыми-Апостолами, Н. М. и А. М. Муравьевыми. «Наши родители были самые задушевные друзья, – писала, вспоминая о двух последних, Варвара Оленина. – Я с ними выросла. Как себя помню, так и их». Близкими друзьями дома Олениных были З. Г. Чернышев и кн. С. П. Трубецкой, однополчанин Николая и Петра Олениных. По словам В. А. Олениной, он был в их доме «comme l'enfant de la maison» (как член семьи). В доме Олениных бывали также братья Александр и Николай Бестужевы, о чем вспоминает Ф. П. Толстой: «У Оленина я познакомился и очень хорошо сошелся с <...> отличавшимся тогда своими повестями Александром Бестужевым, умным молодым офицером, и с братом его, Николаем Бестужевым, тоже очень умным и образованным морским лейтенантом балтийского флота»¹⁷. Е. П. Оболенский, близкий друг Григория Никаноровича Оленина, мужа Варвары Алексеевны, был шафером на их свадьбе. Перечень можно продолжить¹⁸. Членом Союза благоденствия, по показаниям Н. М. Муравьева, С. П. Трубецкого, И. Г. Бурцова, был Алексей Алексеевич Оленин, едва избежавший следствия и суда.

Мы не знаем, довелось ли встретиться А. П. Чечурину с А. Н. Муравьевым, одним из самых близких друзей семьи Олениных, сосланным в Сибирь без лишения чинов и дворянства, но такая встреча могла состояться в Иркутске. 30 сентября 1828 г. Анна Алексеевна записывает: «Боже мой, какая радость! Вчера приехали папилька и брат, и вот их хорошие и худые новости: 1. что с них сняли цепи, и потому, приехавши в город, я исполнила желание сердца моего и иду служить неведомо никому благодарную моле-

¹³ Молодой казак получает у Олениной прозвище Ролан Грейм, по имени героя романа В. Скотта «Аббат». Прозвище знаменательно: герой романа, бедный, но благородный юноша, от природы одаренный лучшими человеческими свойствами, становится невольным тюремщиком Марии Стюарт, которой сочувствует. В таком же положении, по мысли А. Олениной, находится и Алексей Чечурин, только что совершивший инспекционную поездку по Сибири в свите иркутского гражданского губернатора И. Б. Цейдлера.

¹⁴ Уже к осени 1827 г. в Читинском остроге находились 85 декабристов и А. Г. Муравьева, кн. Е. И. Трубецкая, кн. М. Н. Волконская.

¹⁵ Оленина А. А. Дневник. Воспоминания. С. 71.

¹⁶ Письма В. А. Олениной к П. И. Бартеневу // Летописи Гос. лит. музея. Кн. 3: Декабристы. М., 1938. С. 483–490.

¹⁷ Записки графа Ф. П. Толстого, товарища президента императорской Академии художеств // Рус. старина. 1873. Т. 7. С. 133–134.

¹⁸ См.: Агамалян Л. Г. Декабристы в доме Олениных // Приютинский сборник. СПб., 1999. Вып. 1. С. 52–70.

Ил. 10. Военное восстание при императоре Николае. Фотография с гравюры Ш.-М. Жоффруа 1845 г.

бень. 2-е. что Муравьев, Александр Николаевич, сделан начальником в Иркутске. Все чувства радости проснулись в душе моей! Они свободны хоть телом, думала я, и эта мысль услаждала горе знать их далеко и в заточении. Но, увы, жалея об них, горя об ужасной участи, не могу не признаться, что рука Всевышнего карает их за многие дурные намерения. Освободить родину прекрасно, но проливать реками родную кровь есть первейшее из преступлений.

Быть честным человеком, служить бескорыстно, облегчать несчастья, пожертвовать всем для пользы общей, соделать счастливыми тех, кто под властью твоей, и понемногу приучать народ необразованный и пылкий к мысли свободы, но свободы благоразумной, а не безграничной – вот истинный гражданин, вот сын отечества, достойный носить имя славное, имя Русского. Но тот, кто, увлекаясь пылкостью воображения, желает дать свободу людям, не понимающим силы слова сего, а воображающим, что она состоит в неограниченном удовлетворении страстей и корыстолюбия; тот, наконец, который для собственного величия и, ослепляя себя мнимым желанием добра, решается предать родину междоусобиям, грабежу, неистовству и всем ужасам бунта и под именем блага будущих поколений хочет возвыситься на развалинах собственного края, тот не должен носить священного имени, и одно только сострадание к его заблуждениям – вот все, что может он желать и получить от общества граждан»¹⁹. Далее следует пространное рассуждение о декабристах, в котором, конечно, отразились взгляды Алексея Николаевича Оленина, не без основания полагавшего, что «революции не на розовой воде делаются». В то же время эта запись в дневнике Анны Алексеевны свидетельствует о том, что и спустя два с половиной года Олениными обсуждались события 14 декабря, едва не обернувшиеся семейной трагедией.

Наконец, следует упомянуть еще одно сохранившееся на страницах альбома свидетельство неослабевающего интереса Анны Алексеевны к событиям 14 декабря и судьбе декабристов. На 46-й лист альбома наклеена фотография с гравюры «Révolte militaire a l'avènement de l'empereur Nicolas» (Военное восстание при императоре Николае) (ил. 10). Ксилография, исполненная Шарлем Мишелем Жоффруа (1819–1882), была опубликована в изданной в 1845 г. в Париже книге Фредерика Лакруа «Les mystères de la Russie: Tableau politique et morale de l'empire Russe» (Тайны России. Картины политики и морали Российской империи). С этим изданием Анна Алексеевна ознакомилась уже в Польше. 24 октября 1839 г. Оленина была помолвлена, а 16 марта 1840 г. вышла замуж за полковника л.-гв. Гусарского полка Федора Александровича Андро; в конце 1844 г. вместе с мужем и маленькими дочерьми она покинула Петербург и переехала в Варшаву, где

¹⁹ Оленина А. А. Дневник. Воспоминания. С. 87–88.

Ил. 11. А.Н. Оленин. *Chateau de plaisance de madame d'Andrault / vu du pres*. Чернила, перо. 1840

ее муж получил место при кн. И. Ф. Паскевиче, наместнике Царства Польского. В 1847 г. Ф. А. Андро стал президентом Варшавы и оставался на этом посту до февраля 1862 г.

Скорее всего, вклеенная фотография – это одно из последних обращений к альбому. На вклеенном в него 43-м листе находится рисунок пером (ил. 11), изображающий почти скрытый пышными кронами деревьев дом с высокой черепичной кровлей. Он сопровождается подписью А. Н. Оленина: «Chateau de plaisance de madame d'Andrault / vu du pres» (Замок удовольствий мадам Андро, вид с близкого расстояния). Однако даже с близкого расстояния «замок» почти не виден, что позволяет предположить фантастический характер рисунка: Алексей Николаевич лишь воображает его. Появление имени «madame d'Andrault» указывает на время создания рисунка: не ранее 1840 г.

Итак, первоначальная атрибуция альбома как принадлежавшего Анне Алексеевне Олениной при внимательном его прочтении представляется несомненной. Нами дан здесь лишь краткий его обзор. Непритязательный, сугубо семейный альбом Аннет Олениной, не претендуя стать собранием уникальных автографов, хранит на своих страницах лишь память о самых близких людях и пережитых чувствах.

Литература

Агамалян Л. Г. Декабристы в доме Олениных // Приютинский сборник. СПб., 1999. Вып. 1. С. 52–70.

Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828–1829) / предисл. и ред. О. Н. Оом. Париж, 1936.

Записки графа Ф. П. Толстого, товарища президента императорской Академии художеств // Рус. старина. 1873. Т. 7. С. 25–732.

Записки князя Николая Сергеевича Голицына. 1825–1855 // Рус. старина. 1881. Кн. 1 (январь). С. 27–42.

Оленина А.А. Дневник. Воспоминания / сост., подгот. текста, коммент. Л.Г. Агамальян, В.М. Файбисович, Н.А. Казакова, М.В. Арсеньева. СПб. 1999.

Письма В.А. Олениной к П.И. Бартеневу // Летописи Гос. лит. музея. Кн. 3: Декабристы. М., 1938. С. 483–490.

Ренне Е. Коронационный проект герцога Девонширского // Наше наследие. 2000. № 55. С. 23–33.

Цявловская Т.Г. Дневник А.А. Олениной // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л., 1958. Т. 2. С. 247–292.

References

Agamalyan L. G. Dekabristy v dome Oleninyh // Priyutinskij sbornik. SPb., 1999. Vyp. 1. S. 52–70.

Dnevnik Anny Alekseevny Oleninoj (1828–1829) / predisl. i red. O. N. Oom. Parizh, 1936.

Zapiski grafa F. P. Tolstogo, tovarishha prezidenta imperatorskoj Akademii hudozhestv // Rus. starina. 1873. T. 7. S. 25–732.

Zapiski knyazy Nikolaya Sergeevicha Golicyna. 1825–1855 // Rus. starina. 1881. Kn. 1. (yanvar»). S. 27–42.

Pis'ma V. A. Oleninoj k P. I. Bartenevu // Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya. Kn. 3: Dekabristy. M., 1938. S. 483–490.

Cyavlovskaya T. G. Dnevnik A. A. Oleninoj // Pushkin: Issledovaniya i materialy / AN SSSR. IRLI (Pushkinskij Dom). M.; L., 1958. T. 2. S. 247–292.

Olenina A. A. Dnevnik. Vospominaniya / sost., podgot. teksta, comment. L. G. Agamalyan, V. M. Faybisovich, N. A. Kazakova, M. V. Arsen'eva. SPb., 1999.

Renne E. Koronacionnyj proekt gercoga Devonshirskogo // Nashe nasledie. 2000. № 55. S. 23–33.

Т. С. Комарова

Альбом Петра Александровича Валуева

Аннотация. В статье представлен обзор рисованного альбома русского государственного деятеля П.А. Валуева из собрания Красноярского краевого краеведческого музея. Альбом является подлинным раритетом, поскольку содержит значительный ряд портретов людей круга П.А. Валуева. Автором раскрыта малоизвестная или совсем неизвестная грань дарования одного из деятельных сановников Российской империи – талант рисовальщика.

Ключевые слова: П.А. Валуев; альбом; дневник; графические портреты.

T. S. Komarova

Album of P.A. Valuev

Abstract. The article provides an overview of the drawn album of the Russian statesman P.A. Valuev from the collection of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local History. The album is a genuine rarity, as it contains a significant number of portraits of people around P.A. Valuev. The author has revealed a little-known or completely unknown facet of the talent of P.A. Valuev – the talent of a drawer.

Keywords: P.A. Valuev; album; diary; graphic portraits.

Комарова Тамара Семеновна – старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск, Россия.

Komarova Tamara S. – senior researcher. Krasnoyarsk Regional Museum of Local History, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: toma.kts@yandex.ru

Ил. 1. И. Крамской. Портрет П. А. Валуева

В Красноярском краевом краеведческом музее хранится альбом Петра Александровича Валуева, приобретенный во второй половине XIX в. библиофилом, владельцем одной из самых больших библиотек России, красноярским купцом Геннадием Васильевичем Юдиным. Очевидно, что обладателя одного из крупнейших книжных собраний империи заинтересовало и содержание рисованного альбома, и его владелец и составитель (ил. 1, 2).

Валуев Петр Александрович (1815–1890), российский государственный деятель из рода Валуевых литовского происхождения, в 1880 г. ему был пожалован титул графа. Карьера П. А. Валуева началась при императоре Николае I, в царствование Александра II он стал одним из наиболее известных реформаторов Российской империи. Был хорошо образован, знал несколько иностранных языков, отличался от многих чиновников галантными манерами и необычайным щегольством. Отметим – и крайним честолюбием. С начала 1836 г. Петр Александрович был прикомандирован к М. М. Сперанскому, работавшему по кодификации законов, а в 1838 г. переведен на службу во II Отделение собственной е. и. в. канцелярии. В 1845 г. был назначен чиновником особых поручений при рижском генерал-губернаторе Е. А. Головине, а в 1853 г., в 38 лет, стал губернатором Курляндской губернии и находился в этой должности до 1858 г. Сменив несколько высоких государственных постов в ведущих министерствах, в 1861 г. стал министром внутренних дел. Вышел в отставку весной 1868 г. В 1872–1879 гг. Валуев занимал пост министра государственных имуществ. После отставки в течение нескольких лет служил на разных постах, а после 1881 г. к государственной деятельности более не привлекался.

П. А. Валуев – автор двух сотен статей по финансовым, политическим и другим темам. Действительный член Императорского Русского географического общества, Императорского вольного экономического общества, один из членов-учредителей общества любителей древней письменности. Петр Александрович был известным публицистом, по его инициативе издавались газеты «Правительственный вестник» и «Северная пчела». Выйдя в отставку, он много писал, автор стихов, повестей и нескольких романов («Лорин», «Княгиня Татьяна», «Черный бор» и др.), о которых читающая публика оставила противоречивые оценки. Наконец, составитель знаменитого «Дневника», который является неоценимым источником для исследователя, занимающегося историей России середины XIX в.

В сентябре 1855 г. Петр Александрович написал довольно радикальную записку «Дума русского во второй половине 1855 г.», ходившую в списках, где подверг критике существующий порядок государственного управления¹. Однако своей позитивной программы не предлагал, не упоминал и об основном российском зле – крепостном праве. Для Валюева, по воспоминаниям современников, были характерны умеренность, балансирование, хотя ему принадлежит фраза, современно звучащая и в наше время: «Россия – гладкое поле, где воля правительства не встречает преград»². Являясь министром внутренних дел, Валюев проводил в жизнь Манифест об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 г., но одновременно защищал узкосословные интересы дворянства. Он не примыкал ни к одной из правительственных группировок: ни к сторонникам буржуазных преобразований, ни к крепостникам. Но всегда оставался сторонником самодержавного правления: «Я был слугою и защитником самодержавных прав верховной власти<...>»³. В то же время П. А. Валюев являлся инициатором ряда буржуазных преобразований. За его умение лавировать журнал «Колокол» назвал его флюгером. Будучи сторонником жестокого подавления польского восстания 1863 г., П. А. Валюев стоял за расширение политических прав польской шляхты. В то же время он вел борьбу с прогрессивной печатью и притеснял земство, которое, на его взгляд, обнаруживало слишком большую самостоятельность. В 1862 г. Валюев добился передачи цензуры в свое ведомство. С другой стороны, военный министр Д. В. Милютин, которого недолюбливал император, убедил Валюева подать записку Александру II о замене рекрутства в армии сословной воинской повинностью. Таким образом, Петр Александрович одним из первых поставил вопрос на эту крайне важную и необходимую для России тему, что имело огромное значение для модернизации вооруженных сил империи⁴. По мнению П. Д. Стремоухова, известного государственного деятеля, редко к кому из представителей верховной власти относились так несправедливо и поверхностно, как к Петру Александровичу. Он «опередил свое время, и ему следовало бы появиться на политической сцене значительно и значительно позже»⁵.

Ил. 2. Г. В. Юдин

¹ П. А. Валюев (Биографический очерк) // Дневник П. А. Валюева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961. Т. 1. 1861–1864 гг. С. 19.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ *Стремоухов П. Д.* Из воспоминаний о графе П. А. Валюеве // Рус. старина. 1903. Т. 126. Кн. 11. Ноябрь. С. 293.

При всей своей огромной занятости П. А. Валуев находил время и для светской жизни. В конце 1830-х гг. он входил в так называемый кружок шестнадцати, группу аристократической фрондирующей молодежи (А. А. Столыпин-Манго, И. С. Гагарин, В. П. Шувалов и др.), где ценились независимые суждения. В кружке он познакомился с М. Ю. Лермонтовым, в июле 1839 г. поэт провожал Петра Александровича в заграничное путешествие. Знаком был Валуев и с А. С. Пушкиным, современники считали его прототипом П. А. Гринева – героя повести «Капитанская дочка».

В 1881 г. служебная карьера П. А. Валуева закончилась, новому императору Александру III он оказался не нужен. В последние годы вел замкнутый образ жизни, испытывал денежные затруднения.

Петр Александрович почти полвека вел дневники, часть которых пережила уже не одно переиздание. Среди дневников и воспоминаний государственных деятелей России XIX в. они занимают одно из первых мест, так как составлялись человеком, оставившим в истории России значительный след, и, прежде всего, одним из основных проводников крестьянской реформы 1861 г. Деятельность П. А. Валуева пришлась на самый выдающийся и динамичный период отечественной истории – реформы XIX в. К сожалению, его дневники сохранились фрагментарно. Издавать их начали в 1891 г. Еще при жизни автора рукопись дневника за 1847–1860 гг. была передана в журнал «Русская старина». Известно, что граф Валуев уничтожил значительную часть своего дневника: им были вырезано и сожжено не только начало (за 1845–1846 гг.), но и многие десятки листов из всей остальной части дневника. Самая полная часть дневниковых записей датируется 1861–1865 гг., когда П. А. Валуев состоял министром внутренних дел; сохранились частично записи за 1870–1871 гг.⁶

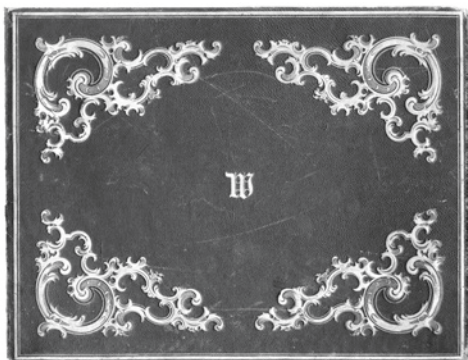
Записи 1840-х гг., если таковые имелись, могли бы дать сведения для атрибуции портретов в альбоме П. А. Валуева. Там могли сохраниться упоминания о людях, которые и ныне продолжают жить на листах уникального памятника альбомной культуры России.

Альбом с портретами современников П. А. Валуева, оказавшийся в Сибири, раскрывает, может быть, малоизвестную или неизвестную вовсе грань таланта одного из деятельных сановников Российской империи. Он является подлинным раритетом, поскольку содержит значительный ряд портретов людей круга П. А. Валуева, творческое наследие которого весьма обширно

Ил. 3. Карикатура на Валуева. 1862

⁶ П. А. Валуев (Биографический очерк). С. 11.

Ил. 4. Обложка альбома

Ил. 5. Герб Валуйевых»

Ил. 6. Лист из альбома П.А. Валуйева

Ил. 7. Лист из альбома П.А. Валуйева

Ил. 8. Рисунок из альбома П.А. Валуйева

– от статей в периодике и произведений беллетристики до профессионально выполненных портретов.

Альбом датируется началом 1840-х гг. Альбомный блок в коричневом переплете с золотым обрезаем, на крышке – золотом вытисненный геометрический орнамент по углам и золотая владельческая монограмма W в центре. На форзаце из муаровой бумаги, по верхнему краю, надпись по-французски: Varsoviele 12/24 janvier 1844. Ближе к правому краю – Walouieff (Варшава. 12/24 января 1844. Валуев). Вероятно, Валуев приобрел альбом в это время с намерением делать зарисовки в Польше, где проживал какое-то время с женой Марией Петровной (урожд. Вяземской), дочерью поэта П. А. Вяземского, а также бывал и коротко жил в последующие годы⁷. Известно, что современники упрекали владельца альбома в космополитизме, зная его слабость к немцам и полякам. Не исключено, что альбом мог быть ему подарен.

Первая страница занята изображением герба Валуевых – три стрелы и бык с загородью, ниже лента с надписью: *Nunquam retrorsum* (лат.) – «Никогда вспять» и золотая владельческая монограмма W в центре (ил. 4). А далее идут 43 небольших портрета, выполненных итальянским карандашом в графической технике, с указанием даты, когда был выполнен рисунок, и авторской пометой – W справа от изображений. Альбомный портретный ряд многообразен: гражданские лица (преимущественно), военные, несколько дам, простолюдины (редко), представители всех возрастов и положений. Большая часть рисунков датируются 1842 г., один с шаржем – 1843-м, остальные – 1844 г. Т. е. часть рисунков, датированных 1842 г., хранились у автора, а затем были помещены в приобретенный альбом. Портреты выполнялись на листах тонкой бумаги, которые вырезались в форме прямоугольника или многоугольника и наклеивались на основной альбомный лист форматом 25,3 × 33 см, от двух до трех персонажей вместе, не всегда аккуратно, нередко с наложением. Все портреты – профильные, редко трехчетвертные, оплечные или погрудные. Вероятно, в таком ракурсе они лучше удавались автору. Моделировка выполнена линией, мелким штрихом по форме. Лица обрисованы карандашным контуром с легкой или плотной штриховкой. Рисуюя профили уверенной карандашной линией, художник сумел запечатлеть точную физиогномику портретируемых и подчеркнуть индивидуальность каждого: осанку, посадку головы, резкость или мягкость черт лица, рисунок губ, надменность, мягкость выражения, возраст модели; удался в нескольких портретах опущенный или устремленный вверх взгляд. Детально прорисованы характерные детали костюма каждого персонажа. Можно говорить о профессиональном владении автором портретов карандашом. Несомненно, что на портретах запечатлены реально существовавшие люди, служившие моделями художнику. Однако поясняющих надписей под изображениями – единицы. Под несколькими портретами есть надписи с определенными намеками: «X-й том свод (а) зак (онов)», «Идеал германофоба» и другие, которые известны были только Валуеву. Владелец альбома делал зарисовки, вероятно всего, для себя, чтобы сохранить память о людях, которые ему были

⁷ Любичанковский С. «Государственный младенец»: Сослуживец о Петре Валуеве // Родина. 2011. № 6. С. 101.

Ил. 9. Лист из альбома П.А. Валуева

Ил. 10-11. Рисунки из альбома П.А. Валуева

Ил. 12. Рисунки из альбома П.А. Валуева. В центре – Николай Иванов

интересны или связаны с его жизнью. Это скорее камерный, личный альбом. Не исключено, что часть рисунков была выполнена в Польше, о чем свидетельствуют портреты двух польских пани в национальной одежде. Подписаны П. А. Валуевым несколько портретов на последних листах альбома: Акулина Ивановна (женщина в платочке), ключник Родион Бодунов, Федот Трофимов (primobasso – первый бас), Игнатий Иванов (maestro de capella – маэстро капеллы), Николай Иванов (tenore – тенор), Василий Григорьев (basso – бас). Надписи в скобках на итальянском языке (*ил. 6–12*).

Среди перечисленных находится портрет выдающегося русского певца, одного из самых знаменитых мастеров бельканто XIX в. Николая Кузьмича Иванова (наст. фамилия Карбаченский, 1810–1880) (*ил. 12*). Мальчиком он был принят в Императорскую певческую капеллу в Петербурге. В 1830 г. отправился за казенный счет в Италию, где совершенствовал свое мастерство в Милане и Неаполе. Возвращаться в Россию не захотел; пел в ведущих итальянских операх, блистал в 1833 г. в Париже. В первой половине 1840-х гг. прошли его триумфальные гастроли по Европе. Д. Верди писал для него арии, а Г. Доницетти – оперу «Любовный напиток». Николай I настаивал на возвращении Иванова, а после отказа запретил упоминать его имя в русской печати. По мнению исследователей музыки, феномен русского певца Н. Иванова не знает аналогов в истории, исключая Ф. Шаляпина. Возможно, что и на некоторых других рисованных портретах – певцы придворной капеллы в Санкт-Петербурге.

Несколько последних листов в альбоме и листов-вкладышей заполнены пейзажными зарисовками: преобладают виды гор, лесные дали, среди которых видны архитектурные сооружения, изгороди, церкви, арка, чаще всего европейского типа. Работы выполнены карандашом, акварелью, гуашью. Это монохромные работы в весьма сдержанной цветовой гамме. Рисунки в цвете больше напоминают любительские.

Завершая обзор рисунков альбома П. А. Валуева, следует вновь обратиться к его деятельности, оценки которой при его жизни не всегда были беспристрастными. Кратко и точно оценил его деятельность граф Д. Н. Толстой, бывший министр государственных имуществ: «Взяв на себя колоссальную массу труда, он стоял одиноко, и в этой его изолированности – одна из причин неустойчивого его положения и всяких его колебаний»⁸. Однако полной правдивой оценки Валуева, одного из российских реформаторов, еще не появилось. «Начертание характеристики П. А. Валуева – дело будущего историка», – писал П. Д. Стремоухов⁹. Она остается делом будущего, как и изучение его творческого наследия, заключенного на страницах альбома.

Литература

Любичанковский С. «Государственный младенец»: Сослуживец о Петре Валуеве // Родина. 2011. № 6. С. 100–103.

П. А. Валуев (Биографический очерк) // Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. / ред., введ., биогр. очерк и коммент. проф. П. А. Зайончковского. М., 1961. Т. 1. 1861–1864 гг. С. 17–54.

Стремоухов П. Д. Из воспоминаний о графе П. А. Валуеве // Рус. старина. 1903. Т. 126. Кн. 11. Ноябрь. С. 273–293.

⁸ Стремоухов П. Д. Из воспоминаний о графе П. А. Валуеве. С. 292.

⁹ Там же.

References

Lyubichankovskij S. «Gosudarstvennyj mladenc»: Sosluzhivec o Petre Valueve // Rodina. 2011. № 6. S. 101–103.

P.A. Valuev. Biograficheskij ocherk // Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennih del : v 2 t. / red., vved., biogr. ocherk i comment. prof. P.A. Zajonchkovskogo. M., 1961. T. 1. 1861–1864 gg. S. 17–54.

Stremouhov P.D. Iz vospominanij o grafe P.A. Valueve // Rus. starina. 1903. T. 126. Kn. 11. Noyabr'. S. 273–293.

О.В. Молчанова

Альбомная культура и культура оформления альбомов

Аннотация. Альбомы как подборка избранных материалов и как предметы, которые обеспечивают их хранение и демонстрацию, не только обрели заметную популярность в русском обществе во второй половине XVIII – середине XIX в., но и сформировали особый культурный феномен. Создание и ведение альбомов стали одной из форм самовыражения членов дворянского общества и особой формой коммуникаций в его избранной части. Содержание альбомов наглядно отражало интеллектуальные и художественные запросы и возможности владельцев, которые формировали круг авторов, выступали в роли адресатов, соавторов и редакторов своих рукописных альманахов. Ведение и оформление альбомов изменялись в соответствии с переменами господствующих стилевых направлений. Наиболее заметными чертами альбомной культуры оказались ассоциативность, мозаичность и условность. Альбомы оказали влияние на разные сферы культуры дворянского сословия, а также и разночинцев, ориентировавшихся на него в своем образе жизни. Со временем альбомы стали неотъемлемым элементом дворцовых, усадебных и более скромных интерьеров, их содержание формализовалось, и коммуникативная специфика сузилась.

Ключевые слова: альбом; альбомная культура; дворянское общество; рукописный альманах; культурное наследие; символика; ассоциативность; бытовая культура.

O.V. Molchanova

Album culture and the culture of album design

Abstract. Albums as a selection of selected materials, and as objects that ensure their storage and display, not only gained noticeable popularity in Russian society in the second half of the 18th century – the middle of the 19th century, but also formed a special cultural phenomenon. The creation and maintenance of albums has become one of the forms of self-expression of noblemen, and a special form of communication in its elite part. The content of the albums clearly reflected the intellectual and artistic needs and capabilities of the owners, who not only formed a circle of authors, but also acted as addressees, co-authors and editors of their manuscript almanacs. The management and design of albums has changed over the course of almost a hundred years in accordance with changes in the dominant style directions, interpreted in accordance with the social, gender and age preferences of the owners. The most noticeable features of album culture were associativity, variegation and conventionality. The albums as a whole and also their components acquired symbolic meaning in the eyes of contemporaries. But as household items directly associated with the personality of the owner, the albums influenced various spheres of the culture of the nobility, as well as the commoners looking up to them in their way of living. Over time, the albums became an integral part of palace, manor and more modest interiors, their content was formalized and the communicative specifics narrowed.

Молчанова Ольга Васильевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом дерева и мебели Исторического музея (Москва), Россия, Москва.

Molchanova Olga V. – PhD (History), State Historical Museum (Moscow), Russia, Moscow.
E-mail: owmo@mail.ru

Keywords: album; album culture; noble society; manuscript almanac; cultural heritage; symbolism; associativity; everyday culture.

Альбом – в большинстве случаев так называют скрепленные листы бумаги горизонтальной ориентации в переплете. Название происходит от *album* (*лат.*) – «белый». Тому способствовал не только цвет бумаги, преобладающий в качественном бумажном производстве, но и то, что «белый лист» семантически обозначает потенциальную возможность и даже необходимость его заполнения. «Белый» тут по смыслу совпадает с «чистый, незаполненный». Альбом – листы для заполнения.

Со времен античности формы и функции альбомов изменялись, но и с возникновением книгопечатания этим словом определялись главным образом различные рукописные подборки, чаще всего – списки значимых людей. Можно считать, что записи в нем как повод для воспоминаний – базовое свойство любого рукописного альбома.

В XVIII в. альбомы оказались востребованы в частной сфере, где в следующем столетии получили уже преимущественное распространение. Сложилась специфическая форма их составления: один или несколько авторов последовательно вносили на страницы альбома избранные тексты и изображения. Тогда-то и появились альбомы-альманахи. Не все они известны под названием «альбом», многие унаследовали специфические наименования, восходящие к национальным средневековым традициям. К примеру, *Stammbuch* (*нем.*) в переводе означает «племенная книга» (в русском языке более соответствующая названию «родословная роспись»). Немного иначе отразилось явление в английском языке: *keepsake* можно перевести как «подарок на память». А во французском существовало название для рукописных сборников *rot-rougi* (*рагу*, как смесь – попури). Но во всех трех языках, как и во многих других, имелось к XIX в. и слово «альбом», обозначающее любую из его разновидностей (как в русском) или же лишь некоторые, с определенной функцией (напр., тетрадь для коллекции автографов или музыкальный носитель – в Англии). Но авторы соответствующей статьи в наиболее полной русскоязычной энциклопедии XIX в. Словаре Брокгауза и Ефрона, издававшейся в самом конце столетия, относят возникновение общеевропейского увлечения альбомами-альманахами лишь ко второй половине 10-х – 30-м гг. XIX в.: «Во Франции со времени Реставрации вошло в обычай составлять сборники стихотворений знаменитых поэтов. И в особенности рисунков известных художников, которым давали форму книги и название альбома. Эта мода вскоре нашла подражателей в Англии и Германии»¹.

К числу стран, где альбомы получили широкое распространение, относятся, несомненно, и Россия. В обиходе русской жизни они обнаруживаются с середины XVIII в.² К тому времени закрепилось в языке и слово «альбом»,

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890. Т. 1 А. Алтай – Арагвай. С. 508–509.

² Исторический словарь галлицизмов русского языка / сост. Н.И. Епишкин. М., 2010. С. 299–301.

которое до XVIII в. в русском языке не встречалось (его нет в лексиконе, представленном в наиболее авторитетном энциклопедическом научном словаре³). К 1814–1830 гг. (периоду Реставрации во Франции) альбомы уже значительное время существуют в России как рукописные альманахи, в которых наряду с образцами творчества профессиональных литераторов и художников, впрочем, присутствуют и вложения иного происхождения⁴.

Альбомы, под каким бы названием они ни были известны (что продолжало отражать нюансы их составления и ведения), обретали новые форматы и осваивали новые функции.

Наряду с рукописными альбомами появились печатные. Даже само слово «альбом» уже с конца 1820-х гг. обнаруживается в названиях ряда литературных альманахов: «Альбом северных муз» (СПб., 1828), «Альбом избранных стихотворений» (СПб., 1841). И это вовсе не означает, что сборник составлен из опытов исключительно альбомной лирики, название обозначало принцип композиции книги и ее тематику. Иногда подобные альбомы заявляли о своей специфической аудитории, определяемой по гендерному, возрастному или образовательному (что неизбежно должно отражаться на культурных предпочтениях) признакам: «Детский альбом, содержащий в себе нравоучительные повести» (М., 1828), «Детский альбом» (СПб., 1839) и «Дамский альбом» (СПб., 1844, 1852), а также «Памятник дружбы, для любителей альбомов, собранный из образцовых русских, немецких, французских и английских соч., в стихах и прозе» (СПб., 1838). В последнем издании, вероятно, адресат находится в среде любителей именно рукописных альбомов. Изданный А. Писаревым и А. Верстовским «Драматический альбом для любителей театра и музыки» (М., 1826) стал тиражированным подспорьем по репертуару, в помощь бесчисленным рукописным версиям образцов для творчества. Приведенные примеры⁵ свидетельствуют, что в России со второй трети XIX в. альбомы как форма концентрации творческих опытов начинают утрачивать свою эксклюзивность; наряду с индивидуальными (неизбежно рукописными) подборками бытуют и имеющие локального адресата печатные сборники, композиционно и тематически соответствующие первым. Эти две разновидности альбомов сохраняли популярность и в середине столетия.

Но под этим же названием тогда же вошли в обиход и другие предметы. Альбомами стали называть картонажные заготовки для дальнейшего заполнения какими угодно или же, наоборот, вполне четко обозначенными бумажными художественными или документальными объектами, как нанесенными непосредственно на листы (для чего предуготовлялись перфорации или прорези), так и наклеенными на них или переплетенными вперемешку: фотоальбомы, альбомы для открыток, филателистические и т. п. Альбомные листы при этом играли вспомогательную роль паспарту или кассет. В этом случае альбомы служили и оборудованием для хранения коллекций различных бумажных материалов, и специфическим форматом хранения таких

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1 (А – Б).

⁴ Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 3–56.

⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 1 А. С. 538.

коллекций. Использовано было тут и то значение слова, которое подразумевало переплетенные чистые листы, подлежащие заполнению.

Изготавливались промышленностью альбомы как материал для художественного творчества, когда требовалась плотная качественная бумага. Они обычно имели горизонтальную ориентацию. А главное – предлагали пространство своих листов для заполнения. И оно могло не только подойти для творческих опытов художника в качестве его рабочей тетради, но и послужить удобным подспорьем при составлении рукописных альманахов или стать основой для коллекции тиражированных изображений.

По особому заказу к конкретному случаю изготавливались подносные и памятные альбомы, над оформлением которых трудились художники и мастера разных специальностей: каллиграфы, ювелиры, граверы, резчики по дереву, кожевники и картонажники, даже вышивальщики и золотошвей. Среди подобных альбомов наряду с высокопрофессионально исполненными и довольно дорогостоящими экземплярами появлялись и самодельные, впрочем тоже иногда исполненные на высоком художественном уровне. Главными признаками таких альбомов были их мемориальный характер, репрезентативность и презентабельность. Каждый отдельный листок в таком альбоме становился самоценным объектом внимания, но в совокупности они обретали дополнительную ценность как имеющая, помимо художественного, и программный интерес коллекция. Изначальная пустота этих страниц уже не принималась во внимание владельцем, он получал вполне законченный комплекс текстов и изображений, к составлению которого сам имел лишь формальное отношение. Традиция не исчезла и в XX в., породив огромное количество разновидностей, определяемых уже не только по традиционным гендерному и возрастному, но и по более обширному списку признаков социального характера. К XXI в. она проявилась и в цифровом формате (блоги в современных социальных сетях также несут явные признаки, ранее присущие рукописным альбомам).

Легко заметить, что в большинстве случаев с середины XIX в. создание альбомов означало завершение некоего периода – путешествия, обучения, службы и пр. В более ранний период они были скорее сопровождением персоны на том или ином отрезке жизни. И если прежде памятные альбомы следовали за событием или же формировались параллельно с ним, то позже составление альбома даже стало одним из подготовительных этапов.

К концу XIX в. альбомы как особая высококачественная полиграфическая продукция стали издаваться значительными тиражами. Альбом в этом случае представлял полностью заполненным и адресованным всем потенциальным читателям, которые, лишь приобретя его, оказывались в составе локальной группы с определенными интересами, вкусами, подготовкой.

Среди книг-альбомов преобладают крупноформатные издания, содержащие подборку репродукций, снабженных небольшими по объему текстовыми пояснениями и предваряемых приветственным или информационным текстом. Тематически многие из них демонстрируют мемориальные функции, оставаясь свидетельством события (выставки), этапа собирательства (музейных или частных коллекций) или определенного периода в творче-

ской биографии художника. Но нередко художественные альбомы заменяли собой реальное экспонирование объектов искусства, собрав под одной обложкой то, что в реальном пространстве соединить невозможно (включая навсегда утраченное).

В XIX в. словом «альбом» стали называть еще и небольшие по объему подборки музыкальных миниатюр. Название закрепилось и за соответствующей полиграфической продукцией, содержащей нотацию, и собственно за формой музыкального произведения. Определение ассоциировалось с альбомом как формой создания довольно свободной композиции, имеющей единую тематику и адресата. К примеру, «Альбом для юношества» (1848) Р. Шумана: собрание коротких пьес было опубликовано под названием «Рождественский альбом для детей». В нем музыкальные миниатюры чередовались с гравюрами и литературными цитатами, что композиционно соответствовало большинству рукописных альбомов. С появлением звукозаписи музыкальные альбомы (с записью музыки того или иного композитора или определенных исполнителей, реже – музыкальных форм) породили особое оформление носителей – пластинок, пленок, электронных дисков. В этом случае как музыка, так и материальные носители ее записи (включая их художественное оформление) равно обозначаются одним словом. Иногда альбомами называют и техническую подборку дисков, на которых зафиксированы последовательно все сохранившиеся записи (в этом случае наружное оформление может и отсутствовать).

Цифровые технологии продолжают пользоваться привычным термином, даже если речь идет исключительно о виртуальном пространстве. Любопытно, что электронные подборки визуальных объектов под названием «альбом» не встречаются, насколько можно судить по доступным данным (если только речь не идет об оцифрованном объекте, созданном ранее уже в альбомной форме). Не остался незамеченным в компьютерном мире специфический горизонтальный формат ориентации листов в альбомах, закрепившийся в названии «альбомного формата»: альбомная ориентация – одна из форм разметки страницы в Word'e.

Представленный краткий обзор позволяет обозначить специфику альбома как коллекции особого формата, задействованной в коммуникативных связях владельца (адресата, составителя) и имеющей для него мемориальную ценность. На разных этапах существования альбомов проявлялись и иные их особенности, но эти три свойства обнаруживались всегда, что позволяет говорить об альбомной культуре как особом культурно-историческом феномене.

Альбомная культура в самом общем смысле представляет совокупность всех форм и видов альбомов в культурно-историческом контексте. Но можно ли говорить обо всем этом уже почти трехвековом периоде (и, похоже, имеющем еще немалый потенциал) как об эпохе альбомной культуры? Едва ли, поскольку «эпоха культуры» – это период, когда титульный предмет и современниками, и позднейшими поколениями признается символом этой эпохи, ассоциируется с ней если не исключительно, то преимущественно.

Вряд ли рукописный альбом-песенник школьницы 1910-х или 1970-х гг. и памятный альбом выпускника детского сада 1990-х могут претендовать на по-

добный масштаб, хотя, конечно, они несут в себе и основные, и множество иных признаков альбомной культуры.

Эпоха альбомной культуры в отечественной истории имеет довольно четкие хронологические границы, когда практика составления и ведения альбомов отразила важные принципы культуры своего времени. В этот период альбомы были не только распространенными в обиходе значительной части общества предметами, но и объектами, играющими оригинальную роль в общественных коммуникациях. Эти объекты должны были, если не каждый в отдельности, то в своей совокупности, представлять собой корпус включений, имеющих значение, превосходящее случайную подборку по прихоти отдельной персоны. И, занимая особое место в обиходе современников, воздействовать на искусство, культуру, быт, промышленность и другие явления своего времени. Такой период пришелся на вторую половину XVIII – середину XIX в.

Иные же исторические эпохи, также составившие свои обширные альбомные библиотеки, могут претендовать на включение в эпоху альбомной культуры лишь в самом отвлеченном и широком смысле. Эта группа памятников удостоилась ряда специальных исследований, им посвящены диссертации М. В. Калашниковой⁶ и А. В. Чекановой⁷. Определение, вынесенное в заглавие второй работы, распространилось, похоже (конечно, не по вине автора), на всю группу рукописных альбомов-альманахов. Следствием стала девальвация понятия «рукописный альбом», которое свелось к ограниченным гендерно-возрастным рамкам.

Конечно, истоки такого подхода можно увидеть еще в пушкинском определении «уездной барышни альбом» (*Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Гл. 4. XXVIII. 1824–1826). Но, как известно, у поэта тут внимание привлечено лишь к одной группе современных ему альбомов, отразивших тенденцию, которая проявилась в замене уникальных текстов повторами, что неизбежно обнаруживается в провинции, оторванной от прямых контактов с культурными центрами, или у несформировавшихся личностей. «Приговор» альбомам в «Евгении Онегине» вовсе не был тотальным, многие их образцы далеки от эпигонских, к тому же в той же главе поэт не менее критичен и нарочито сердит по отношению и к альбомам светских дам, заполняемым лучшими поэтами и художниками: «Но вы, разрозненные томы / Из библиотеки чертей, / Великолепные альбомы, / Мученье модных рифмачей, / Вы, украшенные проворно / Толстого кистью чудотворной / Иль Баратынского пером, / Пускай сожжет вас божий гром!» (*Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Гл. 4. XXX. 1824–1826). Значительное число альбомов в русском обществе ни формально, ни по уровню заполнения никак не подпадают под уничижительное опи-

⁶ Калашникова М. В. Современный альбом: Типология, поэтика, функции. Специальность 10.01.08 – Теория литературы, текстология. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. На правах рукописи. https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002800510.pdf (обращение 14 окт. 2020).

⁷ Чеканова А. В. Рукописный девичий альбом (традиция, стилистика, жанровый состав). Специальность 10.01.09. – Фольклористика. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. На правах рукописи. <http://www.dslib.net/folklor/rukopisnyj-devichij-albom-tradicija-stilistika-zhanrovij-sostav.html> (обращение 14 окт. 2020).

сание альбома, «что все подружки измарали». Они совсем не подпадают и под ограниченные характеристики «девичьих рукописных альбомов».

Альбомы второй половины XVIII – середины XIX в. имеют свою специфику, благодаря чему их содержание и обстоятельства составления уже около двухсот лет не покидают сферу научных интересов специалистов самых разных гуманитарных дисциплин, для которых альбомы служат историческими, художественными и литературными источниками⁸. Предпринимаются весьма успешные опыты обзоров и типологизации их в этом качестве. Регулярно публикуются отдельные альбомы, вызвавшие особый интерес специалистов⁹. Коллекции альбомов этого периода представлены во многих музейных и архивных собраниях. Им посвящены специальные выставки. А упоминания их у современников и вовсе нет числа.

Важную роль в понимании феномена альбомной культуры играет то обстоятельство, что она охватывает жизнь нескольких поколений, представители которых за это время претерпевали неизбежные изменения как в развитии личности, так и в смене биографических обстоятельств. Некоторые альбомы велись на протяжении многих лет одним лицом, другие начинал вести один человек, продолжал уже другой, а то и третий, четвертый. К примеру, альбом П. В. Киреевского, создававшийся в 1820–1826 гг., был исписан одним почерком и весьма насыщен по содержанию. Альбом же графа Н. Толстого заполнялся разными лицами с 1825 по 1884 г.¹⁰ Таким образом, в первом случае альбом становился рукописной книгой одного автора (коллекционера адресованных ему и подобранных им самим записей и изображений), а во втором представлял собой коллекцию, собиравшуюся последовательно несколькими персонами. Немало сохранившихся альбомов показывают, что владелец прервал их ведение, оставив еще много незаполненных листов. Какие-то альбомы велись со значительными перерывами. Случалось, что листы из одного альбома перемещались владельцем в другой¹¹. Многоуровневость альбомной культуры, включающей и сложный ее

⁸ *Авилова О.* Пушкинская эпоха домашнего альбома // Декоративное искусство СССР. 1985. № 6. С. 39–43; «Альбом есть памятник души...»: альбом семьи генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта. Иркутск, 2017; Альбомные коллекции как исторический источник (по материалам ГЦТМ им. А. А. Бахрушина). https://studwood.ru/1462991/istoriya/albomnye_kollektsii_kak_istoricheskiy_istochnik_po_materialam_gtstm_im_aa_bahrushina (обращение 10 февр. 2021); *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома ... С. 3–56; *Дризен Н. В.* Тетушкин альбом // Столица и усадьба. Журнал красивой жизни. Пг., 1916. № 68. С. 10–12; *Корнилова А.* Мир альбомного рисунка. Л., 1990; *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века. СПб., 1994; *Михайлова Н. И.* «Евгений Онегин» и альбомная культура первой трети XIX в. // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1996. Т. 55. № 6. С. 15–22; *Модзалевский Б.* Из альбомной старины. Пг., 1916; *Сак О.* Рукописные альбомы XIX – начала XX в. <https://museum.lib.kherson.ua/rus-albomi.htm> (обращение 26 нояб. 2020).

⁹ «Альбом есть памятник души...»: альбом семьи генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта.

¹⁰ *Михайлова Н. И.* «Альбом есть памятник души...» // Наше наследие. 2007. № 83/84. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8306.php> (обращение 4 нояб. 2020).

¹¹ *Добрынина Е. А., Комарова Т. С.* «Еще у меня хранится альбом бабушки...» // «Альбом есть памятник души...»: альбом семьи генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта. Иркутск, 2017. С. 11.

ритм, и неоднородную авторскую страту, особенно наглядно демонстрируют альбомы второй половины XVIII – середины XIX в. В эту эпоху альбомная культура откровенно манипулировала памятью, сохраняя факты исключительно в привлекательной для владельца подборке и трактовке. В угоду этому искажались первоисточники (или же сохранялись с подчеркнутой достоверностью) и даже допускались оттенки чувств и оценок, на первый взгляд отнюдь не лестные.

Начиналась работа по составлению альбома с чистого листа, как в прямом, так и в переносном смысле. Особенность рукописных альбомов – их ведение, как спроектированный владельцем и контролируемый им же самоценный творческий процесс. Альбом не только оказывался материальным воплощением этапов этого процесса (что близко к ведению дневника или другой хроники), но и был символом и обещанием формируемого художественного пространства.

Уже во второй четверти XIX в. наблюдается специализация рукописных альбомов. Некоторые становились рукописными альманахами авторских текстов и изображений, другие – собранием вежливых банальностей и неумных панегириков, свободных пересказов и перерисовываемых с разной степенью мастерства изобразительных композиций. Первые вызвали к жизни определенный формат книжной индустрии, что вывело альбомы за рамки обмена информацией между лично знакомыми персонами. Другие сосредоточили в себе разнообразные линии межличностных коммуникаций, из которых, конечно, не были исключены профессиональные литераторы и художники. Первые неизбежно стали допускать даже заказные и оплаченные включения, что понижало приватность характера составляемого альбома, демонстрируя лишь выверенные характеристики интеллектуальных и художественных запросов владельца (и его финансовые и организационные возможности). Так, В. Я. Руперт с супругой, составляя альбом по своим интересам, на протяжении нескольких лет заказывали определенные рисунки художникам – ссыльным декабристам братьям Борисовым за существенную плату¹². Другие же столь же нарочито ограничивали любые записи и рисунки сферой личных дружественных отношений. Поскольку ведение альбомов было живым и продолжительным процессом, границы между двумя их формами не оставались непроницаемыми. Типологизация рукописных альбомов второй половины XVIII – середины XIX в., периода динамичного развития альбомной культуры, вероятно, не может не быть довольно условной. Этот период может быть назван «веком альбомной культуры».

За этим же периодом в отечественной культуре закрепились и другие устойчивые определения: века дворянской культуры, века русской усадьбы, а период наивысшего расцвета всех этих явлений – Золотого века русской культуры. Столь яркие характерные наименования опираются на вполне конкретные культурные феномены. К ним может быть отнесен и «век альбомной культуры». В этот период произошло ее становление, сформировались особенности и наметились тенденции дальнейшего развития.

¹² Там же. С. 7.

Термин «альбомная культура» в подобном контексте означает определенный срез культурной жизни русского образованного общества (преимущественно первой половины XIX в.). Эпоха альбомной культуры не была периодом ни самого обильного, ни самого разнообразного существования альбомов. Но именно в эту эпоху альбомы сконцентрировали в себе важнейшие тенденции культурной, художественной, политической, бытовой, педагогической и других форм русской общественной жизни. Неудивительно, что в начале XX в. опять проявился интерес именно к альбому как форме композиции творческих опытов. Яркий пример – настойчивость, с которой М. И. Цветаева в 1910 г. свою первую книгу издавала под названием «Вечерний альбом». А в 1916 г. вышли и отдельные публикации – обзоры старинных альбомов¹³.

Альбом настолько ассоциировался с той исторической эпохой, что связь воспринималась как сама собой разумеющаяся, не требующая оговорок. Альбомная культура отразила приватную сферу самых разных форм общественной жизни и локализовалась преимущественно в одном сословии – дворянском. Многие его члены обладали досугом и стремились участвовать в той или иной степени в светской жизни.

Как известно, образ жизни дворянства принципиально ориентировался на жизнь Двора, а с последней четверти XVIII в. (когда императорская семья стала декларировать свою жизнь как жизнь приватную) – по возможности и буквально. Представители других сословий, в свою очередь, ориентировались на образ жизни дворянства, что способствовало проникновению популярных форм дворянской культуры и в разночинную среду. По сути, в этой сфере стандартом была не столько формальная принадлежность к сословию, сколько вовлеченность в культурную среду и стремление ей соответствовать. Интерес к искусству перестал быть просто личным качеством, он стал неотъемлемым признаком воспитанного человека. Очень важно отметить именно проявление интереса как обязательную черту личности, а вовсе не глубокое понимание того или другого вида искусства. Нагляднее всего эта особенность демонстрировалась в эстетизации быта и правилах общественного этикета. Кто не мог буквально соответствовать декларируемым обществом культурным стандартам, всячески стремился это соответствие имитировать. Увлечение альбомами предоставило тому богатые возможности.

Непреодолимых преград между сословиями не было. Этому способствовало и единое религиозное пространство. Но альбомы практически полностью оставались в рамках светской культуры. Того требовали строгие правила контроля над формами религиозного усердия, исключающие самовольство в этой области. Исключение – сборники религиозной народной поэзии. Они стали скорее особой формой поэтического жанра. В старообрядческой среде продолжались традиции средневековых лицевых рукописей. Даже формальное причисление этих сборников к альбомной культуре было бы огромной натяжкой.

Процесс продолжался несколько десятилетий и носил преимущественно интенсивный характер. Но уже к концу первой четверти XIX в., достигнув

¹³ Дризен Н. В. Тетушкин альбом. С. 10–12; Модзалевский Б. Из альбомной старины.

расцвета, альбомная культура вышла за первоначальные, довольно узкие социальные и культурные рамки и перешла в стадию развития «по горизонтали», охватывая новые социальные группы и дробясь на разные спецификации. Во второй половине столетия ее дворянский характер оказался утраченным, как это случилось и со многими дворянскими усадьбами, поменявшими хозяев в пореформенной России.

Альбомы успешно отразили потребность в выражении и объяснении эмоционального и чувственного мира, почти сразу выработав общественно приемлемые для этого формы и приемы. Арсенал же этого аппарата был востребован во всем обширном культурном наследии и достижениях современников. При этом важным условием стали индивидуализация и актуализация этого наследия, допускавшие нарочитые искажения первоисточников.

Становлению альбомной культуры способствовали традиции, возникшие еще в Средние века. И у предшественников альбомов можно обнаружить некоторые из черт, впоследствии ставших для альбомной культуры определяющими. Но ни один из предшественников не может представить совокупность всех трех основных черт, и ни один из них не охватил значительные социальные группы, являясь скорее проявлением культурного потенциала отдельных личностей.

Формат рукописных сборников известен давно, в отечественной культуре существовали средневековые «изборники», «вертограды» и другие антологии преимущественно энциклопедического характера, с текстами религиозного, нравоучительного, юридического и практического содержания, нередко – переводными. Они, несомненно, также являлись формой коллекций текстов и в какой-то мере характеризовали составителей, да и культуру эпохи и среды отражали достаточно объективно. Заменяя зачастую для владельца целую библиотеку, подобные сборники не имели личностного мемориального характера (за исключением синодиков, но эти сборники имели очень узкую спецификацию) и в коммуникациях практически не задействовались. Оформлению же их автором-составителем, переписчиком и даже изографом уделялось значительное внимание. Составлялись подобные альманахи и позднее. К ним восходят подборки XVIII в., содержащие, помимо традиционных для подобного формата текстов, и профессиональные пособия. Традиция составления «подшивок» выписок, интересующих владельца, к которым он и его наследники обращались на досуге или при необходимости, в образованной, да и просто грамотной среде была вполне устойчивой.

Собирание коллекций редкостей вошло в обиход образованных слоев общества еще в эпоху Ренессанса, а Просвещение усилило интерес к научной их составляющей, в том числе и к систематизации. В этом отношении альбомы стали преемниками традиционных форматов собирательства: в шкапулах, бумажниках и даже в особой мебельной форме – кабинетах, привнеся в эту сферу новые возможности. Из-за своей конструкции, впрочем, альбомы ограничивали хранимые коллекции лишь плоскими предметами, вписывающимися по размеру в формат их страниц. Зато возможность демонстрировать свои сокровища предоставлялась альбомной формой хранения наилучшим образом, не менее удобной, чем та, что предоставляли кабинеты (шкафы со

множеством выдвижных ящиков и открывающихся дверок, часть которых оформлялась как потайные). Можно было регулировать доступность к той или иной части альбомной коллекции. Удачное сочетание в формате альбома функций собирательства (и фиксации собранного в хронологическом порядке поступления) с репрезентативными позволило альбомам войти в обиход очень широкого круга людей с разными интересами и возможностями.

Альбомы как предметы определенной формы, конструкции и функций сформировались в XVIII в. Именно такие альбомы преобладали в русской культуре до второй половины XIX в. Это были рукописные альманахи, страницы которых заполнялись записями, выписками, зарисовками, миниатюрами, а также включениями гербарного, полиграфического и иных происхождений. Они относились исключительно к приватным предметам грамотного человека и отражали те его интересы, которые при случае можно и нужно было продемонстрировать в избранном кругу. Не только возможность, но и несомненное удобство демонстрации альбома кому-то другому, дополняемые их мобильностью, изначально выделяли альбомы из числа известных прежде форм коллекционирования.

На ту же эпоху пришелся и мощный взлет материальной бытовой культуры; никогда прежде не появлялось столько новых по форме и просто новых предметов, заполнявших интерьеры дворянских усадеб. И эти вновь создаваемые модные или просто практичные предметы уже не переделывались вскоре для новых нужд, а оставались непотревоженными на своих местах при жизни нескольких поколений или же убирались с глаз долой, сберегаемые до срока. Дворянские усадьбы становились своеобразными «коллекциями», помещения которых обрастали со временем старыми и старинными предметами, наследственными художественными коллекциями и библиотеками. Альбомы как материальные носители различных нарративных и изобразительных коллекций органично влились в культурный ландшафт дворянского быта. При смене поколений альбомы независимо от содержания сами по себе ценились потомками как память об ушедших родственниках.

Формат альбома как коллекции изображений и записей сложился, очевидно, в среде путешественников, в том числе и осуществляющих Гран Тур¹⁴. Такая тетрадь обычно составлялась из листов карманного формата, на которых удобно было наскоро делать эскизы заинтересовавших путешественников культурных и природных объектов. Рядом можно было сделать и краткую пометку о возникших собственных мыслях и ощущениях или же

¹⁴ Гран-тур (*франц.* Grand Tour – Большое путешествие) – популярная форма довольно массовых (в аристократической поначалу среде) многомесячных (или даже многолетних) поездок по Европе с образовательной целью, предпринимаемых с середины XVIII в., ставших формой воплощения педагогических идей Просвещения. Иногда подобный (но более определенный по своей цели) вояж обозначался как поездка «на воды» или «к Святым местам», в последнем случае она выходила за европейские границы. В путешествии собирались не только впечатления, но и коллекции, а также они сопровождалась записками, зарисовками, сувенирами; на их фоне зачастую велась активная переписка с домашними и другими путешественниками. В подобные путешествия пускались и владетельные особы. К примеру, инкогнито, под именем князей Северных, в 1781–1782 гг. проехали по Европе великий князь Павел Петрович (наследник престола, будущий император Павел I) с супругой. В данном случае инкогнито означает свободу от официальных государственных церемоний.

привести подходящую цитату. Такой альбом по возвращении было уместно демонстрировать в близком кругу родных и знакомых, рассказывая о предпринятом вояже; да и самому путешественнику, листая его спустя время, легче было вспоминать приятное путешествие.

Тема путешествий стала очень популярной в европейском обществе второй половины XVIII в.: как жанр она широко представлена в литературе; отражали эту тему и практика создания природных ландшафтов, и дворцово-парковая культура; сюжеты путешествий обычны и в живописи. Как земное путешествие воспринимался сам жизненный путь человека. Художественное произведение могло изображать и воображаемое путешествие. При этом под путешествием понималось зачастую не столько перемещение человека в пространстве, сколько движение его чувств, происходящее со временем и в связи с новыми для него впечатлениями. А для этого вовсе не всегда требовалось покинуть родные пенаты. У зрителя и читателя это пробуждало потребность и свою жизнь отразить в материальных формах, сопровождающих их собственное то или иное путешествие. Материализовались эти настроения в удачной форме рукописного альбома. Пристальное внимание к личности, ко всей сфере его чувств и жизни души в ее динамике оставалось в кругу интересов и сентиментализма, и романтизма. Потребность самовыражения требовала определенной дисциплины изложения и оформления, что вполне совпадало со стилистикой классицизма. Самовыражение это требовало также и общественного отклика, что было возможным лишь при соблюдении известных правил, формируемых в процессе распространения альбомов на базе этикета затронутых локальных общественных групп.

Мощнейшим стимулом в становлении альбомной культуры стало то, что опыты многих реальных и выдуманных путешествий становились известны обществу в форме опытов литературных, издаваемых на разных языках. К числу самых популярных относятся, вероятно, следующие: Л. Стерн «Сентиментальное путешествие» (1768); И.-В. Гёте «Итальянское путешествие» (1814); Н. М. Карамзин «Письма русского путешественника» (1791). Любопытно, что описанное Гёте путешествие он предпринял еще в 1787–1788 гг.

Литература второй половины XVIII – начала XIX в., сентиментальная по стилю, сыграла определяющую роль в приемах и формах ранних рукописных альбомов. Эволюция и декларирование чувств оказались в центре внимания. А самым ценным чувством была дружба, но, поскольку «Безмолвный разговор сердец свойственен дружбе: нет надобности в словах, чтобы друзьям понять друг друга»¹⁵. Альбомы оказались весьма удобными в качестве атрибутов подобного образа жизни. Не противоречили тому и романтические тенденции, распространившиеся в литературе первой трети XIX в.

Другим феноменом, оказавшим важное влияние на становление альбомной культуры именно в тот период, стала большая распространенность эпистолярного жанра как в форме переписки между лично знакомыми корреспондентами, разделенными расстоянием, так и между людьми, живущими невдалеке друг от друга и регулярно встречающимися. И в литературе эпи-

¹⁵ Мемуары графини Головиной // Мемуары графини Головиной; Записки князя Голицына. М., 2000. С. 89.

столярный жанр занял также весьма заметное место. К нему относятся самые популярные романы своего времени – «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740) С. Ричардсона, «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо (1761) и другие, в стиле как сентиментализма, так и романтизма.

Альбомная культура развивалась в русском обществе на фоне важнейшего общественного явления – распространения грамотности и вкуса к чтению среди женской дворянской молодежи (что в следующем поколении неизбежно должно было отразиться на духовной и интеллектуальной сфере всего общества); чтение романов и стихов стало обыкновением и среди дворянских юношей. Стали сказываться результаты новых педагогических практик, опиравшихся на теории Просвещения. Многие дворяне осваивали различные художественные навыки, и некоторые достигали в них значительных профессиональных высот. Большинство из них предпочитали оставаться в рамках «аматорского» искусства, представленного как в простых, салонного формата формах, так и в выходящих за такие ограниченные пределы. Рисование и умение изящно излагать свои мысли, а также выработка красивого почерка входили в число самых распространенных навыков, поскольку допускали при использовании различную степень совершенства и не требовали сложных приспособлений, как и большого числа подготовленных соучастников.

Книги и периодические издания удовлетворяли потребность в образовании даже при отсутствии квалифицированных воспитателей. Помимо словесности, которой, несомненно, принадлежит главная сфера интересов в образовании, поскольку чтение должно было формировать не только интеллектуальный, но и моральный образ юного дворянина и дворянки, внимание уделялось изучению языков, а также наукам естественным. Среди последних ботаника позволяла наиболее полно удовлетворить как теоретические, так и практические запросы современников, а также предоставляла богатые возможности для художественного воспроизведения объектов этой научной дисциплины. Нелишней оказывалась и эстетическая привлекательность различных ботанических штудий. Цветоводство, садоводство стали популярным увлечением и в сельских, и в городских дворянских усадьбах, и в столицах, и в провинции. Растения, особенно цветы, стали и самыми распространенными изображениями (и вложениями) в альбомах. Эти образы использовали и сентиментализм, и романтизм. Помимо ботанических, для полноты их использования требовались познания в искусстве, литературе. Но иногда для оформления альбомов могло хватить и знания о паре-тройке самых популярных значений. К услугам желающих читателей были и занимательные «энциклопедии», и примитивные пособия, позволяющие пользоваться готовыми смысловыми композициями: Аглая. Литературный журнал П. И. Шаликова. Кн. 3. Ч. 3 (1808); В. Delachénaye. *Abécédaire de flore, ou Langage des fleurs* (1811); Д. И. Ознобишин. *Селам, или Язык цветов* (1830); *Язык цветов, или Описание эмблематических значений, символов и мифологического происхождения цветов и растений. Посвящение прекрасному полу* (1849)¹⁶. Использование криптографических схем оказалось лишь

¹⁶ Басманова Э. Б. «И Флора уронила к ним цветок...»: цветочные традиции и цветочный этикет в частной и общественной жизни России XVIII – начала XX века. М., 2010; Пушки-

подспорьем в оформлении альбомов, как и в других практических занятиях большинства современников. Альбом не заменял пособия по криптографии, как не был ни научным гербарием, ни атласом местной или экзотической флоры.

Также он не сводился к энциклопедии символов. И если прежде для верного понимания составленной из символов и аллегорий программы художественного объекта или действия наблюдателям предлагалась распечатка ее расшифровки¹⁷, то в новую эпоху любое дополнительное пояснение оказывалось лишним. Альбомная культура оперировала специфическим языком. основополагающим тезисом для понимания языка этой среды и эпохи можно принять слова академика Д. С. Лихачева: «Вместо эмблем и символов <...> постепенно устанавливается то, что в истории философии в XVII–XVIII вв. известно как «ассоциация идей», а несколько позднее и как «ассоциация аффектов и настроений». Ассоциативность не отменяла ни старых эмблем, ни символов <...> Барокко и Классицизма, но она придавала лишь новую функцию этим эмблемам и символам: она создавала с их помощью настроение, которое в романтических парках было главным. <...> Романтизм принес немало новых символов и значений, но, сохранив старые, иначе расставил акценты»¹⁸. Использование подобных акцентов и ассоциаций – особенность языка эпохи альбомной культуры. Чтобы ассоциативность и условность не упростились до детской механической игры, требовалось определенное состояние умов и эмоций участников «альбомного общения». Успех коммуникаций требовал от них равных познаний в художественной сфере, знания языка аллегорий, символов и иных культурных шифров. Владение аллегорическим языком обеспечивалось тем, что с детства усваивались естественнонаучные, мифологические, литературные сведения. Этот культурный багаж и стал базой для развития ассоциативного мышления, когда общепринятый символ заменял собой развернутое описание чувств.

Ассоциативность обеспечивала условность, присущую не только содержанию альбомов, но и формату ведения многих из них. Ведь альбомы заполнялись, сохранялись и демонстрировались в том же сообществе и в то же время, когда участники «альбомной коммуникации» осуществляли и другие формы общения: визиты, переписку, совместные прогулки и трапезы, обмен незначительными подарками и демонстрацию своих художественных и других, обязательно эстетически привлекательно оформленных занятий.

Альбомная культура сфокусировала в себе множество уже сложившихся ко времени ее появления тенденций, а также активно откликалась на новизны по мере проникновения их в обиход дворянского сословия и тех групп населения, которые тяготели к дворянской культуре. Альбомная культура была бы невозможна вне усадебной культуры, у них один язык.

на Ю. А. Каждый цвет уже намек... Цветочные акрограммы в вышивке XIX в. Предпосылки и новые расшифровки // © Пушкина Ю. А. Рукопись (в печати) (обращение 10 авг. 2020); Шарфадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы. СПб., 2003.

¹⁷ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. С. 278–280.

¹⁸ Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 210.

Одним из бесчисленных примеров такой усадебной жизни может послужить опыт семьи графов Бутурлиных. По воспоминаниям М. Д. Бутурлина, относящимся к 1812–1817 гг., большей частью описывающим жизнь в имении Белкино Калужской губернии, мать мемуариста «посвящала свои досуги воздушному садоводству (обычным было и оранжерейное, и комнатное. – *О. М.*) и живописи. Я уже говорил, до какого совершенства она дошла в миниатюрной работе на слоновой кости; но она также хорошо писала и цветы акварелью, и писала их прямо с натуры. Будучи с молодых лет великой поклонницей г-жи Севинье <...> усвоила в обширной своей корреспонденции образцовый письменный слог этой рассказчицы <...>. Вышивание по канве цветов было наилюбимейшим занятием ее до глубокой старости, и тут даже она выказывала себя великой артисткой. Вышивала она цветы не раболепно с рисунка, как делают все женщины, а с живых цветов, которые она группировала, как ей хотелось, перед глазами»¹⁹. Отец же «предавался вполне любимым своим занятиям по садоводству, в чем он был таким же сведущим охотником, как по библиофильству»²⁰. А старшая сестра «отличалась талантом писать портреты в натуральную величину сухими красками, пастелью»²¹. Сам же мемуарист был живописцем, реставратором, певцом, принимал участие в любительских концертах и даже спектаклях, увлекался садоводством и даже придумывал костюмы для поселян. Вся семья прекрасно говорила и писала по-русски, по-французски, владела итальянским. Но при этом «в нашем семействе в употреблении был английский язык. Мать моя объясняла мне много позднее, что причиной выбора этого языка, на котором ни она, ни отец наш не говорили, было то, что в то время не было лучших книг для детского возраста, как английские. Даже французских было мало, и они были не настолько удовлетворительны, как английские. А о русских нечего и говорить. Правда, была у нас «Детская Библиотека». <...> была без всяких гравюр, а рассказы, хоть и с гравюрами, но лубочной работы, и вдобавок оба эти издания напечатаны на синей бумаге вроде нынешней оберточной. Английские же книжки, напротив, были изящно изданы и с раскрашенными картинками. А иные служили заменой игрушек»²². Конечно, граф Д. П. Бутурлин, отец мемуариста, был человеком весьма просвещенным, числился номинальным директором Эрмитажа, но и в семьях других дворян зачастую можно обнаружить те же увлечения взрослых и принципы воспитания детей. На таком культурном фоне альбомная культура и достигла своего подъема. Конечно, прежние рафинированность и эксклюзивность чаще всего заменялись подборкой стандартных клише, уровень которых определялся источником заимствования.

Распространению альбомов и становлению их особенной роли в русской культуре способствовало то обстоятельство, что в них успешно совместились две функции: накопление и пополнение избранного материала с удоб-

¹⁹ Записки графа М. Д. Бутурлина. Воспоминания, автобиография, исторические современные мне события и слышанные от старожиллов, портреты, впечатления, артистические сведения, литературные заметки и фамильная летопись: в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 37–38.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ Там же. С. 62.

²² Там же.

ством демонстрации накопленных подборок в кругу избранных лиц. Благодаря этим функциям альбомы стали и хранилищами, аккумулирующими множество важных и случайных артефактов, природных объектов и текстов, зачастую трансформированных в угоду личным предпочтениям владельца, и форматом коммуникаций, соединяющим непосредственно личные контакты с общением опосредованным (записями, зарисовками, перепиской и пр.), неизбежно ограниченным правилами этикета и творческими возможностями участников. Процесс ведения альбома включал и его заполнение, и демонстрацию, и хранение (что допускало демонстрацию закрытого альбома). Но его заявленной функцией был мемориальный характер: записи в нем делались на память владельцу, и он обращался к своему альбому как к коллекции памяти о близких и интересных личных знакомцах, межличностных отношениях и биографических перипетиях.

Альбом предложил самую приемлемую форму: он создавался владельцем как бы «для себя» или «для своего узкого круга», а по сути позволял опосредованно заявить о том формате, в котором владелец желал быть представленным в обществе. Очень важным в альбомной культуре оказалось соотношение между его изначальной интимностью и желанной репрезентативностью.

Очень деликатно демонстрировали эти альбомы важный для владельца биографический фон, на который был спроецирован культурный контекст: личные контакты, общественные связи, эстетические стандарты, тематическая определенность. При своей всегдашней адресованности более или менее ограниченному кругу наблюдателей (и участников), альбомы тем не менее воспринимались как объекты интимные, исключая не контролируемую владельцем общедоступность. Определенный флер в этом отношении набрасывала и специфика их заполнения, опиравшаяся на ассоциативность. Определенную специфику придавала альбомам и их включенность в цепочки копирования (и как источников, и как более или менее полных и точных воспроизведений при оформлении и заполнении). «Игровая функция альбома была одной из особенностей этого жанра»²³.

Каждый, кто удостоивался чести внести что-то в альбом приятеля или знакомого, неизбежно становился и зрителем, и читателем уже заполненных страниц, прекрасно понимающим, что и позднее кто-нибудь, вероятно, увидит его вклад в наполнение альбома. И чем более социально значимой была persona автора альбомной записи, чем более желанным было его участие в заполнении альбома, тем эта вероятность увеличивалась. Но тем самым повышался и социальный статус владельца, удостоенного подобного подношения. Сам же он зачастую не только созерцатель и читатель адресованных ему словесных или изобразительных посланий, но и нередко автор, прежде всего автор-составитель альбома как альманаха.

Из-за того, что читатели таких альбомов были и потенциальными участниками «авторского коллектива», зачастую подразумевалось, что записи новых «соавторов» – экспромты. Но никто, конечно, не имел иллюзий относительно спонтанности признаний и пожеланий, да и их достоверности.

²³ Корнилова А. В. Альбомы домашние // Быт пушкинского Петербурга: опыт энциклопедического словаря. А – К. СПб., 2003. С. 26.

От всех «посетителей» альбомов требовалось преувеличенное восхищение достоинствами личности владельца (а если владельцем была дама – то и внешностью), маскируемое под объективное впечатление. Формально альбом допускал, несомненно, и самые искренние и непосредственные записи, но тогда между владельцем и автором должны были быть исключительно дружеские отношения. Круг таких контактов не мог не быть весьма ограниченным. Но и в таком случае приходилось иметь в виду репрезентативность альбома как одно из его базовых свойств.

При формальной монологичности альбомов (пусть и многоголосой) он оказывался наполненным диалогами. Адресат, он же владелец альбома, не мог не отвечать на дружественную запись, хотя ответ мог оставаться в невербальной сфере. Да и «соавторы» имели возможность комментировать запись предшественника. Ведение альбома было сходно с беседой персонажей, разъединенных и пространством, и временем, но это обстоятельство чудесным образом не нарушало ее целостности. Несколько ограниченными в этом отношении стали подносные альбомы, которые оказались оригинальной формой, имеющей практически одновекторную адресацию.

Ритуал ведения альбомов как форма светской коммуникации напоминал театр: участники выступали в определенных амплуа (сердечного друга, конфидента, отвергнутого разочарованного поклонника, восторженного неофита, благожелательного наблюдателя и т. п.). Иногда запись стороннего человека производилась от лица самого владельца; к примеру, Пушкин А. С. «В альбом А. О. Смирновой» (1832) – этот подход также предполагал театральность, готовность к маскараду. Владелец альбома на его страницах демонстрировал непосредственно и опосредованно и круг своих познаний, и интересы, и возможности. Он мог также следовать избранному амплуа в соответствии с предпочтениями эпохи – сентиментальной, романтической или классицистически-просвещенной.

Поскольку все это фиксировалось на бумаге, то любое из предпочтений автохарактеристики (как и их сочетание) делало владельца альбома как бы литературным героем, главным персонажем уникальной рукописной книги. В то же время владелец альбома был не только инициатором его создания и автором программы его ведения, автором-составителем, но и просто автором. Он был и редактором своего рукописного альманаха. Альбомы создавались как накопители памяти о людях, явлениях и обстоятельствах – исключительно тех, которые хотелось помнить владельцам в той версии, которая была им угодна. И в этом отношении альбом оказывался необычайно важным для владельца, во всяком случае – на каком-то этапе его биографии.

Как носитель определенной информации альбом представлял характеристику личности владельца и его общественного статуса, то есть оказался в ряду «паспортизирующих» предметов (как и мундир, обязательность следования моде в костюме или, наоборот, приверженность к давним традициям одежды при ритуальных действиях, замещение драгоценных наград их условным обозначением, сложная система использования украшений, колорита одежды в разных общественно-существенных ситуациях). В XIX в. тенденция эта постоянно возрастала, достигнув вершин уже в следующем столетии.

Альбомы имели как дамы, так и мужчины. Стремились к обладанию ими, как наглядному символу «взрослости», даже подрастающие дети: «Маленькой Машеньке Падалке в пятилетнем возрасте был подарен небольшой розовый альбомчик со стихами на трех страничках, и она гордилась, что у нее, как у мамы и у сестры Лели, тоже был альбом, куда ее взрослые друзья писали ей стихи»²⁴. Для девочки этот подарок казался значимым и для ее самооценки, и в качестве декларации ее как члена общества, превышающего формат семьи, а для ее близких – милой деталью семейной истории. До времени именно они оставались избранными наблюдателями за заполнением такого альбома и его сохранением. Конечно, содержание его должно строго адаптироваться к запросам владельца, и у маленькой девочки пока мало возможностей регулировать его ведение. В этом случае рукописный альбом составлялся третьими лицами, в соответствии с их пониманием потребностей номинальной владелицы, как свойственно альбомам подносным или тиражным альманахам. Дополнительным качеством рукописного альбома ребенка стали возможности его использования при решении педагогических задач – как при ведении альбома, так и для освоения культурного контекста этого занятия.

Альбом был символом включенности владельца в активную культурную и дружественную среду, намекал на его востребованность в обществе и на готовность продемонстрировать приветствуемые обществом черты. Он стал символом эпохи. Речь шла не об обильном наполнении пространства именно этими предметами или значительностью времени, уделяемому их ведению. Альбомы самим фактом своего наличия уже указывали на всю совокупность признаков его содержания. Независимо от продуманности программы заполнения альбома и усердия в ее выполнении он повсеместно был известен как популярная форма хранения коллекций личных воспоминаний. А потому – и символами такой коллекции. Независимо от содержания альбом символизировал портрет владельца, архив его контактов и коллекцию воспоминаний.

Ведение альбомов (в том числе и перекрестное их заполнение) органично вошло в этикет общественного поведения, маркируя и иные его формы. Даже демонстрация альбома выходила за границы простого ознакомления, она стала формой приглашения принять участие в ведении и тем самым – в формировании социального и культурного портрета его владельца, становившегося адресатом (необязательно – прямого посвящения, часто новая запись или рисунок подразумевали более сложную, преимущественно ассоциативную структуру). И в то же время за владельцем сохранялась возможность эту совокупную характеристику корректировать, выбирая соавторов да и попросту удаляя нежелательную запись. Это требовало, со своей стороны, внутренней цензуры и от авторов (в альбомах нередко полностью или условно вымаранные включения). Этикет ведения альбома не просто ориентировался на этикет светский, он был более формализован, практически стал ритуалом. В «своем кругу» знали, как следует реагировать на любое обращение к альбому, в том числе и заочному.

²⁴ Добрынина Е. А., Комарова Т. С. «Еще у меня хранится альбом бабушки...» С. 9.

Ко второй четверти XIX в. и в символическом восприятии альбомов наметились различные оттенки. (Вероятно, этот период следует признать переломным в развитии альбомной культуры – зафиксировано значительное число нюансов и в их содержании, и в обстоятельствах ведения, и в среде распространения, и в реакции участников и наблюдателей.) Вот всего два примера, относящихся к одному времени – второй половине 1820-х гг. А. С. Пушкин говорит в четвертой главе «Евгения Онегина» (1824–1826) об альбомах наивных барышень как о собрании различных банальностей, эпигонских во всех смыслах, занимательных лишь для их неискушенных владельцев, всячески этим юным барышням льстящих. Такой подход указывает на альбом как на символ скучноватой провинциальной жизни, вынужденной довольствоваться бесконечным «пережевыванием» давно известных образцов. А в другой строфе он столь же сурово характеризует и альбом светской красавицы, хотя там писали и рисовали лучшие авторы. А Е. А. Баратынский (к слову, и упомянутый Пушкиным в строфе, где описан роскошный альбом) в одном из своих опытов в жанре альбомной лирики иронизирует уже над альбомом более опытной кокетки: «Альбом походит на кладбище: / Для всех открытое жилище, / Он так же множеством имен / Самолюбиво испещрен <...> / Я в ваших памятных листах / Спокойно имя помещаю: // Философ я; у вас в глазах / Мое ничтожество я знаю» (1829). Тут нет пушкинской досады на небрежное отношение к поэтическому профессиональному творчеству, вытворяемому безвестными «уездными барышнями» (впрочем, бесчисленными, что для автора должно служить скорее поводом для положительных эмоций, свидетельствуя об огромной популярности), тут досада на некий личностный конфликт, и упрек в равнодушии адресата замаскирован уничижительными характеристиками ее альбому, которому придан мрачно-романтический образ кладбища. Изначально альбом казался проекцией «гостиной» или «променада» – люди одного круга вступали в общение, следуя правилам хорошего тона и в этих рамках проявляя симпатии и иные положительные эмоции. Но потом он уже кладовая с формальным списком контактов – памятная книжка, иногда служившая кладбищем для некогда бывших значимыми имен или трофеями былых побед, сердечных или коллекционных. Конечно, оба автора высказываются с иронией, но и сам этот факт свидетельствует, что в обществе сложилась манера подтрунивать над слишком серьезным отношением к содержимому альбомов, хотя сам факт их ведения признавался приемлемым светским обычаем.

В середине века сами альбомы стали тем, что прежде скрывалось в них как повод для персональных воспоминаний, подкрепленных известными именами участвовавших в их заполнении (а значит, и в биографии владельца). Процесс этот не был, конечно, мгновенным или просто скорым. Еще по крайней мере лет тридцать рукописные альбомы продолжали быть обычными в обиходе. Нет оснований говорить о сниженности альбомной культуры относительно общего уровня современной ей культуры в целом. Убедительное свидетельство – «энциклопедия русской жизни», роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», что убедительно и детально доказано доктором филологических

наук и опытным музейным работником Н. И. Михайловой²⁵. Многочисленные (и зачастую отнюдь не явные) особенности и формы современной написанию романа альбомной культуры также не только буквально зафиксированы, но и скрыты за ассоциациями; известными строфами из четвертой главы внимание поэта к современным «альбомным» реалиям не исчерпывается.

Сами альбомы, в свою очередь, оказали заметное влияние на другие сферы культурной жизни. Помимо упомянутого выше включения в название литературных и музыкальных публикаций слова «альбом», с их появлением сложился особый литературный жанр – альбомная лирика, дань которому отдали как профессиональные литераторы, так и дилетанты. И хотя этот жанр не был новым (принято видеть его истоки во французской любовной поэзии раннего Средневековья), в русской культуре он обрел заметное своеобразие, выходящее за рамки интереса к историческим стилям, свойственной эпохе, да и утвердился несколько ранее, чем историзм, как ведущее стилевое направление.

Едва ли не основным наполнением рукописных альбомов оказались небольшие стихотворения. Многие произведения «В альбом...» или «К...», предназначенные для альбомов конкретных персон, лично знакомых поэтам, публиковались ими в периодике или авторских сборниках. В то же время стихи кочевали по альбомам, вносимые туда самими авторами или же переписанные поклонниками их таланта, иногда – ловкими умельцами, вольно адаптировавшими авторские тексты для собственных насущных нужд. Произведения лучших становились эталонами для последователей и переписчиков. При этом некоторые стихотворения в жанре альбомной лирики никогда не были вписаны автором в альбом. В большинстве случаев «стихи в альбом» по характеру были мадригалами, но в зависимости от характера реальных отношений автора и адресата могли быть окрашены шуткой, иронией, даже сарказмом. С показным раздражением там же, в «Евгении Онегине» (гл. IV. 30), А. С. Пушкин называет альбомы «Мученье модных рифмачей» и тут же упоминает одного из лучших современников – Е. А. Баратынского, досадующего на заявку «блистательной дамы» на его участие в ее альбоме. Ведь среди лирических стихотворений А. С. Пушкина немало написанных в альбомы знакомых красавиц (А. О. Смирновой, княжне А. Д. Абамелек, А. П. Керн и др.) и друзей-мужчин (князю П. А. Вяземскому, И. И. Пущину и др.).

В свою очередь, стихотворение в альбоме совсем необязательно относилось к жанру альбомной лирики, даже написанное автором для альбома. В реальности в альбомы включались и стихотворения совсем других жанров. Стихотворение в альбоме и стихотворение, написанное для альбома, – не всегда одно и то же даже в период наивысшего развития альбомной культуры.

Не только профессиональные литераторы принимали активное или невольное участие в оформлении альбомов. Профессиональные художники также оказались под влиянием модного культурного явления. Для них альбом оказывался и инструментом профессиональной деятельности, и формой ее репрезентации. На листах таких альбомов наряду с ожидаемыми графиче-

²⁵ Михайлова Н. И. «Евгений Онегин» и альбомная культура первой трети XIX в. С. 15–22.

скими или живописными композициями встречаются и авторские пометки, и даже комментарии не технического, а вполне литературного характера²⁶. Неполиграфическое тиражирование таких художественных проектов, конечно, было более затруднительно по сравнению с текстами, но тут на помощь могли прийти гравированные листы, а еще чаще – заимствования привлекательных композиционных элементов, перерисовываемые так же свободно, как и цитирование литературных образцов.

Альбомы заполнены текстами и изображениями как авторскими, так и откровенно копийными. Но и те, и другие обычно трансформировались под актуальную задачу. Популярные произведения признанных мастеров становились эталонами для бесчисленных эпигонов. Неконтролируемое тиражирование образцов стало одним из важных свойств альбомной культуры. При таком тиражировании, естественно, оригинальные тексты искажались – и нарочито, и нечаянно. Так и рисунки в альбомах могли быть оригинальными – эскизные карандашные и перьевые зарисовки, акварельные миниатюры, силуэты, композиции из общеизвестных классицистических символов... Но и некоторые изображения «тиражировались» более или менее умелыми копиистами, особенно если они предполагали некоторое утаенное значение: должны были символизировать благородные дружеские или любовные чувства; шифровать имя; аллегорически трактовать важное событие.

Рукописный альбом той эпохи был структурированным объектом, как и многие другие современные культурные формы. Значение имело каждое отдельное включение – и в формате воспроизведения, и в соответствии с содержанием. В этом отношении альбом соответствовал двум важным особенностям культуры: мозаичности и последовательному включению одного в другой «сокровищ», рационально размещенных в пространстве, что в итоге создает самостоятельную ценность. Так, элемент мозаики зачастую имеет ценность и сам по себе, и как часть общего образа (цветники, сады, выстроенные интерьеры, бисерное искусство той эпохи предлагают тому множество примеров). И эти элементы составляли целое, ценное не только в эстетическом отношении, но и в формировании воплощения программных задумок. В каком-то смысле альбомы по структуре подобны «идеальным предметам» – кабинетам со множеством ящичков и дверок, предполагавшим особые обстоятельства для демонстрации своего содержимого, хотя и стоявшим на виду в приемных апартаментах дворцов, начиная с эпохи Ренессанса. В таких кабинетах хранились коллекции редкостей и важные документы – они были и объектами коллекций изображений, материалов и пр., и формой хранения других коллекций. Так и альбомы и каждая из их страниц были объектами «коллекции». Альбомные листы, их известное пушкинское определение как «летучие листки альбома» (Евгений Онегин. Гл. IV. 27) намекают на важность их существования и вне границ альбомной крышки. Столь же важными оказывались альбомные листы (и каждый в отдельности, и последовательно объединенные в одном переплете) – внимание уделялось их внешнему виду (и художественному образу, и очевидной композиции, и

²⁶ *Хамано А. В.* Альбомы «Souvenir d'Italie» Тома де Томона // *Панорама искусств: альманах.* М., 1984. Вып. 7. С. 295–306.

качеству исполнения) и смысловым особенностям содержимого, в том числе и проявляющимся именно при конкретной подаче материала, с учетом расположения, последовательности и пр. Потому отдельные альбомные листы оказывались, в свою очередь, объектами заполнения и сберегания, как бы независимыми от собственно альбома. К примеру, А. С. Пушкин в своих стихотворениях в альбомы друзей говорит именно о листах, называя их «листами воспоминаний» (1817), «листами заветными» (1832), «скромными дружества листками» (1817), «тайным листком» (1817).

Структура заполнения альбомов первоначально складывалась стихийно: по порядку заполнялись лист за листом альбома или же какие-то листы пропускаясь. Выбор, вероятно, диктовался лишь прихотью автора и его представлением о преимуществах в глазах владельца, а также доступностью для сторонних лиц. Случалось, листы гибались таким образом, что узнать, что на них изображено, можно было, лишь нарушив секретность. Технически эти ухищрения сложностей не представляли, но вполне определенно обозначали границы приватности. Если же в альбом переплетались уже заполненные листы, структура уже целиком оказывалась в воле владельца. Расположение текстов и изображений также могло оказаться вольным, но в большинстве случаев имело довольно четкую ориентированность по границам листа.

К середине века все большую популярность в приемах соединения отдельных элементов захватывал принцип квадрибо (от латинского *Quodlibet*, что можно перевести как «любое», «все что угодно»), напоминавший стихийное соединение различных элементов. И если прежде стихийность альбомных включений значила спонтанность, то в этом случае видна излишняя продуманность, проявлявшаяся в соотношении форм, позволявших составлять эстетически привлекательную композицию, преимущественно декоративного характера. Отдельные включения и даже отдельные листы утрачивали былую личностную значимость, основное внимание придавалось привлекательности для зрителя. Еще нагляднее тенденция проявилась в распространении альбомов, составляемых из листов, подобранных владельцем из числа различных привлекательных авторских работ. Подобные подборки если и отражали личность владельца, то в строго отредактированной версии.

Специфика альбома как предмета, значимого для автохарактеристики владельца и занимающего важное место в его коммуникативных связях, отразилась и на восприятии его в качестве бытового предмета, имеющего то или иное обычное местопребывание. Как форма сбора коллекций, внешне схожая с книгами, альбом, несомненно, предмет домашний, место которому в жилище владельца, в его частных или приемных покоях. «Карманный» формат некоторых из них, особенно популярный в 1800–1820-е гг., не должен обманывать: альбом никогда не был и не мог быть аксессуаром костюма. Его мобильность была такой же, как и у книги или альбома для зарисовок, которые всегда хотелось иметь под рукой, и их размер допускал такое, не требуя особых приспособлений для переноски. Однако из-за специфики ведения альбомов им иногда доводилось покидать свои привычные места – для удобства заполнения владелец на время отдавал свой альбом тому человеку, которого просил внести в него какую-нибудь запись или сделать зарисовку, что, случа-

лось, приводило к ситуации, обозначенной в стихотворении А. С. Пушкина, публикуемом под характерным названием «В альбом» (1832): «<...> Виноват, в столе моем / Уж давно без строк приветных / Залежался твой альбом». Но и в этом случае «загостившийся» альбом не переставал восприниматься как временно отсутствующий на своем обычном месте. Еще одной причиной такого отсутствия было путешествие владельца. Альбом оказывался атрибутом владельца вне связи с костюмом или другими пожитками. Не был он до второй половины XIX в. и частью библиотеки, хотя конкретное его местопребывание могло потеснить избранные тома на книжной полке.

Альбомы до 1820-х гг. в своем большинстве самодельны. Часть их – это переплетенные, как книги, листы (тем более что искусство переплетных работ относилось к числу популярных при обучении дворянского юношества), часть обретали незатейливые самодельные обложки из плотной бумаги или ткани.

Иногда такой небольшой альбомчик обретал дополнительное оформление, позволявшее и способствовать сохранности, и одновременно успешно демонстрировать его. Создавалась коробочка, имитирующая книгу, ориентированную горизонтально. Боковые стенки неглубокой прямоугольной шкатулки оформлялись как обрез книги. А та, к которой крепилась крышка, – как ее корешок. Верхняя же поверхность крышки и дно шкатулки украшались рисунком или вышивкой, для сохранности закрываемыми стеклом (ГИМ 58618/188 БИС 884). Внутри такой шкатулки вкладывалась тетрадка, вписывающаяся в параметры футляра, – собственно альбом.

В 1820-е гг. ремесленная индустрия откликнулась на потребность в эстетически удовлетворительном оформлении модного увлечения, а после 1830-х гг. эта тенденция уже только возрастала, захватив, помимо переплетных, картонажных, мастерских по обработке кожи и металлообрабатывающих, даже крупные ювелирные производства. Но и тогда, и много позже оформление части альбомов оставалось исключительно в рамках самодельного творчества. И выбор этот определялся особой ценностью «рукодельности» в глазах автора – владельца или дарителя.

Ранние альбомы уместно было рассматривать лишь в узком «своем кругу», как принято было бы продемонстрировать подарок от близкого человека или прочесть вслух фрагмент личного письма. Позднее же альбомы можно было без стеснения демонстрировать как иллюстрированную книгу, а также как коллекцию графики или монет в кругу довольно широком, любому посетителю дома (тут сама возможность быть «вхожу» и «приняту» в определенные дома служила цензом для знакомства с частным бытом хозяев). Такая демонстрация вызывала интерес у публики не столько вниманием к персонам автора альбомного включения и владельца альбома, сколько самим объектом.

Основным местом пребывания альбомов были жилые комнаты усадебного дома или квартиры. Поначалу, вероятно, даже не приемные. Позднее же альбомы захватили и будуары, и кабинеты, и гостиные. До 1820-х гг. в большинстве дворянских домов мебели было немного. Запасы одежды да и столовой посуды хранились в кладовых (как еще «Домостроем» было запо-

ведано), на виду же помещалась только часть особо нарядных, по мнению хозяев, предметов: в застекленном шкафчике или на этажерке. Возможно, альбом находил место среди книг в особом шкафу или на полке, но скорее ему было уместно укрыться в бюро, а то и в комодe – среди лент, кружев и саше.

Когда же альбомы из исключительно частных перешли в категорию откровенно репрезентативных, потребовались перемены во внешнем их оформлении, которое должно было соответствовать новому статусу. Альбомные переплеты стали элементами оформления жилища. К 1840-м гг. интерьеры дворянских домов заметно наполнились как разнообразными предметами мебели довольно узкого предназначения, картонажами, жардиньерками, кашпо и декоративными фигурками, так и множеством картинок, портретов, миниатюр (в разных материалах и техниках), дагеротипов, затем – фотографий, помещенных в разнообразные рамки и рамочки на стенах, столах, шкафах и любой свободной поверхности. В этом предметном изобилии нашлось место и альбомам. Большинство альбомов увеличились в формате, а зачастую и в объеме. Оформление их стало весьма респектабельным. Они уже лежали на особых столиках, всегда готовые продемонстрировать гостям и напомнить хозяевам дорогие для них прошедшие дни и события, бывших знакомцев и неизменных спутников. А заодно продекларировать приверженность владельцев модным эстетическим и этическим тенденциям.

Возникнув как иллюстрированные дневники путешественников, став затем иллюстрированными сентиментальными дневниками частной жизни отдельной персоны (с дополнением художественных подношений ее избранного окружения), к концу первой четверти столетия альбомы сфокусировали ее романтическую версию. В эту пору многие альбомы стали атрибутом преимущественно женской молодежи, заменяя и дополняя реальную жизнь. Другие же альбомы оказались сосредоточием качественно исполненных текстов и рисунков, самодельными книгами, способными заменить для владельца иные тиражированные общедоступные издания. В обоих случаях альбомы сохраняли статус эксклюзивности. Тенденция усиливалась в 1830–1840-е гг., при этом «девичьи альбомы» получали все более формальное заполнение, а «художественные», наоборот, завоевывали все более обширное общественное пространство. Как единичные образцы или даже довольно массовое (локализованное в определенной возрастной группе, объединенной общими мемориальными или иными культурными интересами) увлечение, рукописные альбомы никогда уже не исчезали из отечественной культуры.

Литература

Авилова О. Пушкинская эпоха домашнего альбома // Декоративное искусство СССР, 1985. № 6. С. 39–43.

«Альбом есть памятник души...»: альбом семьи генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта / авт.-сост. Е. А. Добрынина; авт. вступ. ст. Т. С. Комарова, Е. А. Добрынина. Иркутск, 2017.

Альбомные коллекции как исторический источник (по материалам ГЦТМ им. А. А. Бахрушина). https://studwood.ru/1462991/istoriya/albomnye_kollektsii_kak_istoricheskii_istochnik_po_materialam_gtstm_im_aa_bahrushina (обращение 10 февр. 2021).

Басманова Э. Б. «И Флора уронила к ним цветок...»: цветочные традиции и цветочный этикет в частной и общественной жизни России XVIII – начала XX века. М., 2010.

Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018.

Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840 годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома за 1977 год. Л., 1979. С. 3–56.

Добрынина Е. А., Комарова Т. С. «Еще у меня хранится альбом бабушки...» // «Альбом есть памятник души...»: альбом семьи генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта. Иркутск, 2017. С. 5–11.

Дризен Н. В. Тетушкин альбом // Столица и усадьба. Журнал красивой жизни. Пг., 1916. № 68. С. 10–12.

Записки графа М. Д. Бутурлина. Воспоминания, автобиография, исторические современные мне события и слышанные от старожиллов, портреты, впечатления, артистические сведения, литературные заметки и фамильная летопись : в 2 т. М., 2006. Т. 1.

Исторический словарь галлицизмов русского языка / сост. Н. И. Епишкин. М., 2010.

Калашникова М. В. Современный альбом: Типология, поэтика, функции. Специальность 10.01.08 – Теория литературы, текстология. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. На правах рукописи. https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002800510.pdf (обращение 14 окт. 2020).

Корнилова А. В. Альбомы домашние // Быт пушкинского Петербурга: опыт энциклопедического словаря. А – К. СПб., 2003. С. 26–31.

Корнилова А. Мир альбомного рисунка. Л., 1990.

Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века. СПб., 1994.

Мемуары графини Головиной // Мемуары графини Головиной; Записки князя Голицына / сост., предисл., подготовка текста, коммент. С. А. Никитина. М., 2000. С. 45–347.

Михайлова Н. И. «Альбом есть памятник души...» // Наше наследие. 2007. № 83/84. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8306.php> (обращение 4 нояб. 2020).

Михайлова Н. И. «Евгений Онегин» и альбомная культура первой трети XIX в. // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1996. Т. 55. № 6. С. 15–22.

Модзалевский Б. Из альбомной старины. Пг., 1916.

Пушкина Ю. А. Каждый цвет уже намек... Цветочные акрограммы в вышивке XIX в. Предпосылки и новые расшифровки // © Пушкина Ю. А. Рукопись (в печати) (обращение 10 авг. 2020).

Сак О. Рукописные альбомы XIX – начала XX в. <https://museum.lib.kherson.ua/rus-albomi.htm> (обращение 26 нояб. 2020).

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1 (А – Б).

Хамано А. В. Альбомы «Souvenir d'Italie» Тома де Томона // Панорама искусств: альманах / сост. И. С. Максимова. М., 1984. Вып. 7. С. 295–306.

Чеканова А. В. Рукописный девичий альбом (традиция, стилистика, жанровый состав). Специальность 10.01.09. – Фольклористика. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. На правах рукописи. <http://www.dslib.net/folklor/rukopisnyj-devichij-albom-tradicija-stilistika-zhanrovuj-sostav.html> (обращение 14 окт. 2020).

Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы. СПб., 2003.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890. Т. 1 А. Алтай – Арагвай.

References

«Al'bom est' pamyatnik dushi...»: al'bom sem'i general-gubernatora Vostochnoj Sibiri V.Ya. Ruperta / avt.-sost. E. A. Dobrynina, vstup. st. T. S. Komarova, E. A. Dobrynina. Irkutsk, 2017.

Al'bomnye kollekcii kak istoricheskij istochnik (po materialam GCTM im. A. A. Bahrushina). https://studwood.ru/1462991/istoriya/albomnye_kollekcii_kak_istoricheskij_istochnik_po_materialam_gtstm_im_aa_bahrushina (accessed 10 February 2021).

Avilova O. Pushkinskaya epoha domashnego al'boma. // Dekorativnoe iskusstvo SSSR. 1985, № 6. S. 39–43.

Basmanova E. B. «I Flora uronila k nim cvetok...». Cvetochnye tradicii i cvetochnyj etiket v chastnoj i obshchestvennoj zhizni Rossii XVIII – nachala XX veka. M., 2010.

Berhgoľ's F. V. Dnevnik kamer-yunkera Fridriha Vil'gel'ma Berhgoľ'tsa. 1721–1726. M., 2018.

Vacuro V. E. Literaturnye al'bomy v sobranii Pushkinskogo Doma (1750–1840-e gody) // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma za 1977 god. L., 1979. S. 3–56.

Dobrynina E. A., Komarova T. S. «Eshche u menya hranitsya al'bom babushki...» // Al'bom est' pamyatnik dushi...»: al'bom sem'i general-gubernatora Vostochnoj Sibiri V. Ya. Ruperta. Irkutsk, 2017. S. 5–11.

Drizen N. V. Tetushkin al'bom // Stolitsa i usad'ba. Zhurnal krasivoj zhizni. Pg., 1916. № 68. S. 10–12.

Epishkin N. I. Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo yazyka. M., 2010.

Zapiski grafa M. D. Buturlina. Vospominaniya, avtobiografiya, istoricheskie sovremennye mne sobytiya i slyshannye ot starozhilov, portrety, vpechatleniya, artisticheskie svedeniya, literaturnye zametki i famil'naya letopis'. M., 2006. T. 1.

Kalashnikova M. V. Sovremennij al'bom: Tipologiya, poetika, funkcii. Special'nost' 10.01.08 – Teoriya literatury, tekstologiya. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M., 2004. Na pravah rukopisi. https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002800510.pdf (accessed 14 October 2020).

Kornilova A. V. Al'bomy domashnie. Byt pushkinskogo Peterburga: Opyt jenciklopedicheskogo slovarja. A – K. SPb., 2003. S. 26–31.

Kornilova A. Mir al'bomnogo risunka. L., 1990.

Lihachev D. S. Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovyh stilej. L., 1982.

Lotman Yu. M. Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvoryanstva XVIII – nachala XIX veka. SPb., 1994.

Memuary grafini Golovinoj // Memuary grafini Golovinoj. Zapiski knyazyza Golicyna. M., 2000. S. 45–347.

Mihailova N. «Al'bom est' pamyatnik dushi...» // Nashe nasledie. 2007. № 83/84. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8306.php> (accessed 4 November 2020).

Mihailova N. M. «Evgenij Onegin» i al'bomnaya kul'tura pervoj treti XIX v. // Izv. RAN. Seriya literatury i yazyka. 1996. T. 55. № 6. S. 15–22.

Modzalevskij B. Iz al'bomnoj stariny. Pg., 1916.

Pushkina Yu. A. Kazhdyj cvet uzhe namek... Cvetochnye akrogrammy v vyshivke XIX v. Predposylki i novye rasshifrovki. © Pushkina Yu. A., manuscript in print. (accessed 10 August 2020)

Sak O. Rukopisnye al'bomy XIX – nachala XX v. <https://museum.lib.kherson.ua/rus-albomi.htm> (accessed 26 November 2020)

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. M., 1975. Vyp. 1 (A – B).

Sharafadina K. I. «Alfavit Flory» v obraznom yazyke literatury pushkinskoj epohi: istochniki, semantika, formy. SPb., 2003.

Hamano A. V. Al'bomy «Souvenir d'Italie» Toma de Tomona // Panorama iskusstv. M., 1984. Вып. 7. S. 295–306.

Chekanova A. V. Rukopisnyj devichij al'bom (tradiciya, stilistika, zhanrovij sostav). Special'nost' 10.01.09. – Fol'kloristika. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M., 2006. Na pravah rukopisi. <http://www.dslib.net/folklor/rukopisnyj-devichij-albom-tradiciya-stilistika-zhanrovij-sostav.html> (accessed 14 October 2020).

Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. SPb., 1890. T. 1 A. Altai – Aragvai.

А. П. Шайхлисламова

Альбом Жан-Пьера Алибера – французское наследие Сибири XIX в.

Аннотация. Статья посвящена сибирскому периоду жизни купца Жан-Пьера Алибера. Француз Жан-Пьер Алибер стал известен благодаря обустройству графитового рудника в Ботоголе. Ему удалось наладить добычу графита и экспорт его в Германию для производства карандашей. Все свои «Путешествия по Сибири» в промежутке 1840–1862 гг. Алибер сохранил в живописном виде в своем альбоме. В настоящее время этот альбом имеет особую ценность, поскольку в нем представлены уникальные изображения Сибири XIX в. В статье дан также краткий обзор альбома.

Ключевые слова: Жан-Пьер Алибер; графитовый рудник; альбом XIX в.; Иркутск; Сибирь.

A.P. Shaikhislamova

Jean-Pierre Alibert's album – the french heritage of 19th century Siberia

Abstract. The paper is dedicated to the Siberian period of Jean-Pierre Alibert's life. The Frenchman Jean-Pierre Alibert became well-known because of organization of Botogol's graphite mine. He was successful in graphite digging and its export to Europe for pencil factories. Alibert saved all his «Siberia travelling» in 1840–1862 in his graphic album. Now, this album has great value because there are unique pictures of Siberia in the XIX century. There is a brief review of this album in the paper.

Keywords: Jean-Pierre Alibert; graphite mine; the 19th-century album; Irkutsk; Siberia.

В 30–40-х гг. XIX в. активное развитие капиталистической промышленности Европы и России диктовало новые требования к используемым ресурсам. Наиболее привлекательным для добычи оставалось, конечно, золото. Сибирь и Урал также охватила золотая лихорадка, которая продлилась вплоть до начала XX в. Французский купец Жан-Пьер Алибер стал одним из тех, кто отправился в Сибирь за золотом, но успех ждал его в разведке и добыче графита.

Жан-Пьер Алибер родился 23 марта 1820 г. в Монтобане на юге Франции в семье торговцев мануфактурными товарами, был восьмым ребенком¹ (ил. 1). С 1834 г. он работал на заводе меховых изделий в Лондоне. В 1837 г. его послали в Сибирь для охоты на лис и горностая. Через пять лет Алибер стал владельцем мехового торгового предприятия. Для удобства торговли он оформил документы на себя в Финляндии, по сословию именовался «тавозгустским первостатейным купцом» Иваном Петровичем Алибером. Путешествовал по Сибири, торговал и интересовался разведкой полезных ископаемых, искал золото в реках. В 1843 г. он прибыл в Иркутск, завел знакомство с казачьим офицером Черепановым, которому

¹ Montauban. Quand la fiction dépasse la réalité // LADEPECHE. fr. Paris. 2010. URL: <https://www.ladepeche.fr/article/2010/08/01/882503-quand-la-fiction-depasse-la-realite.html>

таежные аборигены (сойоты), проживавшие в районе Ботогола, рассказали о месторождении графита². Этот участок правительство не взяло в разработку. В 1846 г. Алибер за 300 рублей купил залежи графита особой чистоты («плюмбаго», или «черный свинец») на горе Ботогол в Саянах (Окинский район, западнее Иркутска)³. Несмотря на суровые условия, он сумел обустроить шахту и в течение 15 лет сделать рудник рентабельным. В 1856 г. И. П. Алибер подписал выгодный, но монопольный контракт с немецкой карандашной фабрикой Фабер-Кастелл, находящейся у города Нюрнберга, которая стала единственным поставщиком сибирского графита в Европу и Америку. Собственную карандашную фабрику ему организовать не удалось. Со временем техника позволила перерабатывать низкосортный графит, и цены на него упали. Несмотря на все старания и усилия Жан-Пьера Алибера, рудник постепенно давал ему все меньше и меньше прибыли. Компаньон Алибера Ф. Занадворов должен был построить карандашную фабрику и поставить новое оборудование для рудника, но обязательства своего не выполнил, кроме того, в карандашном производстве произошли значительные изменения, благодаря которым хорошим карандашам можно делать из низкосортных графитовых руд⁴.

Ил. 1. Жан-Пьер Алибер, 1845

Алибер, поставленный этими обстоятельствами в тяжелые экономические условия, выехал в Петербург в 1859 г., затем в Париж и на рудник больше не вернулся. Работы на руднике продолжались еще около года, а в 1861 г. были прекращены. Подвел Алибера и иностранный компаньон А. В. Фабер, которому Алибер поставлял графит. Рекламная этикетка карандашей гласила: «Графит Алибера. Превосходит другой графит в качестве. Золотая медаль 1867 г. Дом А. В. Фабера изготавливает из этого графита лучшие карандаши, их отличительная черта – двойная надпись золотыми буквами. Сибирский графит из рудника Алибера – Производство А. В. Фабера». Именно об этом Фабер сообщает Алиберу в письме от 25 января 1873 г.: «По поводу вашего письма от 25 февраля скажу вам только, что мне неприятны ваши постоянные намеки на продажу карандашей из сибирского графита и на преимущества, которые я получаю от продажи моих других карандашей. Карандаши из сибирского графита нельзя спутать с моими другими карандашами по очень простой причине,

² Гранина А. Н. Разведчики сибирских недр. Иркутск, 1958. С. 48.

³ Жирнов Е. Грифель империи // Коммерсантъ Деньги. М., 2005.

⁴ Солоненко В. П., Кобеляцкий И. А. Восточные Саяны. Иркутск, 1947.

La Maison **A. W. FABER** fabrique avec ce Graphite les Crayons supérieurs qui seuls portent pour marque distinctive cette double légende en lettres d'or : — **GRAPHITE DE SIBÉRIE DE LA MINE ALIBERT. — A. W. FABER MANUFACTURIER.**

Ил. 2. Рекламная этикетка карандашей

что каждый карандаш из вашего графита подписан: "Сибирский графит из месторождения Алибера"⁵ (ил. 2).

Однако Фабер наряду с сибирским графитом начал использовать более дешевое сырье для производства карандашей в сравнении с сырьем Алибера. В письме Фаберу Алибер выказывает недовольство ведением дел: «Вместо огромного успеха, который вы мне обещали, что произошло?»

Продажа тысячи восьмисот девяноста двух карандашей за первые десять лет.

В вашем письме от 11 июня 1859 г. вы мне обещали только в России продать две тысячи карандашей за год. Если бы вы выразили хоть малейшее сомнение о возможности этих продаж, о которых вы говорили как о беспорных, я не пожертвовал бы всем, чтобы выполнить все мои обязательства о поставке графита. <...> Результат, который вы не предвидели, в том, что известность сибирского графита отразилась на обыкновенном графите. Это привело к всеобщему заблуждению и тому, что люди путают ваш минерал с моим, не подозревая разницу в его ценности.

Ваши письма изменили тон, и вы начали поднимать вопрос о трудностях продажи, которые, по-вашему, не могли быть преодолены. Вот почему в течение 18 лет, с тех пор, как существует наш договор, ваш Дом зарабатывает миллионы. Вот почему я, снабжавший ваши заводы сибирским графитом, я, не перестававший трудиться, разоряясь и поддерживая всеми возможными средствами наше дело, зарабатываю сами знаете что»⁶.

Алибер действительно вложил в производство все силы и средства, ведь ему пришлось строить шахту рудника, жилье для рабочих и обеспечивать их продуктами. В 1847 г. он приступил к разведке месторождения, а в 1848 г. по его заявке на вершине Ботогольского гольца ему был отведен графитовый рудник под названием Мариинский. Описание рудника 1851 г. встречается в книге Люси Аткинсон, которая путешествовала со своим мужем, художником и писателем Томасом Аткинсоном, в долину вулканов Жомболок: «Мы

⁵ Graphite de Sibérie: correspondance entre M. Faber et M. Alibert 1872–1873. Paris, 1873. P. 19.

⁶ Там же. С. 24.

посетили графитовый рудник одного француза. По дороге мы видели много бурятских зимних домов, расположенных среди деревьев в ущельях. Через эти ущелья протекает много небольших ручьев. В отличие от киргизов, буряты строят основательные дома. Они весьма знатны и владеют и летними, и зимними жилищами. Позже мы видели их в летних жилищах в окружении лошадей и скотины. Буряты трудолюбивее киргизов, хотя и выглядят менее презентабельно, между тем женщины, некоторые из них, очень красивы, вероятнее всего потому, что они не так тяжело работают. <...>

Для того чтобы добраться до рудника господина Алибера, нам нужно было подняться в гору из долины реки Оки, которая вела нас в озерную местность. Дорога там была очень плохая из-за глубоких болот, по которым мы бултыхались в грязи и воде на каждом шагу. Несмотря на то что дорога была неприятна, мы ее преодолели, чем привели в изумление хозяина рудника, когда ему об этом рассказали. Как только мы приехали, мы обнаружили все, что мы только могли пожелать, кроме чистоты, которой здесь невозможно было добиться, поскольку абсолютно все было покрыто графитовой пылью. Наш мудрый хозяин построил ванну. Крайне важная предусмотрительность. В десяти верстах от рудника у него устроена ферма, поэтому на столе всегда есть масло, сливки и овощи. Это гораздо больше, чем я могла бы ожидать. Никогда бы не подумала, что здесь будет даже картошка»⁷.

Жан-Пьер Алибер отличался не только предприимчивостью, но и ответственностью и основательностью, с которыми он подошел к своему делу. Рудник Алибера был устроен по самым передовым технологиям того времени. В своих книгах, посвященных преимущественно этнографии, Томас Аткинсон не упоминает пребывания на графитовом руднике Алибера, а его изображения этого периода, к сожалению, утеряны. Однако Жан-Пьер Алибер с такой же основательностью, с которой он построил рудник, подошел и к документированию своих достижений. По возвращении в Европу в начале 1860-х Алибер пожертвовал свой изысканный альбом, состоящий из 161 рисунка, выполненных гуашью, Музею искусств и ремесел в Париже. Экспозиция этого музея повествует о научно-техническом развитии как в самой Франции, так и в других странах. В основном здесь выставлены экспонаты, изготовленные в XIV–XX вв. и характеризующие различные этапы развития общества – от ткачества до искусства фотографии. Неудивительно, что Алибер пожертвовал альбом именно этому музею, ведь в нем представлены изображения Ботокольского рудника, который стал поистине образцом технического прогресса того времени. Все изображения подписаны Карлом Вольфом, некоторые из них опираются на рисунки самого Алибера. Личность Карла Вольфа, к сожалению, пока идентифицировать не удалось. Вероятно, он был в окружении купца, но есть также вероятность, что альбом Алибер заказал у стороннего художника уже по возвращении из Сибири. Некоторые из работ в альбоме перерисованы с его ранних дагеротипов. Алибер стал одним из первых пользователей этой новейшей технологии и не только сам делал дагеротипы, но и продавал дагеротипное оборудование. Сведения

⁷ *Atkinson L.* Recollections of Tartar steppes and their inhabitants. London, 1863. URL: <http://digital.library.upenn.edu/women/atkinson/steppes/steppes.html>

об этом есть в записи польского политического ссыльного Юлиана Гляубича Сабиньского⁸ от 24 августа 1845 г.: «Лесневич, Коссаковский и Немировский каждый день по несколько часов экспериментируют с дагеротипным оборудованием, которое первый из них купил у Алибера. У них есть книга, описывающая весь процесс, и по ней они учатся, делая постоянные пробы. До сих пор они не могут еще установить необходимое количество жидкости, времени, света, расстояния и т. д. Но у них с каждым днем получается все лучше, и они, несомненно, придут к тому, что их снимки не будут уступать работам Давиньона»⁹.

Сабиньский еще несколько раз упоминает Алибера в дневнике – 3 апреля 1843 г. и 18 июня 1848 г. В этих записях он отмечает особую предприимчивость и меркантильность Алибера: «В Иркутске появились разные предметы французского и английского производства. Два года тому назад француз Алибер приехал туда на пару недель из Петербурга и привез немного модных мелочей разного рода. Их сразу же расхватали, не глядя на завышенную в три или четыре раза цену»¹⁰. «Мой ученик Окуловский сказал мне сегодня, что получили письмо Алибера, который собирается вскоре прибыть в Иркутск. А поскольку Алибер этой весной находился во Франции и Англии, то, может, он расскажет подробнее о тех событиях, очевидцем которых он был, если только его безграничная преданность торговле и личным интересам не мешали ему обращать внимание на происходящее в обществе»¹¹.

Особый интерес в сохранившемся наследии Жан-Пьера Алибера вызывает его живописный альбом, который хранится во Франции. Этот альбом можно условно разделить на тематические подразделы: «Виды Мариинского рудника», «Планы городов, рудника и карты», «Пейзажи», «Изображения бытового жанра», «Городские пейзажи». На обложке альбома указаны даты 1840 г. и 1862 г., которые могут свидетельствовать о том, что рисунки в альбоме отражают события отрезка времени между этими датами. Альбом в кожаном коричневом переплете, с золотым тиснением, украшен двумя виньетками на керамике. Размер верхней крышки альбома 37,5 × 52 см. На обложке тиснение: «1840. 1862. Память о моих путешествиях по Сибири». На обороте крышки посередине надпись: JPH Alibert. Альбомные листы цвета слоновой кости (размер 36,5 × 51 см). Под некоторыми рисунками указаны точные даты вплоть до месяца и числа. Все рисунки (в общей сложности 161 изображение) выполнены гуашью.

Рисунки раздела «Виды Мариинского рудника» демонстрируют устройство рудника лучше любых описаний того времени. На изображениях виды построек вокруг рудника, внутренние сооружения шахты, вид центральной галереи, а также конструкции для добычи и транспортировки графита на руднике. В альбоме эти изображения не подписаны, однако на сайте Музея искусств и ремесел в Париже они атрибутированы.

⁸ Юлиан Сабиньский (1797–1868) был сослан в Сибирь за участие в Содружестве польского народа.

⁹ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник. Иркутск, 2015. Т. 2. С. 306.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 577.

Планы городов, рудника и карты в альбоме поражают своей точностью. Алибер отмечал, вероятно, большинство мест, где бывал. Планы подписаны рукой самого Алибера. Представлены планы Тобольска, Омска, Енисейска, Томска, Красноярска, Иркутска, карта озера Байкал, планы Мариинского графитного прииска.

Изображения, которые можно отнести к подразделу «Пейзажи», также подписаны преимущественно самим Алибером. Их атрибуция поэтому не вызывает особых сложностей. Пейзажи из альбома Алибера демонстрируют красоту природы Западной и Восточной Сибири, Забайкалья и дальневосточных территорий. Подписи выполнены на двух языках: русском и французском. В этот условный раздел можно включить виды Иовского, Иннокентьевского, Спасского золотосодержащих приисков, Мариинского прииска Алибера. Особое место среди пейзажей занимают виды Тункинского края, поскольку именно эта территория была связана с обустройством графитного рудника Алибера.

«Изображения бытового жанра», посвященные повседневным событиям частной жизни, интересны тем, что Жан-Пьер Алибер с особой наблюдательностью и тщательностью отмечал происходившее с ним, таким образом, альбом стал еще и своеобразным дневником его путешествия и труда. Точные зарисовки позволяют воссоздать картины того времени, а также путь, который проделал Алибер к месту строительства рудника. Этот раздел один из самых обширных, на паспарту внизу надписи рукой Ж.-П. Алибера. К этому условному разделу можно отнести сцены из путешествия Алибера («16 декабря 1845 г. В 8 часов вечера между городами Канском и Красноярском подъезжал к станции Рыбинск, при спуске с горы лошади быстро понесли и на мосту опрокинули сани, из-под которых вытащили меня едва живого и с трудом привели в чувство» или «Переход мой по глубоким снегам через Нахудобанский голец 14 ноября 1847 г.»), из жизни на прииске и работы на рудниках (например: «Вид промывки золотосодержащих песков на станках или грохотах»; «Отыскание месторождения графита на Ботогольском гольце 12 сентября 1847 г.»). Есть также и происшествия, которые Алибер весьма забавно описывает в своих подписях («Спрыскивание вновь открытой россыпи, и «Ура и полная чаша!», а не думают о том, что иногда попадаете пустой орех»; «21 сентября 1843 г. В 3 часа пополуночи близ Екатеринбурга, между станциями Белоярская и Кунарская, был похищен у меня моим же ямщиком и его товарищем ящик с товарами на сумму 1498 рубл[ей] сереб[ром]»). В этом разделе также можно выделить одно, несомненно, редкое изображение: «Переправа государя наследника цесаревича великого князя Александра Николаевича через реку Туру в г. Тюмени 1 июля 1837 года во время путешествия Его Императорского Высочества по 3. Сибири».

Еще один раздел изображений в альбоме Жан-Пьера Алибера можно обозначить как «Городские пейзажи» или «Виды городов и рудников». Купец отмечал в своем альбоме, вероятно, почти каждый город, в котором он бывал: Тобольск, Томск, Красноярск, Троицкосавск, Якутск, Киренск. Мы особо выделяем виды Иркутска, их в альбоме больше остальных, вероятно,

Ил. 3. Графит из Ботогольского месторождения

потому, что с Иркутском Алибера связывали его дела.

1. Вид города Иркутска с Иерусалимской горы. С дагеротипной съемки.

2. Вид гостиного ряда в городе Иркутске.

3. Вид парадной площади в городе Иркутске.

4. Вид города Иркутска из реки Ангары с Кругобайкальского тракта.

5. Вид Иркутского Вознесенского мужеского 1 класса монастыря.

6. Вид дома генерал-губернатора

Восточной Сибири с набережной реки Ангары в г. Иркутске.

7. Вид дома генерал-губернатора Восточной Сибири с реки Ангары в городе Иркутске.

8. Вид города Иркутска с заимки генерала Руперта.

9. Вид заимки генерала Руперта близ города Иркутска.

Вильгельм Яковлевич Руперт был генерал-губернатором Восточной Сибири в 1837–1847 гг. Он заслужил репутацию умного военного, хорошо раз-

Ил. 4. Экспозиция Музея искусств и ремесел в Париже, 1889

бировавшегося в военно-инженерных вопросах, однако для управления таким большим и непростым регионом, как Восточная Сибирь XIX в., ему не хватило административных навыков. Именно в этот промежуток времени Жан-Пьер Алибер занимался приобретением земли в Ботоголе, а также обустройством графитового рудника. Вероятно, для этого ему было необходимо получать разрешения у генерал-губернатора. Однако точно неизвестно, был ли он знаком с Рупертом лично.

Жан-Пьер Алибер вынужден был оставить свое детище в далекой Сибири. Его альбом хранит отражение не только событий путешествия по Сибири, как написал сам француз, в альбоме заключено свидетельство самого большого достижения Алибера – Мариинского графитового рудника. Покидая Сибирь, он оставил свое сердце здесь навсегда. До сих пор образцы Ботогольского графита хранятся в Иркутске в Минералогическом музее им. А. В. Сидорова (ил. 3). Во Франции же хранится уникальный альбом, представляющий особую ценность именно для Сибири, поскольку содержит в себе редкие и порой уникальные изображения сибирской природы и городов. В Музее искусств и ремесел в Париже альбом доступен для просмотра на сайте музея, в открытом доступе он не экспонируется. Однако существует изображение альбома 1889 г., его можно увидеть в постоянной экспозиции музея в русской секции – в витринах, посвященных Жан-Пьеру Алиберу (ил. 4). Этот альбом вплоть до наших дней сохраняет мост между Францией и Сибирью.

Литература

- Atkinson L.* Recollections of Tartar steppes and their inhabitants. London, 1863. URL: <http://digital.library.upenn.edu/women/atkinson/steppes/steppes.html>
- Graphite de Sibérie: correspondance entre M. Faber et M. Alibert 1872–1873.* Paris, 1873.
- Montauban. Quand la fiction dépasse la réalité // LADEPECHE.* fr. Paris, 2010. URL: <https://www.ladepeche.fr/article/2010/08/01/882503-quand-la-fiction-depasse-la-realite.html>
- Гранина. А. Н.* Разведчики сибирских недр. Иркутск, 1958.
- Жирнов Е.* Грифель империи // Коммерсантъ Деньги. М., 2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/578010>
- Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
- Сабиньский Ю.-Г.* Сибирский дневник: в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2.
- Солоненко В. П., Кобеляцкий И. А.* Восточные Саяны. Иркутск, 1947.

References

- Granina A. N.* Razvedchiki sibirskikh neдр. Irkutsk, 1958.
- Ghirnov E.* Grifel imperiy // Kommersant Den'gi. Moscow, 2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/578010>
- Matkhanova N. P.* General-gubernatory Vostochnoi Sibiri serediny XIX veka: V. Ya. Rupert, N. N. Muravjov-Amurskij, M. S. Korsakov. Novosibirsk, 1998.
- Sabinsky Yu.-G.* Sibirskij dnevnik. Irkutsk, 2015. T. 2.
- Solonenko V. P., Kobelatsky I. A.* Vostochnye Sayany. Irkutsk, 1947.

Сохранение историко-культурного наследия

А. Н. Гаращенко

О местах проживания декабристов в Иркутске (к постановке проблемы)

Аннотация. Иркутск, как столица Восточно-Сибирской губернии, был главным центром проживания декабристов после их выхода на поселение. В статье рассматриваются результаты изучения писем, мемуаров, воспоминаний, газетных публикаций и архивных материалов на предмет выявления мест непосредственного проживания декабристов и членов их семей в Иркутске в 1820–1860-х гг. Таких мест удалось выявить не очень много, тем не менее появилась определенная конкретика в знаниях о территории, на которой жили в Иркутске участники исторических событий 1825 г.

Ключевые слова: декабристы; Иркутск; А. Н. Муравьев; А. В. Веденяпин; А. В. Поджио; Н. А. Бестужев; М. К. Кюхельбекер; И. И. Пущин; И. Д. Якушкин; Ю. К. Люблинский; П. Ф. Дунцов-Выгодковский; В. Ф. Раевский; В. А. Бечаснов; С. Г. Волконский; С. П. Трубетской; И. Б. Цейдлер; П. А. Муханов.

A. N. Garashchenko

About the places of residence of the Decembrists in Irkutsk (to the problem statement)

Abstract. Irkutsk, as the capital of the East Siberian province, was the main center of residence for the Decembrists after they entered the settlement. The article examines the results of the study of letters, memoirs, memoirs, newspaper publications and archival materials in order to identify the places of direct residence of the Decembrists and their family members in Irkutsk during the 1820–1860s. It was possible to identify not very many such places, nevertheless, a certain specificity appeared in the knowledge of the territories in which the participants in the historical events of 1825 lived in Irkutsk.

Keywords: decembrists; Irkutsk; A. N. Muravyov; A. V. Vedenyapin; A. V. Poggio; N. A. Bestuzhev; M. K. Kuchelbecker; I. I. Pushchin; I. D. Yakushkin; Yu. K. Lyublinsky; P. F. Duntsov-Vygodovsky; V. F. Raevsky; V. A. Bechasnov; S. G. Volkonsky; S. P. Trubetskoy; I. B. Zeidler; P. A. Mukhanov.

Вопрос о местах, связанных с пребыванием декабристов в Иркутске, уже неоднократно поднимался на страницах научной и популярной литературы¹.

¹ *Полунина Н. М.* Историко-мемориальная реконструкция Иркутска времен декабристов // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып. 5. С. 52–64; *Перцева Т. А.* По местам декабристов

Гаращенко Алексей Николаевич – старший научный сотрудник, Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова, Иркутск, Россия.

Garashchenko Aleksey N. – historian, senior researcher, Museum of Irkutsk City named for A. M. Sibiriyakov, Irkutsk, Russia. E-mail: ieditor@yandex.ru

Мы хотели бы задать несколько иной ракурс этой теме, поставив вопрос только о местах их проживания.

Таких мест, сохранившихся и точно известных, в городе очень мало. Но есть такие понятия, как «память места» и «историческая территория», т. е. территория, на которой жили исторические личности или где происходили значимые исторические события. Даже при отсутствии материальных объектов, олицетворяющих собой конкретную связь с людьми или историческими событиями, «историчность места» сохраняется, что дает право увековечивать эти места памятными знаками.

Сразу же отметим, что, рассказывая о тех домах, где жили в городе декабристы, мы иногда будем выходить за хронологические рамки их нахождения в Иркутске, но считаем это вполне обоснованным в тех случаях, если строения или места пребывания конкретных персоналий имеют богатую историю, тем самым представляя больший интерес.

Выделим два вида усадеб, которые можно связывать с пребыванием декабристов в Иркутске. Во-первых, это временное, чаще всего съемное жилье, где селились лица, получившие в дальнейшем наименование «декабристы», а также их жены и невесты. Во-вторых, усадьбы, находившиеся в их собственности.

Начнем со времени прибытия в город первой партии декабристов.

Первого участника тайных организаций, Н. Заикина, привезли в наш город 25 августа 1826 г.² 27 августа были доставлены Артамон Муравьев, В. Давыдов, Е. Оболенский, А. Якубович, в ночь на 29-е – С. Трубецкой, С. Волконский, братья Борисовы, А. Веденяпин, С. Краснокутский, Н. Чижов, а 30 августа – В. Голицын и М. Назимов³. Прибывших отправили в городскую полицию по распоряжению председателя губернского правления Николая Петровича Горлова, где они и провели первые часы на иркутской земле. Здесь по его приказу с них сняли кандалы. Место, где была полицейская управа, известно, и дом, правда в несколько перестроенном виде, сохранился. Ныне это здание отдельного поста № 1 пожарной части № 3 (ул. Марата, 10). В середине 1820-х гг., судя по архивному описанию, оно выглядело следующим образом: корпус длиной 12, шириной 8 саж. (25,56 × 17 м), вышиной по крышу 9,5 арш. (6,75 м), в три этажа. В нижнем этаже находились два погреба и две кладовые, кухня с людскою для городничего, четыре казармы для колодников и полицейских служителей. В среднем этаже: проходные сени – покои для полиции, прихожая, присутствие, для приказных, архив, кладовая для содержавшихся под арестом и караульная. Для первого частного суда – прихожая для приказных, присутствие, кладовая

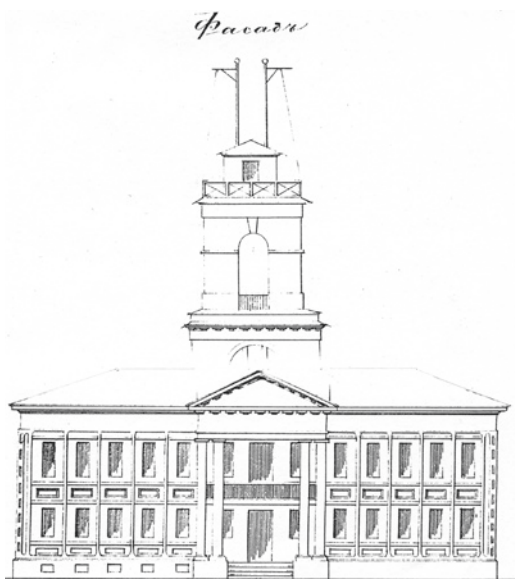
в Иркутске: К 180-летию прибытия декабристов в Сибирь и 150-летию амнистии декабристов. Иркутск, 2006; *Перцева Т. А., Ячменев Е. А.* «Декабристское кольцо Сибири»: Межрегиональный туристический мегапроект. Ч. 1. Восточная Сибирь. Иркутск и Иркутская область. Иркутск, 2006.

² О времени прибытия в Иркутск Заикина в архивных материалах встречаются разночтения. Указываются 25 и 26 августа, так же обстоит дело и с датой его отправки к месту назначения – 26 и 28 августа (*ГАИО*. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. Карг. 1. Л. 77, 229).

³ *Кубалов Б. Г.* Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. Иркутск, 1925. С. 12 (далее: *Кубалов*).

Ил. 1. Фрагмент плана Иркутска 1829 г.
Под № 30 – общая и первая частная
городовая управа

Ил. 2. Фасад здания полицейского управления.
Из фондов ГАИО

для содержавшихся под арестом и кладовая для городничего. В верхнем этаже – покои городничего: прихожая, залы, гостиная, спальня, детская, девичья, буфет и людская; для помощника – кухня, прихожая, зал, гостиная, спальня и детская⁴ (ил. 1–3).

Пробыли здесь «государственные преступники» совсем недолго, и уже в ночь на 29 августа некоторых из них отправили на заводы Иркутской губернии. Но и там их нахождение не затянулось. Вскоре их вернули в город, а затем отправили за Байкал.

Следующие партии доставляемых в Иркутск декабристов помещались уже в острог, «обширное каменное здание», как вспоминал М. Бестужев⁵. В течение почти двух лет, с 27 августа 1826 г. по 18 июня 1828 г., прибытия первой и последней партий, через острог прошли 84 человека, следовавшие на забайкальскую каторгу⁶.

16 сентября в Иркутск приехала Е. И. Трубецкая, первая из жен декабристов, следовавших за своими мужьями. Она остановилась в доме Е. А. Кузнецова⁷. Это произошло по просьбе князя А. Б. Голицына⁸, доверителя иркутского купца Е. А. Кузнецова.

⁴ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1432. Л. 59 об. – 60.

⁵ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 142.

⁶ Полупина Н. М. Историко-мемориальная реконструкция Иркутска времен декабристов. С. 60.

⁷ Кубалов. С. 13.

⁸ Голицын Александр Борисович (1792–1865), отставной полковник, действ. ст. сов. Содержатель питейного откупа. С нояб. 1825 г. по нояб. 1826 г. жил в Иркутске (Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П. И. Пежемского и В. А. Кротова) / сост. Н. С. Романов; под ред. И. И. Серебrenникова // Тр. ВСОИРГО. Иркутск, 1914. № 8. С. 231). А. Б. Голицын обращался к Е. А. Кузнецову с просьбой о принятии Е. И. Трубецкой в его доме, хотя имел в городе собственную усадьбу с одноэтажным деревянным домом, достаточно помещительным. Возможно, из-за того, что в отсутствие хозяина за домом не было достаточно присмотра и ухода (РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 158).

Ил. 3. Здание пожарной части. Современный вид.
Фото И. Бержинского. 2012 г.

Упоминание о приезде первых декабристов в Иркутск и о том, что в доме Е. А. Кузнецова останавливались жены этих государственных преступников, мы находим в материалах опроса советника Иркутского губернского правления П. Здора, сделанного им по требованию следствия в апреле 1828 г.

П. Здор был свидетелем прибытия участников первой партии. Он отмечал: «Кузнецов же потому более спешил к ним (к прибывшим декабристам. — А. Г.), как он прого-

варивал мне (П. Здору. — А. Г.), что тут был Трубецкой, о котором писал ему доверитель его кн. Голицын, чтобы заготовлена была квартира для жены его, которая вслед за ним в Иркутск прибудет»⁹. Позднее «Кузнецов с Трубецким разговаривал о приготовленной им для жены его квартире в доме купца Кузнецова»¹⁰. Е. А. Кузнецов в то время был не только управляющим питейными сборами по Иркутскому округу, но и иркутским городским головой.

После отъезда 20 января 1827 г. Трубецкой в Нерчинский Завод¹¹ дом принял и М. Н. Волконскую, о чем та упоминает в своих воспоминаниях: «Занимаемая мною квартира была именно та, из которой Каташа выехала в этот самый день в Забайкалье»¹².

Здесь же в январе 1827 г. нашла приют и А. Г. Муравьева во время нахождения в Иркутске на пути следования за мужем.

Позднее, в сентябре 1839 г., в доме Кузнецовых около месяца жила и вся семья Трубецких проездом из-за Байкала на поселение в с. Оёк. Именно здесь умер годовалый сын Трубецких Владимир (1 сентября 1839 г.)¹³.

Усадьба Е. А. Кузнецова не сохранилась. Она находилась в квартале, где с конца 1920-х гг. велось строительство Иркутского завода тяжелого машиностроения¹⁴. Правда, дом был уничтожен раньше — в 1859 г. пожаром. К сожалению, не известно и его изображений. Представление о нем и его окружении дает только следующее описание из «Списка обывательского города Иркутска» за 1829–1832 гг.: величина покоев в доме составляла в длину 10 саж. (21,3 м), в поперечнике 6 саж. (12,78 м), число покоев — 6, число печей — 5. При доме был жилой флигель: длины 5 саж. (10,65 м), в поперечнике — 3,5 саж. (7,45 м), число покоев — 4, количество печей — 4. Отдельно стояла кухня: длиной 7 саж. (14,9 м) и в поперечнике 3 саж.

⁹ Кубалов. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 14.

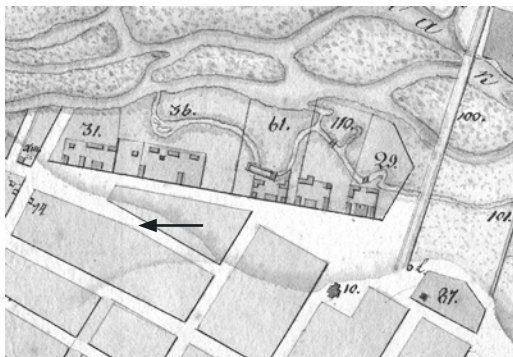
¹¹ Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. Иркутск, 1987. С. 471 (далее: Трубецкой).

¹² Записки жены декабриста Марии Николаевны Волконской // Своей судьбой гордимся мы. Иркутск, 1977. С. 322.

¹³ Трубецкой. С. 21, 106, 475.

¹⁴ Подробно о доме Е. А. Кузнецова см.: Гаращенко А. Дом на Шелашниковской (факты, рассуждения, предположения) // Земля Иркутская. 2010. № 2 (37). С. 76–87.

(6,4 м), с числом покоев – 2, количеством печей – 2. У Кузнецова во 2-й части города был и еще один дом длиной 7 саж. (14,9 м), в поперечнике – 2,5 саж. (5,33 м), с числом покоев – 2, с двумя печами¹⁵. Дополнительная информация есть в воспоминаниях Эразма Стогова, который в 1819–1820 гг. проживал в Иркутске, в то же время, когда здесь находился и генерал-губернатор М. М. Сперанский, также квартировавший в доме Кузнецова. Стогов пишет: «Сперанский занимал дом «короля» Кузнецова. Дом деревянный, большой – окон в 9, а может, в 11, на восточном краю города <...>»¹⁶.

Ил. 4. Фрагмент плана города 1829 г.
Под № 110 – усадьба купца Е. А. Кузнецова.
Стрелкой показана улица Наквасинская

Но дом, как мы отметили, сгорел. Об этом событии имеются как минимум два свидетельства. В «Иркутской летописи» под 17 декабря 1859 г. читаем: «<...> в час ночи по Институтской улице в доме Занадворовой, которой он достался по наследству от Кузнецова, загорелся флигель, и от него вследствие ветра вспыхнули все надворные постройки и дом, выходящий в улицу (выделено нами. – А. Г.). Огонь также перебросило в соседний губернаторский двор, где быстро вспыхнули флигель и все надворные постройки, передний же дом, где квартировал военный губернатор, и другие смежные постройки отстояли с большим трудом»¹⁷. Свидетелем этого события и участником тушения пожара оказался Борис Алексеевич Милютин, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Н. Н. Муравьеве, впоследствии товарищ главного военного прокурора, который оставил об этом событии воспоминания: «В конце ли ноября или начале декабря в театре было большое торжество: бенефис Соболевой <...>. После театра предполагался ужин у Соболевой, на который и я имел приглашение, но мне нездоровилось, и я ушел домой. Не успел я раздеться, как вбегает хозяин и объявляет, что пожар, и большой, горит дом Кузнецова (известного богача, в то время умершего), а по соседству его с одной стороны находится губернаторский дом, с другой – девичий институт. В то время чиновники особых поручений обязаны были являться на пожар, не в качестве только зрителей, но и действующих лиц. Я надел дорожные сапоги, полушубок, выпросил у хозяйки топор, и мы с хозяином поскакали. Это был час двенадцатый. Пожар оказался действительно серьезным. Пришлось как следует поработать. Загоревшийся дом, конечно, не отстояли (выделено нами. – А. Г.), кое-что поломали, зато отстояли [дом] Карла Карловича Венцеля (военного и гражданского губернатора. – А. Г.) и институт»¹⁸ (ил. 4, 5).

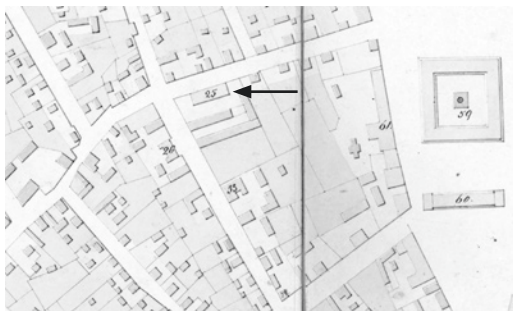
¹⁵ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2862. Л. 53 об. (нумерация дела старая).

¹⁶ Стогов Э. И. Очерки, рассказы и воспоминания // Рус. старина. 1878. Т. 23. С. 508.

¹⁷ Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П. И. Пежемского и В. А. Кротова). С. 58.

¹⁸ Милютин Б. А. Губернаторство Н. Н. Муравьева // Ист. вестник. 1888. Ноябрь. (№ 11). С. 360.

1843 г. корпуса военного госпиталя показаны в двух местах: на углу современных улиц Чкалова и Марата (сегодня здесь находится здание по ул. Марата, 11) и на углу улиц 5-й Армии и Ярослава Гашека (ул. 5-й Армии, 65). В дальнейшем А. В. Веденяпин служил помощником смотрителя Иркутской гражданской больницы, а затем ее смотрителем (1844–1850 гг.), и в это время он должен был жить при этом заведении (ил. 6–9). А вот в дальнейшем, когда был причислен к Иркутскому губернскому управлению, назначен заседателем Иркутского окружного суда (1850–1855 гг.), он должен был снимать жилье в городе. В это время он встречался со многими декабристами, бывал на семейных торжествах, о чем остались свидетельства очевидцев. Например, дочь Волконских Елена вспоминала в письме к брату 10 марта 1871 г.: «Милый Миша, сегодня великий день! мама страдала и произвела тебя на свет! Сколько бывало у нас радостей в этот великий день; с утра настраивали фортепяно, помнишь, приезжал настройщик, поляк, который рассыпал табак по клавишам! И звук фальшивых нот и струн как-то особенно весело отзывался в наших ушах «будем плясать!» и точно – вечером под вальс Дяди кружился с Глафирией Дядька, неся с Сашею Раевской Веденяпин с гнойничками в глазах, за ним следовал с Гутенькой Быстрицкий <...>»²². О пребывании Веденяпина в Иркутске сведений нет. Как замечает В. Е. Дербина, он был одинок, не был дружен с теми, кто разделял с ним ссылку, не удалось установить дружеских отношений его ни с одним из декабристов, живших в городе и в округе, он сторонился их²³. В 1855 г. А. В. Веденяпин уже жил в Енисейске.

Ил. 6. Фрагмент плана Иркутска 1843 г.
Под № 25 – военный госпиталь

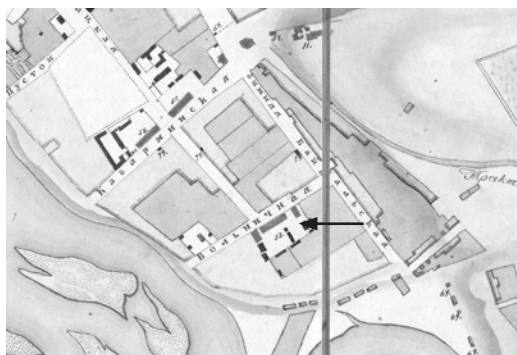
Ил. 7. Фрагмент плана Иркутска 1843 г.
Под № 53 – гражданская больница с богадельней

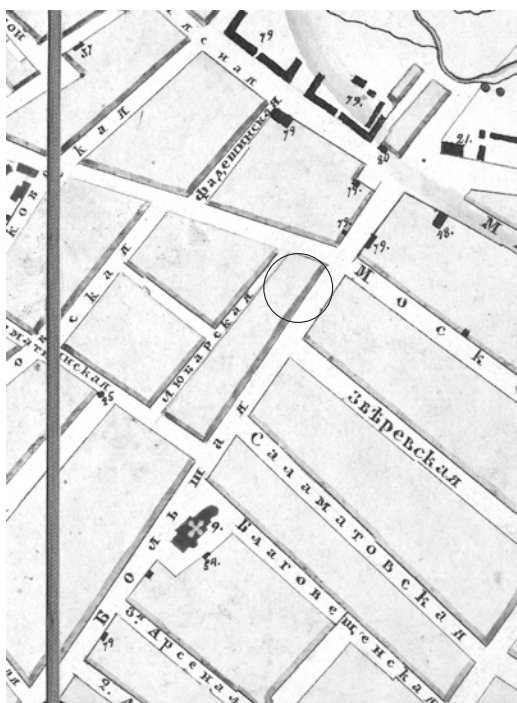
Ил. 8. Дом по ул. 5-й Армии, 65, бывший военный госпиталь. Фото И. Бержинского. 2011 г.

²² ГА РФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 672. Л. 141.

²³ Дербина В. Е. Декабрист А. Веденяпин в Сибири // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 121.

Ил. 9. Фрагмент плана Иркутска 1849 г.
Под № 53 – гражданская больница с богадельней

Ил. 10. Фрагмент плана Иркутска 1849 г. Показано место усадьбы Белоголовых и территория возможного проживания А. В. Поджио

Александр Викторович Поджио официально и неофициально жил в Иркутске на разных квартирах.

Н. А. Белоголовый вспоминал, что, занимаясь у декабриста около двух лет (до мая 1847 г.), он с братьями ходил «на городскую квартиру Поджио, жившего в двух шагах» от их дома, на Большой же улице²⁴. Известно, что семья Белоголовых в это время владела усадьбой на углу Большой и Ланинской улиц²⁵ (на месте современного адреса: ул. К. Маркса, 47). Что подразумевал автор под образным выражением «в двух шагах», сказать сложно, но можно предположить, что это было достаточно близко, в пределах пяти-семи соседних усадеб как в одну, так и в другую сторону Большой улицы по обеим ее сторонам (ил. 10).

Следующий адрес пребывания А. В. Поджио отмечается в письме С. П. Трубецкого к А. С. Ребиндер от 26 апреля 1852 г. Рассказывая о свадьбе А. М. Кюхельбекер и В. К. Миштовта, Сергей Петрович отметил, что молодые живут, «где жили Поджио на Арсенальной площади»²⁶. Конечно, это очень неопределенное указание. Окружение Арсенальной площади (территория современного центрального рынка) было довольно обширным, и без до-

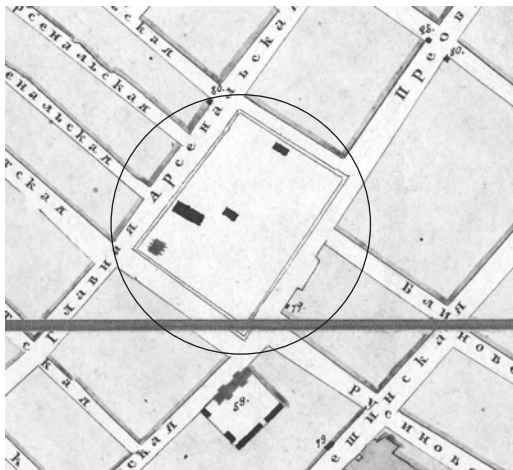
²⁴ Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. Из детских лет // Знаменский М. С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 273 (далее: Белоголовый).

²⁵ Иркутские губернские ведомости. 1870. 24 окт.; Медведев С. И. Фотограф Август Гофман и его завещание Иркутску // Земля Иркутская. 2004. № 1 (24). С. 58. Автор, приводя иллюстрацию с видом части Большой улицы, сделанную с колокольни Благовещенской церкви, ссылаясь на Н. С. Романова, пишет: «Большая улица <...>. С угла Грамматиной далее по улице дома Колодезника, Доронина, Сабашникова, Белоголового Андрея Васильевича».

²⁶ Трубецкой. С. 207.

полнительных сведений можно только очертить предположительный круг усадеб (ил. 11).

Затем о месте проживания Поджо можно узнать опять из воспоминаний Н. А. Белоголового: «<...> в 1851 или 1852 году он [А. В. Поджо. – А. Г.] женился на классной даме Иркутского девичьего института Ларисе Андреевне Смирновой. <...> Средства, получаемые им из России, были невелики, чтобы содержать семью, а потому Александр Викторович должен был отыскивать новые источники доходов для удовлетворения самых скромных

Ил. 11. Фрагмент плана Иркутска 1849 г.
Показано место Арсенальной площади

потребностей своей жизни. Он, между прочим, *арендовал у иркутского приказа общественного призрения принадлежавшее ему угодье, известное под названием Рупертовской заимки*. Это был небольшой участок земли верстах в двух от города, с пашней, покосом и огородом, а главное, с небольшим жилым домом, в одной половине которого жил сам Поджо с семьей, а другую сдавал на лето в виде дачного жилья кому-нибудь из иркутских знакомых. Но аренда эта давала только небольшое подспорье для жизни, и едва ли вся выгода ее не заключалась в том, что ею окупалась квартира <...>²⁷.

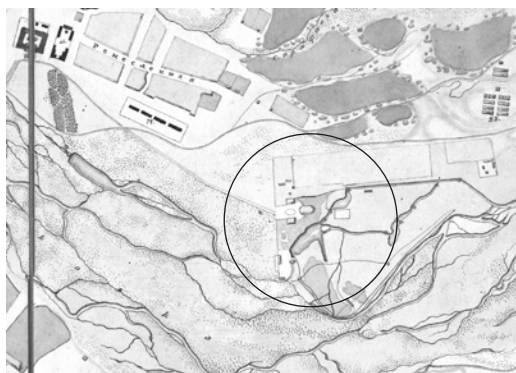
Что имел в виду автор под названием «Рупертовская заимка»? Речь идет о даче генерал-губернатора В. Я. Руперта, находившейся на Ушаковке на месте старого адмиралтейства²⁸. Именно возведение этой дачи стало одной из причин в ряду многих, что послужило снятию Руперта со своего поста. В вину Руперту комиссией сенатора И. Н. Толстого вменялось то, что он использовал труд каторжных на работах по возведению личной дачи, «с производством продовольствия и одежды от казны». Руперт приобрел это место в 1841 г., как он указывал, «с готовым домом и садом» (ранее в этом доме жил начальник морской команды и Иркутского адмиралтейства)²⁹. Генерал-губернатор объяснял: «Заимка, или летний дом мой перестраивался под управлением нанятых мною знающих архитектуру поселенцев, сперва Мястовского³⁰, а потом

²⁷ Белоголовый. С. 293–294.

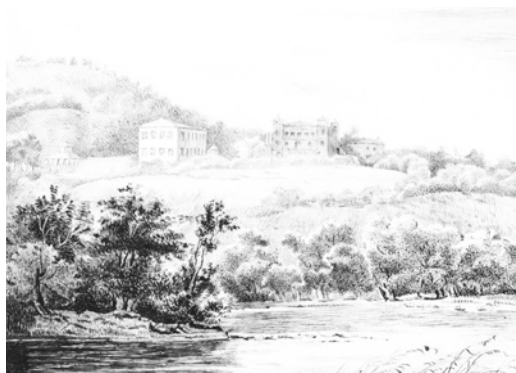
²⁸ Постройки адмиралтейства располагались первоначально на Ангаре (район торгового центра «Город мастеров», Иркутского юридического института), а позднее на Ушаковке (в районе современного стадиона «Динамо»). Впервые они показаны на плане города, датированном примерно 1809–1810 гг. Некоторое время в Знаменском предместье были даже Адмиралтейская улица (план города 1849 г.) и тенистая роща, тоже называвшаяся адмиралтейской. В нояб. 1839 г. последовало высочайшее повеление об упразднении Иркутского адмиралтейства.

²⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. 1846 г. Д. 1428. Л. 506, 519.

³⁰ Мыстковский (Мястковский) Мачей (ок. 1787–1856), дворянин, участник ноябрьского восстания в звании майора. Был арестован в 1833 г. Приговорен к четырем годам каторжных работ на заводах. Наказание отбывал в Иркутской губ., с конца 1839 г. на поселении в Жил-

Ил. 12. Фрагмент плана Иркутска 1849 г.
Показано место бывшей дачи В. Я. Руперта

Ил. 13. Усадебный пейзаж. Дача В. Я.
и Е. Ф. Рупертов близ реки Ушаковки недалеко от
Иркутска. 1859 г. Рисунок идентифицирован
по воспоминаниям М. В. Гороховой

Лисневича³¹. Сколько мне известно, тот и другой из управляющих нанимали постоянно рабочих для этого дела из вольных мастеров. Только весной 1841 г., когда я был в Петербурге, брались Лисневичем арестанты из острога и то не для постройки, а для рытья канала из р. Ушаковки. По возвращении же моем в Иркутск, когда я узнал о том, то тотчас приказал прекратить подобные требования и раз навсегда запретил вообще отпуск арестантов на мои работы, кто бы ни требовал их от моего имени из тюремного замка»³². Подтверждение этим работам находим у Ю. Сабиньского: «9 мая [1841 г.], пятница. Лесневич живет вместе с Мыстковским. <...> Теперь он делит работу с Мыстковским. Он искренне взялся за работу над парком генерала: делает планы, велит копать, сажать, словом, попал в свою стихию»; «29 июня [1841], воскресенье. Лесневичу генерал пообещал свою опеку, поручая ему заняться строительством и парком в его имении под Иркутском с постоянной за это оплатой.

Мыстковский это место уже потерял»; «19 января [1843 г.], вторник. К нам приехали Лесневич и ксендз Хачиский. Первый, закончив вчера порученную генералом Рупертом стройку <...>»³³. На сегодняшний день от построек дачи ничего не сохранилось, на этом месте ныне находится стадион «Динамо». В дошедшем до нас альбоме Е. В. Падалки, дочери В. Я. Руперта, присутствует рисунок, аннотированный как «Усадебный пейзаж. Дача В. Я. и Е. Ф. Рупертов

кинской волости Иркутского округа, где торговлей накопил себе значительное имущество. Умер в Сибири от паралича.

³¹ Лесневич (Лисневич) Иоахим (1793–1852), землевладелец, дворянин, участник ноябрьского восстания, находился под полицейским надзором. В 1835 г. связался с Филодемическим обществом, принимал участие в совете о присоединении к Обществу польского народа. Арестован в 1838 г., приговорен к 15 годам каторжных работ на заводах; наказание отбывал в Александровском винокуренном заводе под Иркутском; с 1840 г. находился на поселении. Умер в Воронеже, куда ему разрешили переехать.

³² РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. 1846 г. Д. 1428. Л. 522 об. – 523.

³³ Сабиньский Ю. Сибирский дневник : в 2 т. Иркутск, 2014. Т. 1. С. 579, 593; Там же. Иркутск, 2015. Т. 2. С. 14 (далее: Сабиньский).

близ реки Ушаковки недалеко от Иркутска. 1859»³⁴. По нашему мнению, это указание ошибочно, изображение не соответствует приведенному выше описанию Н. А. Белоголового (ил. 12, 13).

После отъезда Трубецкого в Европейскую Россию Поджио проживал в его доме в Знаменском предместье. В письме Н. Д. Свербееву, зятю Трубецкого, 4 августа 1857 г. Поджио писал: «Около месяца, как мы возвратились³⁵ и улеглись под вашим кровом. Парадная передняя обращена в спальную, бильярдная в кабинет и в столовую, а гостиная осталась гостиной для бегающей Вари. Вот и все помещение»³⁶. О том же он сообщил 18 августа С. Г. Волконскому: «<...> мы возвратились и с 1 числа сего месяца обособились в доме Трубецкого <...>»³⁷.

Это было последним местом проживания Александра Викторовича в Иркутске. В 1859 г. он навсегда уехал из города.

Дважды в Иркутск, находясь уже на поселении в Селенгинске, приезжал **Николай Александрович Бестужев**, первый раз в 1842 г., второй – в 1855 г. (несколько месяцев), по вызову Я. Д. Казимирского, начальника VIII (Сибирского) округа корпуса жандармов. Точно известно, где останавливался декабрист-художник во втором случае. Как следует из его собственных писем к Г. С. Батенькову, – у доктора И. С. Персина: «Вот я живу здесь уже другую неделю у Персина <...>» и «Я живу у Ивана Сергеевича Персина припеваючи, до того, что даже не стало голоса»³⁸. А вот о месте его пребывания в 1842 г. определенных сведений нет, но, вероятно, у того же Персина. На эту версию наталкивают строки из воспоминаний М. А. Бестужева: «Персин давно вызывал брата в Иркутск для той же цели (написание портретов. – *А. Г.*), и брат наконец решился: отправился в столицу Восточной Сибири, пробыл там почти год <...>»³⁹. На факт проживания у Персина указывала еще Е. М. Даревская, но, к сожалению, она не подтверждала это никакими документальными источниками⁴⁰.

Бестужев вряд ли мог поселиться у кого-то из друзей-декабристов, так как все они жили в деревнях, а основные заказчики-купцы – в городе. Где находился в 1840 г. дом Персина, служившего в это время иркутским городским лекарем, нам неизвестно, а в 1855 г. он располагался на Большой улице, и о нем в «Иркутской летописи» Н. С. Романова можно прочитать следующее: «Многие из домов города отличаются изяществом архитектуры, но Большая улица по сравнению с другими не богата красивыми домами. Из последних можно отметить дома двух Белоголовых, Персина, Пестерева,

³⁴ Альбом домашний и простой...: Семейный альбом Е. В. Падалки. Иркутск, 2016. С. 36–37.

³⁵ А. В. Поджио вернулся из поездки с золотых приисков на Эликте.

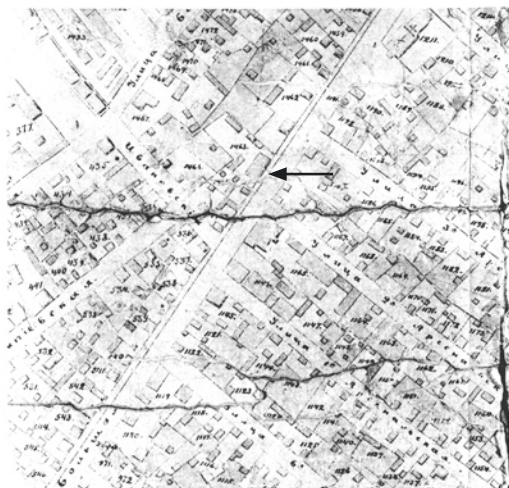
³⁶ Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 198–199.

³⁷ Там же. С. 200.

³⁸ Бестужев Н. А. Сочинения и письма. Иркутск, 2003. С. 665, 666.

³⁹ Воспоминания Бестужевых. С. 192.

⁴⁰ Даревская Е. М. О некоторых деталях пребывания декабристов в Сибири // Сибирь. 1986. № 1. С. 114.

Ил. 14. Фрагмент плана Иркутска 1862–1864 гг.
Под № 1463 – усадьба И. С. Персина

Ил. 15. Вид на Большую улицу.
Указан дом И. С. Персина. Фото 1865 г.

Беттихера, Перетолчина и строящийся Котельниковых»⁴¹. Дом, о котором идет речь, был деревянным, находился, по утверждению Ю. П. Колмакова, напротив Котельниковской улицы⁴². К сожалению, автор приводит это утверждение без документальных подтверждений, но если оно верно, то на плане съемки 1862–1864 гг. это усадьба под № 1463. Дом виден на фотографии А. К. Гофмана съемки 1865–1866 гг. Впоследствии участок перешел к титулярному советнику почетному гражданину Ф. К. Трапезникову (ил. 14, 15).

Одновременно с Бестужевым в том же 1855 г. приехал в Иркутск **Михаил Карлович Кюхельбекер**, останавливался у своей дочери Анны Миштовт⁴³. О месте, где проживали Миштовты, уже упоминалось выше, когда речь шла о Поджио, – на Арсенальной площади⁴⁴.

Четыре месяца, с августа до конца ноября 1849 г., жил в Иркутске **Иван Иванович Пущин**, радушно принятый в доме Вол-

конских, о котором он так отзывался в письме к М. И. Муравьеву-Апостолу и Е. П. Оболенскому: «Дом Марьи Николаевны прелесть, только нет саду»⁴⁵. Правда, в этот период Пущин на короткое время выезжал за Байкал, где гостил у М. Бестужева.

В августе 1854 г. в Иркутск приехал **Иван Дмитриевич Якушкин** вместе с сыном Вячеславом. Он планировал полечиться на минеральных водах в Забайкальском крае, но из-за ухудшения здоровья вынужден был задержаться в городе до августа 1856 г. Сначала он поселился в доме некоего Гавриила Григорьевича (фамилия не установлена)⁴⁶, которого давно знал, так

⁴¹ Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П. И. Пежемского и В. А. Кротова). С. 14–15.

⁴² Иркутская летопись 1661–1940 гг. Иркутск, 2003. С. 57.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Грубецкой. С. 207.

⁴⁵ Пущин И. И. Сочинения и письма : в 2 т. Т. 1. Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. М., 1999. С. 397.

⁴⁶ Грубецкой. С. 510.

как тот «жил лет десять у Фонвизиных», и о котором писал: «Хозяин нашего дома, вместе с тем и наш повар, и служит нам и вообще усердно за нами ухаживает»⁴⁷. О самом доме декабрист сообщал в послании И. И. Пущину: «Квартира наша оказалась необыкновенно поместительна и удобна, министерство наше все заключается в лице хозяина, который за исполнение возложенных на него поручений получает сверх платы за квартиру 15 р. сер. в месяц»⁴⁸. После отъезда в командировку Вячеслава Якушкина С. П. Трубецкой 1 апреля 1855 г. перевез Ивана Дмитриевича к себе в заушаковский дом. Но через год Якушкин вновь переехал от Трубецкого на старую квартиру, вероятно, в преддверии свадьбы Николая Дмитриевича Свербеева и Зинаиды Сергеевны Трубецкой, где и прожил до своего отъезда из города.

Где-то в Иркутске проживал **Юлиан Казимирович Люблинский**, о чем свидетельствовал в 1854 г. И. Д. Якушкин: «Бечасного и Быстрицкого очень редко видаю, они оба редко бывают в городе, а Люблинского, который живет в Иркутске, я и совсем не видал <...>»⁴⁹. Вероятно, Люблинский ни с кем из ссыльных декабристов не общался. Есть свидетельство, что он недолго любил С. П. Трубецкого, из-за того что тот, будучи избранным диктатором, в день восстания не явился на площадь⁵⁰.

В 1871 г. был переведен в с. Урик Иркутской губернии **Павел Фомич Дунцов-Выгодский**, но жил он в Иркутске при римско-католической церкви, а с февраля 1872 г. и окончательно переехал в город «и ввиду немощи, слабости зрения и неспособности к труду «прописался» в приюте пробста римско-католического костела К. Швермицкого»⁵¹, где и умер.

Теперь перейдем к тем личностям, которые имели отношение к декабристским кругам и жили в Иркутске в собственных усадьбах.

Владел в городе своим домом «декабрист без декабря» **Владимир Федосеевич Раевский**, несмотря на то, что постоянное место жительства у него было в селе Олонки. Дом находился в 1-й части в Тихвинском приходе, ранее он принадлежал губернскому архитектору Я. А. Кругликову. Не живший постоянно в городе Раевский сдавал усадьбу в аренду. Именно в ней было открыто 21 апреля 1838 г. Сиропитательное заведение для девочек, учрежденное Иваном и Логином Медведниковыми по завещанию их покойной матери Е. М. Медведниковой⁵². Заведение находилось в доме Раевского до 10 марта 1840 г., когда по требованию хозяина было вынуждено переехать на три месяца в другое помещение⁵³, а затем торжественно переведено в собственное здание на Преображенской улице.

Позднее, в 1843 г., числившийся крестьянином Идинской волости В. Ф. Раевский сдавал усадьбу дедюхинскому 1-й гильдии купцу Григорию Сергеевичу Лапину с платой 600 р. в год. В документе также отмечается,

⁴⁷ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 386.

⁴⁸ Там же. С. 384.

⁴⁹ Там же. С. 403.

⁵⁰ Кубалов. С. 205.

⁵¹ Иркутская летопись 1661–1940 гг. С. 72.

⁵² Кротов В. А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. С. 165.

⁵³ Иркутский сиропитательный дом Елисаветы Медведниковой и учрежденный при нем банк. Ч. 1: Сиропитательный дом. 1838–1888 гг. Иркутск, 1888. С. 21–22.

что в случае, «если дом сгорит по вине постояльца, Лапин должен заплатить Раевскому 6000 р.»⁵⁴. Эта цифра, с учетом того, что дом до этого сдавался под сиропитательное заведение, говорит о его немалых размерах и достаточно высокой стоимости недвижимого имущества владельца. Важно помнить, что ранее усадьба принадлежала архитектору Якову Алексеевичу Кругликову и дом явно был возведен по его проекту с достаточным вкусом.

К сожалению, нам неизвестны точное местонахождение усадьбы в Тихвинском приходе и сведения, до какого времени В. Ф. Раевский ею владел. По его духовному завещанию, засвидетельствованному в губернском правлении 12 февраля 1875 г., все его движимое и недвижимое имущество отходило сыну, есаулу Михаилу Владимировичу, служившему в енисейском казачьем полку⁵⁵. Но можно с уверенностью утверждать, что усадьба не сохранилась, так как во время страшного иркутского пожара 22 и 24 июня 1879 г. весь Тихвинский приход выгорел.

Имел в Иркутске дом **Владимир Александрович Бечаснов**. По окончании срока каторжных работ, в 1839 г., он был переведен в село Смоленщина Жилкинской волости, недалеко от Иркутска. После амнистии 1856 г. Бечаснов продал дом, землю возвратил в казну, а сам переехал в город, купив здесь усадьбу. В ответе на вопрос, где находилась эта усадьба, будем опираться на следующие сведения. Б. Г. Кубалов указывает, что декабрист жил «где-то на Луговой улице, против пожарной части»⁵⁶. В газете «Иркутские губернские ведомости» за 1865 г. в объявлении читаем: «Отдается в наймы дом наследниц Бечасного, на Луговой улице, возле дома г. полицеймейстера <...>»⁵⁷. Объявление относится к 1865 г. Посмотрим на ближайшем по датировке к этому времени плане города, где находился дом полицмейстера.

Ил. 16. Фрагмент плана Иркутска 1862–1864 гг.
Под № 260 – усадьба В. А. Бечасного

Такой план имеется за 1869 г. На нем по Луговой улице (ныне ул. Марата) под № 34 указано «помещение полицмейстера». Тогда, если наше предположение правильно, на плане съемки 1862–1864 гг. усадьба Бечасного может быть под № 260. Хоть маленькая, но все же находка (ил. 16, 17).

Есть и еще одна. В тех же «Иркутских губернских ведомостях», но уже за 1871 г., находится объявление, имеющее непосредственное отношение к усадьбе декабриста, времени ее приобретения и тем, к кому она перешла после его смерти. В разделе «О совершении купчих крепостей»

⁵⁴ ГАИО. Ф. 447. Оп. 1. Д. 37. Л. 88–88 об.

⁵⁵ Иркутские губернские ведомости. 1875. 13 июня.

⁵⁶ Кубалов. С. 198.

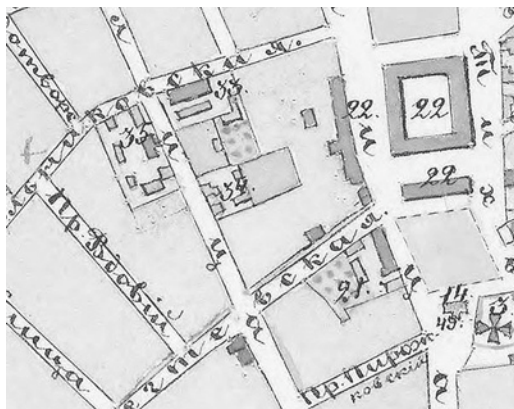
⁵⁷ Иркутские губернские ведомости. 1865. 13 февр. Неофиц. часть. С. 6.

читаем: «О вводе во владение <...> 3) жену инженер-поручика Ольгу Владимирову Матвееву и жену гражданского топографа Анну Владимирову Антонову, урожденных Бечасновых, каждую по равной части, в недвижимом имении, состоящем по 1-й части Иркутска, в приходе Тихвинской церкви, заключающемся в деревянном доме со строением и землю, завещанном им, Матвеевой и Антоновой, отцом их потомственным дворянином Владимиром Александровым Бечасновым по духовному завещанию, явленному в иркутском губернском правлении 6 октября 1860 г. под № 135, каковым имением завещатель Бечаснов владел по крепостному акту, на имя его совершенному в иркутском губернском правлении, 2 июля 1857 г. под № 58»⁵⁸.

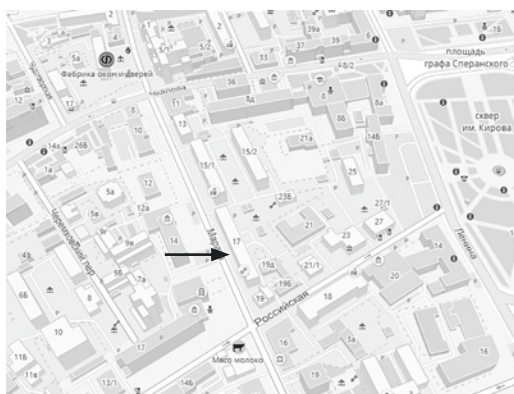
Недолго пожив в своей городской усадьбе, В. А. Бечаснов умер 11 (по другим данным, 16) октября 1859 г.⁵⁹ При большом количестве детей, которые были у Владимира Александровича (Анна, Ольга, Надежда, Зинаида, Вадим, Вячеслав и Михаил), как видно из духовного завещания, недвижимое имущество досталось только двум дочерям. Объяснение этому встречается в письме Ф. Н. Львова Д. И. Завалишину от 2 февраля 1860 г.: «От него [Бечасного] осталась вдова-пьяница и дети, из коих 2-х или 3-х дочерей (уже на возрасте) он признавал законными и оставил им дом, а остальные в этом наследстве не участвуют и вместе с матерью будут пользоваться другим домом»⁶⁰.

Усадьба не сохранилась, она погибла еще в 1879 г. во время иркутского пожара. Сейчас на этом месте жилой дом по ул. Марата, 17 (ил. 18).

Самый известный из всех декабристских домов в Иркутске – это, конечно же, дом **Сергея Григорьевича Волконского**, о котором много написано и история которого достаточно подробно изложена на страницах «Дека-

Ил. 17. Фрагмент плана Иркутска 1869 г. Под № 33 – губернское правление; № 34 – помещение полицмейстера; № 35 – общая городская и 1-я частная управы

Ил. 18. Фрагмент современного плана Иркутска. Показано место усадьбы В. А. Бечасного

⁵⁸ Там же. 1871. 20 февр.

⁵⁹ Трубецкой. С. 49–50, 392; Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925. С. 198.

⁶⁰ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1902. Ч. 10. С. 240.

бристского кольца»⁶¹. Ко всему сказанному в этих работах со своей стороны мы могли бы добавить совсем немного (только некоторые детали).

8 сентября 1844 г. В. Я. Руперт обратился к состоявшему в должности иркутского гражданского губернатора А. В. Пятницкому со следующим письмом: «Снисходя на просьбу жены государственного преступника Марии Волконской, я разрешил ей, с согласия г-на Сенатора, ревизирующего Восточную Сибирь, переехать с детьми и жить в Иркутске для пользования от одержимой болезни, с тем чтобы ее муж оставался на месте поселения в д. Урик, и не воспрещать ему посещать ее частовременно по нескольку дней в течение недели. Уведомляя о сем Ваше превосходительство, покорнейше прошу приказать градской полиции не препятствовать Волконской в найме квартиры и пользоваться позволением, ей данным»⁶². А уже в январе 1845 г. граф А. Ф. Орлов после всеподданнейшего доклада уведомил генерал-губернатора, что «Волконской дозволяется остаться в Иркутске впредь до выздоровления, с дозволением мужу ее приезжать туда по временам». «<...> Я поселилась в городе, – читаем в мемуарах Марии Николаевны. – Мужу было дозволено навещать нас два раза в неделю, а несколько месяцев спустя и совсем туда переехать»⁶³. Семья заняла, как писал Н. А. Белоголовый, «большой двухэтажный дом, в котором впоследствии помещались всегда губернаторы», а сам же князь, «тяготая больше к деревне, проживал постоянно в Урике и только время от времени наезжал к семейству, но и тут – до того барская роскошь дома не гармонировала с его вкусами и наклонностями – он не останавливался в самом доме, а отвел для себя комнатку где-то на дворе, и это его собственное помещение смахивало скорее на кладовую»⁶⁴. Описание дома встречается и в дневнике Ю. Сабиньского от 27 сентября 1844 г.: «Волконские наняли тут дом, правда, довольно большой, но гораздо менее удобный и имеющий меньше помещений, чем их жилища в Урике и Камчатнике»⁶⁵. Как видно на плане города съемки 1843 г., помимо главного дома, в усадьбе было как минимум четыре постройки.

Устроившись в наемном доме, Волконские занялись переносом в Иркутск дома из Урика. Но для начала нужно было приобрести подходящее усадебное место.

⁶¹ Добрынина Е. А., Пинайкин И. П. История дома Волконских: Урик, Иркутск. 1838–2018. К 180-летию памятника истории, культуры // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2018. Вып. 4. С. 108–142.

⁶² ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 402. Л. 3–3 об.

⁶³ Записки жены декабриста Марии Николаевны Волконской // Своей судьбой гордимся мы. С. 345.

⁶⁴ Белоголовый. С. 263. От редакции: По мнению Е. А. Добрыниной, указанная цитата из воспоминаний Н. А. Белоголового отношения к арендованному Волконскими в Иркутске дому не имеет, а речь в ней идет о собственном доме Волконских, перенесенном из Урика в Иркутск. Упоминание о том, что этот дом впоследствии занимали губернаторы, относится к П. А. Извольскому, иркутскому гражданскому губернатору (1860–1863), К. П. Шелашникову, военному губернатору Иркутска и иркутскому гражданскому губернатору (1864–1880), Н. В. Буссе, военному губернатору Амурской области с 1859 г., снимавшим жилье в доме Волконских после их отъезда из города. Вопрос требует дальнейшего изучения.

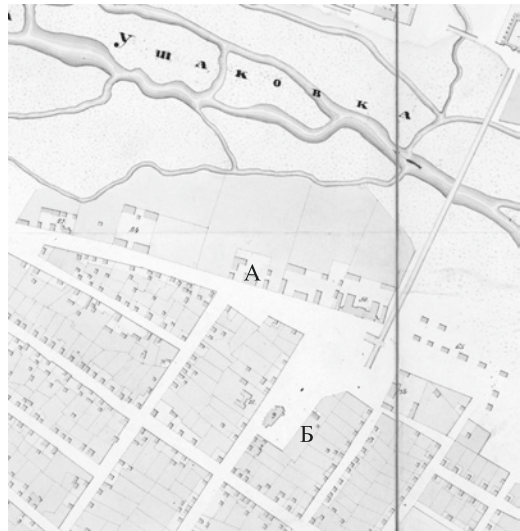
⁶⁵ Сабиньский. Т. 2. С. 211.

7, 8 октября и 11 ноября 1846 г. статский советник князь Григорий Волконский получил в Иркутском губернском правлении крепостные акты на приобретение у разных лиц трех участков земли, состоявших по второй части города в Преображенском приходе. Причем два из них были без застройки, а один – с домом («7 октября [1846 г. выдан акт] на место земли, проданное коллежскою секретаршею Александрою Повалишиною статскому советнику князю Григорию Волконскому, состоящ[ее] по 2 части в Преображенском приходе, поперешн[ику] 17 с[аж]. 2 ар[шин]»; «8 октября [1846] [выдан акт] на место земли, проданное вдовою казачкою Анною Оглоблиною, писарскою женою Екатериною Никитиною, мещанскою женою Федосьею Осокиною, крестьянскою женою Екатериною Савиновой и иркутским цеховым Романом Зверевым статскому советнику князю Григорию Волконскому, состоящ[ее] по 2 части Иркутска в Преображенском приходе, поперешн[ику] 28 с[аж]. 1 ½ ар[шин]»; «11 ноября [1846 г. выдан акт] на дом, проданный иркутским цеховым Романом Зверевым, крестьянскою женою Екатериною Савиновой статскому советнику Григорию Волконскому, состоящ[ий] по 2 части в Преображенском приходе, поперешн[ику] 10 ½ [с.]»⁶⁶). Без сомнения, из этих усадеб и сложилась будущая усадьба Волконских.

Волконские прожили в арендуемой усадьбе, вероятно, с сентября 1844 г. до середины июня 1847 г., когда переехали в собственный дом⁶⁷ (ил. 19).

Что же касается истории дома, где временно проживала семья декабриста, то она следующая.

На плане Иркутска 1829 г. на этом месте показана постройка, которая обозначена как «воспитательный дом» (воспитательный дом в Иркутске был открыт 22 июля 1808 г.). В 1847 г. Приказ общественного призрения, в ведении которого находился воспитательный дом, продал усадьбу титулярному советнику, а позднее – коллежскому асессору Козьме Яковлевичу Дарагану, который состоял чиновником особых поручений при генерал-губернаторе В. Я. Руперте, был знаком с декабристами, особенно близко с А. В. Поджио, которого в 1860 гг. пригласил в свое подмосковное имение в качестве управляющего. К. Я. Дараган заказал проект на перестройку главного дома городскому архитектору А. Е. Разгильдееву. После перестрой-

Ил. 19. Фрагмент плана Иркутска 1843 г.
А – усадьба, дом в которой арендовала семья Волконских; Б – территория, приобретенная под собственную усадьбу Волконских

⁶⁶ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 4137. Л. 21; Там же. Д. 4458. Л. 3 об.

⁶⁷ Сабиньский. Т. 2. С. 211, 481.

ки хозяин в 1849 г. продал его купцу Е. А. Кузнецову, усадьба которого находилась по соседству, а тот, в свою очередь, пожертвовал усадьбу казне для квартиры гражданского губернатора. Передан дом был во владение казны 31 марта 1853 г.

Первым здесь поселился военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор К. К. Венцель. Дом оставался резиденцией иркутских гражданских губернаторов до февраля 1917 г. В соседнем с домом губернатора большом флигеле расположилось и губернское управление, здесь вели прием губернатор и чиновники четырех отделений. В этом же доме в 1906–1909 гг. находились губернский статистический комитет и губернское по воинской повинности присутствие.

После революции дома были муниципализированы, в 1920 г. в усадьбе были открыты два детских дома: «Дом ребенка имени 3-го Интернационала» и «Дом ребенка имени Луначарского», в 1926 г. здесь размещался детский дом «Юный труд». В 1930 гг. дома использовались под жилье работников завода им. В. В. Куйбышева. В 1932 г. здание губернского правления было отдано под общежитие рабочих-немцев, приехавших из Германии на строительство металлического завода.

В 1979 г. дом губернаторов был разобран и перенесен для реставрации в мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». На его месте в 1982 г. построен инженерный корпус завода тяжелого машиностроения (ил. 20).

Об усадьбе **Трубецких** рассказывалось мало, поэтому мы постараемся изложить больше фактов. Усадьба, которую приобрели Трубецкие в Иркутске, располагалась в Знаменском предместье, недалеко от Знаменского женского монастыря, по дороге, ведущей в сторону Якутска (к середине XIX в. она станет называться Якутской улицей).

Судя по планам города первого десятилетия XIX в., эта территория уже была освоена. Например, на плане Знаменского предместья 1814 г. мы видим имевшиеся на тот период строения в усадьбах, наличествуют они и в будущей усадьбе Трубецких, в том числе запруда на Пшеничном ручье, образовавшая небольшой водоем. Есть версия, что семья купца-мореплавателя Г. И. Шелихова имела деревянный дом в том месте, которое позже принадлежало губернатору И. Б. Цейдлеру⁶⁸. Данное предположение могло возникнуть на основе воспоминаний В. И. Вагина, в которых он пишет: «Адъютант Руперта, Яков Безносилов, человек образованный и очень неглупый, женившись на дочери красноярского богача (впрочем, скоро потом прогоревшего) Николая Мясникова, вышел в отставку и задавал целые вакханалии в

Ил. 20. Дом губернаторов. Фото конца XIX в.

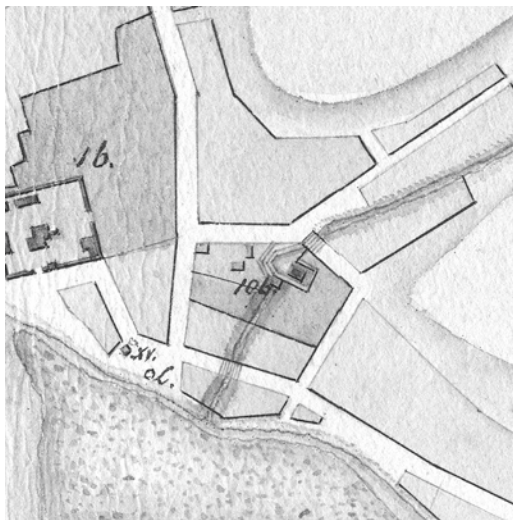
⁶⁸ Дулов А. В. Иркутск и Русская Америка: (памятники и памятные места города) // Русская Америка, 1799–1867: мат-лы междунар. конф. «К 200-летию Российско-американской компании 1799–1999». Москва, 6–10 сент. 1999 г. М., 1999. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_26.html (дата обращения: 12.03.2021).

Знаменском предместье, в бывшем шелеховском доме, где ныне техническое училище»⁶⁹. Правда, В. И. Вагин не указывает инициалы Шелихова, а, как известно, в Иркутске в конце XVIII – первой половине XIX в. жили и другие представители этой фамилии.

Первым определенно известным нам владельцем большого места (см. план) был иркутский гражданский губернатор Иван Богданович Цейдлер, прибывший в город 14 августа 1819 г. с назначением на должность коменданта. 28 июня 1821 г. по рекомендации М. М. Сперанского император назначает его гражданским губернатором. Думается, что после этого у Цейдлера появляется больше возможностей (как финансовых, так и административных) приобрести в городе недвижимость. Известно, что в Иркутске в собственности у семьи Цейдлеров были два дома и дача⁷⁰. Пока невозможно указать местоположение домов. А вот где находилась заимка – было хорошо известно современникам в 20–50-х гг. XIX в. Она располагалась вдали от центра города, напротив Знаменского монастыря, и представляла собой довольно значительную территорию, отличавшуюся «своим устройством, обширный при даче сад уподоблялся роскошному парку»⁷¹. Через всю усадьбу протекал ручей, на котором с помощью запруды был сделан небольшой пруд⁷². По нашему мнению, усадьба застраивалась не только до приобретения ее Цейдлером

Ил. 21. Фрагмент плана города 1814 г.

Ил. 22. Фрагмент плана города 1829 г.
Под № 106 – усадьба И. Б. Цейдлера

⁶⁹ Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 468.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 462. Родословная книга дворян С.-Петербургской губернии (1842–1845). Л. 394.

⁷¹ Иркутянин. Возвращение на родину // Иркутские губ. ведомости. 1858. 6 февр. Неофиц. часть. С. 4.

⁷² План губернского города Иркутска. 1829 г.

(см. фрагмент плана 1814 г. на *ил. 21*), но и в 1821–1829 гг. (см. план 1829 г. на *ил. 22*). Хозяин проявлял большой интерес к садоводству. В конце 1820-х гг. Н. Щукин отмечал: «В саду гражданского губернатора я видел целую гряду плодоносных яблонь и прививки лучших черенков к диким, которые обещают добрый успех»⁷³. Именно усилиями хозяина существовали «сад чудесный, оранжерея, ананасное заведение, много фруктовых деревьев <...> и множество ягод разных»⁷⁴. Современникам были памятны и «праздники, которые давал в этом доме И. Б. Цейдлер в день именин своих 24 июня. А какая была иллюминация!»⁷⁵.

Декабрист А. Е. Розен заезжал, как он пишет в своих записках, в загородный дом губернатора для получения подорожной и проводника, когда ехал летом 1832 г. из-за Байкала на поселение в Тобольскую губернию⁷⁶.

После отъезда семьи Цейдлеров из Иркутска (6 декабря 1835 г.) усадьбу им долгое время не удавалось продать. В конце концов ее приобрел Безносиков, а у него ее купила А. Г. Лаваль для семьи своей дочери Е. И. Трубецкой. Об этом событии М. К. Юшневская сообщала в письме к И. И. Пущину от 10 ноября 1847 г.: «Кат [ерина] Ив [ановна] купила дом наконец, очень хороший. Помните Вы, добрейший Иван Иванович, продавалась заимка губернатора Цейдлера. Теперь она принадлежала г-ну Безносикову, от которого приобрели Труб [ецкие]. Сад чудесный, оранжерея, ананасное заведение, много фруктовых деревьев. Правда, 35 тысяч дом со всем этим заведением. Но сколько радости для детей и удовольствия, сад и множество ягод разных. Они начинают понемногу переезжать в новый свой дом. Далеко немного от города, зато очень спокойно для них будет»⁷⁷. В письме не указаны инициалы Безносикова, за неимением других источников можем только предположить, что им мог быть Степан Севастьянович Безносиков, если в то время он был жив, отставной генерал-майор, иркутский бригадный командир в 1835–1841 гг., у которого в Иркутске была усадьба⁷⁸, или кто-то из его сыновей: Константин Степанович (1811 (1813) – 11 ноября 1876), в то время офицер для особых поручений при генерал-губернаторе В. Я. Руперте, впоследствии генерал-майор; Яков Степанович (1818 – после 1867), в 1838–1847 гг. адъютант

Ил. 23. Фрагмент плана города 1843 г.

⁷³ Щукин Н. Письмо из Иркутска // Сев. пчела. 1828. 7 янв.

⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 243. Карт. 4. Д. 40. Л. 22–25.

⁷⁵ Иркутянин. Возвращение на родину. С. 4.

⁷⁶ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 276, 442. (В Иркутск А. Е. Розен приехал вечером 29 июня 1832 г., а выехал 4 августа.)

⁷⁷ ОР РГБ. Ф. 243. Карт. 4. Д. 40. Л. 22–25.

⁷⁸ Кротов В. А. Летопись города Иркутска 1652–1856 гг. С. 184. («25 июля 1845 г. ночью во 2-м часу в Иркутске по 3 части в Тихвинском приходе по Заморской улице при доме отставного генерал-майора Безносикова сгорели до основания сарай и службы».)

В. Я. Руперта, штабс-капитан, позднее управляющий байкальским пароходством наследников Н. Ф. Мясникова, на дочери которого Варваре Николаевне был женат, золотопромышленник. Был еще третий брат, Михаил, но он в описываемое время не находился в Иркутске. Но вероятнее то, что у Цейдлера усадьбу купил С. С. Безносиков, а от него она могла перейти к его сыновьям (*ил.* 23).

Покупке усадьбы предшествовала переписка в самых верхах, отзвуки которой находим в письме шефа корпуса жандармов А. Ф. Орлова новому генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву от 12 марта 1848 г.: «Графиня Лаваль, имея намерение купить в Иркутске дом, с тем чтобы дочь ее, жена государственного преступника Трубецкого, проживала в нем с своим семейством, предварила меня о том, прося меня о ее намерении и поставить в известность местное иркутское начальство.

Не находя препятствия к [намере] нию такового желания графини Лаваль, я уведомил ее о том (далее кусочек страницы документа оборван. – А. Г.), с тем считаю долгом также ныне просить Ваше превосходительство, изволите ли Вы, Милостивый Государь, сделать распоряжение о дозволении Трубецкой и ее семейству проживать в таком доме, ежели он будет куплен»⁷⁹. Интересно здесь то, что, если сравнивать по датам сообщение М. К. Юшневской с приведенным выше письмом, пока велась эта переписка, дом в Иркутске уже был куплен и заселен. Подтверждение этому встречается и в дневнике Ю. Сабиньского: «11 ноября 1847, вторник. Трубецкие купили себе дом за городом и на днях переезжают туда»⁸⁰.

До этого Е. И. Трубецкая уже официально жила в городе с начала 1845 г. 13 января 1845 г. А. Ф. Орлов сообщил генерал-губернатору В. Я. Руперту следующее: «Жена находящегося на поселении Иркутской губернии в Оёкской волости государственного преступника Трубецкого просила о переводе ее с мужем и пятерыми малолетними детьми на жительство в Иркутск, по уважению тому, что она, страдая несколько уже лет главною болезнью и сильным ревматизмом, нуждается в постоянном медицинском пособии, по неудобству настоящего ее местожительства.

По всеподданнейшему докладу Государю Императору о сей просьбе, Его Величество, согласно с представлением моим, Высочайше соизволил разрешить Трубецкой иметь жительство, с детьми ее, в Иркутске до получения облегчения от болезни, дозволив мужу временно навещать ее, с тем, однако же, чтобы Ваше Превосходительство строго наблюдали, дабы Трубецкой не поселился совсем в городе, но пользовался только Вашим дозволением на временное пребывание и дабы самое сие дозволение даваемо было ему с должною осмотрительностью»⁸¹.

Но разрешение на проживание в городе только Е. И. Трубецкой соблюдено не было. По свидетельству Сабиньского от 19 апреля 1845 г., «несколько дней назад жить в Иркутск переехала вся семья Трубецких»⁸². Но где с апреля 1845 по ноябрь 1847 г. они проживали, выявить пока не удалось. А

⁷⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 459. Л. 16.

⁸⁰ Сабиньский. Т. 2. С. 520.

⁸¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 411. Л. 16 – 16 об.

⁸² Сабиньский. Т. 2. С. 274.

вдруг это был дом по современной улице Дзержинского, 64?⁸³ И тогда он вполне обоснованно мог связываться в народной памяти с именем Трубецкого.

Ирония судьбы! Вряд ли могла представить себе Екатерина Ивановна, что будет жить в доме человека, с которым у нее произошел конфликт в первые месяцы пребывания в Иркутске. Думается, что не представлял себе такого поворота событий и Иван Богданович Цейдлер. Усадьба, купленная графиней А. Г. Лаваль, числилась ее собственностью и только после смерти графини перешла в собственность Е. И. Трубецкой (ил. 24).

Ил. 24. Фрагмент плана города 1849 г.

Усадьба давала возможность хозяевам не только спокойно жить, но и заниматься выращиванием различных овощей и фруктов. «Теперь летом у меня более телесной деятельности, потому что у нас большой сад, и я с раннего утра им занимаюсь»⁸⁴. Хозяин гордился им, показывал его гостям и угощал урожаем. «Он [Трубецкой] водил меня по своему дому, показывая его разные части и застройку, подобной которой не найдется во всем Иркутске, – записывал 21 февраля 1848 г. в своем дневнике Ю. Сабиньский. – При этом у него есть еще и летний дом в саду. Среди прочих удобств этой покупки у Трубецких есть еще две огромные оранжереи, а в них множество редких цветов и кустарников, около трехсот ананасов и много лимонных и апельсиновых деревьев. А также, что весьма редко в этих краях, у них есть три персиковых дерева, которые плодоносят уже несколько лет, отборных сортов, наверное, единственные в Иркутске, с которых можно ожидать обильные плоды, судя по цветам, которыми эти деревья сейчас покрыты полностью»⁸⁵.

Здесь побывали в гостях многие из друзей семьи Трубецких и генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев.

К началу 1850-х гг. Трубецкие решили расширить дом, и в 1851–1852 гг. к нему был произведен пристрой⁸⁶. «Дома большие перемены, – писала А. С. Ребиндер Е. С. Давыдовой, – комнаты все обиты хорошенькими обоями и приняли гораздо лучший вид; сад поправляется, и в нем гораздо более порядка»⁸⁷. Планы дома и флигеля воспроизведены Н. Д. Свербеевым в письме к А. А. Елагиной с обозначением комнат нижнего этажа⁸⁸, где в 1856 г. поселились супруги Свербеевы (ил. 25, 26).

⁸³ *Гаращенко А. Н.* «Вместо легенды нужна правда» (размышления о доме по ул. Дзержинского, 64) // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2017. Вып. 3. С. 5–26.

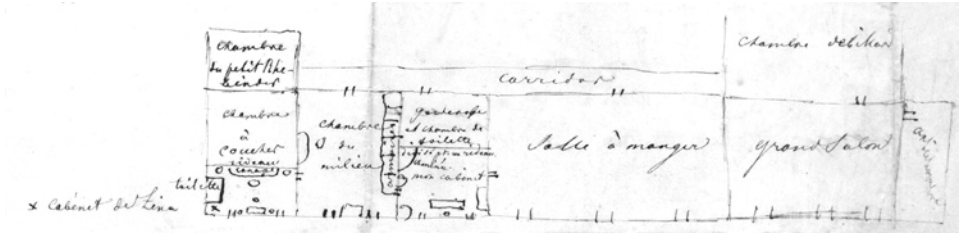
⁸⁴ *Трубецкой.* С. 189.

⁸⁵ *Сабиньский.* Т. 2. С. 548–549.

⁸⁶ *Трубецкой.* С. 37.

⁸⁷ Там же. С. 512.

⁸⁸ *ГАИО.* Ф. 774. Оп. 1. Д. 50. Л. 1а.

Ил. 25. План дома из письма Н. Д. Свербеева к А. А. Елагиной. 1856 г. Из фондов ГАИО

В декабре 1856 г. Трубецкой с сыном и воспитанником, а также Свербеевы покинули Иркутск, оставив усадьбу на попечение П. А. Горбунова.

После смерти С. П. Трубецкого по его завещанию усадьба в Иркутске «на монастыре за Ушаковкой», оцененная им в 7 тыс. рублей, отошла к его дочерям Александре и Зинаиде, но Александра в 1860 г. умерла, и поэтому наследство делилось между ее детьми и Зинаидой Сергеевной.

Зинаида решила продать усадьбу взаимовыгодно для всех наследников. Это и было поручено П. А. Горбунову с выдачей доверенности в 1862 г.

21 августа 1865 г. в «Иркутских губернских ведомостях» появилось следующее объявление: «Продается дом в предместье Знаменского монастыря наследников Трубецкого. О цене узнать от опекуна Петра Александровича Горбунова»⁸⁹.

В 1866 г. усадьбу купил, как указывает в примечаниях ко второму тому «Материалов о жизни и революционной деятельности» С. П. Трубецкого исследователь В. П. Павлова, П. О. Катышевцев за 6 тыс. рублей серебром⁹⁰. Вероятно, речь идет о Петре Осиповиче (Иосифовиче) Катышевцеве (1799–1881), известном купце, золотопромышленнике, городском голове в 1856–1859 гг.

В 1883 г. усадьба вновь меняет хозяев, в объявлении продавцом указывается И. П. Катышевцев: «Продается дом И. П. Катышевцева, со службами и с большим разнообразным садом, в Знаменском предместье»⁹¹. Иосиф Петрович (1824–1884) – сын Петра Осиповича, как и отец, тоже купец, золотопромышленник, городской голова в 1865–1868 гг., к концу жизни был несостоятельным должником, в 1870 гг. переехал с семьей в Петербург, а последние годы прожил в Москве (ил. 27).

Усадьба была приобретена для ремесленно-воспитательного заведения Н. П. Трапезникова. К сожалению, главный усадебный дом не сохранился. В

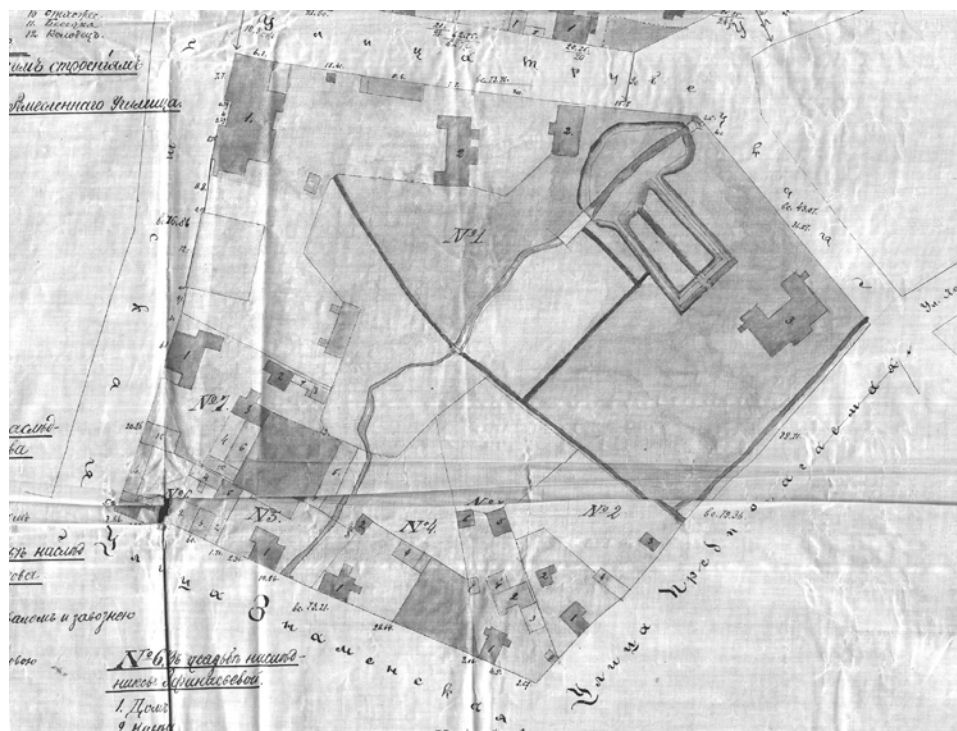

Ил. 26. Ремесленно-воспитательное заведение Н. П. Трапезникова, бывший дом Трубецких. Фото конца XIX в.

⁸⁹ Иркутские губернские ведомости. 1865. 21 авг.

⁹⁰ Трубецкой. С. 525–526.

⁹¹ Иркутские губернские ведомости. 1883. 30 марта.

Ил. 27. План квартала с бывшей усадьбой Трубецких. 1889 г.

«Летописи» Н. С. Романова (запись за 1908 г.) читаем: «11 января в 7 час[ов] утра в Знаменск[ом] предм[естье] на Трубецкой ул[ице] начался пожар в 2-этаж[ном] деревянном здании Трапезниковского ремесленного училища, занимаемом 27-[м] В[осточно]-Сиб[ирским] стр[елковым] полком, и таковой сгорел. Дом этот построен декабристом Трубецким, и в нем он жил. Город лишился исторического памятника»⁹².

Мы привели такой большой рассказ об усадьбе, но считаем это оправданным с точки зрения истории того места, где она располагалась, и лиц, связанных с этой территорией.

В 1842 г. **Петр Александрович Муханов** был переведен на поселение в Усть-Куду, где в следующем году построил небольшой домик. Иногда, как и все декабристы, проживавшие в расположенных недалеко от Иркутска поселениях, приезжал в город, а с 1848 г. (по другим данным, уже в 1847 г.) поселился там постоянно, но адреса его квартир точно неизвестны. Планируя жениться, он выстроил собственный дом.

В статье «Найден дом декабриста» Е. Ячменев и Н. Куликаускене приводят данные о постройке П. Мухановым собственного дома, ссылаясь на цитату из письма Н. П. Моллера М. С. Корсакову от 3 сентября 1853 г.: «Вы спрашиваете, где будет жить Дорохова⁹³, на берегу ли Байкала или здесь, в

⁹² Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 101.

⁹³ Дорохова Мария Александровна (1811–1887), двоюродная сестра декабристов Ф. Ф. Вадковского и З. Г. Чернышева. В 1849 г. назначена начальницей Девичьего института Восточной Сибири.

Иркутске? С нами не шутите, Муханов выстроил дом весьма поместительный для супружеской жизни на той улице, где и жил уже, и крыша выкрашена красною краскою <...>⁹⁴. Как видим, факт возведения Мухановым дома очевиден, но место, где он был построен, из приведенного текста остается неизвестным. Указание на конкретное строение сделал только Н. С. Романов, подписав на обороте фотографии: «Дом декабриста Муханова», не приведя никаких документальных доказательств. Мы полагаем, что основания для такого утверждения у известного иркутского библиофила были, но, к сожалению, о них мы не знаем, поэтому вправе в какой-то степени сомневаться в правильности его утверждения.

О том, что собственный дом у Муханова был, свидетельствует и С. Г. Волконский в одном из своих писем: «Делами покойного Мушки занимаюсь, но безуспешно, на уплату оставшихся долгов фондов от его родственников не высылают, а от общего нашего друга Михаила] А[лександровича]⁹⁵ хоть и имею позволение продать его дом, но не приискывается покупатель, даю за низкую цену трех тысяч рублей, тог[да] как дом стоил постройкой около шести. Эти долги будут, как кажется, иметь тот же исход, как долги А[ртамона] З[ахаровича]⁹⁶ и Ф[едора] Ф[едоровича]⁹⁷, благодаря бога, я там не был опекуном; в делах Мушки уплатил половину и все еще надеюсь уплатить и остальное <...>⁹⁸. На плане города съемки 1862–1864 гг. усадьба под № 1786 (ил. 28).

Дом, на который указал Н. С. Романов, сохранился (современный адрес: ул. Тимирязе-

Ил. 28. Фрагмент плана города 1862–1864 гг.
Показана усадьба П. А. Муханова

Ил. 29. Дом П. А. Муханова. НБ ИГУ

Ил. 30. Дом по ул. Тимирязева, 45.
Фото И. Бержинского. 2013 г.

⁹⁴ Ячменев Е., Куликаускаене Н. Найден дом декабриста // Вост.-Сиб. правда. 1986. 15 февр.

⁹⁵ Среди декабристов такие инициалы имел только Фонвизин, но какое отношение он мог иметь к дому Муханова, как это следует из текста, неизвестно. Возможно, речь идет о каком-то неустановленном лице.

⁹⁶ А. З. Муравьев (1793–1846), декабрист.

⁹⁷ Ф. Ф. Вадковский (1800–1840), декабрист.

⁹⁸ Письма декабриста С. Г. Волконского // Зап. ОР ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 388.

ва, 45). Судя по его внешнему облику, можно предполагать, что он был построен по типовому проекту. Впоследствии этой усадьбой владел иркутский купец, гласный городской думы Семен Иванович Толченев (ил. 29, 30).

По некоторым данным, с 1856 г. жил в Иркутске и имел собственный дом **Василий Павлович Колесников**⁹⁹. Во всяком случае, А. В. Поджио в письмах из Иркутска к С. Г. Волконскому (январь-февраль 1857 г.) и И. И. Пушцину (19 января 1858 г.) упоминает о нем как о присутствующем в городе¹⁰⁰.

Есть еще один любопытный факт, касающийся дома декабриста **Александра Михайловича Муравьева**. В 1846 г., перебравшись в Тобольск, он продал свой урицкий дом, о чем сообщал в письме С. Н. Муравьевой: «<...> дом продал, и он уже перенесен в Иркутск». По описанию современников, это был большой дом, «глаголем, одноэтажный, саженой на 15, со множеством комнат». При нем были громадные постройки: двухэтажные амбары, конюшни, скотские дворы, кухни, людские. Купил его золотопромышленник Соловьев (вероятно, Степан Федорович Соловьев, почетный гражданин, Санкт-Петербургский купец 1-й гильдии) и перевез в Иркутск в Троицкий приход. В 1860 гг. он принадлежал учителю Залесову¹⁰¹. Скорее всего, дом погиб в пожаре 1879 г.

Конечно, мы не рассказали обо всех местах проживания декабристов в Иркутске, а обитали они здесь, например в 1840-е гг., и гласно и негласно. Как писал Б. В. Струве, «некоторые другие декабристы, поселенные близ Иркутска, жили также в городе скромно и уединенно, посещая постоянно дома Волконских и Трубецких, с которыми они составляли, так сказать, одну семью»¹⁰², но проблему, которая требует дальнейшего исследования, обозначили.

Литература

- Альбом домашний и простой... Семейный альбом Е. В. Падалки. Иркутск, 2016.
- Бестужев Н. А. Сочинения и письма / изд. подгот. С. Ф. Ковалем / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2003.
- Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей / сост., примеч., послесл. М. Д. Сергеева. Иркутск, 1990. С. 449–482.
- Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л., 1951.
- Воспоминания Полины Анненковой: С прил. воспоминаний ее дочери О. И. Ивановой и материалов из арх. Анненковых / вступ. ст. Г. Шатровой. Красноярск, 1977.
- Гаращенко А. Н. «Вместо легенды нужна правда» (размышления о доме по ул. Дзержинского, 64) // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2017. Вып. 3. С. 5–26.
- Гаращенко А. Н. Дом на Шелашниковской (факты, рассуждения, предположения) // Земля Иркутская. 2010. № 2 (37). С. 76–87.
- Даревская Е. М. О некоторых деталях пребывания декабристов в Сибири // Сибирь. 1986. № 1. С. 112–124.
- Дербина В. Е. Декабрист А. Веденяпин в Сибири // В сердцах Отечества сынов / сост. и науч. ред. С. Ф. Коваль. Иркутск, 1975. С. 107–121.

⁹⁹ Колесников В. П. // Энциклопедия Забайкалья: URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=2997> (дата обращения: 27.04.2021).

¹⁰⁰ Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 182, 208.

¹⁰¹ Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 232, 324.

¹⁰² Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 гг. СПб., 1889. С. 26.

Добрынина Е. А., Пинайкин И. П. История дома Волконских: Урик, Иркутск. 1838–2018. К 180-летию памятника истории, культуры // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов, 2018. Вып. 4. С. 108–142.

Дулов А. В. Иркутск и Русская Америка: (памятники и памятные места города) // Русская Америка, 1799–1867: мат-лы междунар. конф. «К 200-летию Российско-Американской компании 1799–1999». Москва, 6–10 сент. 1999 г. М., 1999. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_26.html (дата обращения: 12.03.2021).

Записки жены декабриста Марии Николаевны Волконской // Своей судьбой гордимся мы / сост. М. Сергеев. Иркутск, 1977. С. 306–346.

Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина / ред., коммент. С. Я. Штрайха. М., 1951.

Знаменский. М. С. Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. *Белоголовый Н. А.* Воспоминания сибиряка / сост., примеч., послесл. Н. Н. Александровой и Н. П. Матхановой. Иркутск, 1988.

Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., автор предисл. и примеч. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2003.

Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П. И. Пежемского и В. А. Кротова) / сост. Н. С. Романов; под ред. И. И. Серебренникова // Тр. ВСОИРГО. Иркутск, 1914. № 8.

Иркутский сиропитательный дом Елисаветы Медведниковой и учрежденный при нем банк: [Обзор деятельности за 50 лет]. Ч. 1: Сиропитательный дом. 1838–1888 гг. Иркутск, 1888.

Колесников В. П. // Энциклопедия Забайкалья: URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=2997> (дата обращения 27.04.2021).

Кротов В. А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. / вступ. ст., публ., подгот. текста, коммент. Н. В. Куликаускене. Иркутск, 2013.

Кубалов Б. Г. Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах: К юбилею декабрьского восстания. Иркутск, 1925.

Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. [Иркутск], 1925.

Медведев С. И. Фотограф Август Гофман и его завещание Иркутску // Земля Иркутская. 2004. № 1 (24). С. 51–66.

Милютин Б. А. Губернаторство Н. Н. Муравьева // Ист. вестник. 1888. Ноябрь (№ 11). С. 317–364.

Муравьев А. М. Записки и письма / изд. подгот. Г. Г. Лисицыной, Э. Н. Филипповой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1999.

Муравьев А. Н. Сочинения и письма / изд. подгот. Ю. И. Герасимовой, С. В. Думиним / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1986.

Перцева Т. А. По местам декабристов в Иркутске: К 180-летию прибытия декабристов в Сибирь и 150-летию амнистии декабристов. Иркутск, 2006.

Перцева Т. А., Ячменев Е. А. «Декабристское кольцо Сибири»: Межрегиональный туристический мегапроект. Ч. 1. Восточная Сибирь. Иркутск и Иркутская область. Иркутск, 2006.

Письма декабриста С. Г. Волконского / публ. М. П. Волконского // Зап. ОР ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 352–408.

Поджио А. В. Записки, письма / изд. подгот. Н. П. Матхановой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1989.

Полунина Н. М. Историко-мемориальная реконструкция Иркутска времен декабристов // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып. 5. С. 52–64.

Пуцин И. И. Сочинения и письма: в 2 т. Т. 1. Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. / изд. подгот. М. П. Мироненко, С. В. Мироненко. М., 1999.

Розен А. Е. Записки декабриста / изд. подгот. Г. А. Невелевым / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1984.

Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / изд. подгот. Н. В. Куликаускене. Иркутск, 1994.

Сабинский Ю. Сибирский дневник: в 2 т. Иркутск, 2014. Т. 1; Иркутск, 2015. Т. 2.

Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1902. Ч. 10. 521 с.

Стогов Э. И. Очерки, рассказы и воспоминания // Рус. старина. 1878. Т. 23. С. 499–530.

Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 гг. СПб., 1889.

Трубейской С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. / изд. подгот. В. П. Павловой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1987.

References

- Al'bom domashnij i prostoj...: Semejnij al'bom E. V. Padalki. Irkutsk, 2016.
- Bestuzhev N. A.* Sochineniya i pis'ma / izd. podgot. S. F. Kovalem / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 2003.
- Vagin V. I.* Sorokovye goda v Irkutske // Zapiski irkutskih zhitelej / sost., primech., poslesl. M. D. Sergeeva. Irkutsk, 1990. S. 449–482.
- Vospominaniya Bestuzhevyyh / red., st. i komment. M. K. Azadovskogo. M.; L., 1951.
- Vospominaniya Poliny Annenkovoj: S pril. vospominanij ee docheri O. I. Ivanovoj i materialov iz arh. Annenkovykh / vstup. st. G. Shatrovoj. Krasnoyarsk, 1977.
- Garashchenko A. N.* «Vместо legendy nuzhna pravda» (razmyshleniya o dome po ul. Dzerzhinskogo, 64) // Dekabristskoe kol'co. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov. Irkutsk, 2017. Vyp. 3. S. 5–26.
- Garashchenko A. N.* Dom na Shelashnikovskoj (fakty, rassuzhdeniya, predpolozheniya) // Zemlya Irkutskaya. 2010. № 2 (37). S. 76–87.
- Darevskaya E. M.* O nekotorykh detal'nykh prebyvaniya dekabristov v Sibiri // Sibir'. 1986. № 1. S. 112–124.
- Derbina V. E.* Dekabrist A. Vedenyapin v Sibiri // V serdcah Otechestva synov / sost. i nauch. red. S. F. Koval'. Irkutsk, 1975. S. 107–121.
- Dobrynina E. A., Pinajkin I. P.* Istoriya doma Volkonskih: Urik, Irkutsk. 1838–2018. K 180-letiyu pamyatnika istorii, kul'tury // Dekabristskoe kol'co. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov, 2018. Vyp. 4. S. 108–142.
- Dulov A. V.* Irkutsk i Russkaya Amerika: (pamyatniki i pamyatnye mesta goroda) // Russkaya Amerika, 1799–1867: mat-ly mezhdunar. konf. «K 200-letiyu Rossijsko-Amerikanskoj kompanii 1799–1999». Moscow, 6–10 sent. 1999 g. M., 1999. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_26.html (data obrashcheniya: 12.03.2021).
- Zapiski zheny dekabrista Marii Nikolaevny Volkonskoj // Svoej sud'boj gordimsya my / sost. M. Sergeev. Irkutsk, 1977. S. 306–346.
- Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I. D. Yakushkina / red., komment. S. Ya. Shtrajha. M., 1951.
- Znamenskij M. S.* Ischeznuvshie lyudi: Povesti, stat'i, vospominaniya. *Belogolovyy N. A.* Vospominaniya sibiryaka / sost., primech., poslesl. N. N. Aleksandrovoj i N. P. Mathanovoj. Irkutsk, 1988.
- Irkutskaya letopis' 1661–1940 gg. / sost., avtor predisl. i primech. Yu. P. Kolmakov. Irkutsk, 2003.
- Irkutskaya letopis' 1857–1880 g. (Prodolzhenie «Letopisi» P. I. Pezhemskogo i V. A. Krotova) / sost. N. S. Romanov; pod red. I. I. Serebrennikova // Tr. VSOIRGO. Irkutsk, 1914. № 8.
- Irkutskij siropitel'nyj dom Elisavety Medvednikovoj i uchrezhdenij pri nem bank: [Obzor deyatel'nosti za 50 let]. CH. 1: Siropitel'nyj dom. 1838–1888 gg. Irkutsk, 1888.
- Kolesnikov V. P. // Enciklopediya Zabajkal'ya: URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=2997> (data obrashcheniya 27.04.2021).
- Krotov V. A.* Letopis' goroda Irkutsk. 1652–1856 gg. / vstup. st., publ., podgot. teksta, komment. N. V. Kulikauskene. Irkutsk, 2013.
- Kubalov B. G.* Dekabristy v Irkutske i na blizhajshih k nemu zavodah: K jubileyu dekabr'skogo vosstaniya. Irkutsk, 1925.
- Kubalov B. G.* Dekabristy v Vostochnoj Sibiri. [Irkutsk], 1925.
- Medvedev S. I.* Fotograf Avgust Gofman i ego zaveshchanie Irkutsku // Zemlya Irkutskaya. 2004. № 1 (24). S. 51–66.
- Milyutin B. A.* Gubernatorstvo N. N. Murav'jova // Ist. vestnik. 1888. Noyabr' (№ 11). S. 317–364.
- Murav'jov A. M.* Zapiski i pis'ma / izd. podgot. G. G. Lisicynoj, E. N. Filippovoj / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1999.
- Murav'jov A. N.* Sochineniya i pis'ma / izd. podgot. Yu. I. Gerasimovoj, S. V. Duminyum / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1986.
- Perceva T. A.* Po mestam dekabristov v Irkutske: K 180-letiyu pribytiya dekabristov v Sibir' i 150-letiyu amnistii dekabristov. Irkutsk, 2006.

Perceva T. A., Yachmenev E. A. «Dekabristskoe kol'co Sibiri»: Mezhtional'nyj turisticheckij megaproekt. Ch. 1. Vostochnaya Sibir'. Irkutsk i Irkutskaya oblast'. Irkutsk, 2006.

Pis'ma dekabrista S. G. Volkonskogo / publ. M. P. Volkonskogo // Zap. OR GBL. M., 1961. Vyp. 24. S. 352–408.

Podzhio A. V. Zapiski, pis'ma / izd. podgot. N. P. Mathanovoj / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1989.

Polunina N. M. Istoriko-memorial'naya rekonstrukciya Irkutskaja vremen dekabristov // Sibir' i dekabristy. Irkutsk, 1988. Vyp. 5. S. 52–64.

Pushchin I. I. Sochineniya i pis'ma: v 2 t. T. 1. Zapiski o Pushkine. Pis'ma 1816–1849 gg. / izd. podgot. M. P. Mironenko, S. V. Mironenko. M., 1999.

Rozen A. E. Zapiski dekabrista / izd. podgot. G. A. Nevelevym / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1984.

Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutskaja za 1902–1924 gg. / izd. podgot. N. V. Kulikauskene. Irkutsk, 1994.

Sabin'skij Ju. Sibirskij dnevnik: v 2 t. Irkutsk, 2014. T. 1; Irkutsk, 2015. T. 2.

Sbornik starinnyh bumag, hranyashchih v muzee P. I. Shchukina. M., 1902. Ch. 10.

Stogov E. I. Ocherki, rasskazy i vospominaniya // Rus. starina. 1878. T. 23. S. 499–530.

Struve B. V. Vospominaniya o Sibiri. 1848–1854 gg. SPb., 1889.

Trubeckoj S. P. Materialy o zhizni i revolyucionnoj deyatelnosti: v 2 t. T. 2. Pis'ma. Dnevnik 1857–1858 gg. / izd. podgot. V. P. Pavlovoj / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1987.

Ю. А. Киселева

Перезахоронение декабристов А. П. Юшневского и А. З. Муравьева: новые данные из документального фонда ИОКМ

Аннотация. Статья посвящена обзору хранящихся в фондах Иркутского областного краеведческого музея документов известного археолога П. П. Хороших, руководившего в 1952 г. в д. Большой Разводной перезахоронением декабристов А. П. Юшневского и А. З. Муравьева. В результате анализа документов выявлены новые сведения об отдельных мемориальных предметах декабристов, обнаруженных в погребениях. Впервые публикуется детальный чертеж могильного склепа (1844 г.) А. П. Юшневского.

Ключевые слова: П. П. Хороших; Большая Разводная; декабристы; перезахоронение; А. П. Юшневский; А. З. Муравьев; мемориальные предметы.

Yu. A. Kiselyova

The reburial of the Decembrists A. P. Yushnevsky and A. Z. Muravyov: new facts from archive of IRMLH

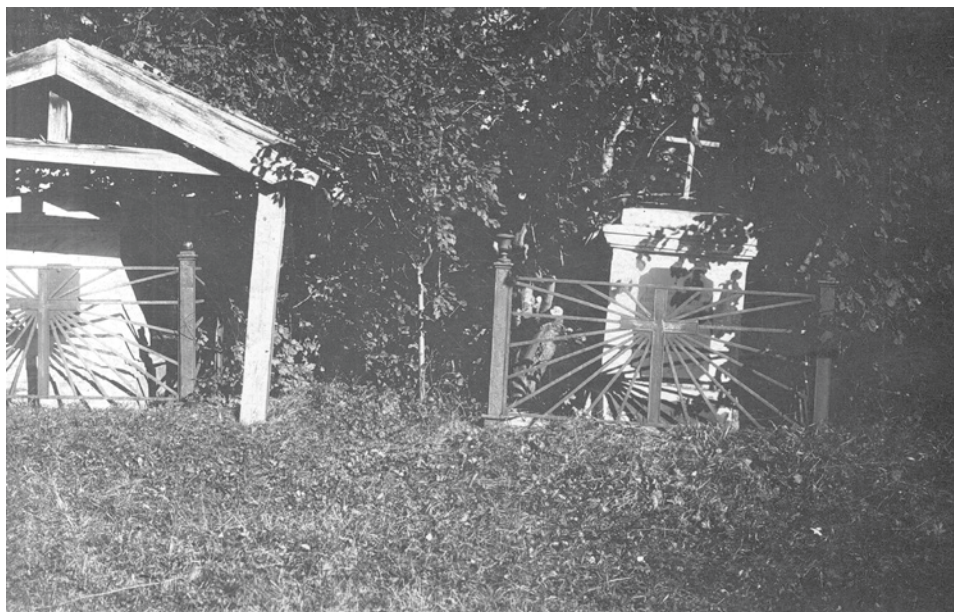
Abstract. The article is devoted to a review of the documents of the famous archaeologist P. P. Horoshikh, who supervised the reburial of the Decembrists A. P. Yushnevsky and A. Z. Muravyov in 1952 in the village of Bolshaya Razvodnaya. As a result of the analysis of the documents, stored in the funds of the Irkutsk Regional Museum of Local History, new information was revealed about Decembrists' certain memorial items, found in the burials. A detailed drawing of the burial vault (1844) made by A. P. Yushnevsky is published for the first time.

Keywords: P. P. Horoshikh; Bolshaya Razvodnaya; Decembrists; reburial: A. P. Yushnevsky; A. Z. Muravyov; memorial items.

Киселева Юлия Александровна – старший научный сотрудник, Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск, Россия.

Kiselyova Yuliya A. – senior researcher, Irkutsk Regional Museum of Local History, Irkutsk, Russia. E-mail: julia-irk.9@mail.ru

В собрании Иркутского областного краеведческого музея особое место занимают мемориальные предметы декабристов А. П. Юшневского и А. З. Муравьева. Необычная история их появления в музее связана с перезахоронением праха декабристов в 1952 г. Перенос могил был вынужденной мерой, причиной которой явилось масштабное строительство Иркутской гидроэлектростанции. В этот период параллельно проводились спасательные работы по выявлению и возможному переносу объектов историко-культурного наследия из будущей зоны затопления. В число таких объектов вошли могилы А. П. Юшневского и А. З. Муравьева, расположенные рядом, на погосте в деревне Большой Разводной (ил. 1).

Ил. 1. Могилы декабристов А. П. Юшневского и А. З. Муравьева. ИОКМ, инв. № ф. 314–30

Перезахоронение состоялось, прах перенесли на городское Лисихинское кладбище, а изъятые из могил личные предметы были переданы на хранение в краеведческий музей. Среди них – золотой нательный католический крест, принадлежавший А. П. Юшневскому, и несколько предметов А. З. Муравьева: медная пуговица, ладанка (тканый мешочек), в которой находились серебряная иконка-образок и золотой медальон.

Впервые о перезахоронении декабристов стало известно спустя более двадцати лет благодаря иркутскому журналисту Леониду Шинкареву, опубликовавшему в 1974 году книгу «Сибирь: откуда она пошла и куда она идет». Главу под названием «Вторые похороны декабристов» автор посвятил двум иркутским ученым – археологу Павлу Хороших и профессору медицины Апполинарию Казанцеву, производившим в июле 1952 г. перезахоронение. Перед учеными стояла еще одна задача – обнаружение могилы декабристов братьев Борисовых, утраченной ко времени описываемых событий. К сожалению, поиск ученых не дал результатов. Позднее эта терри-

тория вошла в ложе затопления, и прах Борисовых остался навечно покоиться под водами иркутского водохранилища.

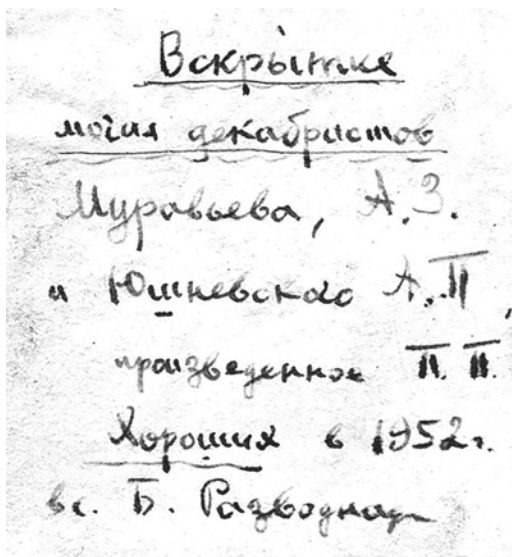
Л. Шинкарев ведет повествование непосредственно от лица ученых, ссылаясь на то, что подробный рассказ об описываемых событиях составлен с их слов. В дальнейшем все последующие публикации исследователей, краеведов, возвращавшихся к истории перезахоронения декабристов, как правило, идут со ссылкой на публикацию Л. Шинкарева или просто повторяют ее текст.

Обратиться к этой теме я решила после изучения материалов документального фонда музея. В музейном хранилище среди 60 тысяч экспонатов, расположенных на стеллажах, выделен отдельный фонд, насчитывающий несколько десятков единиц хранения, с которым на протяжении ряда лет не прекращается исследовательская работа. Здесь хранятся материалы, которые при первичном изучении не ответили на вопросы, когда, от кого, на каком основании поступили документы в музей, кому принадлежали.

Так началась работа с папкой «Вскрытие могил декабристов Муравьева А. З. и Юшневского А. П., произведенное П. П. Хороших в с. Б. Разводная в 1952 г.» (ил. 2). В папке-скоросшивателе хранятся пожелтевшие от времени листы с печатным текстом и рукописными записями. Машинописный текст содержит описание внешнего облика надгробных памятников, далее, последовательно, по пунктам, раскрыта техническая сторона работы при вскрытии склепов; заключительная часть фиксирует визуальную картину, представившуюся ученым непосредственно после вскрытия гробниц (ил. 3, 6).

И в заключение перечислены предметы, изъятые из могил и впоследствии переданные в музей (ил. 4, 5, 7).

Особый интерес вызвали несколько листов рукописных записей карандашом безвестного автора. При первичном изучении документа появилось предположение, что владельцем папки являлся П. П. Хороших, который до 1977 г. работал в краеведческом музее. Но этому необходимо было найти подтверждение. После сравнения рукописей из папки с коллекционными описями, составленными ученым в разные годы, а также с подписанными характерным почерком музейными фотографиями из археологических экспедиций, не оставалось сомнений, что записи сделаны Павлом Павловичем Хороших (ил. 8).

Ил. 2. Надпись на папке с документами

О П И С А Н И Е
могила декабриста А.З.Муравьева

Декабрист Артамон Захарович Муравьев - член Южного тайного общества погребен был 4 ноября 1846 года в бывшей церковной ограде деревни Большой Разводной Иркутской области, в 10 кил. от г.Иркутска.

над могилой стоял памятник, сложенный из камня-серовина. Вокруг памятника стояла чугунная оградка.

на памятнике была вделана чугунная доска с надписью:

" З д е с ь
покоится прах
Артамона Захаровича
Муравьева
Сконч. 4 ноября 1846 года
на 33 году рожд."

В нишу памятника был положен бюст покойного сына Муравьева. Этот факт установил историк В.Г.Кубалов на основании рассказов старожилов и одного из писем М.К.Юшневской.

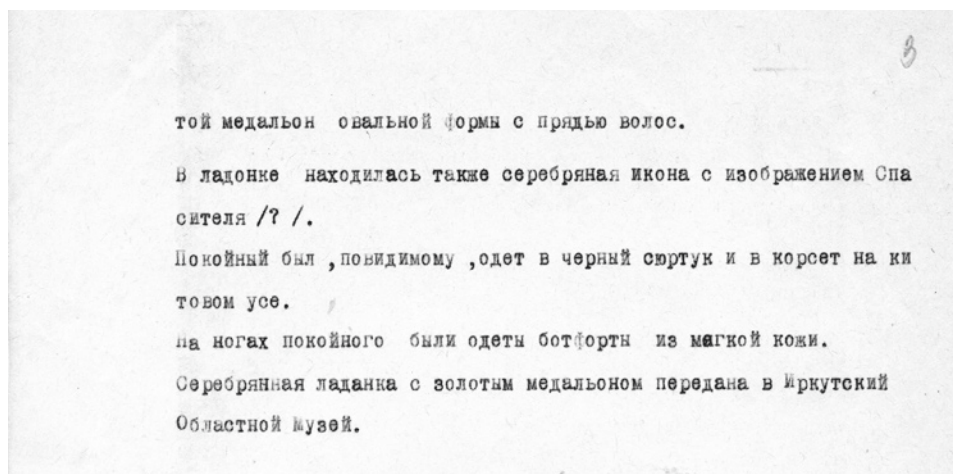
В письме к жене Муравьева, оставшейся в Европейской России, М.К.Юшневская упомянула, что при установке памятника "заблуждалась положить бюст покойного сына Артамона Захаровича." В 1924 году по предложению В.Г.Кубалова, была отодвинута плита на памятнике Муравьева и вынут гипсовый бюст прекрасной художественной работы, изображающий красивого юношу.

В настоящее время бюст находится в Иркутском Областном Музее. Бюст представляет ценность, как образец художественной работы первой четверти XIX века.

При вскрытии 15 июля 1952 года могилы декабриста А.З.Муравьева оказалось следующее:

1. Под каменными плитами памятника находилась черная земля с кусками разбитого кирпича и серого пасчаника.

2. На глубине 30 сант. от поверхности было обнаружено перекрытие из лиственничных бревен, толщиной 25-28 сант.
3. Ниже бревен снова была навалена черная земля с разбитым кирпичем и серым камнем.
4. На глубине 78 сант. от поверхности оказалась кирпичная кладка в виде арки, сложенная из кирпичей, поставленных на ребро.
5. Под кирпичной аркой снова оказалась черная земля с разбитым кирпичем.
6. На глубине 1,5 метр. обнаружено было второе перекрытие из лиственничных бревен. Толщина бревен 27-29 сант.
7. Под бревнами оказалась сама могила, в которой и находился гроб с останками декабриста А. Муравьева. Гроб стоял на каменной кладке на глубине 2,2 метр. от поверхности.
8. Стены склепа были сложены из кирпича, поставленного в два ряда.
9. Деревянный гроб был обит светло-зеленым газетом. На боковых досках гроба сохранилась слабо заметная надпись: "Святой боже". Буквы этой надписи были сделаны из бумаги. Гроб был сколочен деревянными гвоздями.
- На бокам гроба имелись металлические ручки и украшения, плохо сохранившиеся.
10. Скелет и череп оказались плохой сохранности. Левое плечо покойника, повидимому, было переломлено, но потом срослось.
11. Голова покойного была накрыта сеткой из черного шелка, сильно истлевшей. Все тело было покрыто шелковой шалью оранжевого цвета, также совершенно истлевшей.
- На голове сохранились редкие волосы русового цвета.
- Голова лежала на небольшой подушке, набитой перьями.
- На шее покойного находилась ладанка из белого металла, обшитая шелковой материей, на плетеном шелковом шнурке. На шнурке находилась латунная пуговица со следами герба. В ладонке золо

*Продолжение описания могилы декабриста
А. З. Муравьева*

*Ил. 4. Крест нательный А. П. Юшневского.
ИОКМ КП 2788/1*

*Ил. 5. Ладанка с иконой А. З. Муравьева.
ИОКМ КП 2788/2*

Вернемся к книге Леонида Шинкарева, который стал первым, кто поведал иркутскому сообществу, каким образом проходило перезахоронение декабристов и кто был причастен к нему. Выяснилось, что текст книги практически построчно совпадает с текстом рукописи из музейной папки П. П. Хороших. Это позволило предположить, что иркутский археолог предоставил известному журналисту Л. Шинкареву все материалы, касающиеся событий, происходивших летом 1952 г. Но в обнаруженной рукописи имеются интересные детали, которые не вошли в книгу, оставшись неизвестными ее читателю.

Среди записей хранится оригинальный чертеж, датированный 15 июля 1952 г., выполненный ученым цветными карандашами, где захоронение декабриста А. П. Юшневского представлено в разрезе. Этот чертеж является единственным документом, свидетельствующим о конструкции могильного склепа декабриста (ил. 9).

О п и с а н и е

могила декабриста А. П. Юшневского

Декабрист А. П. Юшневский был погребен 10 января 1844 года в бывшей церковной ограде деревни Большой Разводной Иркутск. области в 10 кил. от г. Иркутска.

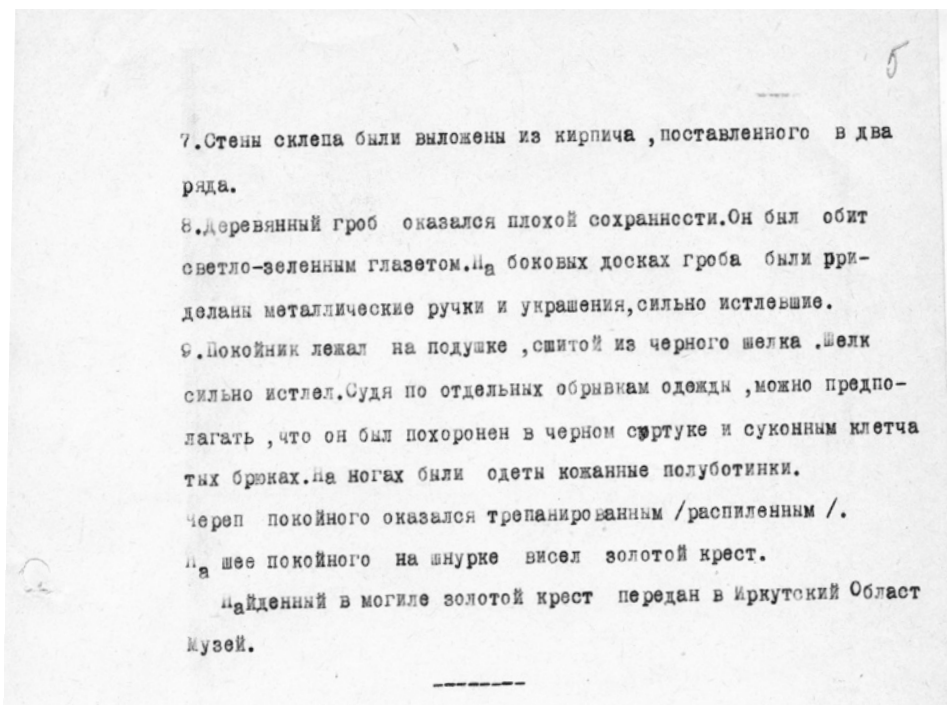
Над могилой стоял памятник, сложенный из камня - серовика. Вокруг памятника стояла чугунная оградка. В стенке памятника была вделана чугунная доска с вылитой надписью:

"Здесь
покоится прах
Алексея Петровича
Юшневского
Род. 12 марта 1786 года,
Сконч. 10-го января 1844 г.
на 58 году.
"Мне хорошо"
/слова покойного/"

При вскрытии могилы декабриста А. П. Юшневского оказалось следующее:

1. Под каменными плитами памятника находилась перекрытие из толстых лиственничных бревен. Толщина бревен 24-26 сант.
 2. Под бревенчатым перекрытием находилась черная земля с большими кусками разбитого кирпича и серого песчаника.
 3. На глубине 90 сант. от поверхности земли оказалась кирпичная кладка в виде арки, сложенной из кирпичей, поставленных на ребро.
 4. Под кирпичной кладкой снова оказалась черная земля с разбитым кирпичем и серым камнем.
 5. На глубине 1,6 метр. от поверхности снова оказалась кирпичная кладка, устроенная таким же путем, как и первая.
 6. Ниже этой кладки обнаружена была сама могила с гробом.
- Гроб стоял на каменной кладке и на бревнах.

Ил. 6. Описание могилы декабриста А. П. Юшневского.
ИОКМ, документальный фонд

Продолжение описания могилы декабриста
А. П. Юшневского

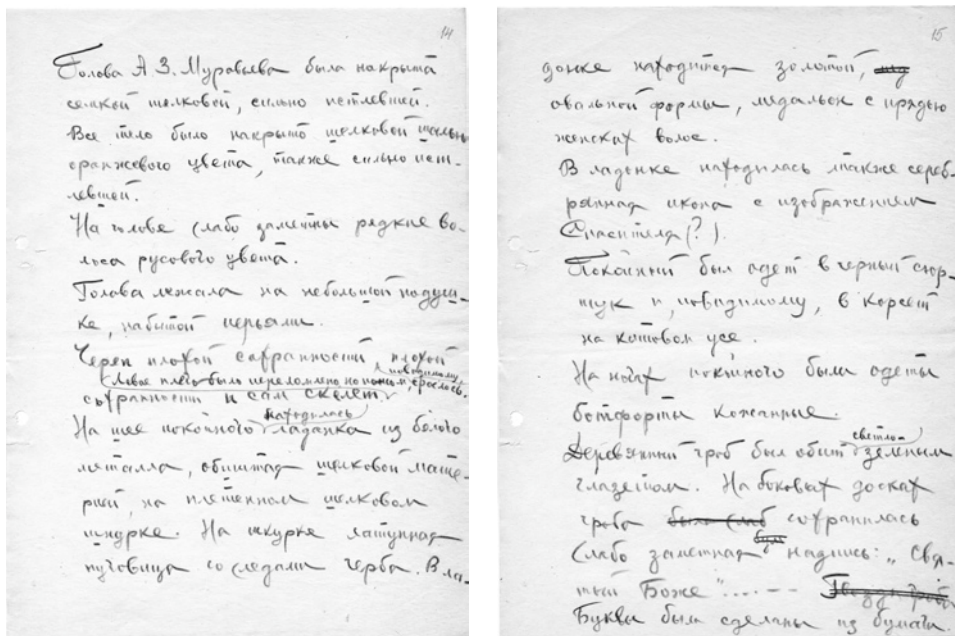
Ил. 7. Медальон А. З. Муравьева.
ИОКМ КП 2788/4

В документах подробно зафиксировано послышное вскрытие, которое позволяет проследить, что могила Артамона Захаровича Муравьева, погребенного в 1846 г., была устроена идентично захоронению Алексея Петровича Юшневского, скончавшегося в 1844 г.

И вновь я предлагаю вернуться к книге, где автор перечисляет обнаруженные в могиле А. З. Муравьева личные вещи. «Его хоронили, как видно, в черном сюртуке и в ботфортах. На шее оказалась ладанка на плетеном шелковом шнурке. В ладанке золотой овальный медальон с прядью волос <...>, была и крошечная серебряная иконка с изображением Спасителя»¹.

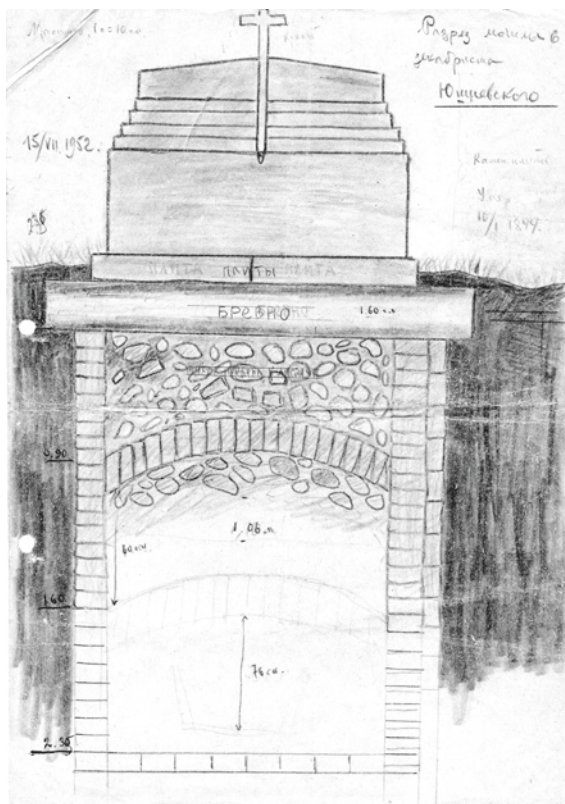
Но среди вещей А. З. Муравьева, переданных в музей, был еще один предмет, о котором в книге нет упоминания. Это латунная пуговица (ил. 10). Почти семьдесят лет атрибуция пуговицы как элемента одежды покойного ни у

¹ Шинкарев Л. И. Сибирь: откуда она пошла и куда она идет: факты, размышления, прогнозы. Иркутск, 1974. С. 112.

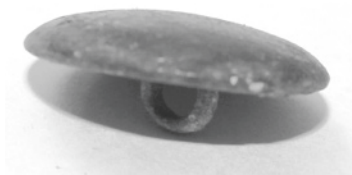

Ил. 8. Записи П. П. Хороших. ИОКМ, документальный фонд

кого не вызывала сомнений. Почему пуговица в могиле была в единственном числе и где остальные – такой вопрос никогда не возникал. От даты погребения (1846 г.) и до перезахоронения (1952 г.) прошло более ста лет. Исходя из состояния артефакта, который имеет очаги активной коррозии, было высказано предположение, что, если другие пуговицы и имелись, они могли быть разрушены. Я же предлагаю обратиться к записям П. П. Хороших, который фиксирует следующее: «На шее покойного находилась ладанка, обшитая шелковой материей, на плетеном шелковом шнурке. На шнурке латунная пуговица со следами герба, в ладанке находится золотой овальной формы медальон с прядью женских волос.

Ил. 9. Чертеж могилы А. П. Юшневского. ИОКМ, документальный фонд (публикуется впервые)

Ил. 10. Пуговица А. З. Муравьева.
ИОКМ КП 2788/3

В ладанке также находилась серебряная икона с изображением Спасителя»².

Таким образом, из записей ученого становится известно, что эта пуговица со следами герба не являлась принадлежностью сюртука, в который был одет покойный. Если пуговица хранилась на шнурке ладанки вместе с вещами, дорогими и памятными для декабриста, то, возможно, с ней Артамона Захаровича связывали определенные воспоминания, события из жизни. К сожалению, фрагменты герба на пуговице не сохранились. О его наличии стало известно из записей П. П. Хороших. Предположительно, в том же 1952 г. чья-то неумелая рука произвела преступную процедуру очистки от очагов коррозии. Вмешавшись в состояние артефакта, неизвестный нанес ему огромный урон, вследствие чего фрагменты герба были утрачены. Свидетельством тому наличие на лицевой стороне пуговицы множественных глубоких царапин механического характера.

В книге обращает на себя внимание один факт, не подтвержденный записями археолога П. П. Хороших. Так, Л. Шинкарев приводит слова второго ученого, Апполинария Казанцева, дающего оценку внешнего облика покойного Артамона Захаровича: «Я увидел мумию, стянутую сухой черной кожей. На голове сохранились редкие русые волосы. Лицо чуть поросло щетиной, короткая бородка. О выражении лица я затрудняюсь что-нибудь сказать, но мне оно показалось спокойным и умиротворенным»³. Но Павел Павлович, детально фиксируя вскрытие захоронений, писал следующее: «На голове слабо заметны волосы русого цвета, <...> череп плохой сохранности, скелет плохой сохранности <...>»⁴. Таким образом, возникает вопрос о достоверности освидетельствования останков, которое приводит в книге автор, ссылаясь на профессора А. И. Казанцева, так как записи П. П. Хороших противоречат этим сведениям.

Как бы то ни было, необычная история вторых похорон декабристов А. П. Юшневского и А. З. Муравьева, которая произошла через сто лет после их смерти, обрела новые черты и подробности. Благодаря оставленному ученым П. П. Хороших наследию, спустя почти 70 лет открылись новые интересные факты, которые дополнили историю перезахоронения двух декабристов.

Литература

Шинкарев Л. И. Сибирь: откуда она пошла и куда она идет: факты, размышления, прогнозы. Иркутск, 1974.

References

Shinkaryov L. I. Sibir' : otkuda ona poshla i kuda ona idyot: fakty, razmyshleniya, prognozy. Irkutsk, 1974.

² ИОКМ. Документальный фонд. Хороших П. П. Вскрытие могил декабристов. 1952. Л. 14–15.

³ Шинкарев Л. И. Сибирь: откуда она пошла и куда она идет. С. 112–113.

⁴ ИОКМ. Документальный фонд. Хороших П. П. Вскрытие могил декабристов. 1952. Л. 14.

Архивное наследие

Письма М. С. Волконского

От редакции

Письма, подготовленные А. О. Афанасьевой к публикации в 5-м «Вестнике Иркутского музея декабристов», не вошли в сборник по техническим причинам.

Письма переведены научными сотрудниками Иркутского музея декабристов Л. Г. Потаповой и О. А. Акулич. Курсивом выделены слова, написанные на русском языке, сохранено авторское подчеркивание.

Все листы писем имеют в правом верхнем углу плохо читаемое тиснение, увенчанное короной. Вероятнее всего, это оттиск личной печати С. Н. Раевской, о чем мы узнаем из содержания одного из писем. Раевская была фрейлиной императрицы Александры Федоровны и могла иметь подобную печать.

1

12 июня [1852 г.], *Ундинский караул*¹

Моя обожаемая мама, вот уже три дня я здесь, в этой деревне, я не поехал с Генералом, потому что мало лошадей рядом с *Карой*². Он дал мне выбор: жить ли по дороге на *Завод* или на самом *Заводе*³. Не имея большого желания жить в этом вертепе горных, я остановился здесь и жду сегодня *Кукеля*⁴ и *Поплавского*⁵, с которыми я продолжу путешествие. Если они не приедут к вечеру, я сделаю еще одну остановку, так как у меня нечего есть, *объехал всю деревню, в которой, впрочем, ничего и не было, и, как цыган, собираюсь перекочевать на новые пажити*. Я здесь расстался с Генералом больше чем на одну неделю; я остался с *Сизовым*⁶ и *Никешей*⁷, которые меня очень забавляют, один – своими стихами, другой – своими наивностями. Я очень доволен обоими. *Сизов* – настоящий подчиненный, слова: *изволите приказать, угодно было повелеть, повинуюсь слепо вашей воле и проч [ие]* не сходят с его толстых губ.

Я вскоре еду, я не скучаю, имея занятие и весьма забавную семейку за перегородкой. 29-го мы надеемся быть в Дарасуне⁸, где я буду рад вас увидеть в добром здравии!

Я начал писать очень длинное письмо моей тете⁹, где я описываю мое теперешнее положение. Я вас предупреждаю, что там не много преувеличения, я не знаю, смогу ли я его закончить, так как час, назначенный на почту, уже прошел и она появится с минуты на минуту. Это чтобы сообщить вам новости обо мне, я отправляю вам это резюме и прошу прощения за каракули.

Не дождусь ответа, новостей от вас, моя добрая, милая мама!

До свиданья, я продолжаю писать письмо моей тете.

Генерал чувствует себя превосходно, он очень весел и всем доволен. Скажите ее превосходительству *Катерине Николаевне*¹⁰, в случае, если она не получает писем от Генерала, в чем я не сомневаюсь, так как он находится сейчас со стороны *Кары*, там, куда почта не доходит.

Я целую тысячу и тысячу раз, берегите себя, ради Бога, в Дарасуне, должно быть, сыро по вечерам, берегите себя для вашего сына, который есть вся любовь, все уважение для своей обожаемой маменьки.

Привет и тысячу дружеских пожеланий моей кузине¹¹. Письмо, которое я ей пишу, в другом жанре, но очень уважительное. Пусть моя тетья не сердится на меня заранее. В случае, если почта придет, я отправлю только это письмо.

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 181. Л. 44–45 об.

Примечания

¹ Ундинский караул (Ундинская слобода), ныне с. Унда, расположенное на одноименной реке, основано в конце XVII – начале XVIII в. крестьянами, сосланными в Забайкалье, которые позже были приписаны к Нерчинскому сереброплавильному заводу. С 1851 г. – Ундинская станица 2-й пешей бригады Забайкальского казачьего войска, в ней располагался штаб батальона.

² Кара, река Нерчинско-Заводского округа Забайкальской области, левый приток р. Шилки.

³ Большой Нерчинский завод.

⁴ *Кукель Болеслав Казимирович* (1829–1869), по окончании Главного инженерного училища (1850) служил в Восточной Сибири: с 1851 г. – по особым поручениям при ген.-губернаторе, с 1856 г. – управляющий казачьим отделением, член Совета Главного управления.

⁵ Лицо неустановленное.

⁶ *Сизов Михаил Дмитриевич*, коллежский секретарь, который вел журналы канцелярии 1-го отделения ГУВС и потому назывался журналистом.

⁷ Лицо неустановленное.

⁸ Дарасун, поселение в Забайкальском крае, известное как курорт.

⁹ *Раевская Софья Николаевна* (1806–1881).

¹⁰ *Муравьева Екатерина Николаевна* (1815–1897), супруга ген.-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева.

¹¹ Имеется в виду кузина по линии Раевских: у Е. Н. Орловой (урожд. Раевской) была дочь Анна (Нинет), в замужестве Яшвил (1826–1887). У А. Н. Раевского – дочь Александра (Сашок), в замужестве Ностиц (1839–1863). О ком конкретно идет речь, не установлено.

2

24 июня [1852 г. Нерчинский Большой завод]

№ 1*

*Полторанов*¹ уезжает через несколько часов в Иркутск, и я, пользуясь okazji, хочу вам сообщить новости обо мне, моя обожаемая маменька. Вчера я написал вам через Корсакова², завтра напишу через почту. Генерал уехал, я не смогу вам описать, как мне печально с ним расставаться, мне едва хватало сил сдерживаться и ничего не показывать. Зачем ему показывать мою слабость!

* Здесь и далее письма пронумерованы автором.

Курьер прибыл назавтра после его отъезда, но ваших писем не было, и это меня опечалило, что я тут же сделал, чтобы их иметь. У меня было разрешение Генерала вскрывать пакеты, где могли быть мои письма, не было ни одного из *Читы* для Генерала, но несколько для *Павла Ивановича*³, и я чувствовал, что одно содержит несколько писем. Конечно же, я не осмелился его вскрыть, но как же бранил про себя это толстое животное Г.⁴, у которого не хватило ума предположить, что *Павла Ивановича* не будет с *Николаем Николаевичем*. Чем больше его жена кокетничает, тем глупее он становится, интересно, чем все закончится. Таким образом, ваши письма совершали оборот вокруг Нерчинска⁵, курьер догонит Генерала на границе и вернется в Дарасун вместе с Генералом 29-го числа этого месяца. Если эта пробка сделает то же самое с письмами, которые я вам написал и они тоже придут в то же самое время, как те, что получил, я его поздравляю. Я предполагаю, что у него Бог знает что в голове вместо мозгов: *голова поменялась содержанием кой с чем другим, ну да пусть едят его мухи – поговорим о другом*.

Я получил очень длинное письмо на трех листах от папы, за что я ему очень признателен, особенно за труд написать отчетливо и за истинное удовольствие, которое он мне доставил. Я пишу ему при всяком случае, вот и теперь я это тоже сделаю.

Вот я в новой своей квартире, мне здесь очень нравится, все чисто и обставлено со вкусом. Моя медвежья шкура составляет второе украшение, туалет моей тети Екатерины⁶, грациозно расположившийся на маленьком столике, – третье, и другие небрежно разбросанные предметы, и дополняет все это красивая картина, вы, наверно, спросите меня: «Где самый замечательный предмет, который должен потрясать и восхищать прохожих и визитеров?» Нет, не спрашивайте меня, я уже столько раз называл его имя. Нет, я не скажу вам его, потому что не хочу называть себя.

У меня стол амфитриона⁷. Это правда, что я не обедал, потому что не нашел ни мяса, ни молочного во всем Заводе, но сегодня я наелся за вчерашний день и на три дня вперед, если так случится, что я ничего не найду для еды.

Среди пакетов, адресованных Генералу, один от Дмитрия⁸, я очень хотел бы знать его содержание. Сейчас они должны быть в Москве. Я написал им обоим, адресовав письмо в Петербург⁹.

Если вы считаете, что мои письма теряются, я начну их нумеровать и начну с этого, и вас попрошу делать то же самое с вашими.

Я вас целую, до завтра, моя милая, обожаемая мама! Доброй ночи, моя тетя!

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 181. Л. 46–47 об.

Примечания

¹ Возможно, *Полторанов Владимир Васильевич*, советник Нерчинского горного правления с 1850 по 1865 г., в 1850 г. – титулярный советник, в 1862 г. – коллежский асессор.

² *Корсаков Михаил Семенович* (1826–1871), выпускник школы армейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в 1848 г. назначен для особых поручений к ген.-губернатору Восточной Сибири, майор, в 1852 г. – подполковник, начальник казачьего отделения и член Совета ГУВСа, с 1861 г. – ген.-губернатор Восточной Сибири.

³ *Запольский Павел Иванович* (1797–1860), с 1849 г. – ген.-майор, бригадный командир Иркутского и Енисейского казачьих полков, в 1851–1855 гг. – наказной атаман Забайкальского казачьего войска, забайкальский военный губернатор.

⁴ Возможно, речь идет об *Александре Ивановиче Габриеле* (1806 – ?), подполковнике, помощнике горного начальника Нерчинских заводов. В 1824 г. окончил Горный институт в Петербурге. Служил на Алтае. В 1848 г. переведен на Нерчинские заводы, с 1850 г. – управляющий Шилкинским заводом (1850), с 1865 г. – горный ревизор Семипалатинской области, с 1868 г. снова на алтайских заводах.

⁵ Нерчинск расположен на левом берегу р. Нерчи, в 7 км от места ее впадения в р. Шилку, в 305 км к востоку от Читы. Ныне город, административный центр Нерчинского района.

⁶ Скорее всего, речь идет о подарке от Е.Н. Орловой, переданном М.С. Волконскому С.Н. Раевской.

⁷ Из древнегреческой мифологии, нарицательное имя радушных и гостеприимных хозяев.

⁸ *Молчанов Дмитрий Васильевич* (ок. 1812–1857), муж сестры М.С. Волконского Елены.

⁹ Молчановы в Петербурге пытались уладить наследственные дела.

3

30 июля [1852 г. Нерчинский Большой] завод

№ 8

Я вынужден отложить свое возвращение до 20 августа и буду в Иркутске к 27-му, так как я должен остаться на некоторое время у *Павла Ивановича*, чтобы поговорить с ним о делах; теперь объясняю вам, моя обожаемая мамочка, как обстоит дело.

Для опросного листа, что у меня на руках, я должен опросить огромное количество *ссылнокаторжных*, расселенных по всем заводам и на золотых приисках *Кары* и *Шахтамь*¹. Я приказал, чтобы мне доставили сюда тех, кто не умеет читать, на что мне ответили – до 15-го, но я рассчитываю освободиться раньше, так как это будут *последние опросы*.

Таким образом, я не увижу мою тетю в Сибири и должен буду надеяться увидеть ее в других местах.

Но я не хочу ни на что рассчитывать, пустить дела на самотек, поскольку мне достаточно иметь надежду или какую-нибудь идею, которая касается только меня, чтобы они не осложнялись ничем. Так, начиная с моей несостоявшейся военной службы, равно как и моей поездки в Россию и других моих разочарований, я становлюсь понемногу философом. Ни в чем, что касается лично меня, я больше не зарекаюсь, боясь скоро утратить иллюзии, я не строю *замков на песке*, чтобы не испытывать досаду, вновь оказавшись в *Нерчинском заводе*.

Итак, только желания, которые я мог бы исполнить для себя, и я уверен, что они воплотятся.

Я отправляю тете малую печать² и прошу меня простить за эту шутку, единственная цель которой – не оставить у нее грустных воспоминаний обо мне, а последний мой шаг напомнит ей обо всех сказанных мною глупостях и розыгрышах, творимых мною в ее присутствии.

Я чувствую себя очень хорошо, если не считать моего обычного насморка, который мучит меня каждое лето. В этот раз он не очень сильный, у меня не болят ни голова, ни глаза от него; я даже почти не чихаю. Охота мне не до-

ставляет никаких неприятностей, впрочем, я охотился всего один раз. Охота без Сбогара³ теряет для меня привлекательность.

Завтра я еду с полковником Соллогубом к нему поохотиться. Мне очень нравится его общество, этот человек такой благородный, такой настоящий и такой деликатный, что не может не нравиться. *Павел Иванович* и Генерал не любят его из-за слабости характера, что частично является правдой, но они его знают не очень хорошо, и я первый, кто об этом сожалеет.

Енгальчев⁴ в *Каре*. Вы знаете, какое ему дали поручение? Убедиться, сможет ли человек съесть 5 фунтов хлеба в день и не повредит ли ему это. Чтобы достигнуть сей цели, он должен посмотреть, как едят *ссылъные*, а затем сделать другую вещь, что должно не очень понравиться его княжескому носу, впрочем, он может извлечь из этого какой-то опыт, из всего, что он видит, и это что-то... После своего возвращения он будет иметь полное право сказать, что на этот раз поручение у него было секретного свойства, потому что не говорят в салоне об этой особенности человеческой природы.

*Казакевич*⁵ в *Шилке*⁶; он умирает от скуки, говорят, что побелел за два месяца, которые он там провел; что это: действие климата или платонической любви; я думаю, что последнее, так как я не нахожу у себя седых волос, а живем мы под одним градусом широты и долготы; а жаль, так как седая голова старика подошла бы к моему рангу, моему знанию и моей мудрости.

*Ковригин*⁷ очень плох, у него водянка груди, Бопре⁸ еще в то же время надеется. Враги Генерала не преминут его обвинить в сей болезни, не принимая во внимание, что отец *Ковригина* умер от водянки груди.

Я только что отделался от Пузино⁹, который провел у меня три дня; это умный малый, начитанный, но немножко фанфарон.

Я не пишу папе, так как не хочу ему повторять то, что пишу вам. Я его крепко обнимаю и благодарю за письма. Я ничего не понимаю в его рассуждениях о моих лошадях, я не хочу ни уменьшать, ни увеличивать их число, во всяком случае, если я решусь покупать других лошадей, то они будут выбраны только из его знаменитого урикского табуна – я даю ему слово.

У меня нет вестей от вас из *Читы*.

Ангел мой, мама, до свиданья, приблизительно до 27-го. Я целую вас миллиард раз.

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 181. Л. 48–51

Примечания

¹ Шахтама – река в Забайкалье, приток р. Унды. В 1848 г. в руслах Кары и Шахтамы обнаружены богатые месторождения золота.

² Речь о личной печати С. Н. Раевской, которую Михаил одолжил у нее и на письмах матери из Нерчинского завода ставил ее оттиск.

³ Собака М. С. Волконского.

⁴ *Енгальчев Александр Елтидифорович* (1825–1905), князь, чиновник по особым поручениям при Н. Н. Муравьеве.

⁵ *Казакевич Петр Васильевич* (1803–1883), в 1848–1850 гг. – участник экспедиции Г. И. Невельского, в 1851–1855 гг. – офицер для особых поручений при Н. Н. Муравьеве, в 1856–1865 гг. – военный губернатор Приморской области Восточной Сибири, контр-адмирал.

⁶ Казачье поселение в долине р. Шилки, в 210 км от Читы.

⁷ *Ковригин Иван Никифорович* (1800 – ?), горный начальник Нерчинских заводов. Начал службу маркшейдерским учеником в Нерчинских заводах, учился, осваивал дело и со временем стал управляющим Кутомарским и Екатерининским заводами в Нерчинском округе.

⁸ *Бопре Юзеф Антони* (1800–1872), польский политический ссыльный, в февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, после церемонии «гражданской смерти» наказание заменено на 20 лет каторги. Отбывал наказание в Большом Нерчинском заводе. Практикующий врач.

⁹ *Пузино Помпей Поликарпович* (? – 1889), выпускник Павловского пехотного училища, в 1855 г. – есаул Забайкальского казачьего войска, в 1858 г. – войсковой старшина, командир 6-го батальона. Участник второго амурского сплава и обороны Де-Кастри.

4

3 августа [1852 г. Нерчинский Большой завод]

Моя милая, обожаемая мама!

Я фаталист, вы это знаете, и в этот раз мой фатум меня преследует: Карпинский¹ не приехал, и я не могу уехать раньше его приезда по причинам, которые я указал в прошлый раз. Я решил его ждать, его или Титова², до 15-го числа, но 15-го я обещаю вам поехать, будь что будет, и я буду 25-го в ваших объятьях, несмотря на всевозможные фатумы.

Вот уже три недели от вас нет новостей, мне нужен весь мой разум, мое хладнокровие, чтобы не впасть в уныние. К отъезду Полторанова и Карпинского я отношу ту неприятность, что за две последние почты не получил ни одного письма.

Я чувствую себя хорошо, я хожу на охоту с нашим славным полковником³ и с поляками, я занимаюсь минералогией, я играю в шахматы, я, наконец, делаю все возможное, чтобы укротить мое нетерпение, но я это делаю с трудом. Мой экипаж всегда готов, находится в укрытии перед моим домом и все время мешает мне проходить, но я всегда посылаю ему дружескую улыбку; он никогда не отвечает, и у него грустный вид, бедный мальчик, понимает, что я его не готовлю к поездке к вам.

В любом случае я не поеду раньше 15-го, так как я должен дожждаться срочного пакета из *Кары*, с которым должны прийти достоверные известия о состоянии дел, которые я повезу Генералу. Я попросил Альбиноса⁴ отправить мне письма, оставленные ему Полторановым, но задержать их отправку до моего приезда. Я хочу сыграть шутку с Заборинским⁵, скажу ему, что оставил его экипаж в *Посольске*, так как мой был в *Лиственничном*⁶. Я не слишком обиделся бы, если бы он мне оплатил по крайней мере половину от 25 руб. сер [ебром], которые я заплачу за перевозку на пароходе, ведь я научен, и если бы вода текла в *Каре*, как текли в это время мои деньги, у нас бы уже давно натекло на 100 тысяч.

Я посылаю вам просьбу одного поляка, *Тарчевского*⁷: будьте добры передать ее *Шелашиникову*⁸ и попросить от вашего имени уладить дело, что очень легко.

Я прекратил писать Молчанову, не зная, куда адресовать ему письма; я отправил ему четыре в *Красноярск*.

В последний раз пишу вам, моя нежная, моя добрая мама, и до свиданья 25-го, да пребудет с вами милость Господня.

Ваш Миша.

Я обнимаю папа со всею возможной нежностью.

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 181. Л. 52–53 об.

Примечания

¹ *Карпинский Александр Прокопьевич*, титулярный советник, в 1852 г. – начальник 1-го отделения Губернского совета.

² *Титов Лаврентий Федорович*, надворный советник, в 1852 г. – начальник 3-го отделения Губернского совета.

³ *Соллогуб Проспер Антонович*, полковник, командир 1-й пешей бригады Забайкальского казачьего войска.

⁴ Возможно, П. В. Казакевич.

⁵ *Заборинский Ахиллес Иванович* (1820–1895), офицер Генерального штаба, в 1848–1856 гг. служил в Восточной Сибири, полковник.

⁶ Посольск – селение на юго-восточном берегу Байкала. Лиственничное – селение на берегу Байкала, у истока Ангары. В XIX в. дорога из Забайкалья в Иркутск шла через переправу Посольск – Лиственничное.

⁷ *Тарчевский Шимон* (1810 – ?), поляк, в 1847 г. послан в Сибирский корпус. Службу проходил сначала в Забайкальском гарнизонном батальоне, потом в 14-м и 15-м Сибирских линейных батальонах. Был участником Амурских сплавов.

⁸ *Шелашиников Константин Николаевич* (1820–1888), с 1851 г. – подполковник, дежурный штаб-офицер войск Восточной Сибири, в 1856–1863 гг. – командир бригады Иркутского и Енисейского конных казачьих полков, с 1859 г. – ген.-майор, в 1864–1880 гг. – военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор, с 1865 г. – ген.-лейтенант.

5

19 августа [1852 г. Нерчинский Большой] завод

№ 11

Моя милая, моя добрая мама.

Я получил приказ возвращаться, а Комиссия – уволить меня, если во мне нет необходимости. К сожалению, я не могу уехать по причинам, которые вам сейчас объясню, и прошу вас не напоминать мне до тех пор, пока мои дела мне не позволят сказать вам, что все это делается для блага вашего сына. У меня есть причины, которые меня вынуждают остаться.

1. Мое расследование еще не закончено, и я не хочу его отдавать в таком виде, в каком оно есть.

2. *Титов*, который сюда приехал на два или три дня, уезжает завтра и вернется не раньше чем между 15 и 20 сентября. Он взял с меня слово, что я останусь здесь до его приезда, чтобы не оставлять Комиссию без единого члена, иначе она не сможет существовать.

3. Я предпринял одно дело, которое я должен довести до конца, так как знаю, что Генерал будет мною доволен и это доставит ему удовольствие. Я вам не говорил об этом в свое время, вначале я немного разочаровался

в успехе, но теперь дело продвигается. Меня здесь называют Талейраном¹. Дело в том, что я хотел бы иметь его качества, но сохранить свои недостатки, так как я их предпочитаю.

Не спрашивайте меня, когда точно буду с вами, я не смогу вам ответить, так как это от меня не зависит. Мысль о том, что вы совсем одна, не дает мне ни минуты покоя; но будет ли вам это очень приятно, если о вашем сыне будут говорить: «*Какой он чиновник, он маменькин сынок*». Но поверьте, что не слухи побуждают меня действовать, но чистейшая необходимость и обязанности по отношению к Комиссии и ее шефу.

Полторанов еще не вернулся, равно как не вернулся и *чиновник провиантский*, о котором вы мне сообщали. Это какое-то недопонимание с вашей стороны; это не может быть *чиновник*, потому что в *Провиантской комиссии* нет ни одного чиновника, которого могут послать сюда, но я предполагаю, что, возможно, писарь *Терский*², который ждал нас и был младший офицер.

Я очень доволен письмами Дмитрия и Нелли, а также тем, что они познакомились с Василием Репниным³. Я не высказываю мою признательность Дмитрию прежде всего потому, что я не умею выразить свои чувства. И еще потому, что не пришло время, Дмитрий находится в дороге. Но эта благодарность не только за его поездку в Россию, за которую я ему обязан, но отныне это мой долг, и я уверен, что он в этом не сомневается, и это чувство у меня останется на всю жизнь.

Я был весьма удивлен на этих днях тем, что один знакомый казак принес мне в *гостинец* совсем свежие орехи. Они растут во множестве на территории Китая, но не такие вкусные и мельче, чем в России. Что удивительно, что нет кустов на этой стороне *Аргуни*, тогда как они растут в изобилии на другой стороне реки⁴.

Я веду войну насмерть в шахматы с Рапцевичем⁵. Это стало для меня большим испытанием, тем более что Рапцевич любит поговорить о делах, что я, со своей стороны, ненавижу, потому что это его абсолютно не касается, и как только он собирается открыть рот с этой целью, я ему сразу сую под нос шахматную доску, и поехала п... (*пошла писать*).

До свиданья, мой ангел-хранитель, моя ласковая, моя обожаемая мамочка, будьте счастливы, в добром здравии и веселы, как я этого желаю и прошу у Господа! Я целую вас, люблю и прошу рассчитывать на меня и быть уверенным в своем сыне.

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 181. Л. 54–57

Примечания

¹ Талейран в данном случае используется как имя нарицательное – высший пилотаж дипломатии. *Шарль Морис де Талейран-Перигор* (1754–1838), французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трех режимах, известный мастер политической интриги.

² Лицо неустановленное.

³ *Репнин-Волконский Василий Николаевич* (1806–1880), племянник С. Г. Волконского.

⁴ Речь идет о разновидности лесного ореха – лещины разнолистной (*Corylus heterophylla*), исчезающего вида в Забайкалье. Знаменитый исследователь флоры Сибири Н. С. Турчанинов

в XIX в. ничего не знал про забайкальскую лещину и указывал лишь, что она растет по правому берегу Аргуни, то есть в Китае – с таким ареалом распространения она и вошла в Красную книгу.

⁵ Правильно: *Рабцевич Владислав* (1813 – ок. 1880), польский политический ссыльный, в 1839 г. осужден на пять лет каторги, наказание отбывал в Нерчинских заводах, а затем проживал там же вместе с семьей до амнистии 1856 г.

6

27 августа [1852 г. Нерчинский Большой завод]

Моя обожаемая мама!

Ни почта, ни *Полторанов* не принесли мне писем, а последний поступил еще глупее, чем раньше. Он узнал в *Чите*, что я получил приказ оставить Завод, и ему пришло в голову оставить все, что вы послали, из боязни разминуться со мной, а нужно вам сказать, что существует только одна-единственная дорога, чтобы приехать сюда из *Читы*. Уважаемый человек не может мне передать никаких подробностей ни о вас, ни о папа, ни о ком. Все, что он говорит, что *все здоровы – кланяются*, и еще: *я получил от какой [-то] тетки с французской фамилией наследство в 300 тыс. руб. серебром!* Это дает мне возможность предположить, что у вас положительные новости от Дмитрия, и я тем более сожалею, что эти письма остались в *Чите*. Отсутствие новостей от вас в течение двух недель повергло меня в грусть. Если и было что-то, что меня утешило, заставило сердце биться сильнее, – это мой будущий отъезд в Иркутск. Я узнал, что к нам прибывает новый сотрудник и я могу покинуть Комиссию.

Мое теперешнее присутствие здесь было необходимо все это время. У нас было два недоразумения и две неприятности с *Разгильдеевым*¹, который в итоге оказался виноватым. *Казарин*² и *Фельдман*³ употребили в своем письме неприемлемый тон, почти грубый, и самолюбие *Разгильдеева* пострадало. Он бесился, как тигр, выкрикивал оскорбления, прикидывался храбрецом, изображая роль Фердинанда (*Коварство и любовь*). Соллогуб из его бригады был готов подписать все, что ему представят, что было полностью законно, но неверно истолковано. *Титов*, который очень деликатен, может показаться, что он *полугорный*, отсутствовал, и я остался один среди них всех; я не осмелился не подписать то, что подписали мои ветераны, так как Генерал сказал мне: *что другие подпишут, то и вы подписывайте, они опытнее вас в деле*. Но я видел, что смертельная война разгорится между Комиссией и *Разгильдеевым* вследствие сарказма со стороны первой и незаконных действий второго. Кроме того, он грубо оскорбил в одном из своих документов *Казарина*, который со своей стороны не оставил без внимания нарушения начальства, выявил их. Я предвидел ужасные последствия, неприятности для нас со стороны Генерала и еще более наказание, которое отзовется эхом. Я видел только один выход из этой затруднительной ситуации – это примирить *Разгильдеева* с Комиссией; будучи в хороших с ним отношениях, я это предпринял и добился своей цели после довольно долгих усилий. Мне удалось сгладить враждебность всех членов [Комиссии], Соллогуба и еще гордыню и чрезмерное самолюбие *Разгильдеева*. Наши

показали добросердечность, а он продемонстрировал всю свою хитрость и весь свой ум, гибкость которого вы знаете, чтобы как можно больше защитить свою гордыню. Я говорил им от имени Генерала и убеждал их всех, и только после усилий миротворца он согласился сделать первые шаги к миру, я вижу, что он это сделал только для своего собственного блага, так как видел, что зашел уже слишком далеко.

Во всяком случае, он провел еще час в беседе о делах с нашим полковником⁴ и ушел, чтобы нанести ему визит завтра. Но мне этого недостаточно, и я убедил его написать письмо в Комиссию, что он и сделал накануне своего отъезда в *Кару*. Сейчас Комиссия не может сомневаться (в результате письма) ни в его хорошем отношении к ней, ни в его добросовестности в общем деле. Я рассказал вам это все в надежде, что вы расскажете только папа по секрету, чтобы не скомпрометировать своего сына-чиновника. *Титов* был очень доволен тем, что я уладил дело, и умолял меня остаться еще до его приезда, боясь, что неприятности еще не уладятся; но я признаюсь вам, что это мне не по силам и больше я не выдержу, я следую одной латинской крылатой фразе: «я сделал все что мог, кто может, пусть сделает лучше», и я еду к вам. Тем более что времени между моим отъездом и возвращением *Титова* пройдет не так много. Тем не менее я не могу уехать сразу, я подожду Карпинского, и я завершу расследование, так что я сяду в экипаж 10 или 12 сентября, но не забывайте, что я буду 12 дней в пути, итак почти до 22-го!..

Я еще не сказал вам о моем новом увлечении, зародившемся во мне, — это любовь, сумасшедшая страсть к минералогии. Я запасся книгами, я их изучаю; я покупаю все, что мне приносит в качестве камней, я предупреждаю вас, что продемонстрирую архиепископу⁵ многочисленные безделушки и что он станет завидовать, сморкаясь три раза в секунду; но это произойдет только на расстоянии не менее одной английской мили, потому как принята максима о том, что собственность — это воровство⁶, когда касается камней, тех, что хранят у себя, а не бросают в голову других, понятно.

Воронцов⁷ провел три дня в караульном помещении по приказу Соллогуба за то, что тот побил одного солдата. Это было правильно засадить его туда, потому что он перенял привычку от своего дорогого командира батальона Ритхера⁸ бить всех, кто попадает им под руку. Не так нужно приучать к дисциплине здешних казаков, они слишком долго были несчастными, находясь под гнетом *горных*, чтобы страдать еще и сейчас. Нужно, напротив, дать им понять, что для их блага стране дали новую организацию, и поступать так, чтобы народ не мог сказать известную пословицу: *из огня да в полымя*, так часто повторяемую нашими крестьянами.

Ума не приложу, о чем вам еще написать, и тем не менее я хочу продолжить мое письмо по двум причинам: первое — я хочу продлить удовольствие, которое я испытываю, и второе — не хочу, чтобы вы говорили обо мне: «Миша такой же ленивый, как Нелли, посылает мне такие же короткие письма с широкими полями», именно то, что вы говорили после поездки сестры в Россию. Надеюсь, что в этот раз она более точна.

Ну хорошо, не имея более интересного сюжета, я расскажу об одном из ваших старых друзей, по меньшей мере он так себя называет, это *Кандинский*

Николай Хрисанфович, второй (по старшинству) из семьи⁹. Я часто вижу его в Комиссии, и каждый раз он мне говорит: «*Ваша маменька удостаивали нас честью своего знакомства-с и в Заводе у нас стояли-с*», и я делаю вид, что я не слышу, иными словами: «*чтобы и вам то же делать, сойтись с нами, жить у меня, брать подарочки-с да и выручать, как жутко придется!*» Я никогда не видел такого забавного лица, как у него. Нос делит его лицо на две части, которые как будто принадлежат двум разным людям – настолько они не похожи одна на другую; правая часть живая, левая часть вообще неподвижна. Правая бровь стоит углом и бросает тень на серый круглый глаз, всегда открытый, как у кошки, тогда как левая бровь прямая, прикрывает удлинённый глаз, едва открытый, буквально чтобы показать, что он имеется без века. Как только обладатель всех этих прелестей бывает вынужден отвечать на вопросы, которые ему задают, его бровь углом начинает прыгать над его глазом так быстро, что последний начинает удлиняться, тогда как левая сторона остается неподвижной. У него только одна ноздря, которая приходит в движение, но работает за десять и может служить за перпетуум-мобиле, который нужно поискать; мне кажется, что он сморкается ею одною. Что касается рта, это самое замечательное в его внешности, представьте, что он открывается, когда он улыбается только одним уголком, в то время как другой, левый, не меняет положения и хранит невозмутимость. Таким образом, зубы мудрости и другие дальние зубы должны ему заменить передние зубы, их невозможно увидеть, потому что рот закрывается только с одной стороны. Как только правая сторона начинает двигаться, когда все приходит в движение с одной стороны носа и остается неподвижным с другой, это становится таким забавным, что невозможно оставаться серьезным. Я представил, как это все работало, когда он оказался перед Генералом; к несчастью, эта семья ему показалась как банда злых гениев ночью и при свете дня, так что едва можно различить их черты.

Не посылайте за мной тарантас на Байкал, я буду переправляться с Заборинским; я также не советую встречать меня, прежде всего потому, что в сентябре уже очень холодно, и потом, я не могу уточнить день моего приезда, тем более что пароход совершает свои рейсы не постоянно.

На будущей неделе вы получите от меня еще одно письмо, может, в нем будет указан точный день моего отъезда.

До свиданья, пусть хранит вас Господь, моя обожаемая маменька, и одарит вас счастьем, радостью и здоровьем на счастье и радость обожающего вас сына.

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 181. Л. 58–63 об.

Примечания

¹ *Разгильдеев Иван Евграфович* (1811 – после 1862), горный инженер. В Нерчинском горном округе занимался геологоразведкой, открыл Алтанганское золотороссыпное месторождение в Цаган-Олуйской долине. Управляющий Карийскими золотыми промыслами (1850–1852), начальник Нерчинских заводов (1852–1856). Путем введения круглосуточной работы на рудниках и применения изобретенной им промывальной машины добился ежегодной добычи золота около 100 пудов. Из-за ужесточенного режима и некоторых своеволий время его

руководства заводами названо «разгильдеевщиной». После расследования привлечен к суду (1855), по поручительству Н. Н. Муравьева-Амурского освобожден от ответственности.

² *Казарин* – производитель дел при Комиссии.

³ Лицо неустановленное.

⁴ П. А. Соллогуб.

⁵ *Нил (Николай Федорович Исакович, 1799 (1796?) – 1874)*, архиепископ Иркутский в 1838–1853 гг., православный писатель и миссионер, ученый. Общался с семьями С. Г. Волконского и С. П. Трубецкого. Увлекался минералогией.

⁶ «Собственность есть кража» – фраза *Пьера Жозефа Прудона (1809–1865)*, французско-го социалиста-анархиста, появилась в книге «Что такое собственность? Или расследование принципа права и власти» в 1840 г.

⁷ Лицо неустановленное.

⁸ Лицо неустановленное.

⁹ Кандинские, забайкальские купцы. В семье Хрисанфа Петровича среди шестерых сыновей было два Николая: старший (1798–?) и младший (1810–1863). Речь идет о младшем *Николае Хрисанфовиче*.

Е. А. Добрынина

М. В. Муравьев: от новгородского любителя древностей до хранителя наследия декабристов

Аннотация. В статье приведены краткие данные о биографии внучатого племянника декабриста А. З. Муравьева в шестом поколении, Михаила Валериановича, который являлся последним хранителем семейного архива Муравьевых. Впервые публикуются материалы из этого архива, подготовленные к печати М. В. Муравьевым, а именно письма М. К. Юшневской к В. А. Муравьевой, хранящиеся в настоящее время в ГА РФе. Эти материалы значительно расширяют наши представления о взаимоотношениях в среде декабристов, находившихся в сибирской ссылке, членах их семей, бытовой стороне жизни изгнанных, свидетельствуют об интересе потомков декабристов к судьбе своих знаменитых предков.

Ключевые слова: А. З. Муравьев; М. В. Муравьев; В. А. Муравьева; М. К. Юшневская; декабристы; архив; письма.

E. A. Dobrynina

M. V. Muravyov: from Novgorodian amateur of antiquity to the custodian of the Decembrists' heritage

Abstract. The article provides brief data on the biography of the great-nephew of the Decembrist A. Z. Muravyov in the sixth generation, Mikhail Valerianovich, who was the last custodian of the Muravyov family archive. These archival materials, prepared by M. V. Muravyov are published here for the first time, namely the letters of M. K. Yushnevskaya to V. A. Muravyova, currently stored in the State Archive of the Russian Federation. These materials significantly expand our understanding of the relationship among the Decembrists in Siberian exile, their family members, their daily life; testify to the interest of the descendants of the Decembrists in the fate of their famous ancestors.

Keywords: A. Z. Muravyov; M. V. Murav'yov; V. A. Muravyova; M. K. Yushnevskaya; the Decembrists; archive; letters.

Добрынина Елена Аркадьевна – директор Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов, Иркутск, Россия.

Dobrynina Elena A. – director of the Irkutsk regional historical and memorial Museum of the Decembrists, Irkutsk, Russia. E-mail: decemb-ed@mail.ru

Публикация писем декабристок в рубрике «Архивное наследие» стала уже традиционной для «Вестника Иркутского музея декабристов». В этом выпуске «Декабристского кольца» мы вновь обращаемся к письмам М. К. Юшневской. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) сохранилась часть писем, которые были адресованы Марией Казимировной жене декабриста Артамона Захаровича Муравьева Вере Алексеевне. Значительный корпус документов из разных архивных хранилищ страны, в том числе и письма М. К. Юшневской к В. А. Муравьевой (50 писем), опубликован в серии «Полярная звезда» – в томе, посвященном декабристу А. З. Муравьеву. Они были написаны по поручению или под диктовку самого декабриста.

В настоящей публикации речь пойдет о письмах, отправленных Вере Алексеевне после смерти Артамона Захаровича, которая произошла 4 ноября 1846 г.

Теплые, дружеские чувства связывали Артамона Захаровича и супругов Юшневских. Он оказал им помощь и поддержку во время переезда в Малую Разводную, куда Алексей Петрович был определен на поселение в 1841 г. В течение семи месяцев Юшневские жили под кровом Артамона Муравьева, а затем, переехав в собственный дом, вели с ним совместное хозяйство. После смерти мужа Мария Казимировна находилась в отчаянном положении и с глубочайшей благодарностью отзывалась о сочувственной поддержке, которую ей всегда оказывал Артамон Захарович. Друзья-декабристы были похоронены рядом в деревне Большой Разводной, и вплоть до отъезда из Сибири Мария Казимировна ухаживала за их могилами, установила надгробные памятники, заказывала поминальные службы.

Несмотря на то что письма М. К. Юшневской к Вере Алексеевне были написаны после смерти Артамона Захаровича, они во многом воссоздают картину его жизни, а кроме того, в них есть сведения, которые уточняют и дополняют еще одно событие, связанное с захоронениями декабристов. В 1952 г. в связи со строительством Иркутской гидроэлектростанции и затоплением территории будущего водохранилища было принято решение перенести прах декабристов А. П. Юшневского и А. З. Муравьева на Лисихинское (бывш. Амурское) кладбище в Иркутске. История перезахоронения праха декабристов нашла отражение в статье Ю. А. Киселевой¹, которая с помощью документов, обнаруженных ею в фондах Иркутского областного краеведческого музея, сумела подробно и точно описать это событие. Письма же Марии Казимировны Юшневской позволяют нам определить предметы, обнаруженные в захоронениях, узнать их историю и снять многие вопросы, которые возникали у исследователей при знакомстве с коллекцией.

В коллекции отдельных документов личного происхождения, хранящихся в ГА РФе, находятся 17 оригинальных писем М. К. Юшневской к В. А. Муравьевой и одно – В. А. Муравьевой к М. К. Юшневской. Они принадлежали Михаилу Валериановичу Муравьеву, внучатому племяннику А. З. Муравьева в шестом поколении. Именно он оказался последним хра-

¹ См. статью «Перезахоронение декабристов А. П. Юшневского и А. З. Муравьева: новые данные из документального фонда ИОКМ» в наст. выпуске.

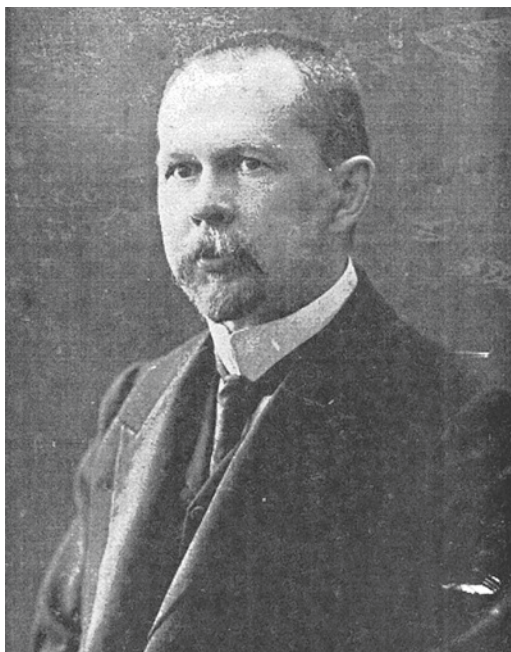
нителем семейного архива, поскольку жил в унаследованном от отца имении Малые Теребони, рядом с Большими Теребонями, родовом имении А. З. Муравьева. Это имение было куплено в 1872 г. вдовой Валериана Николаевича Муравьева у сына декабриста Александра².

Михаил Валерианович Муравьев, историк, археограф, краевед, родился в Москве в 1867 г. в семье сенатора, бывшего псковского губернатора В. Н. Муравьева. Представитель древнейшего дворянского рода, владевшего землями в Лужском уезде Новгородской губернии (Малые и Большие Теребони), окончил кадетский корпус, затем служил, а после выхода в отставку возглавлял Новгородскую земскую управу. В 1911 г. окончил Археологический институт. М. В. Муравьев был одним из главных инициаторов создания Новгородского общества любителей древности и его председателем. С деятельностью общества были связаны самые яркие и насыщенные страницы его жизни. Михаил Валерианович организовал разностороннюю работу по изучению и охране памятников новгородской старины и с 1917 по 1921 г. заведовал Новгородским отделением охраны памятников старины и искусства (ил. 1, 2).

Значительный след Муравьеву суждено было оставить в области изучения новгородской истории. Однако круг научных интересов Михаила Валериановича был очень обширен. Его привлекали генеалогические исследования. В 1893 г. в Ревеле вышло небольшое издание «Муравьевы (родословная)» с росписью всех представителей рода с 1488 по 1893 г.

Ил. 1. М.В. и Л.А. Муравьевы с сыном Владимиром

Ил. 2. М.В. Муравьев

² Муравьев А. З. Письма. Иркутск, 2010. С. 100 (далее: *Муравьев А. З.*).

М. В. Муравьев занимался разбором значительного архива Муравьевых XVII–XIX вв., сохранявшегося в усадебном доме Малых Теребоней³. В 1890 и 1913 гг. он проводил археологические раскопки жальника⁴ у имения Большие Теребони.

Во время работы XV археологического съезда в Новгороде в июле-августе 1911 г. на историко-археологической выставке Михаил Валерианович представил до 50 предметов из Теребонского имения: документы родового архива XVII–XIX вв., портреты Муравьевых, кортик и археологическую находку⁵.

После 1917 г. начинается период перемен в жизни и деятельности М. В. Муравьева. Семья находится под угрозой выселения из имения. В результате долгих перипетий и заступничества местного населения Муравьевым оставляют часть построек Малых Теребоней.

В послереволюционное время Михаил Муравьев занимается переводческой деятельностью. Его интересует тема декабристского движения. Им были подготовлены работы «Неудавшиеся декабристы» – о 80 членах тайных обществ России XIX в., об Артамоне Муравьеве и Михаиле Луние с приложением их писем и писем родственников, которые он сам перевел для издания, а также записки Лунина по польскому вопросу, но издать эти работы в то время не удалось⁶.

27 декабря 1925 г. Муравьев приезжает из Малых Теребоней в Новгород на заседание Новгородского общества любителей древностей, посвященное памяти декабристов, и выступает с докладом о движении декабристов⁷.

В 1926 г. Муравьев был выселен из родового имения и отправлен в полугодичную ссылку в Нарым. Впоследствии переехал в Ленинград, где был сотрудником Государственной археографической комиссии. Его ведущая научная тема в эти годы – изучение истории движения декабристов. Свои статьи он публиковал в журналах «Каторга и ссылка», «Красный архив» и др.⁸

Михаил Валерианович умер в Ленинграде в 1932 г. от сердечного приступа, случившегося с ним после ареста жены.

До выхода в серии «Полярная звезда» тома, посвященного декабристу А. З. Муравьеву, единственным в историографии исследованием биографии и личности А. З. Муравьева была статья М. В. Муравьева «Декабрист Артамон Захарович Муравьев». Анализируя источниковую базу статьи, автор-составитель тома Т. Г. Любарская отмечала, что в поле зрения исследователя попало небольшое количество писем⁹. В приложении к статье – письмо Веры Алексеевны великому князю Михаилу Павловичу и четыре письма Артамона Захаровича жене, написанные М. К. Юшневской. Судя по

³ *Моисеев С. В.* «...Дабы этим привлечь внимание к новгородской старине...» (М. В. Муравьев: жизнь и деятельность) // Любитель древности Михаил Валерианович Муравьев (1867–1932): документы и материалы. В. Новгород, 2005. С. 7 (далее: *Моисеев*).

⁴ Жальник – так называли жители Новгородской области древние языческие могильники курганного типа. В другом значении – старинное кладбище, погост.

⁵ *Моисеев*. С. 14.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ *Моисеев*. С. 6.

Ил. 3. Большеразводнинская церковь

нескольким строкам, завершающим статью о декабристе, Михаил Валерианович был также знаком с содержанием писем Юшневской к Муравьевой: «Умирал он в полном сознании, указывая, как реализовать его имущество, чтобы расплатиться с долгами, попрощался с друзьями, жалел сына и заочно благословлял его.

На могиле его, близ церкви в Б. Разводной, поставлено надгробие по его же рисунку, сделанному им для памятника Юшневского <...>¹⁰ (ил. 3).

Письма Юшневской и письмо В. А. Муравьевой были переписаны М. В. Муравьевым и частично комментированы. Судя по комментариям и предисловию, он намеревался опубликовать их, но не сумел или не успел это сделать.

После выхода в свет статьи М. В. Муравьева о декабристе А. З. Муравьеве прошло без малого сто лет. Публикуя письма М. К. Юшневской к В. А. Муравьевой, мы отдаем дань памяти не только человеку, внесшему значительный вклад в сохранение культурного наследия Великого Новгорода и Новгородского края, но и его делу сохранения памяти о декабристах и их близких.

В публикацию включены 17 писем М. К. Юшневской, одно письмо В. А. Муравьевой и предисловие М. В. Муравьева. Письма публикуются в хронологическом порядке, даты помещены перед текстом каждого письма. В недатированных письмах предполагаемая дата заключена в квадратные скобки. Публикуемые тексты приведены в соответствие современным правилам орфографии и пунктуации, но сохранены некоторые индивидуальные особенности написания. Сохранено авторское варьирование при написании нескольких фамилий, в комментарии дается их правильное написание или его варианты. Недописанные части слов заключены в квадратные скобки.

Предисловие М. В. Муравьева к письмам Марии Казимировны Юшневской публикуется без купюр, без исправлений.

¹⁰ *Муравьев М. В.* Декабрист Артамон Захарович Муравьев // Тайные общества в России в начале XIX столетия: сб. материалов, статей и воспоминаний. М., 1926. С. 123.

Литература

Moiseev S.V. «...Daby etim privlech vnimanie k novgorodskoj starine...» (M.V. Murav'yov: zhizn' i deyatelnost') // Lyubitel' drevnosti Mihail Valerianovich Murav'yov (1867–1932): dokumenty i materialy. V. Novgorod, 2005. S. 7–41.

Murav'yev A.Z. Pis'ma / izd. podgot. T.G. Lyubarskoj / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 2010.

Murav'yev M.V. Декабрист Артамон Захарович Муравьев // Тайные общества в России в начале XIX столетия : сб. материалов, статей и воспоминаний. М., 1926. С. 103–128.

References

Moiseev S.V. «...Daby jetim privlech vnimanie k novgorodskoj starine...» (M.V. Murav'yov: zhizn' i deyatelnost') // Lyubitel' drevnosti Mihail Valerianovich Murav'yov (1867–1932): dokumenty i materialy. V. Novgorod, 2005. S. 7–41.

Murav'yov A.Z. Pis'ma / izd. podgot. T.G. Lyubarskoj / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 2010.

Murav'yov M.V. Dekabrist Artamon Zaharovich Murav'yov // Tajnye obshhestva v Rossii v nachale XIX stoletiya : sb. materialov, statej i vospominanij. M., 1926. S. 103–128.

Переписка жен декабристов М.К. Юшневской и В.А. Муравьевой

Значение русских женщин, последовавших за своими мужьями-декабристами в Сибирь, общеизвестно, но их облик еще недостаточно выяснен.

Печатаемые ниже письма восполняют в значительной мере этот пробел по отношению к М.К. Юшневской*.

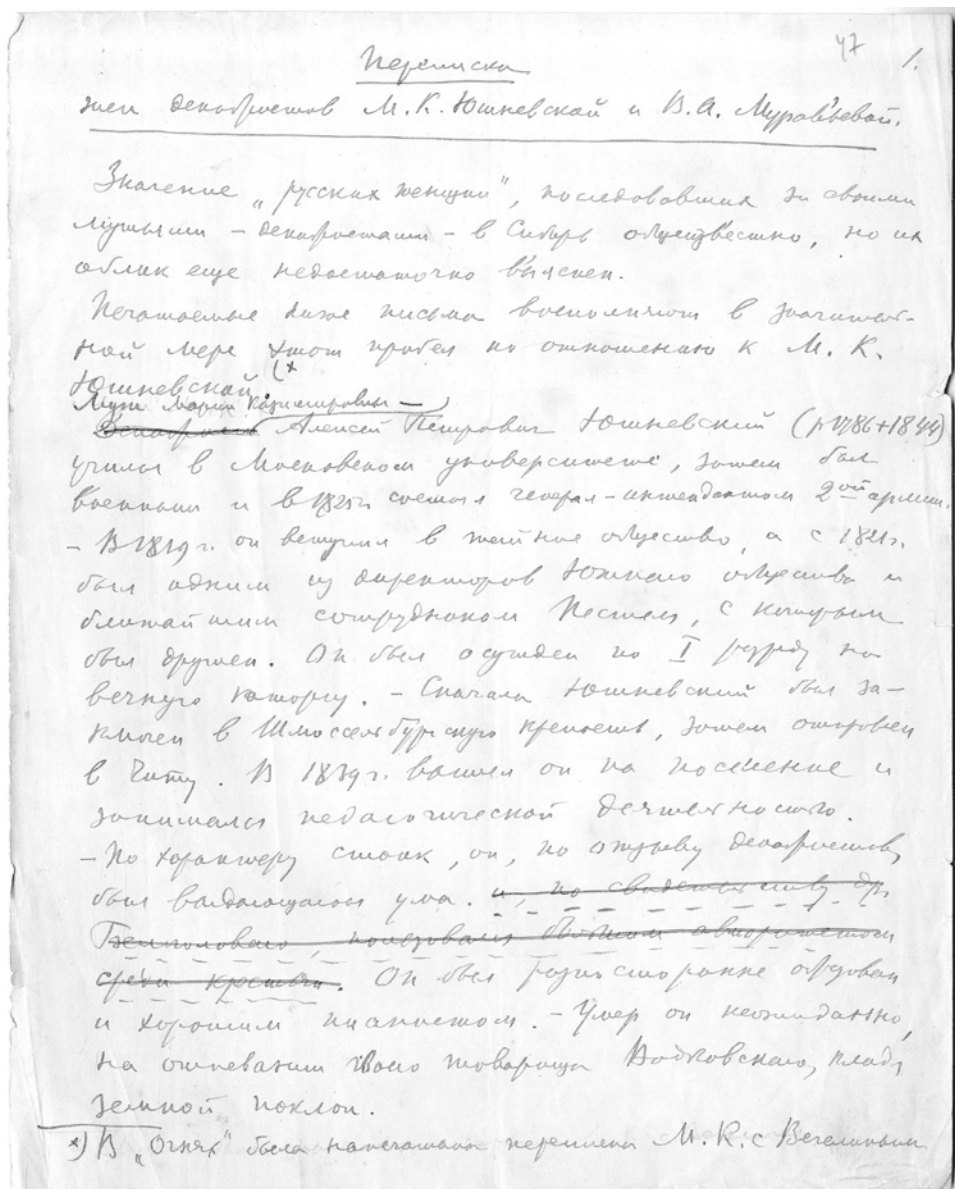
Муж Марии Казимировны Алексей Петрович Юшневский (1786–1844) учился в Московском университете, затем был военным и в 1825-м служил генерал-интендантом 2-й армии. В 1819 г. вступил в тайное общество, а с 1821 г. был одним из директоров Южного общества и ближайшим сотрудником Пестеля, с которым был дружен. Он был осужден по I разряду на вечную каторгу. Сначала Юшневский был заключен в Шлиссельбургскую крепость, затем отправлен в Читу. В 1839 г. вышел на поселение и занимался педагогической деятельностью. По характеру стоик, он, по отзыву декабристов, был выдающегося ума. Он был разносторонне образован и хорошим пианистом. Умер он неожиданно на отпевании своего товарища Вадковского, кладя земной поклон. Родом поляк, ревностная католичка, Мария Казимировна Юшневская была замужем за богатым польским помещиком, когда встретила с А. П. Юшневским, и, увлеченная его умом, развелась и вышла за него замуж.

С 1827 г. Мария Казимировна начала хлопотать о разрешении следовать за мужем в Сибирь, но только 4/16 января 1829 г. состоялось высочайшее повеление, по которому ей разрешалось ехать к мужу, но без дочери. Жестокость Николая Павловича ставила перед ней грозную дилемму: бросить дочь или не облегчать участь мужа. Только год спустя смогла она отправиться в Сибирь, так как дочь ее вышла замуж за художника Рейхеля.

Первые годы жизни в Сибири Юшневские были в очень стесненном положении, так как все их имущество находилось под запретом, пока шло дело о ревизии интендантских сумм 2-й армии; лишь через 8 лет ревизионная комиссия признала, что Юшневский «своевременными и благоразум-

* В «Огнях» была напечатана переписка М.К. Юшневской с Вегелиным.

ными мерами доставил казне значительные выгоды». Кн[ягиня] М. Н. Волконская, вспоминая Марию Казимировну при ее проезде в Сибирь, говорит, что в 44 года она была совершенно седая, но сохранила веселость первой молодости. Д[окто]р Белоголовый, воспитывавшийся у Юшневских, отзывался о ней как о миловидной, толстенькой старушке небольшого роста. Она не вмешивалась в образование воспитанников, но строго заботилась об их манерах.

Ил. 4. Лист из рукописи

На поселении Юшневские жили в Малой Разводной, ближайшими их соседями были декабристы А. З. Муравьев и братья Борисовы. Со всеми тремя был очень близок А. П. Юшневский, а Муравьев даже столовался у Юшневских в течение семи лет.

Когда Муравьев заболел своим предсмертным недугом, Мария Казимировна ходила за ним и взяла, совместно с Сутгофом, устройство его дел. Но с Сутгофом Мария Казимировна не поладила. По совету Трубецкого посредником был приглашен Муханов, но Юшневская, не соглашавшаяся с порядком распродажи имущества Муравьева и ликвидации его долгов, которую выработали Сутгоф и Муханов и которая действительно не согласовалась с предсмертной волей Муравьева, окончательно с ними разошлась. Это внесло некоторую путаницу и затянуло расчеты. Мария Казимировна отстранилась от дела, а Сутгоф в 1848 г. был переведен солдатом на Кавказ.

После смерти мужа Юшневской вернули ее гражданские права и сняли надзор с переписки, но в Россию вернуться не позволили.

Средства ее были малы, и она перебралась в Кяхту, где жизнь была дешевле и где она существовала, обучая рукоделью. В Россию же ей удалось вернуться только после амнистии декабристов; она поселилась в Киеве и умерла там в 1863 г.

Она была доверчива, «чистосердечна безо всякой оглядки»; доброты она была замечательной, и одним из ее принципов было, «что надо вдвое усердствовать о том человеке, который уже не может о себе хлопотать». Так она относилась к А. З. Муравьеву, когда он болел, и к памяти его, когда он умер. Вследствие своего темперамента она иногда сгущала краски.

Если в Юшневской не было героизма княгинь Волконской и Трубецкой, А. Г. Муравьевой, Анненковой и Ивашевой, так как ко времени ее приезда в Сибирь пора героизма для жен декабристов миновала, то в ней было не менее самопожертвования.

Переписка между М. К. Юшневской и В. А. Муравьевой возникла на почве ликвидации дел А. З. Муравьева, иногда она касается мелочей, но именно потому-то и рисует более выпукло быт декабристов на поселении и их взаимные дружеские отношения, которые с них самих были перенесены на их жен. Недаром один из декабристов, Ивашев, говорил про своих союзников и их семьи «*notre grande famille*» (ил. 4).

М. Муравьев.

I

2/14 дек[абря] 1846. Иркутск

Милостивая государыня Вера Алексеевна, письмо мое доставит вам человек, который очень любил и уважал нашего дорогого, добрейшего покойника Ар[тамона] З[ахаровича], жена его родственным сердцем любила тоже Ар[тамона] З[ахаровича]¹, и он много раз обязал их своим участием во время болезни их детей. Воля Господня исполнилась, наш добрый, благодетельный Ар[тамон] З[ахарович] принят Господом в Царствие Небесное. Он исповедался, приобщился святых тайн с большим чувством. Похоронили его в Разводной вблизи церкви подле покойного моего мужа. Моление за упокой его души продолжается. Образ, который Ар[тамон] З[ахарович] носил всегда на себе, благословение его матери² и медальончик с волосами детей его с ним схоронены³. Также положены платица покойных детей по приказанию его в гроб⁴. Венчальное кольцо было бы также схоронено, но бедный наш страдалец до того исхудал, что оно скатилось у него с руки. Посылаю его вам с А. В. Пятницким. Также другое золотое кольцо для вашего сына, отец его никогда не снимал этого кольца с руки; ему, вероятно, будет приятно носить и не расставаться с ним. При последней минуте жизни добрейшего Ар[тамона] З[ахаровича] он мне сказал: «скажите моему сыну, что мне его очень жаль».

Накануне смерти покойный тихонько от меня, найдя минуту, когда ему было несколько лучше, написал следующую свою волю: «По долгу моему, чувствуя, что одержим тяжкою болезнью, не зная, останусь ли я в живых, а потому умоляю глубокочтимую, в чувствах участия испытанную, Марию Казимировну Юшневскую и нежно любимого Александра Николаевича Сутгофа после смерти моей заняться устройством моих дел...». Написал долги, сколько мог вспомнить, назначил некоторые вещи для раздачи за долг. Окончание его воли этими словами: «А теперь успокоит прах мой земля, умоляю сестру и жену помочь этому, уплатив сколько мои долги». Добавил еще: «Мне очень тяжело».

Долгов оставил покойник много, так что, если все сделается как можно выгоднее для покойного, недостает около 20 тысяч, разве мало что менее. Он жил очень скромно, много помогал людям в недостатке, выручал крестьян из нужды, живущих в Малой Разводной, даже в окрестных деревнях Бога молят за благодетеля своего Ар[тамона] З[ахаровича]. Жизнь его была большей частью страдальческою, то ревматизмы возобновятся, то хиночки в горле⁵. При малейшей простуде болен бывал, и каждый раз долго. Это встало ему немало: и доктора, и аптека, ему же хотелось помочь себе самому, он завел садоводство и получил страсть к промыслу⁶. Не имел людей надежных, самому нельзя наблюдать за мореплаванием, а все и всегда был в убытке. Можно сказать, разорился на это, а все надеялся. После его кончины чрез несколько дней возвратилось судно покойного из-за моря разбитое, вещи растроченные до того, что с лишком на три тысячи убытку. Покойник был очень доверчив к людям, добрейшего сердца, а его все разоряли, к тому же часто болел, так все шло у него нехорошо, а все надеялся: будет лучше, «я

таки помогу себе и расплачусь с долгами». Последние месяцы он был всегда очень грустен, долги его мучили заметно. Он часто задумывался до того, что голова у него разболелась, плакал часто, браня себя. Всему этому я частый был очевидец. Последняя его болезнь вся была на моих глазах, ни день, ни ночь не отходила от него. Все меня требовал, говорил со мною о надежде на сестру, что успокоит прах его и заплатит за него долги⁷. Он, покойник, нежно любил всех своих, со слезами вспоминал обо всех вас, часто бывал огорчен, говоря о сыне, ему не хотелось, чтобы он уезжал за границу, а потом успокоился, когда вы, добрая Вера Алексеевна, сказали ему, что Алекс[андру] Арт[амоновичу] нужно было уехать⁸.

У меня остается крест железный с бронзовым распятием, который с первым случаем отошлю сыну вашему чрез вас; это сделанный крест из железа кандального, которое носил Ар[тамон] З[ахарович] целый год. Да еще есть печать с гербом вашим, которую он употреблял. Ему кто-то из друзей ее прислал, чуть ли не Леонид Муравьев, который был здесь⁹. Есть еще часы, которые я сохраню для Ал[ександра] Арт[амоновича], ему давно присланы были сестрою Ка[териной] З[ахаровной]. Все это время я до того расстроена, что едва могу писать, глаза у меня заплаканы от несчастий и тяжелых испытаний, к тому же 57 лет, расстроенное здоровье, скажу, как покойник Ар[тамон] З[ахарович], мне очень тяжело.

Простите, добрейшая В[ера] А[лексеевна], если я что-нибудь упустила сказать вам, буду ожидать от вас писем, если покойник Ар[тамон] З[ахарович] велел мне писать к вам, будьте уверены, что свято исполню приказание доброго, благодетельного Ар[тамона] З[ахаровича]. Спрашивайте, что хотите знать, никто лучше моего не может удовлетворить вас. Я была самая близкая Ар[тамону] З[ахаровичу] по дружбе, какую он имел к добродетельному покойному мужу. Три года, как он оставил меня страдать на земле. Ар[тамон] З[ахарович] был моим соседом самым близким и дружески принимал участие во всем, до меня касающемся. Теперь одна я часто бываю на могилах для меня дорогих. Несмотря на то что я католичка, не упускаю ни одной обедни, ни панихиды, поминаю обоих вместе друзей и товарищей, любивших друг друга на земле.

Кончу письмо мое, добрейшая В[ера] А[лексеевна], пишите прямо на мое имя в Иркутск, ее прев[осходительству] М. К. Юшневской; со времени смерти моего мужа мне отданы права мои, но они только по Сибири распространяются, а выезда моего в Россию не разрешают. По крайней мере, я тем довольна, что переписка моя идет не через властей.

Прощайте, пишите ко мне, я счастлива буду, если переписка со мной будет вам по сердцу.

Вантузы (кровососные банки) получены после смерти Ар[тамона] З[ахаровича], и теперь они у Ив[ана] С[ергеевича] Персина¹⁰, который был доктором единственным Ар[тамона] З[ахаровича]. Подробности о болезни и страданиях покойного может вам передать лично А. В. Пятницкий. Эти люди очень добрые, и мы были с ними в хороших отношениях с Ар[тамоном] З[ахаровичем], они знают все подробности жизни покойного.

С чувством искреннего, душевного к вам уважения и привязанности навсегда пребуду преданною вам Мария Юшневская.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 51–55

Примечания

¹ Речь идет об А. В. и Л. А. Пятницких.

² Мать А. З. Муравьева Елизавета Карловна (урожд. Поссе, 1761–1815), в первом браке Энгельгардт.

³ Первоначально у А. З. Муравьева был перстень с волосами детей и Веры Алексеевны. «<...> Милая г-жа Муравьева, все ваши вещи, которые у него есть, ему дороже жизни. Он никогда не расстанется с перстнем, который вы ему дали, в котором волосы ваши и детей; письма ваши, образок, коим вы его благословили, шнурок, который вы сплели своими руками, – все, что так или иначе может иметь отношение к вам, все это – предметы, драгоценные для его сердца» (*Муравьев А. З.* С. 128). «Он никогда не расстанется с перстнем, как и с волосами детей, очень ими дорожит» (там же, с. 167). «Через Никиту [Муравьева. – *Е. Д.*] он просит меня передать, что не расстанется со шнурком и ладанкой, которые вы ему дали»; «<...> ему нужен небольшой медальон, чтобы положить волосы детей» (там же, с. 163). В 1830 г. во время перехода из Читинского острога в Петровский Завод А. З. Муравьев потерял драгоценные для него реликвии, об этом писала 19 ноября Е. И. Трубецкая: «В дороге с ним было происшествие, которое очень его огорчило. Он всегда носил на шее шнурок, доставшийся ему от вас, на котором были кольцо с датой свадьбы, медальон с волосами сыновей и образок, который дал ему *Сашенька*. Шнурок порвался во время перехода, и предметы потерялись. Он вас просит оказать ему милость, *прислать* замену этим предметам, если можно; особенно он хотел бы получить образок, который носил *Сашенька*» (там же, с. 257). Скорее всего, просьба была выполнена, поскольку в захоронении Артамона Муравьева были обнаружены ладанка, иконка-образок и медальон.

⁴ Обычай хранить предметы одежды, особенно детской, был очень распространен в дворянской среде. «Вы не можете себе представить, милая и добрая Вера Алексеевна, что пережил ваш муж вчера. Он получил наконец одежду своих милых детей, с которой до сих пор не сводит глаз и которую не может видеть без чувства страшной скорби» (*Муравьев А. З.* С. 335). «Вели мне сшить халат из одного из твоих старых платьев, – писал А. З. Муравьев жене, – это доставит мне двойное удовольствие» (там же, с. 375). «Ты знаешь мою слабость, бездельицы мне нравятся, потому присылай мне почаще то, что ты или дети носили или употребляли, эти сокровища дороже всего, они переносить меня будут к вам» (там же, с. 280).

⁵ Возможно, эхинококки.

⁶ С 1843 г. занимался рыбным промыслом на Байкале и торговлей мясом.

⁷ Канкрин Екатерина Захаровна (1795–1849), сестра А. З. Муравьева, с 1816 г. жена графа Е. Ф. Канкрин (1774–1845), министра финансов России (1823–1844).

⁸ Александр Артамонович (1821–1880), окончил Артиллерийское училище в 1842 г., до 1845 г. служил в гвардии. В конце этого года внезапно вышел в отставку, которую связывали с посещением императором Николаем Павловичем полка, в котором служил Александр. Император обратил внимание на бравого офицера, но, когда Александр представился императору как сын Артамона Муравьева, Николай I отвернулся и уехал. А. З. Муравьев мечтал о приезде сына в Сибирь, но после случая с императором родственники посоветовали его сыну подать в отставку и уехать за границу, так как поездка к отцу могла вызвать еще большее неудовольствие самодержца.

⁹ Муравьев Леонид Михайлович (1821–1881), сын М. Н. Муравьева. После кругосветного путешествия добирался из Охотска в Петербург по суше и был в Иркутске. 12 января 1846 г. А. З. Муравьев писал М. И. Муравьеву-Апостолу: Он [Леонид Муравьев. – *Е. Д.*] сразу же приехал повидать меня, и я могу только радоваться такому проявлению дружбы и внимания <...>» (*Муравьев А. З.* С. 96).

¹⁰ Врач в Иркутске.

2

28 декабря 1846. Малая Разводная

Добрейшая Вера Алексеевна, хотя очень больно и грустно говорить вам о нашем покойном Ар[тамоне] З[ахаровиче], но что делать, если воля Бога нашего была лишить нас всех достойного нашего друга. По крайней мере, утешительно должно быть для нас, оставшихся на земле, что Ар[тамон] З[ахарович] оставил по себе самые лучшие воспоминания. Общим голосом отдают ему справедливость, что был добрейшего сердца, благотворителен и никого не оставил, кто бы мог сказать: «я не обязан чем-нибудь Ар[тамону] З[ахаровичу]». Его все без исключения любили – и товарищи, и знакомые, Царствие ему Небесное, мир праху его.

На днях заказала я каменщику навозить и обделать камни для памятника покойного и написала в Завод, чтобы вылили решетку чугунную¹. Надо еще доску, не знаю, пришлете ли вы или чугунную же сделать с надписью, он себе считал 52 и месяц только прожил на 53 год, рождение его 3-е октября и скончался 4-го ноября. Это все говорю я из его слов.

Добрейшая Вера Алексеевна, похлопочите и постарайтесь, чтобы сестрица покойного Ар[тамона] З[ахаровича] помогла заплатить долги его и успокоила прах страдальца нашего. Его последнее моление было к вам и к Екатерине Захаровне, чтобы заплатили за него все и успокоили прах его². Он при жизни только и мучился тем, что много должен. Но большею частью разорили его промыслы рыбные и беспрестанное болезненное состояние. Можно сказать, что он, покойник, почти не имел отдыха от своих ревматизмов и жабы. При каждом огорчении все эти болезни возобновлялись. А люди здесь всегда пользуются и тащат, если только есть случай. Поговорите вы, добрая, почтенная, с молодыми новыми друзьями Ар[тамона] З[ахаровича]. Они могут вам сказать подробно, как часто видели страждущим покойного. Они также могут передать вам отношения мои с Ар[тамоном] З[ахаровичем]. Мне уже подходит 60 лет – 58 скоро кончится, здоровье незавидное, несчастий много пережила. Однако же никогда не оставляла доброго нашего Ар[тамона] З[ахаровича] ни в болезни, ни когда ему бывало очень грустно. Последнее время с самой Пасхи он все был задумчив, говорил, что скоро умрет. Мучили его долги до отчаяния, и, можно сказать, одна надежда на сестрицу свою его поддерживала. Его тоже очень тревожило ваше состояние. Крепко беспокоился вашими затруднениями и часто говаривал со мною о своем беспокойстве. Все молил Бога, чтобы ему сына увидеть. Потому и недоволен был, что он, обещая видеть отца, уехал за границу. Но Господь нами управляет, видно, не было воли Его святой, чтоб Ар[тамон] З[ахарович] при жизни своей благословил своего любимца-сына. При кончине своей он благословил его заочно и молил о его счастье, также и вас вспомнил с большим чувством. Екат[ерину] Зах[аровну] он всегда нежно любил. Нетерпеливо жду от вас письма, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, что вы мне скажете о памятнике Ар[тамона] З[ахаровича] и уплате долгов покойного. Постарайтесь, ради Бога, успокоить прах его, пусть никто не ропщет на доброго нашего Ар[тамона] З[ахаровича]. Должники же его большею частью из промыш-

ленников и сами часто впадают в беду. Я все уговариваю их потерпеть и обещаю, что деньги прийдут. Тысяч 17 недостает. Казалось, было меньше, а вдруг явились новые с расписками покойного. Простите меня, добрая Вера Алексеевна, если мои письма вам неприятны, с кем же буду говорить откровенно? Всею душою уважающая вас и преданная вам Мария Юшневская.

К Ек[атерине] Зах[аровне] буду писать – я исполню волю Ар[тамона] З[ахаровича], буду просить ее платить за брата. Моя совесть будет спокойною.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 686. Л. 1–2 об.

Примечания

¹ Речь идет о заказе решетки в Петровском Заводе. Такие решетки назывались в Иркутске декабристскими. «Массивными однотипными на всех этих могилах чугунными решетками, в середине звена которой находится простой вытянутый четырехконечный крест с расходящимися от него лучами, которые заполняют собою все звено, огораживалась большая часть могил декабристов» (Гаращенко А. Н. Декабристский некрополь в Иркутске: история советского периода (1925–1975 гг.) // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 110).

² Об ожидаемой помощи родных А. З. Муравьев писал Я. Д. Казимирскому 27 августа 1845 г.: «В семьсот восемьдесят седьмой раз дают мне надежды прочно обеспечить будущность мою как обещаниями со стороны сестры, так и жены. На последнюю я не имею права сетовать, ибо дела ее <...> совершенно расстроились. Что же касается до моей графини, то она может ограждать старость мою от недостатков нечувствительно для себя» (Муравьев А. З. С. 426).

3

10 февраля 1847 г. Иркутск

Милостивая государыня Вера Алексеевна!

Два письма писала я к вам, почтенная, добрейшая Вера Алексеевна, не знаю, дошли ли они до вас, я адресовала прямо в Петербург, но наконец в этот раз попросила Кар[олину] Кар[ловну], чтобы дала мне ваш адрес¹. Вы уже знаете, что покойный наш добрый и по смерти чтимый Ар[тамон] З[ахарович] возложил на меня заботу заняться его делами. Он также назначил Сутгова, думая в помощь мне. Но мы как-то друг друга не поняли, и я, избрав еще в посредники одного из товарищей покойного, Муханова, передала все им обоим с намерением все сделать к лучшему, а не потому, чтобы отказывались исполнить волю почитаемого мною Ар[тамона] З[ахаровича]. Но, к несчастью, и тут сделала себе еще несравненно более огорчений самых тяжелых². Воля Господняя во всем! Усердие мое испытано покойным, как выразился он сам, умирая. Не могу я осуждать его деяний. Теперь уже Бог судит его. Мое дело помнить обязанности благодарности к покойнику и усердствовать ему после кончины столько же, сколько усердствовала ему и при жизни. Дело в том, что долгов осталось много, надо все средства употребить, чтобы заплатить должникам и успокоить прах незабвенного нашего, добрейшего Ар[тамона] З[ахаровича]. Писала я к Екат[ерине] Захар[овне], умоляя ее помочь заспокоить кредиторов, но она очень мило

отвечала на мое письмо, много справедливых суждений сказала, но горько то, что Ек[атерина] З[ахаровна] говорит, что будто она осталась безо всякого собственного состояния и не может платить ничего за покойного брата, а высланные деньги 300 руб. сер. (полугодовая пенсия покойного Ар[тамона] З[ахаровича], назначенная покойным Ег[ором] Фр[анцевичем]³) употребить по моему рассмотрению. Но и эти деньги удержаны, не знаю, по какому праву, г-м губ[ернским] почтмейст[е]ром М-г Лобковским⁴. По слухам, он удерживает будто бы, потому что имеет с вами счет за пай, купленный вами. Я просила, однако ж, г-на губернатора вытребовать эти деньги. Не знаю, что будет, но вот уже третья неделя проходит, а денег нет и не знаю, будут ли. Сама же лично я не видала г[осподи]на Лобковского и не знаю его лично.

О сю пору разными средствами уплачено до 9 тысяч. Есть еще разбитое судно на Байкале, принадлежащее покойному Ар[тамону] З[ахаровичу]. За дом дают 2 тысячи, но я упорствую, желая 4000 получить. Покойному с лишком 10 000 стоит. Не знаю, как Бог положит, но во всяком случае нужно будет еще тысяч 10 с небольшим, чтобы успокоить всех кредиторов и не было бы укоризны на покойного Ар[тамона] З[ахаровича]. Пусть лучше остаются одни об нем хорошие воспоминания и моления тех, кому делал он добро. Ар[тамон] З[ахарович] был человек очень благотворительный, любим всеми, спросите у молодежи, ему знакомой, как все чтили добрейшего покойника. Г[осподи]н Кузнецов Ник[олай] Вас[ильевич]⁵ пристаёт тоже о своем долге. Я помню, что Ар[тамон] З[ахарович] вам его передал. Умоляю вас, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, и вашего сына Александра Артамоновича, сделайте все, что можно, чтобы успокоить кредиторов, хоть не вдруг, вышлите эту сумму. По крайней мере, напишите, чтобы были спокойны должники. Есть люди бедные, очень нуждающиеся, между этими должниками. Вам Бог поможет исполнить волю умоляющего вас в последнюю минуту успокоить прах его, заплатить за него долги. Расписки каждого из получивших деньги за долг доставлю вам исправно.

Буду ожидать нетерпеливо письма от вас, добрейшая, почтенная, уважаемая Вера Алексеевна, усердно кланяюсь Алек[сандру] Арта[моновичу]. Передайте ему благословение отца в последнюю минуту. Искренно и всею душою преданная вам Мария Юшневская.

Пишите ко мне прямо на мое имя в Иркутск – ее прев[осходительству] Марии Казимировне Юшневской.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 3–4 об.

Примечания

¹ Кузьмина Каролина Карловна, начальница Иркутского девичьего института в 1845–1849 гг.

² В письме И. И. Пущину от 10 ноября 1847 г. М. К. Юшневская сообщала о том, что наладила отношения с А. Н. Сутгофом: «4-го числа сего месяца была я в Большой Разводной, заказывала обедню и панихиду за упокой души А [ртамона] З [ахаровича]. <...> К обеду приехал С [ергей] П [етрович] и Сутгов с ним. <...>. После обедни подошла к Сутгову и сказала: «Смерть А [ртамона] З [ахаровича] нас поссорила, а могила его пусть нас помирят. Подала ему руку, и мы снова хороши будем друг с другом. Они живут в доме А [ртамона] З [ахарови-

ча]. Год мы не видались, и, хоть убейте меня, не знаю, чем я провинилась. Но все это прошло. Я не хотела идти с товарищем моего мужа и А [ртамона] З [ахаровича], не примиряясь с Сут [гофом]» (Письма М. К. Юшневской И. И. Пушкину / публ. и коммент. Е. А. Добрыниной // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2017. Вып. 3. С. 79).

³ Е. Ф. Канкрин.

⁴ Лобковский Михаил Иванович, в 1847–1849 гг. иркутский губернский почтмейстер.

⁵ Сведений не обнаружено.

4

[Март 1847 г.]

Добрейшая Вера Алексеевна, на четыре моих письма я не получила от вас ни строчки, не знаю даже, дошли ли они до вас. Екатерина Сергеевна¹ писала к Кат[ерине] Ив[ановне], княгине Трубецкой, что вы желаете иметь осьмиугольную табашницу² и ваш портрет³. Оба ваши портрета хранятся у меня, так же как и портрет Алек[сандра] Артамоновича, все ваши письма, покойной маменьки Ар[тамона] З[ахаровича]⁴, одним словом, вся переписка с родными покойника у меня сохраняется⁵. Еще при жизни, во время своей болезни, просил он меня все собрать, сохранить и, если будет случай, доставить вам. Я ожидаю на это вашего распоряжения. Их целый стол, и почти все переплетены. Несколько слов, написанные вами на лайке, он долго носил на шее. Потом все спрятал вместе с полученными от вас [письмами] в начале его приезда. Все это говорю вам из слов покойного Ар[тамона] З[ахаровича], который во время своей болезни рассказывал мне.

Добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, долгу много оставил покойный Ар[тамон] З[ахарович], вы не удивляйтесь этому, может быть, он иногда и позволил себе лишнюю издержку, но это было очень редко. Разорили его болезни и промыслы, он должен был доверять деньги людям очень ненадежным. Самому не было свободы ездить за своими делами. Все думал улучшать свой быт и все с каждым годом более разорял себя рыбными промыслами. Не поверите, как дорого стоила ему аптека и другие расходы, требующие[ся] в болезни. Есть люди, сами бедные, доверяющие покойному свои деньги, грустно видеть, как приступают, прося о уплате долга. Но без вашей помощи никакой нет возможности. Ар[тамон] З[ахарович], умирающий, просил вас и сестру Ек[атерину] З[ахаровну] успокоить прах его и заплатить все за него. Гр[афиня] Ек[атерина] З[ахаровна] просто на мои убеждения и просьбы умирающего брата отказалась участвовать в уплате долгов. Надо вам, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, найти средства чрез близких графини, уговорить ее принять участие и помочь вам к уплате долгов. Надо необходимо до 15 тысяч собрать, а всего было 28 тысяч <одно слово неразб.>. Надо вам постараться успокоить прах доброго, чтимого всеми Ар[тамона] З[ахаровича]. Пусть одно доброе воспоминание остается по нем. Он был благотворителен, и столько людей вспоминают его с большим чувством признательности. Господь поможет вам исполнить просьбу умоляющего вас страдальца Ар[тамона] З[ахаровича]. Бог благословит попечение ваше к успокоению праха вашего мужа, который до конца жизни и любил вас, и уважал, несмотря на временные недоразумения между вашей переписи-

ской, он ценил вашу память о нем, был вам всегда благодарным. Помнится мне, я писала вам, что вскоре после кончины принялась я вместе с г[осподи]-ном Сутговым разбирать дела покойного, между нами было во многом несогласие, быть может, усердие мое было слишком велико, но я принуждена была просить посредника г[осподи] на Муханова, который взялся вместе с Сутговым заняться делами покойника. Как-то так устроилось, что меня уже больше не спрашивали ни о чем и действовали по своему усмотрению. Получив все до последней вещи, принадлежащих покойнику, из этого средства, сказывал мне г[осподи]н Муханов, уплатили они разные мелочные долги и аптеку до 11 тысяч, продав в том числе все янтари покойного, насилу я отыскала и выручила табашницу. Ваш портфель с самого начала я не отдала, также и все портреты семейные у меня хранятся, есть еще некоторые безделушки его стола письменного. Все вам доставлю, только найду возможность переслать не чрез почту.

Буду ожидать от вас известия и распоряжение, какое еще вздумаете дать. На сей раз кончу мое письмо, прося вашего великодушного извинения, что, может быть, нечетко и нескладно написала, при свечах трудно писать в очках и с весьма слабым зрением. А завтра рано должна ехать на панихиду, заказанную для моего мужа покойного. Тут же поминают и Ар[тамона] З[ахаровича]. Прощайте, почтенная, добрая Вера Алексеевна, всею душой преданная вам М. Юшневская.

Усердно поклонитесь от меня Александру Артамоновичу. Благословение Божие над ним.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Л. 5–6 об.

Примечания

¹ Возможно, Е.С. Уварова, сестра М.С. Лунина.

² «Ваш муж с нетерпением ждет табакерку вашей работы, о которой в письме от 15 апреля [1829 г. – Е.Д.] вы пишете как о давно отправленной и которая все еще не получена» (*Муравьев А.З.* С. 211). Скорее всего, в опубликованных письмах А.З. Муравьева речь идет именно о табачнице, сделанной для мужа Верой Алексеевной. Коробки для хранения табака были крупнее, чем табакерки, и так же богато декорировались. Возможно, она была с вышивкой, а на крышке располагался рисунок, о котором идет речь в письме от 14 сентября 1829 г.: «Ваш муж бесконечно благодарен вам, милая и добрая Вера Алексеевна, за присланную табакерку. Рисунок, изображающий свидание ваше в Киеве, когда вы к нему приехали, доставляет ему такое удовольствие, что он, говорят, не сводит с него глаз. Он в нем видит картину вашего поспешного приезда и повторяет непрестанно, что, если вы увидите не с тем же чувством умиротворенности, как тогда, все равно это будет самый счастливый миг его жизни» (там же, с. 216).

³ О портретах любимых А.З. Муравьевым людей есть многочисленные упоминания в его письмах: «По крайней мере, у себя в комнате я окружен всеми вашими портретами, а поскольку я привык жить несколько часов в день прошлым, любимые эти образы помогают мне с большей степенью иллюзии перенестись к вам, и эти минуты – самые счастливые» (*Муравьев А.З.* С. 89). «Три твоих портрета, портреты ангелов моих и сестры и образок, который она мне вышила, суть драгоценные украшения моей камеры» (там же). «Поскольку место назначения Александрины находится на полпути от Нерчинска, она передала мне портреты ваших детей, как и все то, что вы с ней послали. Я передала все это вашему мужу через г-на коменданта. Портреты милых ваших детей очаровательные, в особенности портрет

Сахара мне кажется еще более <одно слово неразб.>, чем другие» (там же, с. 125–126). «Он умоляет вас заказать свой портрет маслом в натуральную величину и прислать ему, надеюсь, что вы не заставите его ждать» (там же, с. 178). «Должна еще напомнить о небольшом вашем портрете маслом, который Артамон Захарович у вас уже просил. Он очень-очень хочет получить его и умоляет вас, милая Вера Алексеевна, обязательно заказать его и послать ему, как только портрет будет готов. Я знаю, что он о нем говорит беспрерывно, и получить его будет для вашего мужа настоящим праздником. Я надеюсь, что вы воспользуетесь своим пребыванием в Москве, чтобы сделать этот портрет, если найдете хорошего художника, и что мы здесь получим его раньше, чем ожидает ваш муж» (там же, с. 186). «Единственное, чего вы ему еще не прислали и чего он очень хочет, это портрет ваш. Я об этом уже однажды писала. Он вас умоляет заказать его и прислать ему как можно скорее» (там же, с. 189). «Он просил меня через моего мужа напомнить вам о его просьбе по поводу вашего портрета <...>» (там же, с. 190). «Итак, Артамон получил ваш портрет, и это для него живое отражение того, что вас угнетает и явственно сдает ваше существование. Его сердце чувствует необходимость поделиться с вами тем, что он испытывает. Простершись у ваших ног, в слезах благодарит он вас за то, что вы отозвались на его просьбу. Благодаря печальной реальности, которая открылась теперь его глазам, он видит, чего стоило вашему сердцу это стремление угодить ему» (там же, с. 208–209). «<...> Он вам напоминает о вещи, которая для него важнее этого всего, это ваш портрет» (там же, с. 203). «Муж ваш только что получил ваш портрет. Он не знает, как благодарить вас за то, что вы его прислали. Изменения, которые произошли с вами за эти три года страданий, разрывают ему сердце, и не скрою, что опасения его за ваше здоровье не имеют пределов. Говорят, он целыми днями смотрит на этот портрет, обливаясь слезами» (там же, с. 211). «Портрет ваш висит на видном месте, он не сводит с него глаз – не глядит на него только тогда, когда уходит на работу. Вы не можете себе представить, какое благо вы ему сделали, выполнив его просьбу. <...> Он просит прислать ему раму для портрета, вот такой толщины» (там же, с. 215). «Что до рамы, которую он просил для портрета вашего, он говорит, что вы не правы, считая, что это украшение для него не подходит; поскольку портрет ваш – самая большая его драгоценность, он готов сделать что угодно для него» (там же, с. 249–250). «Муж с радостью пожертвует ради вас портретами детей. Он говорит, что счастлив расстаться с предметом, который составлял все его утешение, если это может хоть на мгновение успокоить вашу боль и особенно если этим он докажет, что ничего не пожалел бы ради смягчения ваших страданий, если бы только это зависело от него. Он вас просит оставить себе портреты, но пришлите ему копию Левушкиного портрета в медальоне, чтобы он мог всегда носить его на груди. Ему хотелось бы иметь отдельно портреты Никиты и Александра, такими, какие они теперь. Если это можно, не заставляйте его долго ждать и, главное, поспешите прислать вещи, принадлежавшие возлюбленному его Левушке, которые он у вас уже просил» (там же, с. 286).

⁴ Скорее всего, речь идет о матери В.А. Муравьевой М.И. Горяиновой, которую Артамон Захарович называл «дражайшей матушкой».

⁵ О бережном и даже благоговейном отношении к письмам своих родных встречаем неоднократные упоминания в письмах Артамона Муравьева: «Он очень благодарен детям за письма, детский их стиль меня очаровал, я отвечаю Никоше; передайте ему, пожалуйста, мое письмо» (*Муравьев А.З.* С. 144). «Я получила, милая Вера, письма наших очаровательных детей; наивное выражение их нежности к несчастному отцу тронуло меня до слез» (там же, с. 155). «Ты не знаешь, сколь драгоценны для меня вещи, коих ты только коснулась, божество мое, Вера. Не говоря о письмах, которые для меня реликвии, у меня пук конвертов, кои потом не рвутся, что ты надписывала их. Бог видит, как я тебя обожаю» (там же, с. 280). «Пошли же мне, ради Господа нашего, что-нибудь, чем ты пользовалась, окружи меня по крайней мере предметами, которые тебе принадлежали, нужно быть в моем положении, чтобы представить себе, какое это приобретает значение; знаешь ли, возлюбленная Вера, что я храню даже конверты от твоих писем – лишь потому, что ты касалась их руками» (там же, с. 380–381).

30 марта 1847. Малая Разводная

Почтенная, добрейшая Вера Алексеевна! Наконец я дождалась вашего письма, но не знаю, от какого числа, вы забыли назначить день, в который писали. Получила я его в самые праздники Христова Воскресенья. День этот, столь радостный для каждого верующего, встретила я на могиле для меня святой мужа моего, и на могиле также вашего покойного Ар[тамона] З[ахаровича], который тут же рядом схоронен. За вас и за его сына земной поклон сделала, и каждый раз, когда там бываю, мысленно всегда с вами и Ал[ександром] Ар[тамоновичем], покойный вас любил до конца жизни и за гробом молит о вашем счастье и благодарен тем добрым родным, которые его помнили при его жизни. Это он сам всегда говаривал.

Вы меня вызываете быть с вами откровенною, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, я вам очень благодарна за это, будучи всю мою жизнь доверчива, как дитя. В глубокой моей старости мне было бы трудно изменить себя. Много раз пострадала крепко за мое откровение. Но кто этого не испытал? С[офья] Ив[ановна] была для вас по чувству как близкая родная¹. А вы наказаны за доверчивость к ней и страдаете без меры. Но как все нам посылается от Бога, будем уповать на великое милосердие его и молиться, чтобы на будущее время сохранил нас от испытаний.

После смерти г[рафа] Е[гора] Ф[ранцевича] писала сестра Ар[тамона] З[ахаровича], что будет присылать ему 2000 руб[лей] по назначению покойного ее мужа. А всего лучше прилагаю вам ее письмо. В нем вы увидите, что нельзя было ожидать никакого капитала. Знаю от самого Ар[тамона] З[ахаровича], что он просил у нее 30 тысяч, надеялся получить на уплату долгов и более ничего не хотел уже получать от Ек[атерины] З[ахаровны]. Но, кажется, не получил от нее ничего в ответ. А на мое письмо после кончины брата сказала, что она не имеет никакой собственности и никакого состояния после смерти своего мужа. Не может платить за брата долгов. Прибавила еще Ек[атерина] З[ахаровна], что Е[гор] Ф[ранцевич] устроил имение для Ар[тамона] З[ахаровича], которое чистого дохода 30 тысяч давало, и что теперь должно обращаться к вам. Вы сделаете все, чтобы успокоить прах покойного. Без сомнения, с посторонними людьми Ар[тамон] З[ахарович] говорил не все, что у него было на сердце, а может быть, хотелось покойному с самой лучшей стороны представить попечение о нем сестры и г[рафа] Е[гора] Ф[ранцевича]. Мне никогда не сказывал о капитале, назначенном для него. Но надеялся на сестру, что в этом ему не откажут. Еще Ар[тамон] З[ахарович] поручал мне писать к М.А. Без[образову]², чтобы он употребил все средства чрез близких К[атерины] З[ахаровны] упросить ее принять причины, побудившие ее брата просить у нее 30 тысяч капиталу. Но о сю пору в ответ на мои два письма ничего не получила от М.А. Безоб[разова]. Я все не покидаю писать к гр[афине] К[атерине] З[ахаровне], умоляю ее и стараюсь убедить всеми силами, что надо ей помочь уплатить долги покойного ее брата. По чистой совести скажу вам, почтенная, добрая Вера Алексеевна, ни Господь, ни люди не простят сестре покойного Ар[тамона] З[ахаровича], если она не позаботится успокоить прах достойного, добрейшего наше-

го Ар[тамона] З[ахаровича]. Теперь уж в письмах очень ее осуждают, что так холодно приняла кончину своего страдальца брата. Даже рассказывают здесь, что у нее был бал вскоре после этого печального известия. Вы велите мне быть откровенной. Простите, что позволяю себе так чистосердечно выражаться насчет гр[афини] К[атерины] З[ахаровны]. Нам, чужим, очень чувствительна потеря Ар[тамона] З[ахаровича]. Царствие ему Небесное.

Портреты ваши и все другие родных покойника хранятся у меня. Вся переписка ваша и родных тоже у меня сохраняется, я никому не позволила прикоснуться до этого. Портфель ваш зелененький у меня, восьмиугольный ящичек³ насилу отыскала, теперь у меня с прочими вещами спрятан. В мае месяце все вам перешлю с верным случаем, когда наши купцы станут уезжать в Россию на Нижегородскую ярмарку.

На сей раз не могу еще исполнить вашего требования прислать вам копии с документов, кому сколько должен покойник. Из писем моих вы уже знаете, что мы с г-ном Сутговым не могли согласно действовать по духовной Ар[тамона] З[ахаровича] по моей заботливости и участию к делам покойного. Я, может быть, позволила себе сделать замечание не совсем по душе Ал[ександру] Ник[олаевичу]* Сут[гофу], он был недоволен и не хотел уже заниматься, обвиняя меня. С.П. Труб[ецкой] посоветовал мне избрать посредником в разборе дел покойного г-на Муханова, товарища, как и Сут[гоф]. Вследствие этого оба они приехали, забрали все вещи и все, принадлежащее покойному, лошади и двое дрожек, так что я ни одной ниточки не взяла со всего, принадлежащего Ар[тамону] З[ахаровичу]. После их распоряжения даже их самих ни одного раза не видела, они, по-видимому, отстранили меня от всего, я им очень благодарна за это. Но участия, преданности вечной, даже благодарности моей к покойному никто у меня не ослабит. Я многому обязана доброму, благотворительному Ар[тамону] З[ахаровичу], а всего более памятливы для меня одолжения, участие и заботы во время неожиданной смерти моего никогда незабвенного мужа. Ар[тамон] З[ахарович] сам был тогда болен, все забыл и до того хлопотал, чтобы облегчить мое несчастье и не допустить меня ни до каких забот, что в течение шести недель он даже взял на себя мои хозяйственные хлопоты. Этих вещей невозможно забыть. Я, умирая, благодарность к Ар[тамону] З[ахаровичу] живо буду чувствовать. Я все собиралась отсюда уехать, но мой выезд не разрешен о сю пору в Россию. Некому обо мне хлопотать! Я было дала обещание Ар[тамону] З[ахаровичу] быть у вас, и непременно буду, если когда-нибудь позволено мне будет возвратиться в Россию. Много бы с вами поговорили, многое бы недоразумение объяснилось. Но будет воля во всем святая нашего Творца.

Завтра поеду нарочно в Иркутск, увижусь постараюсь непременно с этими господами и узнаю от них, сколько долгу уплачено и кому именно, что продано и что еще осталось. Знаю, что белье все цело, и, по моему мнению, надо бы его отдать бедным товарищам, нуждавшимся во всем.

Памятник уже делается, решетка уже привезена, доска и крест будут в апреле месяце готовы, все сделаю как можно лучше. Я должна покойному Ар[тамону] З[ахаровичу] до пяти тысяч, когда-нибудь скажу вам подробно об этом. Вам не надо присылать на памятник ничего, все будет исправно,

* Здесь и далее М.К. Юшневская ошибочно называла Сутгофа Николаем Александровичем.

и рисунок вам пришлю. Некоторые долги заплатила из денег, должных Ар[тамону] З[ахаровичу], а остальные возьму на себя уплату. За всем этим много еще надо, чтобы успокоить прах покойного, тысяч до 16. Дом считается за мной, это только для того, чтобы за него больше дали, не продали бы его с аукциону. Все объясню вам позже, а теперь кончу мое письмо, уверяя в чистой, неизменной к вам преданности, уважении и искренней привязанности ко всему вашему и к вам.

Вероятно, вы слышали, добрейшая Вера Алексеевна, от молодых людей, возвратившихся отсюда, что Ар[тамон] З[ахарович] не имел своего хозяйства. С того времени, как муж мой поселился в Малой Разводной, Ар[тамон] З[ахарович] желал, чтобы мы избавили его от хлопот держать свой стол. Мы оба с мужем охотно согласились услужить ему этим. Наконец просил, чтобы и белье его наша женщина взялась чистить. Все это с удовольствием исполнялось до последней минуты жизни Ар[тамона] З[ахаровича]. Вы знаете самолюбие покойного – он требовал, чтобы платить нам помесечно. В успокоение его самолюбия мы согласились, получали от него 70 руб. ассигнациями в месяц за стол, прачку, кофе, сливки, сухари, булочки, одним словом, все, что только потребует, даже завтраки. Всегда сама я наблюдала, чтобы как можно лучше все это делалось. Благодарила Бога, что хоть этим делаю услугу добрейшему нашему Ар[тамону] З[ахаровичу]. Когда жила здесь ревизия, вы знаете, в каком отношении находился со многими покойник. Часто, очень часто по нескольку человек проводили у него целые дни. Я никогда не допустила позаботиться Ар[тамону] З[ахаровичу], а вы знаете, как он гостеприимен. Все, что требовалось для питья, это уже сам покойный хлопотал. Чистосердечно и откровенно скажу вам, что увеличились много мои расходы. Но я не хотела принять никакого прибавления от Ар[тамона] З[ахаровича]. Просила только помочь мне займом денег в недостатке. И я обязана много покойному Ар[тамону] З[ахаровичу], он меня несколько раз выручал. Таким образом я задолжала покойному. И теперь еще благодарю моего Создателя, что дал мне случай услужить ему и успокоить его в течение без мало[го] семи лет. Вы знаете, что бедный страдалец Ар[тамон] З[ахарович] очень часто бывал болен, то горло болит, то ревматизмы возобновляются при малейшем случае. Руку однажды сломал, сколько было ему мучений бедному. Я всегда неотступно при нем, стараясь успокоить его. Нравственно ли он страдал, придет, бывало, ко мне, расскажет свое горе, и я его непременно уговорю и успокою. Я до того привыкла ухаживать за Ар[тамоном] З[ахаровичем], лишь только узнаю, что у него есть какое-нибудь горе, сама к нему явлюсь. Иногда он не рад мне, я это замечу. Но мне казалось, что я обязана была поступать с ним с родственным чувством. И надо сказать правду, Ар[тамон] З[ахарович] всегда был мне много признательным. Вот вам, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, сказала со всею аккуратностию о нашей жизни и отношениях с моими соседями в Малой Разводной. Теперь остались здесь еще два брата Борисовых, которым Ар[тамон] З[ахарович] был благодетель. Они очень бедные люди, один из них рисует, другой переплетает книги. Но не могут столько выработать, чтобы достало им на все. Я помогала покойному в его заботах о товарищах и при жизни мужа, и после. Это моя святая обязанность, хоть и не по силам иногда быть полезною мужа моего товарищам.

Я всегда с чувством живейшим участия и с чувством сестры обращаюсь с ними. Но вы сами знаете, что для всех одинаково быть невозможно.

Борисовы люди очень уважительные. Ар[тамон] З[ахарович] одного из них называл святым человеком. И правда, кроткий, благороднейшая душа. Другой брат больной, в сильной ипохондрии, помешанный решительно. Но и этот сумасшедший до сих пор не может вспомнить без рыдания покойного Ар[тамона] З[ахаровича]. Все это говорю вам для того, чтобы сблизить вас хоть немного с понятием о нашей жизни и дружеских отношениях между собою. По этому вы судите, какая для нас всех тяжелая потеря Ар[тамона] З[ахаровича]. Наши все разводнинские крестьяне оплакивают его усердно и молят Бога о Царствии Небесном для благодетеля своего. Покойный был любим, уважаем всеми, вообще – вам бы было приятно услышать от всех наших властей даже, как ему дают справедливость. Особливо доброта его сердца каждого обязала, и умел он одолжить всякого, кто к нему прибегнет. Однажды писал он вам, что его характер много переменился. Вы усумнились в этом. Тогда он вам правду сказал о себе. Потом немногу молодых людей общество развлекло его. Мы, впрочем, радовались, что он этим был доволен и был веселее обыкновенного. Потом перед своим ушибом Ар[тамон] З[ахарович] снова очень загрустил, редко бывал в хорошем, веселом расположении. Видите, сколько неволью заговорила с вами о жизни покойного Ар[тамона] З[ахаровича], полагая, что для вас интересно будет знать подробности о нем.

Будем молиться за упокой души его, я свято это исполняю. А он не забудет друзей своих в вечности, будет молить Господа о нас всех.

Вы тоже помните, как обязал нас Ар[тамон] З[ахарович] с мужем, дав нам свой домик, 7 месяцев мы жили на одном дворе. А Борисовы жили более двух лет у Ар[тамона] З[ахаровича] в домике.

Не удивляйтесь, добрейшая Вера Алексеевна, что Ар[тамон] З[ахарович] много должен, болезни его много требовали и стоили. Потом промыслы вовлекли его в большие убытки и разорения. Он хотел помочь себе, а Бог не дал.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 7–11 об.

Примечания

¹ Митрополова Софья Ивановна, компаньонка В.А. Муравьевой. 9 ноября 1845 г. в письме Я.Д. Казимирскому А.З. Муравьев так описал произошедшее с В.А. Муравьевой: «Я, верно, <...> говаривал о <...> м-ль Sophie, поступившей ко мне в дом со дня моей свадьбы, она же выросла с женой. В течение более 15 лет она показывала неимоверное самоотвержение, жила только для жены и моих детей, словом, всеми была чтима в доме, как полная хозяйка и самовластная распорядительница всего достояния жены моей и сына. Достигнув тех лет, когда отказываются перезрелые девы от надежды соединить странствование со спутником, она <...> нырнула в спекуляцию, попала в омут и потопила не только свое, но женино имущество, наделав более чем на 200 т[ысяч] долгов на ее имя, продав потихоньку все ценное, словом, обобрала ее до того, что вот более 8 месяцев, как обнаружили ее черные поступки, и всего и до сей минуты не раскрыто. Бедную мою жену это несчастье тем более крушит, что она обвиняет себя более чем бы должно, ибо во время смерти детей она дала ей неограниченную доверенность, что было в 33 году, и в течение 12 лет почти не спрашивала, что она по оной делала» (*Муравьев А.З. С. 428*).

² Безобразов Михаил Александрович (1815 – ок. 1880), сын сенатора А.М. Безобразова, чиновник министерства внутренних дел, участвовал в ревизии И.Н. Толстого.

³ Табачница, о которой идет речь в письме 4.

20-го мая 1847 г.

Письмо ваше от 22 марта третьего дня получила, не знаю, где оно залягалось столько времени, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна. В последнем своем письме я обещалась прислать вам список, сколько выручено денег за проданные вещи покойного Ар[тамона] З[ахаровича] и сколько уплачено долгу. К несчастью, о сию пору я не могу добиться ничего. 2 раза виделась с г[осподино] м Мухановым, просила его прислать мне подробный список, который я обязана отослать к вам, добрая Вера Алексеевна. Сначала Петр Александрович Муханов сказал мне, что не обязан заводить канцелярии для сделания списков, потом обещал, вот уже два месяца прошло, напоминала ему об этом несколько раз, и все нет ничего, а словесно сказал мне, что до 11 тысяч уплачено. Из слов моих видите, что трудно добиться у этих господ правды. Александра Николаевича Сутгова я и не выдаю совсем, а если встретится со мною где-нибудь, то или убежит тотчас, или отворотится. Бог ему судья, если ему очень совестно показаться мне, то я довольна тем, что он чувствует свою несправедливость. Не поверите, добрая Вера Алексеевна, сколько я тяжких огорчений перенесла и переношу за усердие мое и признательств[о] к покойному Ар[тамону] З[ахаровичу]. Но Господь милосердный видит несправедливость людей и добрые их намерения. На Бога уповаю и исполняю свято, что могу, в память добрейшего Ар[тамона] З[ахаровича], который от многих неприятностей избавлял меня во время моего несчастья, когда схоронила я добродетельного, кроткого мужа своего. Я никогда не забываю добра, деланного мне, мне бы и Бог не простил этого.

Добрейшая Вера Алексеевна, надо бы вам самим написать к Сутгову, так как он назначен Ар[тамоном] З[ахаровичем] заняться его делами, чтобы он вам прислал записку, сколько денег выручено за проданное имущество покойного Ар[тамона] З[ахаровича] и сколько долгу уплачено, что это нужно бы вам знать для соображения дел покойного. Кому же, как не вам, обязаны мы отдать отчет? Кто же, как не вы, почтенная Вера Алексеевна, можете помочь исполнить волю покойного Ар[тамона] З[ахаровича], а за доброе сердце его Милосердием своим Господь поможет по силе и возможности.

Вещей Ар[тамона] З[ахаровича] было довольно много, хоть не очень ценных: дрожek двое, одне пролетки, как здесь называют, другие просто му[ж]ские, еще маленькие беговые, 4 лошади, много хомутов и разной сбруи, даже кучерской одежды, сани парные городские хорошие, другие маленькие – крытый небольшой карандас¹, в дурную погоду, бывало, в нем ездит. Янтарей было до 20, в том числе несколько очень хороших, остальные мелочь. Шкатулочка дорожная, пистолеты, белья с лишком 4 дюжины, платья, шуба, две шинели, не вспомню теперь многого, токарный станок, инструменты, еще выписанный для него другой станок, которого он не дождался, деньги за него не заплачены, г[осподи] н Сутгов его взял, кому-то отдал, 100 руб. и транспорт надо платить! Бог ведает, из каких способов. Серебра у него было небольшой сервизец, состоящий из чайничка, сахарницы и молочника, он променял

прежнее свое серебро на это, 10 ложек серебряных столовых старых, разливательная и большая соусная, 6 чайных новых, никогда еще не употребляла, больших суповых было 6 и чайных новых 6. Ситечко и щипцы для сахара серебряные. Больше у него не было серебра. Столовый сервиз фаянсовый довольно полный, не помню, сколько дюжин тарелок и прочего. Часы золотые одни, другие стенные, последние у меня находятся, еще золотые часы у меня сохраняются, которые много лет покойный Ар[тамон] З[ахарович] носил. Они были ему присланы сестрою гр[афинею] К[атериной] З[ахаровной]. Я их сберегала для Алек[сандра] Ар[тамоновича]. Много неприятностей выслушала, даже много и поплакала, а часы не отдала. Книг было много у покойного, взял Сутгов с Мухановым продать, и станок, и книги все у них. Дров даже до 60 сажень вывезли из дому, бревна для какой-то постройки были приготовлены и то увезли со двора. Судно со всеми снастями, железными кошками (якори), много медной посуды, железных вещей. Правда, что судно было повреждено. Пьяные приказчики Ар[тамону] З[ахаровичу] множество убытку сделали, но все-таки, вероятно, эти господа продали его, надеюсь, не с великим убытком, как судно и вещи целы налицо, а повреждения этого судна можно было исправить. До таких мелочей ведь вещи были забраны, что спички зажигательные и даже кремни в том числе. Я обязана сказать вам все это, добрейшая Вера Алексеевна, и свято готова исполнять все, что угодно вам будет поручить мне по делам покойного. Ваши советы будут мне помощью по делам Ар[тамона] З[ахаровича], но, к несчастью, в моих руках остался один дом покойного, который считается за мною, вы уже знаете из прежних моих писем это. Теперь я вас попрошу написать мне в вашем письме, что вы предоставляете мне продать этот дом. Тогда по назначению покойного я его передам одному должнику г[осподи]ну Баснину² за 4000. Если же он не захочет его взять, то найду купца, который даст мне 4000 за него, и можно разделить эти деньги на двоих должников поровну, чтобы уравнивать уплату долгов.

300 руб[лей] сереб[ром] г[осподи]н Лобковский выдал мне чрез г-на гражд[анского] губ[ернатора] по распоряжению гр[афини] К[атерины] З[ахаровны]. С этою же почтою будут остальные в Красноярске одному очень нуждающемуся должнику покойного Ар[тамона] З[ахаровича] 200 р[ублей] сереб[ром], а 100 большому, здесь находящемуся, будут вручены, и расписку вам доставлю. К счастью, гр[афиня] К[атерина] З[ахаровна] поручила мне самой распорядиться этими деньгами. Иначе они требовали от меня в общую кассу покойного. А я не отдала этих денег и сказала, что сама отдам отчет кому следует. Г[осподи]н Сутгов, не знаю по какому праву, отстранил меня от участия исполнить волю покойника. Сознаюсь вам откровенно, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, что я благодарна ему за то. Совесть моя чиста противу Ар[тамона] З[ахаровича]. Я лишена способов хлопотать, чтобы успокоить прах его. Почты чрез две пришла вам рисунок памятника покойного. Тяжелую, очень тяжелую обязанность исполнила благодаря Бога, чрез дня три совсем окончится работа, и я очень старалась о прочности. Всею душою преданная М. Юшневская.

Письма и прочие вещи уложены, скоро вышлю к вам. Извините меня, что есть помарки в письме. Я и слепа, и больна, едва хожу – простудилась.

Не сочтите, ради Бога, что я желчный человек, Бог видит, что я одной правды желаю. И чтобы совесть моя была спокойна, исполняя волю покойного Ар[тамона] З[ахаровича].

Было два бюста покойных сыновей ваших. Младшего сына бюст пять лет тому назад разбил нечаянно Ар[тамон] З[ахарович], а старшего сына бюст трудно бы было к вам переслать. Я рассудила поставить его внутрь памятника Ар[тамона] З[ахаровича]³.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 686. Л. 12–14 об.

Примечания

¹ Так в Сибири называли тарантас.

² Баснин Василий Николаевич.

³ После смерти двоих сыновей, Левушки (1831) и Никоши (1832), А. З. Муравьев просил жену заказать их бюсты и прислать ему. 28 апреля 1833 г. Е. И. Трубецкая писала В. А. Муравьевой: «Посылки с бюстами детей и вещами, им принадлежавшими, должно быть <конец неразб.>. Ваш муж не может их получить, и вот еще один ящик отправляется в обратный путь, вместо того чтобы быть доставленным в Петровский [Завод]. <...>. Он очень хочет получить эту посылку и огорчен тем, что ожидание его так затягивается» (*Муравьев А. З.* С. 330). 13 апреля 1834 г. бюсты были получены: «С разлучения нашего, ангел мой Вера, я ни разу не испытал ничего подобного тому, что почувствовал 13 апреля. Именно в этот день мне принесли бюсты обожаемых моих детей. Ты одна можешь себе представить, как вновь открылись мои сердечные раны: вот это ангелы, коих мы потеряли. Что бы со мной стало, если бы ты была со мной, а они бы умерли без матери. Слава Создателю, который наставил тебя на истинный, единственный святой путь. Поверь мне – и это я буду утверждать и на смертном одре, – что я благословляю имя твое и что я тебе обязан более чем жизнью за то, что ты не уступила необдуманному моему желанию. Я никогда не смогу достойно отблагодарить тебя за мысль заказать эти бюсты и послать их мне. Я уже не покинут Богом – я вновь увидел изображения обожаемых моих детей. Не отказывая мне в последнем утешении, о котором я тебя прошу, пришли мне поскорее рисунок, изображающий святые их могилки; я хочу их увидеть хоть так, раз уж мне отказано в утешении лечь на эти могилки и оросить их слезами. Добрая и дражайшая твоя матушка писала мне в последнем письме, что у нее есть портрет Никоши в гробу, пришли мне его тоже ради Создателя» (там же, с. 352). О содержании публикуемого письма М. К. Юшневской было известно Б. Г. Кубалову, поскольку он цитирует строки из него в работе «Декабристы в Восточной Сибири». Теперь уже можно с точностью сказать, что в своде памятника находился бюст не Александра, как предполагала Т. Г. Любарская, а Никиты Муравьева. В 1952 г. при вскрытии захоронения А. З. Муравьева бюст был обнаружен и передан в краеведческий музей. В настоящее время бюст сына декабриста А. З. Муравьева Никиты находится в экспозиции Иркутского музея декабристов.

7

8-го июня 1847. Малая Разводная

Добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, жаль мне и очень тяжело, что должна еще и я рассказывать все неприятное, когда и без меня у вас много своих огорчений. Но что же мне, бедной мученице, делать, когда нашего покойного Ар[тамона] З[ахаровича] и после смерти разоряют. Этим нельзя успокоить прах его. Моя совесть не может быть спокойна, он надеялся на мое усердие и участие, а у меня отняты все способы действовать в его пользу. Вы уже знаете, что гр[афиня] Ек[атерина] З[ахаровна] прислала 300

р[ублей], которые доверила мне употребить по моему рассмотрению. Я отослала 200 одному бедняку, и вот его письмо в получении этих денег. 100 руб[лей] оставила на уплату мелких долгов, из которых отдала 36 руб[лей] приказчику Алиберу¹, 42 в кондитерскую, 138 Борису, всего 216 руб[лей] ассиг[нациями], остальные 134 хранятся еще у меня для отдачи в лавку. На все это пришлю вам особую записку. Деньги эти, 300 руб[лей] сер[ебром], сделали то, что г[осподи]н Сутгов всех должников выслал ко мне, и я узнала от них, что ни одному не заплачено, кроме г[осподи]ну Белоголовому, с которым есть какие-то аферы у м-г Муханов. Он же и судно с лодками и всем каталажем купил будто бы за 2500. Но кому уплачено, не могу добиться, знаю только, что купцам ни одному не заплатили, хотя в записке Ар[тамона] З[ахаровича] покойного сказано, прежде всех заплатить купцам. Они как-то все с богатыми расплачивались, будто бы которые верно бы и не тревожили прах покойного никогда, а всех бедняков оставили кричать и приступать к людям, которые не могут для них ничего сделать. Я вам писала, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, что 2 до пяти тысяч осталась должна покойному. Теперь осталось до 3. Никак не могу вдруг выплатить, хоть все возможные лишения переносу, такая здесь дороговизна, что и богатые не в состоянии своими способами прожить года. Дело совести, добрая Вера Алексеевна, все средства употреблю, чтобы за мной не оставалось, но вдруг не могу расплатиться. На беду, сказала я г[осподи]ну Сутгову о своем долге, теперь оне всех ко мне посылают, а за проданное имущество Ар[тамона] З[ахаровича], куды отдали деньги, не дают отчета, да еще удалили меня самовластно от исполнения воли покойного за то, что я предложила им не платить никому до тех пор, покуда не наберутся все деньги, и тогда по справедливости каждому разделить поровну, чтобы никто не роптал. Еще предложила им сперва списаться с вами, спросить у вас совета, как самой близкой особы покойного. Я им говорила еще, что до истечения шести недель не должно было и приниматься продавать вещей. Этим данным моим мнением нажила себе непримиримых врагов. На днях получила я письмо от м-г Корсини², чрез которого Ар[тамон] З[ахарович] выписал токарный станок для кого-то, м-г Сутгов, как только проведал, что станок уже доставлен в город, взял станок, даже и чужие тут же вещи, и распорядился, не знаю, как и что, только ко мне приступают и просят уплаты с лишком 300 руб[лей] сер[ебром], да еще за какой-то ящик с инструментами столярными, кому-то выписанные, а я не видала купца и не получала этого ничего. Теперь м-г Корсини написал к губернатору, прося взыскать с того деньги, кто этим станком завладел. М-г Корсини – член кяхтинской таможни, а брат его старший архитектором в С-Петербурге³. По просьбе Ар[тамона] З[ахаровича] писала к г[осподи]ну архитектору, чтобы выслан был этот станок с купцом Огородниковым⁴, а как он не доставил ко мне этого станка, то я и не могу отвечать за него.

Теперь еще одно обстоятельство, м-г Сутгов, желая взять дом покойного Ар[тамона] З[ахаровича], просил переводу в Малую Разводную, был уже вопрос к ген[ерал]-губ[ернатору], нет ли препятствия перевести его в Малую Разводную, генерал отвечал, что нет. Они хотят завладеть домом и лишиться возможности удовлетворить купцов, которых воля была покойного, чтобы прежде всех успокоить, и точно не было бы никакого ропоту, если бы так по-

ступили, богатые не думали бы просить, как и сами сознаются. Г[осподи]н Баснин не хочет брать дома, нельзя сделать формальной купчей, потому что никто не может иметь дом в деревне. Ни чиновник, ни купец не имеют права покупать земли, которые считаются казенные, крестьяне не имеют права продавать. Между тем земля куплена Ар[тамоном] З[ахаровичем] и даны деньги крестьянам. Можно передать на несколько лет кому-нибудь, но продать невозможно. М-г Баснин отказывается брать этот дом без формальных документов, которых нельзя сделать. Сегодня у меня была одна особа, которая желает купить для перевоза в Иркутск все строение. Я просила 4000, но дают 3000. Но можно получить эту цену, которую я прошу, без вас я не хочу решаться ни на какие сделки. Но если вы напишете мне и предоставите поступить по моему рассмотрению, тогда я этими способами удовлетворю всех мелких должников, самых бедных, и купцов. Приказчики плачутся, что хозяева вычитают у них из жалования эти деньги, и покойный сам, умирая, записал каждого лавочника, которым должен. Этим средством все будут спокойны. Если предложение мое кажется вам основательным, то вы с первою же почтою напишите мне, дабы не могли занять дому, как выше вам сказала, без всякой совести. Из письма Прибышевского⁵ вы увидите, что я стараюсь расплачиваться за Ар[тамона] З[ахаровича] как только могу. Но у меня ни ниточки не осталось из имущества покойного.

Многое продано этими г[оспо]дами за чистые деньги, многое сказано, [что] за долг отдано, многие документы взяты или на должные деньги Ар[тамону] З[ахарови]чу, одним словом, распорядившись добросовестно и не так спеша, можно бы успокоить прах покойного совершенно или с немногим прибавлением. Не хочу обвинять никого из этих господ, они товарищи, должны бы более моего быть усерднее к упокоению праха Ар[тамона] З[ахаровича]. Говорю с вами чистосердечно обо всем, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, кому же, как не вам, дать добрый совет и придумать к лучшему все, что касается до вашего покойника дела. Буду ожидать нетерпеливо от вас письма, и как угодно будет вам решить о доме, так я и поступлю. Со всею откровенностью сказала вам мою мысль.

Третьего дня слышала я разговор, м-г Белоголовый писал вам о чем-то, а вы не приняли г-на Медведникова⁶, который сам к вам ездил в поручением Белоголового. Не знаю, о чем же хлопочет этот господин, когда ему все уплачено, как я слышала, а другие все упрекают, не получа ничего. Если бы вам писали другие кто, я бы не удивилась, а тут я промолчала, а больно было слышать, что тревожат вас люди напрасно.

На прошедшей неделе уехала от нас добрая наша m-de Руперт⁷. Мне бы очень хотелось, чтобы вы повидались с нею, если можно. От нее вы бы услышали всю истину дел моих мучительных по делу Арт[амона] З[ахаровича]. Она предобрейшая особа и всегда оказывала мне участие в моем несчастье. Любила и уважала покойного Ар[тамона] З[ахаровича] и с участием его вспоминает. Елена Федоровна может вам рассказать о моей жизни, она подробно обо всем знает, что до меня касается. Ранее сентября ей невозможно быть в Петербурге, она со всем семейством едет.

Простите меня, добрая, уважаемая Вера Алексеевна, что измучила вас моим письмом. Бог милостив, может, более не буду иметь надобность тре-

вожить вас моими рассказами, Господняя воля во всем. Напишите о доме, и делу конец.

Всею душою, всем сердцем преданная вам навсегда Мария Юшневская.

Чрез две недели вышлю вам посылку, и вы получите с одним отъезжающим. Гр[афиня] Кат[ерина] З[ахаровна] не пишет ничего давно. Памятник готов почти совсем, рисунок пришло вам вскоре.

Доброму Александру Артамоновичу усердно кланяюсь.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 15–18 об.

Примечания

¹ Алибер Жан-Пьер (1820–1905), владелец магазина французских и английских товаров, купец и промышленник. С 1851 г. был владельцем первой в России шахты графита на горе Ботогол в Восточном Саяне.

² Корсини, чиновник хяктинской таможи.

³ Корсини Иероним Доминикович (Дементьевич) (1808/1811–1876/1886), русский архитектор, академик Императорской Академии художеств с 1849 г. Служил в Петербургской губернской конторе казенных имуществ (с 1836), Гоф-Интендантской конторе казенных имуществ (с 1836), Гоф-Интендантской конторе Министерства императорского двора (с 1838), в Министерстве финансов, Министерстве внутренних дел, Ведомстве учреждений императрицы Марии Федоровны.

⁴ Сведений не обнаружено.

⁵ Сведений не обнаружено.

⁶ Медведников Иван Логинович (1807–1889), иркутский купец.

⁷ Руперт Елена Федоровна, жена генерал-губернатора В.Я. Руперта.

8

11 июня 1847. Малая Разводная

Добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, письмо мое доставит вам один достойный молодой человек м-г Голенковский¹, он вытребован из Иркутска в С.-Петербург для службы по провиантской или комиссариатской части. Евгений Осипович Голенковский очень любил и уважал Ар[тамона] З[ахаровича]. Покойник также ласкал и любил молодого человека. Просила я его доставить вам посылку, но ящика с письмами не мог он поместить в своем экипаже, едуци не один.

Я рассудила выслать вам портрет большой и малый, да еще ваш портрет, не вставленный в рамку. Тут же рисуночки детей ваших, которые очень берег Ар[тамон] З[ахарович]. Тут же посылаю волосы Ник[иты] Мих[айловича]² и две бумажки с надписью Ар[тамона] З[ахаровича], в которых хранились волосы моего мужа и в другой – галун с его гроба³. Я оставила у себя, что было в бумаге, посылаю вам для того надписи Ар[тамона] З[ахаровича], чтобы вы видели, в каких дружеских отношениях были и как разделяли наше положение. Еще старичка Лепарского волосы и записочка⁴. Кажется, покойник сказывал мне, что вы рисовали по бархату здесь вложенный лоскуток. Кошелечек белый с розовым вашей работы кто-то унес, не могла отыскать⁵. Кольцо для салфетки с вашим вензелем хранится у меня, покуда не найду случая переслать вам с другими вещами. Портрет покойного Алек[сандра]

Зах[аровича] посылаю тут же⁶. Больше ничего не мог взять с собою т-г Голен[ковский].

Чтобы вас уверить, что я всегда вам говорила истину обо всем, касающемся до дел Ар[тамона] З[ахаровича], посылаю вам обе его записки, прося вас усерднейше возратить мне ту, в которой Ар[тамон] З[ахарович] поручает мне исполнить его волю. Может, она нужна будет почему-нибудь, хотя у меня и отняли возможность исполнить его желание и не допустили оправдать доверенность, какую имел ко мне. Я бы очень желала сохранить у себя эту записку, как памятник для меня дорогой. Ар[тамон] З[ахарович] во время своей болезни много говаривал со мною о делах своих и искренне доверял моему усердию и участию к его расстроеным делам. Много на меня надеялся и умирал с хорошим чувством для меня. Дай Бог ему Царствие Небесное. Я никогда не перестану молиться о упокоении души его, много я ему обязана за доброту его во все время моего тяжкого испытания.

Забыла я вам сказать, почтенная, добрая Вера Алексеевна, что есть еще несколько долгов по его распискам, не помещенным в его записках. В том числе и Прибышевский, о котором я писала вам. Из всего посылаемого вам вы видите, что Ар[тамон] З[ахарович] велел прежде всего удовлетворить купцов. Если дом удастся продать, то самое лучшее будет заплатить этими деньгами купеческие претензии. А г[осподи]н Баснин человек богатый, может охотно согласиться подождать. О сю пору он еще не роптал на покойного и не будет. Много уважал Ар[тамона] З[ахаровича]. Сколько я издержала денег на выписку разных вещей для памятника и самой постройки, я вам сделаю после выписку – рисунок памятника сам сделал Ар[тамон] З[ахарович] для покойного моего мужа, ему точно такой поставили, при сем прилагаю рисунок⁷.

Пишу это письмо ночью, извините за беспорядок смысла, и не вижу, и мысли мои расстроены почти всегда, к тому же очень себя нехорошо чувствую. От вас давно не имею ничего, после кончины Ар[тамона] З[ахаровича] получила только два ваших письма.

Молю Всевышнего, чтобы вы были всегда здоровы, добрейшая Вера Алексеевна, и по возможности счастливы. Всем сердцем уважающая вас, усердная, преданная вам Мария Юшневская.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 19–20 об.

Примечания

¹ Голенковский Евгений Осипович (1816–1892), выпускник Нежинского лицея кн. Безбородко, с 1836 г. чиновник Контрольного департамента военных отчетов, с 1841 г. – помощник обер-контролера Государственного контроля при Иркутской полевой провиантской комиссии Восточной Сибири. С 1 июня 1847 г. помощник обер-контролера при департаменте горных и соляных дел в Петербурге.

² Н. М. Муравьев.

³ Традиция сохранения на память волос умершего была очень распространена в XIX в. Волосы хранились в медальонах, их сплетали, делали настольные и настенные траурные композиции – панно.

⁴ Лепарский Станислав Романович (1754–1837), комендант Нерчинских рудников и мест заключения декабристов в Чите и Петровском Заводе.

⁵ Вероятно, речь идет о кошельке, присланном Артамону в 1828 г. «<...> Артамон получил бумажник вашей работы, который ему доставил самое большое удовольствие; он вас очень просит продолжать и другую работу, которую вы начали для него» (*Муравьев А. З.* С. 179).

⁶ Портрет брата Александра А. З. Муравьев получил зимой 1834 г. в Петровском Заводе. «Благодарение Богу, Артамон Захарович получил недавно не только письмо от доброго своего брата и его жены, но Ал [ександр] Захарович прислал ему в то же время и свой портрет. Мне нет нужды говорить вам, милая и добрая Вера Алексеевна, что посылка эта привела его в восторг; сама тюрьма изменила свое обличие в его глазах, с тех пор как тут есть портреты почти всех тех, кто ему дорог. Он почти любит свою камеру, ибо именно тут он может с наибольшей иллюзией перенестись хотя бы мысленно к вам» (*Муравьев А. З.* С. 346).

⁷ К сожалению, рисунок не сохранился. Однако есть схематичное изображение надгробного памятника А. П. Юшневскому.

9

22-го сентября 1847 года. Малая Разводная

Добрейшая, почтенная многоуважаемая Вера Алексеевна. Не знаю, где залежалось письмо ваше от 4 июля. Оно два месяца было в дороге, но хорошо, что все-таки я его получила. Не спешила вам отвечать для того, чтобы выслать расписку в удовлетворении долга г-на Баснина. Когда получила я письмо ваше, было уже поздно удержать дом покойного Ар[тамона] З[ахаровича], тем более что получена у нас бумага о имуществах, остающихся после смерти наших господ, а именно у тех, у которых есть здесь родные, имеют право наследовать после смерти их имущество, а у кого нет родных в Сибири, поступает все в казну имущество. Г[осподи]н Баснин до того труслив, что на своей расписке не выставил даже числа денег, но это все равно, если его руки дана записка, что долг его удовлетворен. При сем вы получите эту расписку и как документ сберегите ее. Из посланных мною писем и записок Ар[тамона] З[ахаровича] вместе с его последней запиской, которые я называю духовной покойного, вы увидите долги его. Баснину 1380 рублей, еще брал у него Ар[тамон] З[ахарович] не знаю сколько-то. Одним словом, г[осподи]н Баснин насчитал на Ар[тамона] З[ахаровича] по разным запискам 900 руб[лей] сереб[ром]. Дом по его просьбе передан на имя г[осподи]на Сутгова в 900 руб[лей] сер[ебром]. Сделана и купчая на имя жены Ал[ександра] Ник[олаевича] Сутгова. Г[осподи]н Баснин считал проценты, оттого сумма долга увеличилась. Я бы не передала дома, если бы не было этой вновь полученной бумаги и не было бы воли Ар[тамона] З[ахаровича], чтобы отдать дом Баснину. Наш добрый Ар[тамон] З[ахарович] очень любил это все семейство, и не было дня, чтобы не посещал их. Но ценить не умели его благородной доброты, не стало Ар[тамона] З[ахаровича], так и проценты, и разные разности насчитались. Все перед Господом нашим милосердным. Он судья – каждому за их поступки. По моему убеждению, человек, который о себе не может уже хлопотать, ему надо вдвое усердствовать. Я так и поступаю, за то нажила себе недругов, которые оскорбляют меня неблагородно потому только, что я старушка одна безо всякой опоры. Бог один мой заступник, на милосердие его уповаю с полной верою. Ни м-г Муханов, ни м-г Сутгов я не выдаю никогда. О передаче дома Ар[тамона] З[ахаровича] Сергей Петр[ович] Труб[ецкой] хлопотал, за подписом этих

бумаг сам ко мне приезжал. Теперь еще остался один г[осподи]н Пеленков¹ неудовлетворенным, хотя поворчал немногу, но успокоился. Он искренне любил и уважал Ар[тамона] З[ахаровича].

Г[осподи]н Баснин самый богатый, как кажется, и самый несносный в счетах своих, как слышу от других. Но богатые везде имеют свой голос. Мое дело молчать и быть довольной, что одним долгом менее у покойного Ар[тамона] З[ахаровича]. Добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, не зыщите с меня, что я не могу вам переслать счета уплаты долгов Ар[тамона] З[ахаровича], я всех просила, кто видится с Мух[ановым] и Сутго[фом], но они не присылают счета, а только говорят, что уплачено до 18 тысяч, не знаю, ни кому, ни какие долги. Г[осподи]н Сутгов живет теперь в доме Ар[тамона] З[ахаровича] самым близким моим соседом, он, говорят, сделал какую-то сделку с г[осподино]м Басни[ным] в 900 руб[лей] сереб[ром]. Теперь владеец дома почтенного нашего покойника, но у нас даже нет и сообщения с нашими домами никакого. Все, что Бог устраивает, к лучшему. Мое дело благодарить Бога за все и молиться о помиловании меня.

Я вам писала, добрейшая Вера Алексеевна, что Ар[тамон] З[ахарович] однажды просил меня, чтобы выписать чрез одного моего знакомого токарный станок. Этот г[осподи]н Корсини, член кяхтинской таможи, был столько снисходителен, по просьбе моей и Ар[тамона] З[ахаровича] чрез своего брата выписал и доставил сюда. Но уже Ар[тамон] З[ахарович] умер, когда станок был привезен в Иркутск. Деньги за него были заплачены, я написала г[осподи]ну Корсини, что, когда станок доставят мне, я его продам и деньги ему вышлю. Между тем г[осподи]н Сутгов, не знаю по какому праву, завладел тотчас привезенным станком, не спрося меня даже, какой это станок. Отдал его за долг Ар[тамона] З[ахаровича] за 2000 руб[лей] г[осподи]ну Дейхману². В том числе были еще какие-то инструменты, Корсини принадлежащие. Начались мои мучения со всех сторон. М-г Корсини требует от меня деньги. М-г Судгов сердится, находит себя правым, что с выгодою отдал эти вещи. Я было написала М-г Корсини, чтоб взыскивал деньги с тех, кто увладел этим станком. На меня напустились и другие наши господа, что мне не должно посторонних людей мешать в это дело, а предоставлять это дело г[осподи]ну Корсини тягаться с Сутговым. Делать нечего, написала я г-ну Корсини, что внесу ему 305 руб. сереб[ром] за станок и транспорт сюда. Ради Бога, добрая, уважаемая Вера Алексеевна, прикажите разыскать г-на Жерома Дементьевича Корсини, г-на архитектора в С.-Петербурге, и заплатите ему триста пять руб[лей] сереб[ром] за станок токарный и транспорт сюда, а остальные вещи не были высланы по моей просьбе, я не обязана знать даже об них. Пусть М-г Корсини хлопочет сам о них. Теперь я никак сама не могу внести этих денег, до того подвергаю себя и лишениям, и недостатку, чтобы только выплатить, что я была должна покойному Ар[тамону] З[ахаровичу]. Г[осподи]н Прибышевский выезжает из Красноярска в Россию, я остальную ему уплату должна внести, с сею же почтою должна 350 руб[лей] сереб[ром] отдать и выручить записки Ар[тамона] З[ахаровича], да еще перевозу на себя долг 1500 руб[лей] ассигн[ациями]. Купцу ни одному ничего не уплаче-

но этими господами. Всех их успокоила тем, что я внесу все деньги, только бы мне обождали. Они согласились.

Не спрашивайте меня, достойная Вера Алексеевна, каким образом за-должал Ар[тамон] З[ахарович] Прибышевскому в Красноярске, он жил здесь сперва, Ар[тамон] З[ахарович] ему выхлопотал место в Красноярске у одного золотоискателя. Но Прибышевский не сошелся с ним, между тем у Ар[тамона] З[ахаровича] были все деньги Приб[ышевского]. Смерть неожиданная лишила средства покойнику уплатить эти деньги. Ар[тамон] З[ахарович] только 500 руб[лей] сереб[ром] успел отдать, на что у меня хранится и расписка с почтовой конторы. Процентом Ар[тамон] З[ахарович] дал ему всего 50 руб[лей] сереб[ром], а после смерти Ар[тамона] З[ахаровича] Прибышевский не считает процентов. Всей суммы, кажется, было 1000 руб[лей] сереб[ром]. С этою почтою я пишу Вас[илию] Льв[овичу] Давыдову, чтобы следуемые мне по переводу 350 руб[лей] сереб[ром] отдал Прибышевскому. Мое состояние до того маленькое, что я при нашей дороговизне не могу прожить года своими способами, для того решаюсь продать свой дом, чтобы скорее расплатиться с моими долгами, из которых главный покойного Ар[тамона] З[ахаровича]. Высказав вам все, добрейшая, уважаемая Вера Алексеевна, прошу вас, удовлетворите долг г[осподи]на Корсини. Его все знают в Петербурге. В доме г[осподи]на Сухозанета³ можно об нем узнать. Писала бы еще о многом, но боюсь почту упустить. Всею душою вам преданная Мария Юшневская.

На имя Пар. Вас. Мур[авьевой]⁴ я послала чрез г[осподи]на Голенковско-го ваши портреты и духовные Ар[тамона] З[ахаровича] в июне месяце.

Алек[сандру] Артам[оновичу] усердно кланяюсь. Скажите, с вами ли он теперь.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 21–24 об.

Примечания

¹ Пиленков Иван Иванович, кяхтинский 1-й гильдии, а потом иркутский купец.

² Скорее всего, речь может идти об одном из Дейхманов, Константине Александровиче или Оскаре Александровиче, чиновниках ГУВСа, служащих Горного отделения.

³ Очевидно, имеется в виду доходный дом генерала И.О. Сухозанета в Петербурге на Невском проспекте. Современный адрес: Невский проспект, 68.

⁴ М.К. Юшневская ошиблась, правильно: Муравьева Пелагея Васильевна (урожд. Шереметева, 1802–1871), жена М.Н. Муравьева-Виленского.

10

10 ноября 1847. Малая Разводная

Добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, не помню хорошо, отвечала ли я на последнее ваше письмо, которое писано пред отъездом вашим из Тербони¹ в С.-Петербург. На многие мои письма я ожидаю от вас известия и не могу дожидаться. Послала я к вам ваш портрет и покойного Алек[сандра] Зах[аровича], более ничего не мог взять с собою т-г Голенковский. До сих пор мне очень было трудно пересылать вам разные вещи, которые давно бы

надо вам получить. Переписку вашу и всех родных покойного Ар[тамона] З[ахаровича] – все это у меня готово и уложено. Теперь при помощи Анд[рея] Вас[ильевича]² скорее найду верные случаи, и он поможет мне все сие доставить вам, почтенная, добрейшая Вера Алексеевна. Я поджидаю возвращения мне духовной незабвенного нашего Арт[амона] Зах[аровича]. Я бы хотела сохранить ее у себя, как память его доверенности и дружбы ко мне. 4-го числа была мною заказана обедня и панихида за упокой души доброго Ар[тамона] З[ахаровича].

Вот уже минул год, как он переселился к лучшей вечной жизни, и Царствие ему Небесное.

Вы пишете, что оставшиеся 100 руб[лей] сереб[ром], думаете вы, что отдала я Рожанскому³. Нет, почтенная, добрейшая Вера Алексеевна, я из этих денег отдала мальчику Ванюшке, который три года служил у покойного Ар[тамона] З[ахаровича], 140 руб[лей] да Борисову отдала 50 руб[лей] сер[ебром], еще ему следует до 300 ассигнациями – было всего до 1500. Этот человек, что вырабатывал трудами своими, все отдавал на сохранение почтенному, благотворительному товарищу своему Ар[тамону] З[ахаровичу], и он по частям выдавал им на расход и записывал. Борисов очень бедный человек, только и живет рисунками своими. Слава Богу, что находятся добрые люди заказывать ему. Об нем могут рассказать вам г[оспо]да, знакомые покойному Ар[тамону] З[ахаровичу], а также и об отношении их с Борисовым, у которого брат помешанный, требующий попечения. Молодые эти господа знают положение Борисова, особливо m-г Балычев⁴, который для себя сделал много заказов рисунков здешних птиц и флоры.

Правда, что Рожанский и болен, и недостаточен, но у него есть капиталец, состоящий из 20 или 30 тысяч, в его болезни мог бы он себе позволить взять деньги. Не мое дело об этом рассуждать, я бы охотно готова и ему сделать удовлетворение, если бы только могла. Но о сию пору я едва сама могу кое-как при моих лишениях прожить по здешней дороговизне. А как только представится мне случай, то отдам за Ар[тамона] З[ахаровича] деньги Рожанскому.

Часы стенные у меня находятся, хотя и желал Ар[тамон] З[ахарович], чтобы я оставила их у себя, но я за них внесла деньги 200 руб. Они заплачены 180. Кроме того, от Ар[тамона] З[ахаровича] требовала здешняя почтовая контора карандас, который он взялся им доставить. Я отдала свой, стоящий мне 350 р[ублей]. А покойного все экипажи продали эти господа и лошадей также.

Вот вам подробности, почему стенные часы у меня. Еще я должна внести 200 р. за Ар[тамона] З[ахаровича] одному человеку за то, что кормил бедного больного сумасшедшего в больнице и поил его чаем. Ар[тамон] З[ахарович] года три аккуратно платил за него по 50 руб[лей] в месяц. Покойный много делал добра ближним. Сколько богомоллов оставил по себе. Теперь крупные долги. Лавочки остались все неуплаченными. Я на себя взяла эти долги покойного да еще 1500 одному Арбузову. На все у меня есть документы, и со временем вам перешлю все. Если вы не заплатите 305 руб[лей] сер[ебром] Корсини, как я вас просила, то придется мне же отдать ему здесь, пристаёт к горлу, а я сама свыше сил моих готова все сделать, чтобы успокоить прах

добрейшего Ар[тамона] З[ахаровича], которого я много уважала и много ему обязана за постоянную доброту его и одолжения. Не знаю, дошла ли до вас расписка г[осподи]на Баснина, которую вам отослала в удовлетворении его долга. Остался еще m-г Пиленков из богатых, с остальными, кажется, эти господа сделались. Есть еще часы карманные золотые Ар[тамона] З[ахаровича], которые однажды он хотел послать сыну своему. Помня это, я сохраняю их у себя до случая, чтобы доставить к вам для Алек[андра] Арт[амоновича]. Впрочем, как вам угодно, так исполнено будет. Другие золотые карманные часы, купленные покойным, и при них золотая цепочка, я слышала, отданы г[осподи]ну Белоголовому за долг. Я вам однажды писала, сколько вещей взято г[осподи]ном Мухановым и Сутговым. Еще хранится у меня печатка с гербом вашим, подаренная Леонидом Муравьевым покойному.

Вероятно, вы знаете нового нашего ген[ерал]-губ[ернатора], почтенная, добрейшая Вера Алексеевна. Может, и виделись с Николаем Николаевичем, не мешало бы вам поговорить с ним и поручить разобрать дело о долгах покойного. Премного была бы вам благодарна, если бы вы ему обо мне сказали. Я здесь живу, не знаю почему, поручите меня его покровительству, крайне обяжете, если только вы его знаете и видите с ним. У нас все довольны назначением Ник[олая] Ник[олаевича] Мур[авьева]. Слухи о нем очень хорошие. Слава Богу. Многие жалеют Виль[гельма] Як[овлевича] Руп[ерта], старик он был добрый, и его семейство очень милое. Прощайте, почтенная Вера Алексеевна. От всей души желаю вам всего доброго и спокойствия душевного. Много огорчилась, что вы живете в хлопотах и заботах. Но что делать, мы с вами люди, избранные Господом для страдания на земле. Покоряясь воле его, может, будем счастливы в будущей жизни.

Если Александр Артамонович с вами, возьмите на себя труд поклониться ему от меня.

Всею душою преданная вам Мария Юшневская.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 25–27 об.

Примечания

¹ Имение Муравьевых в Новгородском уезде Новгородской губернии.

² А. В. Пятницкий.

³ Сведений не обнаружено.

⁴ Булычев Иван Демьянович (1813–1877), чиновник департамента Министерства юстиции, член ревизии сенатора И. Н. Толстого.

II

4-го декабря 1847. Иркутск

Письмо ваше, почтенная, добрейшая Вера Алексеевна, от 21 октября получила 30 ноября. Не понимаю, куды мои многие письма девались. Я вам послала чрез одного молодого человека Евгения Осиповича Голенковского 2 ваши портфеля, 2 духовные Ар[тамона] З[ахаровича] и еще какие-то рисуночки детей ваших. Об этом молодом человеке можно узнать у Ив[ана]

Лог[иновича] Медвед[никова], который с ним знаком и, вероятно, выдаются. М-г Голенков[ский] служит в С.-Петербурге. Я просила доставить все это Пелагее Вас[ильевне] Муравьевой в небытность вашу. Другие ваши посылки все еще у меня, трудно было найти верный случай. Просила я г[осподи]на Булычева доставить вам ящичек, но отказался взять. Анд[рея] Вас[ильевича] Пят[ницкого] поджидала, думая, скорее чрез него найду случай, но как теперь едет сюда Ник[олай] Ник[олаевич] Мур[авьев], ему всего будет удобнее переслать к вам все, что у меня хранится. Все, что вы желали, я сберегла, могу сказать, силою, кроме янтарей, ни одного выручить мне не удалось.

Что же делать, если отстранили меня от исполнения воли покойного, жаль только, потому что он много на меня надеялся. Всю свою болезнь говорил со мною о делах своих, умоляя меня исполнить волю его по желанию и распоряжению Ар[тамона] З[ахаровича]. Первый шаг, который сделали эти господа, было отступлением, и все пошло от начала до конца противное воле покойного. Может, я бы еще того хуже распорядилась, Бог знает, по крайней мере, усердие мое было бы велико, а ваш совет был бы для меня великою помощью.

Не вините меня, что Рожанский не удовлетворен, когда все продавали Сутгов и Муханов, Рожанский был каждый день посещаем ими, был их самым близким соседом. Как же они не начали с него, больного, укладу, имея все вещи Ар[тамона] З[ахаровича] у себя, серебро, часы, книги, экипажи, лошади, янтари, все вещи из комнат Ар[тамона] З[ахаровича], из кладовой, судно со всеми лодками, в нем транспорт говядины чужой, его собственной 700 пуд жиру, много что-то, даже до мелочей, несколько бочек клюквы и брусники. Много было припасов разного рода, железных вещей. Я не знаю подробностей этого всего, потому что это все продавалось уже этими господами, и я не могла слова сказать. Была же возможность удовлетворить Рожанского и лавочные долги, как желал Ар[тамон] З[ахарович], чтобы с последних начать. Я много перенесла горя за то, что сама распорядилась 300 р[ублями] с[еребром]. Прислать эти деньги я им не решалась, потому что надо было сколько-нибудь заплатить бедному Прибышевскому. Вы уже знаете, почтенная, добрая Вера Алексеевна, что я ему послала 200, а 100 у меня остающиеся пошли на удовлетворение мальчика Ванюшки, служащего до самой кончины у Ар[тамона] З[ахаровича], у него же была расписка собственноручная покойного. Теперь она у меня, 160 р[ублей] ассиг[нациями] уплачено по ней. Остальные отдала, как я вам уже писала, П[етру] Ив[ановичу] Борисову, которому еще 300 с чем-то надо доплатить ассиг[нациями]. Кажется, я употребила для самых беднейших. Прибышевскому я заплатила остальные 350 руб[лей] сереб[ром] и получила расписку Ар[тамона] З[ахаровича] на 1000 руб[лей] сереб[ром]. Если вы не заплатите г[осподи]ну Корсини, как я просила в прежнем письме, то придется мне внести 305 р[ублей] с[еребром] за то только, что эти господа распорядились, не имея права, когда еще не заплачена вещь. Я могла бы очень отказаться платить, но как по моей просьбе г[осподи]н Корсини купил и выслал токарный станок для Ар[тамона] З[ахаровича], мне совестно было заставлять хлопотать Корсини, тем более что, по его убеждению, он сделал одолжение для Ар[тамона] З[ахаровича]. Теперь еще обещала я внести одному должнику 1500 р[ублей] за покойного. Да один из купцов 1050 умоляет меня принять на

себя уплату. Разными мелочами выдала я более 1000 руб[лей]. Вдруг я не могу уплатить всего, но, взяв на себя уплату, должна же выплатить хоть по срокам. Я всегда буду помнить слова почтенного, доброго Ар[тамона] З[ахаровича]: «Я на вас надеюсь много, благодетельница М[ария] К[азимировна], ваше участие и за гробом успокоит меня». Помогите мне Господи успокоить прах Ар[тамона] З[ахаровича], с моей стороны, я много, много благодарна ему. Как вы уже знаете, добрейшая Вера Алексеевна, в Ар[тамоне] З[ахаровиче] я потеряла последнего человека, который с искренним участием хлопотал у всех, чтобы выручить меня отсюда. Где только мог, говорил и убеждал, что я ничем не заслужила невольного моего пребывания здесь. Дай Бог ему Царствие Небесное. Мужа моего почитал, любил дружеским сердцем, всегда называл его светлым человеком. Без слез никогда не вспоминал имени моего мужа, а когда бывал на его могиле, с особенным чувством молился за упокой души его. Теперь они соседями в земле, как были на сем свете. Успокой Господи прах друзей, которые при жизни своей столько делали добра. Мой добродетельный, кроткий муж был святой жизни человек. Ар[тамон] З[ахарович] имел свои слабости, как, бывало, сам про себя говорит, но сердце у него добрейшее, всегда готовое одолжить каждого.

Жаль, что вы, почтенная, добрая Вера Алексеевна, не видели m-de Руперт. Много бы вам она могла передать об Ар[тамоне] З[ахаровиче] и его кончине. Я очень рада, что Ник[олай] Ник[олаевич] вам близкий родственник, надеюсь, что он захочет видеть меня и разберет все дела покойного вашего Ар[тамона] З[ахаровича], а когда вы чрез него узнаете подробно обо всем, тогда не надо будет вам беспокоить себя разными недоразумениями.

Записку вашу я лично отдала Кар[олине] Кар[ловне], она мне сказала, что написала к вам о делах подробно, как вы желали. И письмо, вероятно, вы получили. Я же как прежде, так и теперь ничего не могу вам передать, кроме того, что сама сделаю, кому уплачу. Более всех радуюсь, что Ник[олай] Ник[олаевич] сам разберет дела Ар[тамона] З[ахаровича]. Тогда все будут спокойны. Вероятно, Ник[олай] Ник[олаевич] найдет средство пересылать к вам письма и тогда, когда будете у сына вашего, которому кланяюсь усердно. Дай Бог ему все доброе. Письмо это я пошлю под адресом П.В. Мур[авьевой], вероятно, вы увидите с нею. Иначе я не знаю, чрез кого бы вам получить, вы же не написали адреса.

Прощайте, почтенная, добрейшая, многоуважаемая Вера Алексеевна, не взыскивайте с меня, что Рожанский не удовлетворен. В свое оправдание я вам сказала о средствах, какие имели для уплаты беднейшим эти господа. Часов стенных я не дам никому и золотых, которые храню для Алек[сандра] Арт[амоновича]. Покойный, умирая, дал в память С.П. Труб[ецкому] любимые его пистолеты из собственных рук своих и мне указал на эти стенные часы и сказал: «Сохраните их у себя, пожалуйста». Во время его болезни он все на них смотрел и радовался, что день прошел, ближе к концу говаривал: «Или умру, или выздоровею». Горькое для меня воспоминание эти часы, но я их сохраняю.

Поручаю себя вашей памяти, всей душой вам преданная М. Юшневская.

12

17-го января 1848. Малая Разводная

Письмо от 12 ноября прошлого года получила, почтенная, добрейшая Вера Алексеевна. Очень горько, что не могла вам тотчас отвечать, недели две пролежала в постели. Сильно простудилась и не на шутку было расхворалась. Теперь еще через силу могу писать, но не хочу откладывать далее моего письма.

Мне очень больно, что вы, добрейшая Вера Алексеевна, недовольны мною, как заметно из двух ваших писем последних. Дому покойного Ар[тамона] З[ахаровича] не могла я не отдать г[осподи]ну Баснину. Это назначение было сделано самим покойным. При том же содержание караульного немало стоило, а все-таки подвергало дом разорению. М-г Голенковский, вероятно, не мог вас найти, потому не представил вам посланных мною портретов и писем моих. Евгений Осипович Голенковский служит в горном соляном департаменте, кажется, помощником г-на контролера. Он постоянно живет в С.-Петербурге. Легко его вам теперь найти, я только сегодня узнала об его пребывании нечаянно. Один из его товарищей был у меня и сказал о нем. Я хотела вам послать расписки покойного Ар[тамона] З[ахаровича], которые я выручила, уплатив деньги должникам покойника. Но как сюда будет Ник[олай] Ник[олаевич] и как вы обещались просить его разобрать и войти в дела покойного, я нахожу лучшим вручить ему и объяснить, сколько выплатила я денег из собственного моего долга Ар[тамону] З[ахаровичу]. На все у меня есть собственноручные расписки, а те, которые их не имеют от покойного, не получают от меня ни гроша. Г[осподи]ну Корсини за станок, которым распорядились безо всякого на то права, внесу деньги, хотя не <одно слово неразб.>, но 305 руб[лей] сер[ебром] не стоят, по моему мнению, чтобы тревожить память добрейшего Ар[тамона] З[ахаровича]. В феврале месяце получит от меня Корсини эти деньги. Что касается до продажи имущества покойного, я не имею никакого дела и отвечать не могу ни за что, потому что меня решительно отстранили эти господа, и я ничего не знаю и ни малейшего понятия не имею, кому и сколько уплачено. Даже и того не знаю, сколько выручено денег за имущество Ар[тамона] З[ахаровича]. Несправедливо, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, вы мною недовольны. Одна я писала вам обо всем подробно, и одна я, можно сказать, более всех страдаю в этом деле, перенеся со всех сторон неприятности, ничем мною не заслуженные. Вы видите, что говорит с вами страдающее сердце, но чистое, безукоризненное. Усердие мое к памяти человека, который, в свою очередь, и мне оказывал участие и разделял по доброте своей мои испытания, любя и почитая покойного мужа моего, всегда будет свято. Я старинного веку, особо помню вечно одолжения. Бог моя опора и защита во всех моих житейских обстоятельствах. Он всевидящ и судья каждому.

Простите меня, почтенная, добрейшая Вера Алексеевна, что я так чисто-сердечно выразилась вам о моем огорчении, ей-Богу больно, что вы выразили свое негодование, а я не чувствую себя виновной пред вами. Люблю и уважаю вас не менее, как покойного вашего мужа по близкому вашему род-

ству с ним. Никогда не изменюсь в моих чувствах, до гроба. Что же делать, если 8 тысяч верст нас разделяют, поневоле можно впасть в недоразумение, которое трудно, невозможно объяснить.

Если бы я была так счастлива еще в моей жизни, что могла бы вернуться в мою родину, повидалась бы с вами и многое передала вам. Господь не допускает свидеться нам, что же делать!

У нас были новые слезы – 7 января скончался Осип Поджио, родственник М.Н. Волк[онской]. Все ее семейство горько о нем плачут. У него остался здесь родной брат, Александр Поджио, Потеря его велика. Он, бедный, тяжело ее переносит. Здоровье его весьма расстроенное, да укрепит его Господь.

В нашем Иркутске много умирают, большей частью нервическою горячкою и ударами. Осип Поджио простудился, и разбил его паралич, удар за ударом, в течение двух суток неимоверно страдал. Удары повторялись сперва чрез несколько часов, наконец чрез 10 минут бесчисленное множество конвульсий били его во все стороны. Господь избрал его для перенесения таких ужасных страданий на сем свете, а может, в будущей жизни спасен будет. Поджио был католик, успел приобщиться и схоронен на католическом кладбище.

Кончу мое письмо, почтенная, добрая Вера Алексеевна, прося вас не иметь дурного впечатления ко мне, прочтя сие письмо. Я вся тут, что у меня на душе, и весь век так прожила. Будьте уверены, помню дружбу и добро. Остальные чувства, наводящие огорчения, скоро у меня проходят, и не вспоминаю о них.

Очень бы желала, чтобы сие письмо застало вас еще в Петербурге, но если оно будет вам переслано за границу, прошу вас поклониться от меня Александру Артамоновичу, желаю ему вместе с вами, почтенная, добрая Вера Алексеевна, всевозможного счастья и утешения душевного, ничем не помрачаемого.

От всей души вам преданная Мария Юшневская.

Все, что у меня хранится для вас и вашего сына после покойного Ар[тамона] З[ахаровича], попрошу Ник[олая] Ник[олаевича] переслать вам. А для меня очень трудно найти случай, живши постоянно в деревне, и мало выдаю даже городских знакомых.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 32–34 об.

13 февраля 1848

Добрейшая Вера Алексеевна, письмо ваше от 7 января получила, и раньше этого посланное с прошедшею почтою дошло до меня. Спешу вам отвечать и сказать все чистосердечно, как думаю, действую. Моя совесть пред вами и всем светом не укорит меня никогда. Начну с того, что вы очень справедливо негодуете на меня, что я, пославши вам портреты с г[осподи]-

ном Голен[ковским], не навернула их на валец. Ев[гений] Ос[ипович] уверил меня, что в сохранности доведет, и не соглашался их иначе брать, как расстеливши их на дне своей вализы¹. Все-таки виновата в этом случае. Простите меня, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна,

Могло легко со мною случиться, что я имя переменяла в письме Пелагее Вас[ильевне], это нередко случается со мною. Часто и в разговоре замечание мне это делают. Не от distraction (рассеянность. – *Е.Д.*) это случается, а от дурной памяти помнить имена. Виновата пред вами еще и тем, что не записала себе, куда г[осподи]н Голен[ковский] назначен был на службу. Может быть, я бы все поаккуратнее исполнила, но он приехал ко мне проститься, когда уже у него все было готово к отъезду. Мне же хотелось послать вам непременно чрез верного человека записки покойного Ар[тамона] З[ахаровича], последнюю из них, я надеюсь, вы мне возвратите, мне хочется сохранить ее как ценный памятник доброты и доверия ко мне Ар[тамона] З[ахаровича]. Прошу вас убедительно, добрейшая Вера Алексеевна, простите меня за все мои ошибки в отношении посылки с Голен[ковским] и за все неприятное, что по моей ошибке перенесли. Мне очень горько, что я столько виновата пред вами.

Корреспонденция ваша и всех родных Ар[тамона] З[ахаровича] хранится у меня. Чистосердечно вам сказать, я боялась поручить ее увезти с обозом, чтобы не затеряли. Едущие все отказывались взять ящик довольно великий. Я не решалась до Анд[рея] В[асильевича] Пят[ницкого] отправлять, а когда он приехал, до того был занят, что упустил время, когда купцы отправлялись. Теперь буду просить Ник[олая] Ник[олаевича], он все скоро к вам перешлет. А мне, ей-Богу, трудно было найти случай. Чрез почту, говорят, такой посылки нельзя посылать. Могли бы разбить ящик, а может быть, другое что-нибудь помешало бы вам в исправности получить оные. Все письма Ар[тамона] З[ахаровича], как у него были в столе и на столе, я уложила и не дотрагивалась до них, кроме отыскала одно, посланное вам К[атериной] З[ахарович], по вашему желанию. Все прочие письма сохранены у меня. Я надеюсь, что вы скоро получите, теперь Ник[олай] Ник[олаевич] позаботится доставить вам. Часы золотые у меня, не достанет духу продать, потому что Ар[тамон] З[ахарович] много раз говорил, что отошлет сыну своему. Я всякое его распоряжение свято исполняю. И исполню, чего еще не исполнила. Ящичек, о котором вы поминаете, едва отыскала и выручила у ксендза, он ему был продан этими господами. Все мелочи забраты были ими, ножницы, ножичков несколько, карандаши, до такой степени все забрали. Книги до того спешили увезти, что две на улице потеряли. Бог им судья. На меня пусть нападают, я этим нимало не огорчаюсь. Пусть что хотят пишут. Я на все отдам отчет самый верный, самый совестливый.

Карандас, который, говорят, потерялся, я свой за Ар[тамона] З[ахаровича] отдала и не думаю, что за него деньги вносили. Вещицы у меня какие остались, не дам в продажу и едва с большими неприятностями удержала у себя. Они и не помнят, эти господа, что именно у меня задержано, обвиняют меня, сами не понимают за что. Две ручки бронзовые, пресс-папье сына

Ар[тамона] З[ахаровича], помнится, Никитушки, у меня, посланы будут вам вместе с перепискою. Ваш маленький портфель зеленый, еще несколько портретов – вот и все, есть крест железный с бронзовым распятием, образ св. Митрофана у меня, Спасителя я ему, покойному, подарила работы моего зятя, в разводнинскую церковь назначила, и еще отдан образ в эту же церковь – шитый (образ) Ек[атериной] З[ахаровной] бисером² во время похорон доброго, почтенного нашего Ар[тамона] З[ахаровича]. Царствие ему Небесное.

Вот вам отчет всему, что у меня хранится из вещей покойного, и не дам ничего из этого продавать, во-первых, потому, что эти безделицы приятно сохранить у себя родным Ар[тамона] З[ахаровича], и потому, что все это до того не ценно, что выручишь сущую безделицу. Есть еще печатка горного хрусталя довольно большая, подаренная Леонидом Мур[авьевым] Ар[тамону] З[ахаровичу] с его гербом, зачем же продавать эту печать, когда она уже вырезана, и пользоваться кому-нибудь чужим гербом. Вот, добрейшая Вера Алексеевна, судите меня, как хотите, я вся тут откровенна и чистосердечна. Вы сами говорите, что имею право владеть стенными часами, и не дам никому их, уверяю вас. Больше еще имеете вы права и ваш сын сохранить что-либо на память от Ар[тамона] З[ахаровича]. Мои отношения к нему были дружеские, а ваши святые.

Вы требуете моего мнения насчет поданного вам счета. Я ничего не понимаю, есть тут какое-то недоразумение, долги вписаны, о которых я никакого понятия не имею и не слыхивала от Ар[тамона] З[ахаровича] об них. Главное, покойник всегда считал до 28 т[ысяч] долгов. Не понимаю, как так много набралось. Вероятно, господа распорядители верили на слово. Мое мнение еще скажу вам: надо было оценить все вещи и начать с уплаты лавочникам, как было назначено в записке Ар[тамона] З[ахаровича], не распорядиться также одним, отстранив меня совершенно от этого дела. Я много могла бы сообщить им словесных распоряжений покойного, кроме того, не имели они права решать дела ранее шести недель по кончине Ар[тамона] З[ахаровича]. Могли бы вас спросить совета, означив дела как они есть, в каком состоянии и какие средства находят к уплате долгов. Кто же оценил все проданное? Может, купцы бы взяли по той цене, по какой у них куплено. Еще мое мнение и каждого такое же: не платить иначе как по расписке собственноручной покойного и по тому, что было заплачено Ар[тамоном] З[ахаровичем] самим. У нас потому и несогласие пошло, что, по моему мнению, не хотели поступать, а спешить старались окончательно действовать. Все-таки скажу, может, и ошибаюсь, не отстранили бы меня ото всего, лучше бы все было. И довольны бы были все кредиторы, как сами теперь говорят. Если я избрала посредника, не будучи в силах поладить с г[осподи]ном Сутго[фом], это еще не значит, чтобы действовать, совершенно удаливши меня. Покойный Ар[тамон] З[ахарович] имел на меня великую надежду, когда с такою доверчивостью умолял меня заняться его делами по кончине его. Не знаю, находите ли вы, почтенная Вера Алексеевна, справедливым все, что высказала вам чистосердечно.

Добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, вы велите быть осторожною. Я, на великое мое несчастье, не умею поступать осторожно. Это мой недостаток, всю мою жизнь была чистосердечною, без всякой оглядки, много перетерпела за это, и все-таки что на душе, то и на языке.

Не знаю почему, Кар[олина] Кар[ловна] спросила у меня третьего дня, получила ли от вас письма. Получа первое, я сказала: «Получила», но подробностей письма не говорила, вчерась снова Кар[олина] Кар[ловна] спрашивает: «Вы еще получили письмо?» – «Получила». – «Что пишет вам В[ера] А[лексеевна]?» – «Ничего особенного, извещает о получении моей посыпочки с портретами». Потом Кат[ерина] Ив[ановна] приехала Тр[убецкая]. Также спросила, не знаю почему, я то же отвечала. Еще двое спросили меня, то же отвечала. Меня очень поразило, что, никогда не спрашивая, вдруг так многие интересуются. Может, это безо всякого умысла, но после вашего замечания быть осторожною я ничего не сказала о получении счета.

Вы говорите, добрейшая Вера Алексеевна, мы бедные женщины, беспокровные и беспомощные, ах, правда ваша, правда великая. Люди нападают на нас, когда более всего нам надо оказывать внимание и участие. Особливо я, бедная старушка, одна-одинешенька в здешнем крае, безо всякой опоры. Но может быть, мы счастливее других, наш покровитель – Отец милосердный Господь. Волею его мы остались на земле страдальцами. Он – наша опора, наш защитник, на него уповать должно и переносить наслание Божие на нас, воля Его святая с нами. Милосердием своим нас не оставит. Я человек верующий, как и вы, добрая Вера Алексеевна, будем молиться и ожидать милости Господни. Да будет воля Его святая над нами во всем.

Деньги Прибышевскому я заплатила 350 руб[лей] сереб[ром], собственные, 200 отдала из тех, которые Ек[атерина] З[ахаровна] позволила мне распорядиться по моему усмотрению. 305 р[ублей] сер[ебром] заплатила Корсини за станок токарный. Великие неприятности кончились со стороны должника. На все это имею расписки на гербовой бумаге, а от Прибышевского собственноручная расписка Ар[тамона] З[ахаровича]. Еще заплатила 1500 за доставленное сало и железо Арб[узову]³, Титову⁴, за Ар[тамона] З[ахаровича] издержек мелких до 1000 руб[лей] разного рода по запискам Ар[тамона] З[ахаровича]. Остальные деньги, еще следуемые от меня, уплачу по времени, не отдавая никакого отчета г[оспода]м Суд[гофу] и Мух[анову]. Не обязана вносить мои счета, когда они отстранили меня, вышла бы одна путаница из этого. Мои уплаты по распискам и документам совершаются. Я отдам отчет сама вам или кому поручено будет. Ар[тамону] З[ахаровичу] многие еще должны, документы забраны этими господами, чтобы взыскать, не знаю, получены ли эти деньги. С будущей почтой пришлю вам счет, сколько вспомню, вещам Ар[тамона] З[ахаровича], взятым г[оспода]ми распорядителями. Теперь не могу более писать. Всею душою вам навсегда преданная М. Юшневская.

Забыла вам сказать, что я обещала взять на себя долг Синицына⁵, денег ему еще не могла отдать. Дом точно за 50 р[ублей] с[еребром] на лето отдавала Ар[тамона] З[ахаровича].

От г[осподи]на Без[образова] не получил Ар[тамон] З[ахарович] денег обещанных 21 т[ысячу], но М[ихаил] А[лександрович], вероятно, выручит эти деньги от кого следует, эта сделка была при мне, и Пиленков знает.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 35

Примечания

¹ Вализа (от фр. *valise postale* – «почтовый мешок»), единица багажа, дипломатическая почта (сумка, пакет, конверт). Вероятно, Е. О. Голенковский вез в Петербург какие-то официальные документы.

² В 1828 г. А. З. Муравьев получил от сестры вышитую ею икону. Из письма А. Г. Муравьевой: «Он недавно получил образ, который послала ему сестра и который очень хорош» (*Муравьев А. З.* С. 173). В письме от 22 августа 1828 г. Е. З. Канкринна сообщила брату: «Если ты получишь образ моей работы, то попроси мне дать знать. Тут никто, кроме меня одной, бисером не работает» (там же, с. 463).

³ Сведений не обнаружено.

⁴ Возможно, из семьи иркутских купцов Титовых.

⁵ Возможно, из семьи иркутских купцов Синицыных.

14

22 апреля [18]48. [Кяхта]

Добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, я имела удовольствие познакомиться с В. М. Мур[авьевым]¹, действительно молодой человек очень мне понравился, заметны в нем чувства душевные, прекрасные. Я говорила с ним о делах Ар[тамона] З[ахаровича] и убедилась, что В[асилий] М[ихайлович] в память нашего добрейшего, многочтимого Ар[тамона] З[ахаровича] рад бы все сделать, чтобы удостовериться, что прах его никем не потрепается. Но без средства уплатить долги трудно достичь своей цели.

Я крепко надеюсь, что В[асилий] М[ихайлович] с большим участием будет хлопотать, чтобы сделать возможное по делу покойного, дай Бог ему успех. Должно надеяться и уповать на Бога, что в добром деле всегда Господь поможет. Вероятно, В[асилий] М[ихайлович] к вам писал, мне более нечего объяснять вам о делах покойного. Само собою расписки Прибышевского, Корсини, Арбузова и Козьмина² при сем прилагаются. Все придет в известность. Вещи он вам доставит. Они хранились у Ан[дрея] Ва[сильевича] Пят[ницкого]. В[асилий] М[ихайлович] хотел сделать некоторым вещам оценку и все-таки к вам отправить. Я запоздала писать вам, потому что с марта месяца живу в Кяхте. Мои способы не позволяли мне далее оставаться вблизи Иркутска, дороговизна час от часу на все возрастала, и мне надо было перебраться, где подешевле жить, чтобы этим средством избавить себя от новых долгов. В Кяхте климат очень для меня нехорош, что делать, зато я здесь требую менее издержек. Провизия дешева, людей только двое при мне, человек и женщина, да еще ищу достать порядочную кухарку. Помещение и дрова дали мне из гостеприимства знакомые. Чай здесь очень дешевый, а сахар-рафинад 100 р[ублей] ас[сигнациями] пуд. Что же делать, временно помочь себе можно леденцом китайским, покуда не будет дешевле сахар

или мои способы улучшаться. В[асилий] М[ихайлович] был в Кяхте³, здесь виделся со мною. Я не могла ранее ничего вам сказать, покуда не увиделась с добрым В[асилием] М[ихайловичем]. Не знаю, застанет ли вас мое письмо, почтенная, добрейшая Вера Алексеевна, в Петербурге, на всякий случай пишу вам. Если же вы не поедете почему-нибудь за границу, адресуйте письма ваши в Кяхту на мое имя. Получу исправно.

Когда будете писать Алек[сандру] Ар[тамоновичу], прошу вас поклониться усердно ему от меня. Я очень уважаю Ал[ександра] Арт[амоновича], о нем общие похвалы слышу. Буду ожидать письма от вас и из Иркутска от В[асилия] М[ихайловича]. Если будет что-нибудь нового по делам покойного, вас извещу.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 40–40 б.

Примечания

¹ Муравьев Василий Михайлович (1824–1849), родственник и адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева.

² Сведений не обнаружено.

³ В. М. Муравьев был в 1848 г. командирован в Кяхту «для негласного... исследования всех изворотов нашей торговли с китайцами» (*Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века. Новосибирск, 2002. С. 126).

15

30 сентября 1848. Кяхта

Почтенная и добрая Вера Алексеевна, письмо ваше давно получила с приложением записки г[оспо]д Мух[анова] и Суд[гофа], не могла вам тотчас отвечать, потому что письмо ваше застало меня больною, и теперь еще едва могу писать, но не хочется отлагать далее моего ответа.

2 кольца, часы и образа были у меня, вам отослала кольца и образа, остальные образа находятся у Му[равьева] В[асилия] М[ихайловича], часы золотые, печати, портреты и вся ваша переписка и родных Ар[тамона] З[ахаровича], не помню уже, какие еще вещи. Я надеюсь, что В[асилий] М[ихайлович] писал вам об этом. Что касается того, что говорит г[осподи]н Муханов, будто не могут отдать вам отчета, покуда я не предоставлю счета, кому я заплатила, несправедливо. Им должно отдать отчет из тех вещей, которые они продали после Ар[тамона] З[ахаровича], как то: экипажи, судно с лодками и всеми принадлежностями, янтари, серебро и проч., а я совсем отдельная статья. Не мешалась в их распоряжения, за себя отдала самый справедливый добросовестный отчет, на что у меня хранятся расписки тех лиц, которые получили деньги или вырученные мною расписки собственноручные Ар[тамона] З[ахаровича], а именно:

Товарищу Ар[тамона] З[ахаровича] – Борисову – ассигн[ациями] 312 р.

За постройку памятника, чугу[n]ных вещей и других похоронных расходов – 838.

Мальчику Ванюшке по расписке Ар[тамона] З[ахаровича] – 130.

Арбузову за взятое Ар[тамоном] З[ахаровичем] сало, кожи и пр. – 1500.

Прибышевскому отдала – 1225.

Корсини за станок – 1067.

Синицына долг взяла на себя – 1050.

Милюеру¹ и кондитеру за Ар[тамона] З[ахаровича] – 79.

Всего 6201.

Деньги, полученные 300 руб[лей] сереб[ром], исключительно отданы 200 Прибышевскому, 100 в разные руки. Они не входят в мой счет, который вам написала.

Нуждаясь во необходимом, я не могла более внести за Ар[тамона] З[ахаровича], но могу вас уверить, что буду стараться сделать все, что по моим силам, чтобы успокоить прах человека, которого я уважала и который много надеялся на мое усердие и его участие к его делам.

При сем возвращаю записку долгов Ар[тамона] З[ахаровича], сделанную г[осподино]м Мух[ановым], а Сутгова, вероятно, вы видели, он послан на Кавказ и, верно, виделся с матерью своей в Петербурге. Я потеряла адрес к Пеллагее Вас[ильевне] Му[равьевой] и это письмо отсылаю к Кар[олине] Кар[ловне].

Был [должен] некто Вирчинский² 400 руб[лей] ассигн[ациями], которые деньги взысканы и внесены в экспедицию ссыльных. Я вам уже давно писала о том, что никто из находящихся в России родственников не имеет права наследовать после смерти наших господ, и что остается после них, если здесь нет никого из родных, поступает в экспедицию о ссыльных. Я что могла сделала, чтобы сберечь на уплату долгов. И что по моим силам, хоть понемногу буду еще вносить, покуда буду иметь возможность. Если бы в эти два года вносили то, что получал покойный Ар[тамон] З[ахарович], способы от сестры своей и других родных, немного бы осталось доплачивать. Но видно, что это невозможно, если этого не делается. И я убеждена, что в могиле бедный Ар[тамон] З[ахарович] соболезнует об этом. Вы меня простите, добрая Вера Алексеевна, что я так чистосердечно говорю с вами. Но что же мне делать? Письмо ваше написано в таком тоне, будто я виновата всему, что не уплачиваются долги. Где же я возьму более, чем искреннее участие заставляет меня делать. Чтобы окончить все дела, вам надо списаться с В[асилием] М[ихайловичем] и что можно, хотя понемногу, присылать на уплату. Если хотите успокоить прах Ар[тамона] З[ахаровича], который вас любил до последней минуты, и сестру свою также, пусть сын Ар[тамона] З[ахаровича] ходатайствует об долгах отца, может, скорее тетюшка его умилюстит. Без этого не могу придумать, как пособить делу.

Ради Бога, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, не сердитесь на меня за мое чистосердечие. Я человек Боголюбящий, старушка, готовящаяся к будущей жизни, по совести говорю и поступаю. Больно мне будет, если вы огорчитесь против меня. И заранее прошу вашего прощения за все сказанное.

Преданная вам душою Марья Юшневская.

Примечания

¹ Мильер, француз, парикмахер в Иркутске.

² Возможно, речь идет о Юзефе Верчиньском (1783/85–1849), польском политическом ссыльном, возвращенном в 1843 г. на Волынь.

16

23 июня 1849. Кяхта

Сейчас принесли мне ваше письмо, уважаемая Вера Алексеевна, и тотчас спешу отвечать вам на него. Живу я все еще в Кяхте, и, может быть, придется пожить еще несколько месяцев. Потом думаю возвратиться в Малую Разводную, если Бог позволит. Правда, давно я не писала к вам и не получала от вас писем. Была больна, потом переменила квартиру, снова у меня разболелся левый глаз, и о сию пору не могу ничем заниматься, тотчас делается боль в глазу.

В марте месяце чрез Сергея Петровича Труб[ецкого] внесла я 300 руб[лей] сереб[ром] в уплату одного не терпящего долга покойного Ар[тамона] З[ахаровича], а всего с лишком 6000 заплатила, все документы передала к Сергею Петр[овичу] Труб[ецкому], которым людям отдала деньги за долг покойного вашего мужа. В.М. Мур[авьеву] не можно было заняться по этим делам, большею частью был болен, жил на горячих водах и, наконец, неожиданно умер. В молодости своей он умел приобрести людей, которые его ценили и искренно его любили.

Теперь у меня нету никаких бумаг, ни документов по долгам Ар[тамона] З[ахаровича], я надеюсь, что Сергей Петрович Труб[ецкой] известил вас об этом. Вещи, какие еще у меня хранились, переданы были покойному В.М. Мурав[ьеву]. Я очень рада, что наша переписка ничего неприятного заключать в себе не будет. Конечно, человек уважительный, добрейший, С.П. Труб[ецкой] усердно займется делами товарища, которого очень любил, и всегда их отношения были дружеские.

Если я когда-нибудь и выразилась в моих письмах откровенно и чисто-сердечно, простите меня, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, тем более что меня увлекало одно чувство – успокоить прах доброго, уважаемого Ар[тамона] З[ахаровича], который постоянное оказывал участие в моем несчастье и испытании. Ценил моего мужа достоинства и вспоминал о нем с чувством глубокого уважения. Я этого никогда не забуду доброму Ар[тамону] З[ахаровичу].

Если вздумаете писать ко мне, добрейшая Вера Алексеевна, пишите в Кяхту на мое имя. В иркутском почтамте известно, куда посылать мои письма, но все-таки замедляет получение, если не прямо идут письма.

Примите лучшие желания всего вам доброго, спокойствия душевного и всего, что сами себе желаете. Поручаю себя вашей памяти и дружескому расположению, уважающая вас и преданная Мария Юшневская.

На письме вашем не было числа назначено.

Вероятно, вы уже знаете, что Кар[олина] Кар[ловна] Кузьмина скончалась в конце мая. Все мы жалеем об этой потере для института.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 43–44 об.

12 генваря 1849. Кяхта

Почтенная, добрейшая Вера Алексеевна! Благодарю вас от всего сердца за доброе письмо ваше от 7 ноября, полученное мною две недели тому назад чрез Ив[ана] С[ергеевича] Персина. Простите меня, что не тотчас отвечала вам. Я получила известие о кончине моей матушки и до сих пор не могу успокоиться от нового, очень для меня тяжкого испытания. Все дожидалась нетерпеливо возможности уехать к ней и принять ее благословение, но, к несчастью, не получив разрешения на мой выезд из Сибири, я лишена этого счастья. Воля Господняя свята для меня, покоряюсь ей и молю Бога о милосердии для меня на будущее время.

Если можно, добрейшая, почтенная Вера Алексеевна, скажите мне, где ваш добрый Александр Артам[онович] теперь живет, из письма вашего заметно, что он остался за границую. Принимая всегда самое живое участие ко всему семейству вашему, мне было бы грустно, если бы вы меня считали чужою или постороннею в этом отношении. Вам угодно знать о г[осподи]не Рожанском, уже несколько месяцев прошло, как он умер. Это был страдалец на земле, у него был рак на щеке, и он лишился глазу, и наконец Господь сжалился над ним. Письмо это я пошлю Ив[ану] Сергеевичу Персину для отсылки к вам, не зная адреса. Может быть, вернее дойдет мое письмо этим путем.

Вы меня извините, почтенная, добрейшая Вера Алексеевна, если нечетко написала к вам, у меня очень болит рука. Я простудила ее, сидя под окошком, и не могу хорошо владеть уже несколько дней. Надеюсь, со временем пройдет.

Будьте уверены, добрейшая Вера Алексеевна, что я и остальные 655 р[ублей] постараюсь внести поскорее. Самой мне будет легче на душе, когда расплачусь вообще с моими долгами, а этот долг для меня святее всех других.

Я все еще живу в Кяхте и думаю, что проживу еще год, здесь дешевле стоит содержание, и, кроме того, имею случай помочь себе немного моими трудами: то учу рукоделью, то сама рукодельничаю, и этим средством могу более отделять моих денег на уплату долгов. Посвятив себя на то, чтобы скорее устроить несчастные дела свои долговые, готова переносить лишения, невзгоды, что Бог пошлет, только бы скорее успокоить себя на будущее время, если еще поживу. Пожелав вам счастья, доброго здоровья и всего хорошего, навсегда останусь, почтенная, добрейшая Вера Алексеевна, от души преданная вам М. Юшневская.

*В. А. Муравьева – М. К. Юшневской*1850 г.¹

Давно, очень давно не имела я никакого известия от вас, добрая и почтенная М[ария] К[азимировна], и не знаю вовсе, где вы находитесь – в Кяхте или Иркутске. Представляется верная оказия, которой и решаюсь воспользоваться. Хотя мы и не знаем друг друга лично, но обстоятельства не только познакомили нас, но и сроднили; более того, еще доказательства дружбы вашей к покойному Ар[тамону] З[ахаровичу] поселили в сердце моем навсегда чувство истинной признательности.

Нередко вспоминаю я о вас и, конечно, не дожидаясь писем ваших, осведомилась бы о вас, если бы голова и душа моя не были в непрерывном отягощении от труднейших обстоятельств; наконец, и силы, и здоровье упадают с годами, и так, что недостает первых на устройство насущных дел. И вот в этих тяжких переворотах нахожусь я вот скоро 10 лет (следствие причин неизвестных вам, я думаю). По чувствам христианства должно принимать все – и трудности жизни, и печали, и болезни, словом, все, как испытание, свыше на нас наложенное, но по-человечески они действуют на нас и истощают и силы, и способности, и эти действия я сильно ощущаю на себе.

Сердечно соболезновала я, узнав из последнего письма вашего, что прекратилась жизнь матушки вашей, и глубоко почувствовала горесть вашу в невозможности принять последнее благословение ее.

Желала бы знать, где находится теперь дочь ваша, есть ли у нее дети и имеете ли других родных в России?

Разделяя во многих отношениях участь вашу, все, что касается до вас, мне интересно знать.

Благодарю вас за желание знать о моем сыне. Он возвратился наконец из-за границы и теперь со мною. Будущность в руках Божиих, но в настоящую минуту утешаюсь и благодарю Создателя, что мы вместе.

Если бы я знала наверное, что вы возвратились в Иркутск, то просила бы вас повидаться с родственником моим, туда на службу поступившим, – Александром Илларионовичем Бибиковым². Я убедительно просила его заняться делами Ар[тамона] З[ахаровича]. Он в октябре должен был доехать в Иркутск, но по сие время я не имею от него писем. Все, что можно только делать: просить, умолять, – я непрестанно это исполняю при всяком случае, но со всем этим дела не подвигаются, и страдание мое продолжается, почему и решаюсь снова прибегнуть к вам и чрез вас умолять всех тех, кто может иметь содействие в этом деле, общими силами достигнуть желаемого от Пилленкова. При отъезде г[осподи]на Персина тому 3 года я писала чрез него к князьям Трубецкому и Волконскому и снова умоляла не терять из виду цели нашей. Теперь не смею и совещусь беспокоить их писанием и чрез вас возобновляю мои просьбы. Вас же прошу убедительно повидаться с А.И. Бибиковым, может быть, он и скажет вам что нового.

На всякий случай прилагаю здесь тот самый счет, который вам давно сообщила, прибавив тут уплаты, вами сделанные.

Вы немало подивились, добрая М[ария] К[азимировна], когда узнали, что вместо 28 т[ысяч], о коих Ар[тамон] З[ахарович] говорил вам, оказалось более 40 т[ысяч] долгу, а теперь, оказывается, и сверх присланного мне счета от гг. Сутгофа и Муханова по распискам вашим уплачено более. Для ясности я поручила это приписать на обороте счета. Если вы имеете какие-нибудь данные, чтобы пояснить мои недоразумения, примите труд мне написать оные, ради Бога, не откажите.

Есть еще долг в Красноярске до 5000 руб[лей] асс[игнациями]. Если б достигли склонить Пиленкова передать мне или сыну моему права, то 21 т[ысячи] достаточно для совершенной оплаты всем.

Бог ведает, как эти долги тяготят меня, и тоже ведает, что, уплачивая здесь, я не имею никакой возможности удовлетворить всех.

С покойным Вас[илием] М[ихайловичем] Муравьевым посланы были бумаги руки Ар[тамона] З[ахаровича] (вами мне доставленные) для передачи князьям Волконскому и Трубецкому, как документы. Сделайте милость, поведайтесь, где они, и уведоьте меня. Спешу окончить в ожидании г. Вицко-го³, который так добр, что обещал мне писать, что узнает о делах, столь сильно меня интересующих. Прощайте, добрая М[ария] К[азимировна], верьте моей истинной преданности. Вера Муравьева.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 687. Л. 100–103

Примечания

¹ Дата определена М. В. Муравьевым. Правильнее было бы поставить дату не ранее 1851 г., так как А. И. Бибиков был направлен в Восточную Сибирь в 1851 г.

² А. И. Бибиков (1826–1889), племянник декабриста М. И. Муравьева-Апостола, в 1851–1854 гг. чиновник по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири.

³ Лицо, о котором идет речь, не установлено.

Декабристоведение: историко-краеведческие исследования

К.Е. Кузьмин

Дипломат Михаил Волконский (служебная деятельность сына декабриста в 1849–1856 гг.)

Аннотация. Статья посвящена дипломатической деятельности М. С. Волконского, сына декабриста С. Г. Волконского и в 1849–1856 гг. чиновника Главного управления Восточной Сибири. Рассмотрены основные эпизоды, относящиеся к внешнеполитической работе Михаила Сергеевича, с опорой на официальные документы, эпистолярное наследие декабристов и современников Волконского этого периода, а также на работы исследователей по данной теме. Статья позволяет познакомиться с важным этапом в жизни М. С. Волконского, который стал временем становления сына декабриста как чиновника и дипломата.

Ключевые слова: декабристоведение; М. С. Волконский; Н. Н. Муравьев-Амурский; Главное управление Восточной Сибири; Крымская война.

K. E. Kuzmin

The diplomat Mikhail Volkonsky (duty activity of the Decembrist's son in 1849–1856)

Abstract. This article is devoted to the diplomatic activity of M.S. Volkonsky, the son of the Decembrist S.G. Volkonsky and, in 1849–1856, an official of the Main Directorate of Eastern Siberia. The study examines the main episodes related to the foreign policy work of Mikhail Sergeevich, based on official documents, the epistolary legacy of the Decembrists and Volkonsky's contemporaries of this period, the work of researchers on this topic. This article allows you to get acquainted with an important stage in the life of M.S. Volkonsky, which became the time of the formation of the son of the Decembrist as an official and diplomat.

Keywords: Decembrist Studies; M. S. Volkonsky; N.N. Muravyov-Amursky; The Main Directorate of Eastern Siberia; the Crimean War.

Одной из отличительных черт современного декабристоведения является попытка многих исследователей переориентировать свою работу в сторону большей персонализации декабристов. Все чаще изучаются житейские, бытовые, повседневные подробности жизни декабристов на каторге и поселении.

Многие исследователи стараются показать декабристов как обычных людей со своими жизненными трудностями, привычками, положительными и

Кузьмин Кирилл Евгеньевич – младший научный сотрудник, Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, Иркутск, Россия.

Kuzmin Kirill E. – junior researcher, Irkutsk regional historical and memorial Museum of the Decembrists, Irkutsk, Russia. E-mail: kirillkuzmin97@yandex.ru

отрицательными сторонами. Seriously способствует этому процессу изучение биографий детей декабристов, которое входит в отдельную сферу декабриствоведения.

Исследователи нередко обращались к изучению жизни детей декабристов, однако зачастую это происходило в контексте работы с биографиями самих декабристов, из-за чего сведения о детях и их судьбах оказывались лишь дополняющими жизнеописания их родителей. Одним из таких потомков, биография которого не имеет самостоятельного и полного изложения, является сын декабриста С.Г. Волконского Михаил (1832–1909).

Жизнь М.С. Волконского, родившегося в 1832 г. в Петровском Заводе, оказалась не менее насыщенной событиями, чем биографии его знаменитых родителей. Любимец декабристов, Миша был воспитанником и учеником многих из них. В 1846 г. он был принят в Иркутскую мужскую гимназию сразу в пятый класс, а в 1849 г. окончил учебное заведение с золотой медалью. В том же году Михаил попал на службу к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву, будущему графу Амурскому. Эта служба, насыщенная разнообразными важными поручениями административного и дипломатического характера, участием в решении ключевых для государства вопросов, связанных с Дальним Востоком, продолжалась до 1856 г., когда Волконский получил дворянство и был переведен в Канцелярию Кавказского и Сибирского комитетов¹. Незадолго до этого Михаил Сергеевич стал курьером, привезшим в Сибирь из Петербурга высочайший манифест об амнистии декабристов.

На Кавказе Волконский также исполнял немало ответственных поручений. Вскоре сын декабриста был переведен в Петербург, где закрепился как чиновник. Он участвовал в проведении судебной реформы, на рубеже 1870–1880-х гг. трудился в сфере образования, став в 1882 г. товарищем министра народного просвещения. В 1896 г. Волконский был назначен членом Государственного совета.

Особое место в биографии М.С. Волконского занимает период его службы в Главном управлении Восточной Сибири в 1849–1856 гг., когда происходило его профессиональное и личностное становление. В эти годы Михаил, помимо деятельности по освоению дальневосточных земель и ревизии результатов этого процесса, неоднократно становился исполнителем дипломатических поручений, связанных с международными процессами, происходившими тогда на Дальнем Востоке. Дипломатическая деятельность М.С. Волконского представляет особый интерес, потому как вписывает его имя в события международного масштаба и государственной важности, определившие закрепление России на дальневосточных рубежах. Несмотря на это, данное направление службы сына декабриста практически не изучено как отдельная тема, имеются лишь упоминания в различных работах, посвященных либо самому Волконскому, либо Муравьеву-Амурскому, либо истории освоения дальневосточного региона.

Пожалуй, впервые о дипломатической деятельности Волконского было упомянуто в биографическом труде выдающегося специалиста по истории

¹ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 17 об.

русского Дальнего Востока и Сибири И.П. Барсукова, посвященном графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому². В этой книге подробно освещается сибирский период службы Николая Николаевича. В ней не раз упоминается имя Михаила Волконского и рассказывается о некоторых данных ему поручениях, в частности дипломатического характера. К слову, большое количество информации было получено Барсуковым от самого Волконского. В дальнейшем интересующие нас эпизоды жизни сына декабриста, касающиеся дипломатической сферы, упоминались в основном в биографических справках. В 1975 г. известный историк, монголовед и декабристолог Е.М. Даревская опубликовала статью, в которой, в частности, рассказала о поездке Михаила с дипломатической миссией в Ургу в январе 1856 г.³ В научно-популярном очерке «Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия» этого же автора есть несколько упоминаний о поездках Волконского за границу: «Сын С.Г. Волконского Михаил <...> служил чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири графе Н.Н. Муравьеве-Амурском, из своих служебных поездок по Сибири и Монголии привозил китайские гостинцы»⁴.

В последние десятилетия XX и в начале XXI в. исследователи неоднократно обращались к биографии М.С. Волконского, кратко упоминая об исполнении им дипломатических поручений в 1849–1856 гг. Об этом более или менее подробно упоминают известные историки и декабристологи Н.В. Зейфман, Е.И. Матханова, Н.П. Матханова, Н.Ф. Караш и др. Чуть более подробный обзор данной деятельности Михаила сделала А.В. Маланова, консультант по формированию архива администрации Ольхонского района Иркутской области. Она обратила особое внимание на работу дипломатических структур Главного управления Восточной Сибири, рассказала о деятельности многих сотрудников Муравьева, в том числе М.С. Волконского⁵.

Немногим больше информации о дипломатической деятельности Михаила Сергеевича содержится в документах того времени, и, прежде всего, в его служебном формуляре. Официальное название документа – «Формулярный список о службе состоящего при Государственной Канцелярии егермейстера двора его императорского величества тайного советника князя Михаила Волконского»⁶. По этому документу можно восстановить хронологию служебной деятельности Волконского. Также в качестве источника может быть использован дневник Михаила за 1852 г. В нем он, в частности, упоминает о

² Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам : материалы для биографии. М., 1891 (далее: *Барсуков*).

³ Даревская Е.М. Декабристы в Забайкалье и соседние страны // Памяти декабристов. К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975. С. 191–193.

⁴ Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия. Иркутск, 2007. С. 53.

⁵ Маланова А.В. Окружение Н.Н. Муравьева в годы решения Амурского вопроса (1848–1861) // Вестник ИрГТУ. Иркутск, 2014. № 4 (87). С. 269–274.

⁶ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16.

своей поездке за китайскую границу: «Возле кровати разостлана медвежья шкура – воспоминанье ургинской поездки»⁷.

Кроме того, сведения, прямо или косвенно касающиеся темы исследования, содержатся в письмах декабристов, живших в Сибири. Так, о поездках Михаила или о деятельности Н.Н. Муравьева в целом упоминают отец Михаила С.Г. Волконский, С.П. Трубецкой, Г.С. Батеньков, И.И. Пущин, И.Д. Якушкин, В.И. Штейнгейль. Также нельзя не отметить такой ценный источник, как дневник польского ссыльного Юлиана Сабиньского, который был одним из воспитателей малолетнего Михаила⁸.

Отрывочные данные о деятельности Михаила Сергеевича содержатся в воспоминаниях современников Волконского – Н.А. Белоголового, Б.В. Струве и А.М. Линдена⁹. В сборнике «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников» опубликован фрагмент дневника самого Волконского от 1852 г., а также воспоминание Ю.Г. Григорьева «Аян. 22 октября 1855 года», касающееся нашей темы¹⁰.

Внешняя политика является одной из важнейших сфер деятельности государства, решающей вопросы самого его существования, поэтому дипломатия как инструмент реализации внешнеполитических интересов страны всегда занимала особое место в системе государственного управления.

Ввиду обширности территории Российской империи вопросы отношений с сопредельными странами нередко решались на местах генерал-губернаторами. Одним из примеров подобной ситуации, безусловно, является деятельность Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, в частности Н.Н. Муравьева-Амурского. Так, А.В. Маланова подробно пишет о том, что пограничные вопросы и вопросы торговли с Цинской империей и монгольскими автономными образованиями внутри нее занимали особое место в деятельности администрации Восточной Сибири¹¹. С приходом в 1848 г. Н.Н. Муравьева работа с этими проблемами серьезно активизировалась, о чем говорит образование в начале 1850-х гг. дипломатической канцелярии внутри Главного управления Восточной Сибири¹². Генерал-губернатор осознавал важность возглавляемой им территории для реализации национальных интересов Российской империи на Дальнем Востоке, для чего ему понадобились молодые образованные люди, способные содействовать ему в решении важнейших дипломатических вопросов. Одним из таких сподвижников и стал Михаил Сергеевич Волконский.

⁷ *Афанасьева А.О.* Эпизод из жизни чиновника (по дневниковым записям и письмам М.С. Волконского) // *Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов.* Иркутск, 2020. Вып. 5. С. 174.

⁸ *Сабиньский Ю.-Г.* Сибирский дневник: в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2.

⁹ *Белоголовый Н.А.* Из воспоминаний сибиряка о декабристах // ...В потомках ваше племя оживет... Иркутск, 1986. С. 9–61; *Струве Б.В.* Декабристы и их семейства // Там же. С. 89–96; *Линден А.М.* Записки // Там же. С. 106–110.

¹⁰ *Волконский М.С.* Начало дневника моего в 1852 году // *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников.* Новосибирск, 1998. С. 83; *Григорьев Ю.Г.* Аян. 22 октября 1855 года // Там же. С. 147–152.

¹¹ *Маланова А.В.* Окружение Н.Н. Муравьева в годы решения Амурского вопроса... С. 270.

¹² Там же.

Как известно, М.С. Волконский в 1849 г. поступил на службу в Главное управление Восточной Сибири. В «Формулярном списке» оставлена соответствующая запись, датируемая 30 ноября 1849 г.¹³ Это событие, по всей видимости, стало весьма неординарным для современников, ведь о нем в своих письмах, дневниках и воспоминаниях упоминают не только декабристы (например, И.И. Пущин в письме к М.И. Муравьеву-Апостолу от 17 октября 1849 г. замечает: «Миша получил разрешение вступить на службу при г[енерал-]губернаторе»¹⁴), но и другие современники.

31 июля 1849 г. Юлиан Сабиньский записал в дневнике: «Был у меня сын Волконских, чтобы попрощаться. Недавно закончив учебу в гимназии, он хочет воспользоваться свободой, чтобы съездить за Байкал в разные места. Там он пробудет с месяц, а после возвращения его примут в канцелярию Муравьева»¹⁵. А в записи от 31 октября он уже фиксирует следующий эпизод: «Сегодня мой первый урок французской литературы у Волконских с обоими детьми. Сын уже приступил к своим новым обязанностям в управлении Муравьева <...>. Я перенес прежние утренние уроки на вторую половину дня по причине того, что господин чиновник-ученик с утра должен работать в управлении»¹⁶. Интересно, что Сабиньский в этой же записи отмечает, что принятие сына декабриста на службу в Главное управление состоялось при участии тогдашнего шефа жандармов А.Ф. Орлова, родственника М.Н. Волконской. Об этом же пишет Б.В. Струве, уже служивший в то время чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве. Он упоминает, что «тогдашний шеф жандармов и главноуправляющий III Отделением собственной его величества канцелярии граф Орлов отнесся к генерал-губернатору письмом, которым просил его обратить особенное внимание на этого молодого человека, чтобы занять его деятельною службою под ближайшим его надзором»¹⁷. Момент принятия М.С. Волконского Муравьевым на службу упомянут также в мемуарном очерке Н.А. Белоголового: «Между тем и дети декабристов уже выросли и были пристроены: Мишель кончил курс в Иркутской гимназии, и Муравьев тотчас же принял его к себе в чиновники особых поручений»¹⁸.

Данному моменту в работе уделено особое внимание потому, что именно это событие и предопределило всю будущую жизнь и карьеру Михаила, а также обусловило его неоднократное участие в различных дипломатических миссиях и международных делах, равно как и практически всех тогдашних сподвижников генерал-губернатора Муравьева.

За весь период службы Михаила в Главном управлении Восточной Сибири в «Формулярном списке» зафиксированы две его дипломатические поездки в Китай (в декабре 1851 – январе 1852 гг. и в январе 1856 г.)¹⁹. И.П. Барсу-

¹³ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 1 об.

¹⁴ Пущин И.И. Сочинения и письма : в 2 т. Т. 1. Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. М., 1999. С. 410.

¹⁵ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник. Т. 2. С. 663.

¹⁶ Там же. С. 680.

¹⁷ Струве Б.В. Декабристы и их семейства. С. 93.

¹⁸ Белоголовый Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах. С. 48–49.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 4 об.–5 об., 14 об.–15 об.

ков также упоминает поручение дипломатического характера, которое было дано Волконскому генерал-губернатором во время ревизионной поездки Михаила по Якутско-Аянскому тракту в апреле–августе 1854 г.²⁰ Также стоит отметить, что в октябре 1855 г. Михаил вместе с другими подчиненными Муравьева был с ним в Охотском море во время нападения англо-французских сил на восточные порты России, которое имело характер международного события²¹.

Что касается самой первой поездки Волконского в Китай, то в «Формулярном списке» значится следующая запись: «По распоряжению кяхтинского градоначальника и с разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири был командирован за китайскую границу к ургинским правителям с листом, посланным из министерства иностранных дел в Пекинский трибунал внешних сношений; в командировке сей находился с 21 декабря 1851 г. по 15 января 1852 г.»²² Это поручение, данное 19-летнему Михаилу Н.Р. Ребиндером и Н.Н. Муравьевым, было очень ответственным, особенно в то время, когда восточные рубежи все чаще стали привлекать внимание и русского правительства, и самого генерал-губернатора Восточной Сибири.

Примерно тогда же, когда состоялась первая поездка Волконского по дипломатическому поручению, т. е. в начале 1852 г., Муравьев направил несколько донесений о положении дел на востоке России великому князю Константину Николаевичу, в одном из которых (от 20 февраля) он писал: «При общем взгляде на Восточную Сибирь и будущность ее для России должно сказать, что главнейшей заботой и занятием здесь правительства должно быть обеспечение естественных границ империи. <...> Нет сомнения, впрочем, что по географическому своему положению Россия, владея судходными вершинами Амура, еще могла бы иметь надежду получить хоть второстепенное значение в тех морях, если откроет себе плавание по этой реке, но в настоящем положении Китая события так следуют одно за другим, что нельзя ручаться, кто будет владеть или распоряжаться этой навигацией через несколько месяцев»²³.

Будущего графа Амурского как государственника не могли не волновать события (вернее, их влияние на Россию и ее положение на Дальнем Востоке), происходившие в соседней Цинской империи, которые были связаны с усилением давления англичан и представителей других западных стран на Китай, а также с нарастанием уже начавшегося Тайпинского восстания, которое ухудшало ситуацию внутри империи. К слову, многие современники Муравьева не понимали его увлечения Цинской империей и вопросом установления границы с ней.

Так или иначе, но это был вопрос государственной важности. Возможно, именно поэтому в Китай был отправлен Михаил Волконский – не только доверенное лицо генерал-губернатора, но и молодой образованный человек, который мог по-своему взглянуть на ситуацию и дать оценку событиям. По всей видимости, Михаил Сергеевич справился с поставленной задачей. В

²⁰ Барсуков. С. 355–356.

²¹ Там же. С. 432, 434.

²² ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 4 об.–5 об.

²³ Барсуков. С. 308–309.

«Формулярном списке» присутствует запись за 1852 г.: «Генерал-губернатором Восточной Сибири объявлена благодарность за ревностную службу и точное исполнение поручений, возлагавшихся на него в 1851 г.»²⁴

В начале 1854 г. М.С. Волконский был назначен чиновником особых поручений Главного управления. В апреле он был отправлен Н.Н. Муравьевым на Якутско-Аянский тракт для ревизии новых поселений и осмотра самого тракта. Об этой поездке упоминается не только в «Формулярном списке», но и в письмах некоторых декабристов. Например, об этом писал И.И. Пущин Г.С. Батенькову 21 июня 1854 г.²⁵ О ней упоминал и И.П. Барсуков, как об одном очень важном поручении, данном Михаилу помимо его основного задания, связанного с делами переселенцев на Якутско-Аянском тракте.

И.П. Барсуков (скорее всего, со слов самого Михаила Сергеевича, участвовавшего в написании биографии Муравьева-Амурского) писал, что в мае-июне 1854 г. генерал-губернатор узнал об отправке к берегам России, в Аянский порт эскадры Военно-морских сил США во главе с коммодором Мэтью Перри и захотел непременно встретиться с ним (Иван Платонович отмечает, что Муравьев «всегда смотрел на англичан как на врагов русского дела на востоке и, наоборот, видел в американцах людей, дружески к нам расположенных»²⁶). В том районе в это время был М.С. Волконский, ему и поручил генерал-губернатор «встретить эскадру в Аянском порте и склонить командора к свиданию. Если бы это удалось, Волконский должен был направить и проводить его немедленно к устью Амура»²⁷. К сожалению, командор, занятый американско-японскими вопросами, в Аян не прибыл. Таким образом, Михаилу не удалось исполнить это поручение Муравьева. Что касается основного занятия, то Волконский не только смог провести ревизию, но и предоставил генерал-губернатору собственные соображения насчет положения дел на тракте.

Зачем генерал-губернатор хотел встретиться с американским коммодором? По всей видимости, он искал союзников против британцев. Во-первых, это, возможно, было связано с начавшейся Крымской войной и угрозами нападения англо-французских сил на поселения и порты на Камчатке и побережье Охотского моря, а во-вторых, на такую позицию Муравьева влияли, скорее всего, действия англичан в Китае, которые, безусловно, полностью меняли обстановку на Дальнем Востоке и косвенно угрожали России.

Как известно, в 1853 г. началась Крымская война союза Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинского королевства против России. Помимо основного фронта боевых действий в Крыму и Севастополе, было несколько точек периодических нападений англо-французских сил на русские порты, в том числе на Белом море и на Дальнем Востоке. Так, в августе-сентябре 1854 г. произошло вторжение англо-французской эскадры в Авачинскую бухту и осада города-порта Петропавловска (ныне Петропавловск-Камчатский). обороной города руководил контр-адмирал В.С. Завойко, которому удалось отразить агрессию эскадры неприятеля. Кроме того,

²⁴ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 5 об.–6 об.

²⁵ Пущин И.И. Сочинения и письма. Т. 1. С. 83.

²⁶ Барсуков. С. 355.

²⁷ Там же.

англичан привлекал залив Де-Кастри (ныне залив Чихачёва) на западном берегу Татарского пролива, около которого они вели разведку весной-летом 1855 г. и даже пытались напасть на русскую эскадру неподалеку от залива.

События, связанные с Крымской войной и военными событиями, происходившими на Дальнем Востоке, безусловно, привлекали внимание декабристов, живших в Сибири. Так, С.П. Трубецкой в письме Г.С. Батенькову от 27 февраля 1855 г. отмечал: «Амур, Севастополь, Камчатка занимают умы всех сословий и равно желают, что[бы] все это было отстояно и англичане отражены»²⁸. И.И. Пущин в письме Батенькову писал: «Камчатка порадовала, но это такая дробь, что почти незаметно проходят подвиги тамошней воительной силы. Более всего содействовали успеху ошибки врагов»²⁹. Гавриил Степанович также не оставался в стороне от оценки событий. В одном из своих писем, датируемым ноябрем 1854 г., он писал: «Вот и наша Сибирь огласилась бранными громами. Недавно сделано было нападение на главный Камчатский порт и отражено успешно»³⁰. Относительно военных действий в Тихом океане С.П. Трубецкой писал летом 1855 г. Н.Д. Свербе-еву: «Мы здесь надеемся, что <...> пули и ядра англо-французов никому не сделали вреда, хотя по газетам должно ожидать, что встреча с ними была; но также ожидаем, что предводитель ваш умел взять такие меры, которые сберегли своих, сделали достаточный вред неприятелю и дали ему урок такой, что он будет его помнить»³¹.

Многие декабристы были очевидцами подготовки Н.Н. Муравьева к отражению неприятеля в Охотском море. Вот цитата из письма И.Д. Якушкина И.И. Пущину, датируемого январем 1855 г.: «Вам уже, вероятно, известно, что здесь все готовится к экспедиции по Амуру. Говорят, что Никол[ай] Никол[аевич] отправится из Иркутска в конце марта с тем, чтобы в начале мая быть в Никольском и заблаговременно приготовиться к отражению англо-французской эскадры, которая, как известно, готовится в нынешнем году для нападения на наши владения при Охотском море»³².

Действительно, русские соединения собирались отразить атаки неприятеля и ожидали их осенью 1855 г. Нападение английской эскадры на залив Де-Кастри произошло 3 октября, о чем упоминает И.П. Барсуков. Атака продолжалась до 17 октября и сопровождалась обстрелами порта, жилых домов и иных строений, однако была отражена русскими силами, в результате чего «после нескольких дней стоянки неприятельская эскадра снялась с якоря и ушла в море»³³. В это же самое время, в начале октября, Н.Н. Муравьев в сопровождении жены, штабных офицеров и чиновников, в числе которых был и М.С. Волконский, отправился с провизией из порта Николаевска до Аяна на зафрахтованном американском барке «Пальметто», не зная о напа-

²⁸ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. Иркутск, 1987. С. 236.

²⁹ Пущин И.И. Сочинения и письма. Т. 1. С. 106.

³⁰ Батеньков Г.С. Сочинения и письма: в 2 т. Т. 1. Письма (1813–1856). Иркутск, 1989. С. 319.

³¹ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 240–241.

³² Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М., 1951. С. 415–416.

³³ Барсуков. С. 434.

дении на Де-Кастри. В целом их плавание было удачным, однако несколько раз они чуть было не попали в руки врага. Например, при входе в Охотское море барк был встречен французским судном, которое несколько дней преследовало «Пальметто», но так и не решилось подступить к нему. До Аяна Муравьев и сопровождавшие его лица все-таки смогли добраться благополучно³⁴.

Об этих двух эпизодах вспоминают как декабристы, так и другие очевидцы и современники событий. Иван Дмитриевич и Евгений Иванович Якушкины сообщают в письме Пущину от 15 ноября 1855 г. такую подробность: «Сейчас был у нас Сергей Григорьевич и прочел нам письмо своего сына, который надеется в феврале приехать в Иркутск; он описывает плавание их в Охотском море в то самое время, как неприятельская эскадра находилась в заливе Де-Кастри»³⁵. Об этом плавании также вспоминает в записках, посвященных М.С. Волконскому, военный фельдшер, участник амурских экспедиций Ю.Г. Григорьев: «Праздник Божией Матери»³⁶. Накануне этого Св[ятого] дня мы, выходцы с берегов реки Амура, под предводительством генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева, впоследствии графа Амурского, приплыли великорадостно в пасмурный порт Аян на американском парусном корабле «Пальметто» под флагом Америки. <...> Глубоко помню, как Ваше Сиятельство изволили передавать нам, пассажирам, без исключения, по-русски распоряжения капитана-американца в часы штормов и шквалов»³⁷.

Вскоре после возвращения М.С. Волконского в Иркутск ему было дано новое, весьма серьезное поручение, о котором упоминается и в «Формулярном списке», и у Барсукова. В первом записано следующее: «Генерал-губернатором Восточной Сибири был командирован в Ургу с 12 января с секретным поручением по дипломатической части, а вместе с тем и для доставления к тамошним пограничным правителям листа Правительствующего Сената на имя Пекинского трибунала внешних сношений. По возвращении из Урги тотчас же отправлен был председательствующим в Совете Главного управления Восточной Сибири в С.-Петербург для отдачи лично генерал-губернатору Восточной Сибири отчета в исполнении лежавшего на нем секретного поручения и для передачи всех собранных им в Урге сведений»³⁸. Причину срочной отправки Волконского в Ургу раскрывает И.П. Барсуков, который пишет, что до генерал-губернатора дошли слухи о том, что китайское правительство решило воспрепятствовать очередному сплаву по Амуру и даже с этой целью вызвало из южной Монголии войска. Муравьеву, готовившему новую экспедицию, нужно было точно знать, насколько справедливы эти слухи³⁹.

³⁴ Там же.

³⁵ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 432.

³⁶ День Казанской иконы Божией Матери, отмечается Русской православной церковью 4 ноября (22 октября по ст. ст.).

³⁷ Григорьев Ю.Г. Аян. 22 октября 1855 года. С. 147.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 14 об.–15 об.

³⁹ Барсуков. С. 441.

Следует отметить, что для поездки Волконского в Ургу нужна была весо-мая причина, которая бы позволила ему пересечь границу с Китаем. К сло-ву, очень удачно подвернулся повод: в Иркутск прибыли бумаги из мини-стерства иностранных дел для китайского Трибунала внешних сношений. С ними и с секретным поручением Михаил отправился в Цинскую империю. Суть этого поручения раскрывает Барсуков: «Н.Н. Муравьев тут же сам ему продиктовал особую инструкцию. <...> «Не должны скрывать, что состоите при мне лично, были со мной на Амуре и отправлены из Иркутска прямо в Ургу. <...> Амбаню-Бэйсе передайте от меня дружественный поклон. <...> Рассказывайте о наших дружественных отношениях на Амуре. <...> При во-просе – но лишь при вопросе – о войсках скажите, что я собираю в разных местах Восточной Сибири огромные силы, ибо ожидаю, что неприятели бу-дут увеличивать свои средства. Что же касается Китая, то, кроме дружеского расположения нашего правительства к китайскому, я лично дружески рас-положен ко всему их государству. <...> Намекните, что главнокомандующий готов и помогать Китаю против кого угодно – англичан или французов, лишь бы китайское правительство попросило о том наше правительство. Старай-тесь почерпнуть сколько можно сведений об их мнении и понятиях о ны-нешней войне, о нас и наших неприятелях и внушать недоверие к англича-нам. <...> Главное же, выясните, <...> справедливы ли приносимые к нам из Китая вести, точно ли правительство намерено воспрепятствовать нашему сплаву и действительно ли заготавливаются им для сего военные силы»⁴⁰.

В Урге М.С. Волконского практически сразу же препроводили к мест-ным правителям – амбаням. Им были вручены подарки, а также документы для отправки в Пекин – листы из министерства иностранных дел, бумаги от генерал-губернатора и два пакета на имя архимандрита Палладия (Кафаро-ва), тогдашнего главы Русской духовной миссии в Китае. Правители долго беседовали с Волконским, особенно интересовались событиями Крымской войны, однако по основным вопросам ответов Михаилу не дали. Но ему все же удалось добыть сведения от местных купцов, буддийского духовен-ства и других людей, которые сообщили послу, что «препятствовать сплаву войск по Амуру для войны с англичанами и французами китайцы не наме-рены. <...> Что никаких военных приготовлений в Монголии не делается»⁴¹. С этой информацией Волконский сразу же направился в Петербург к Мура-вьеву. Эта поездка была одной из самых ответственных в сибирской карьере Михаила. Возможно, за нее или в целом за отличную службу он в 1856 г. в возрасте 24 лет «по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири и по удостоению Сибирского комитета всемилостивейше пожалован за отлич-но-усердную его службу кавалером ордена Св. Владимира 4-й ст.»⁴²

В 1856 г. М.С. Волконский перешел на службу в Канцелярию Кавказского и Сибирского комитетов чиновником особых поручений VII класса⁴³. На этой должности он также занимался пограничными и иными государственными вопросами. В дальнейшем его карьера шла вверх, о чем уже было сказано

⁴⁰ Там же. С. 442–443.

⁴¹ Там же. С. 444.

⁴² *ИРЛИ*. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 15 об.–16 об.

⁴³ Там же. Л. 17 об.

выше. Но думается, что фундаментом для такого будущего явилась служба Михаила в Главном управлении Восточной Сибири, его участие в важных внешнеполитических делах и исполнение дипломатических миссий. Это стало важным этапом в жизни государственного деятеля М.С. Волконского.

Литература

Афанасьева А.О. Эпизод из жизни чиновника (по дневниковым записям и письмам М.С. Волконского) // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2020. Вып. 5. С. 160–185.

Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: материалы для биографии. М., 1891. Кн. 1.

Батеньков Г.С. Сочинения и письма: в 2 т. Т. 1. Письма (1813–1856) / изд. подгот. А.А. Брегман, Е.П. Федосеевой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1989.

...В потомках ваше племя оживет... / изд. подгот. С.Ф. Ковалем. Иркутск, 1986.

Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников / авт.-сост. Н.П. Матханова / серия «История Сибири. Первоисточники». Новосибирск, 1998.

Даревская Е.М. Декабристы в Забайкалье и соседние страны // Памяти декабристов. К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975. С. 155–197.

Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия : науч.-попул. очерк. Иркутск, 2007.

Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / ред. и коммент. С.Я. Штрайха / серия «Литературные памятники». М., 1951.

Маланова А.В. Окружение Н.Н. Муравьева в годы решения Амурского вопроса (1848–1861) // Вестник ИрГТУ. Иркутск, 2014. № 4 (87). С. 269–274.

Пуцин И. И. Сочинения и письма : в 2 т. Т. 2. Письма 1850–1859 гг. / изд. подгот. М.П. Мироненко, С.В. Мироненко. М., 2001.

Сабиньский Ю. Сибирский дневник: в 2 т. / серия «Польско-сибирская библиотека». Иркутск, 2015. Т. 2.

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Т. 2. Письма, дневник 1857–1858 гг. / изд. подгот. В.П. Павловой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1987.

References

Afanas'eva A.O. Epizod iz zhizni chinovnika (po dnevnikovym zapisyam i pis'mam M.S. Volkonskogo) // Dekabristskoe kol'co: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov. Irkutsk, 2020. Вып. 5. С. 160–185.

Barsukov I.P. Graf Nikolaj Nikolaevich Murav'yov-Amurskij po ego pis'mam, oficial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam: materialy dlya biografii. M., 1891. Kn. 1.

Baten'kov G.S. Sochineniya i pis'ma: v 2 t. T. 1. Pis'ma (1813–1856) / izd. podgot. A.A. Bregman, E.P. Fedoseevoy / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1989.

...V potomkah vashe plemya ozhivet... / izd. podgot. S.F. Kovalem. Irkutsk, 1986.

Граф Н.Н. Мурав'юв-Амурский в воспоминаниях современников / авт.-сост. Н.П. Матханова / серија «Istorija Sibiri. Pervoistochniki». Novosibirsk, 1998.

Darevskaya E.M. Dekabristy v Zabaikal'e i sosednie strany // Pamyati dekabristov. K 150-letiyu so dnya vosstaniya. Irkutsk, 1975. S. 155–197.

Darevskaya E.M. Dekabristy v Sibiri i sosednie strany Vostoka – Kitai, Mongoliya : nauch.-popul. ocherk. Irkutsk, 2007.

Записки, stat'i, pis'ma dekabrista I.D. Yakushkina / red. i komment. S.Ya. Shtraiha / seriya «Literaturnye pamyatniki». M., 1951.

Malanova A.V. Okruzhenie N.N. Murav'yova v gody resheniya Amurskogo voprosa (1848–1861) // Vestnik IrGTU. Irkutsk, 2014. № 4 (87). S. 269–274.

Pushhin I. I. Sochineniya i pis'ma : v 2 t. T. 2. Pis'ma 1850–1859 gg. / izd. podgot. M.P. Mironenko, S.V. Mironenko. M., 2001.

Sabin'skij Yu. Sibirskij dnevnik : v 2 t. / seriya «Pol'sko-sibirskaya biblioteka». Irkutsk, 2015. Т. 2.

Trubetskoj S.P. Materialy o zhizni i revolyutsionnoj deyatel'nosti : v 2 t. Т. 2. Pis'ma, dnevnik 1857–1858 gg. / izd. podgot. V.P. Pavlovoj / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1987.

A. B. Сакович

**«Ели мы прескверно...»
(о питании декабристов в Сибири)**

Аннотация. На основе широкого круга источников (писем, воспоминаний декабристов, архивных документов) в статье рассматриваются некоторые аспекты питания декабристов во время пребывания в Сибири, прослеживается влияние дворянской культуры питания на культуру сибирского застолья.

Ключевые слова: декабристы; Сибирь; питание.

A. V. Sakovich

**«We ate badly...»
(on the food of the Decembrists in Siberia)**

Abstract. Based on a wide range of sources (letters, memoirs of the Decembrists, archival documents), the article examines the nutrition of the Decembrists during their stay in hard labor, traces the influence of the noble food culture on the culture of the Siberian feast.

Keywords: decembrists; Siberia; food.

За последнюю четверть века интерес к дворянскому застолью значительно возрос. Это вполне объяснимо, поскольку культура питания является одной из главных тем в исследованиях повседневности.

Вопрос о питании декабристов тесно связан с социально-экономической и политической ситуацией в России, сложившейся во второй четверти XIX в., а также с имущественным и правовым положением каторжников в местах отбывания наказания, с кулинарными традициями дворянской кухни, с историей производства продуктов, с хозяйственными связями, бытовым укладом и культурным уровнем населения Сибири.

Питание каторжников в Российской империи осуществлялось на основании соответствующих законодательных актов – «Устава о ссыльных», «Устава о содержании под стражей», «Положения о полицейском надзоре» и «Общей тюремной инструкции». В качестве дополнения к этим нормативным документам правительство издавало различные инструкции и циркуляры.

В связи с открытием в 1826 г. следствия по делу декабристов Николай I издал распоряжение об учреждении при Нерчинских рудниках особого комендантского управления. Необходимость надзора за политическими госу-

Сакович Александр Васильевич – главный специалист научно-фондового отдела Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов, Иркутск, Россия.

Sakovich Alexander V. – chief specialist of the scientific fund department of the Irkutsk regional historical and memorial museum of the Decembrists, Irkutsk, Russia. E-mail: alvas.irk@yandex.ru

дарственными преступниками обусловила создание особой системы управления политической ссылкой, которое подчинялось через III Отделение лично императору. «Основным источником определения правового статуса ссыльных декабристов были «высочайшие повеления» Николая I, представлявшие собой письменные или устные распоряжения по «всеподданнейшим докладам»¹. Им издавались нормативные документы, в которых корректировались все правовые вопросы, законодательные акты, существенно менявшие правовое положение арестантов.

Считается, что отношение Николая I к декабристам со временем менялось. Безусловно, для царя все участники восстания на Сенатской площади были личными врагами, но в то же время в разные периоды своего правления монарх проявлял к «сосланным по 14-му декабрю» «царскую милость», выражавшуюся, в частности, в благотворительных акциях, исполнителем которых неоднократно становился фельдъегерь П.Г. Подгорный. «Быв неоднократно посылаем е[го] в[еличеством] с бумагами в Сибирь, пред отправлением я обыкновенно призывался в кабинет государя; он выдавал мне несколько сот рублей с приказанием купить пуд чаю, а на остальные деньги Жукова табаку и все раздать в Сибири сосланным по 14-му декабрю. Отпуская меня, его величество грозил пальцем, примолвливая: “Но да сохранит тебя Бог примешивать тут мое имя, – чтобы ни одна живая душа не знала, что посылка идет от меня, а если спросят, от кого, то отвечай, что из Москвы от неизвестных благотворителей”»².

Отношение к Николаю I у декабристов было неоднозначным. А.В. Поджио писал: «Враг наш личный, Николай, отдавал нам справедливость, как он был ни злопамятен, как он был ни неумолим и ни жесток, никогда, однако же, не подвергал нас какому-нибудь унижительному испытанию, так он уважал тех, которые умели выносить все испытания, но не относились, не прибегали ни письменно, ни словесно к его помилованию! И он мог употребить такое средство и не пустил его в ход! Спасибо ему!»³. Н.В. Басаргин считал, что действия правительства в отношении осужденных «по делу 14 декабря» были двоякого рода. «С одной стороны, оно не хотело показаться к нам особенно жестоким, не имея на то никакой причины; с другой – ему не хотелось, чтобы мы приобрели какое-нибудь значение <...>. Одним словом, ему хотелось, чтобы мы служили постоянно угрожающим примером для тех, кто вздумает восстать против правительства или ему противодействовать. <...> В иных случаях оно считало даже нужным явить к нам некоторое милосердие, некоторую снисходительность»⁴.

Историк С.В. Кодан справедливо полагал, что «принадлежность декабристов и их семей к «высшему сословию», необходимость поддержания корпоративного сословного единства налагали определенные обязанности идеологического плана на монарха»⁵. «Он проявлял внимание буквально к каждому из «государственных преступников», лично изменял места поселе-

¹ Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов. Иркутск, 1983. С. 81.

² Тимошук В. Станислав Романович Лепарский, комендант Нерчинских рудников и Читинского острога. 1759–1838 : Биограф. очерк // Рус. старина. 1892. Т. 75. С. 154.

³ Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 116.

⁴ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 189.

⁵ Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов. С. 52.

ния декабристам, разрешал выезд в Сибирь их женам <...>. Не забывал монарх интересоваться имущественным и семейным положением, занятиями, «образом мыслей» и другими аспектами жизни сибирских изгнанников»⁶.

К перечню «царских милостей» можно отнести один из указов императора, который позволил улучшить условия содержания декабристов на каторге. Узникам было разрешено получать финансовую, а также материальную помощь в виде посылок с вещами и провизией.

Самым тяжелым временем пребывания декабристов на каторге был благодатский период. Восьмерым каторжникам, занятым тяжелым физическим трудом на горных разработках, выдержать такой режим без полноценного, калорийного питания в течение длительного времени было практически невозможно. После приезда в Благодатск Е.И. Трубецкой и М.Н. Волконской питание декабристов улучшилось, несмотря на то, что каша и хлеб по-прежнему составляли основу арестантского стола. М.Н. Волконская писала: «<...> у нас не хватало денег; я привезла с собой всего 700 рублей ассигнациями; остальные же деньги находились в руках губернатора. У Каташи не оставалось больше ничего»⁷.

Чтобы обеспечить арестантов обедами, обе княгини стали готовить пищу своим мужьям и их товарищам, ограничив себя в питании. М.Н. Волконская вспоминала: «Как сейчас вижу перед собой Каташу с поваренной книгой в руках <...>»⁸. Возможно, именно эту книгу под названием «Поварское искусство» на французском языке привез с собой в Нерчинские рудники С.П. Трубецкой⁹. Одной из самых востребованных книг была также «Новейшая и подробнейшая со всякою точностию обработанная поваренная книга <...>», изданная в Москве в 1818 г. в типографии Решетникова. Переписанный с оригинала вариант этого издания, по легенде, принадлежал декабристам.

О питании заключенных в читинской тюрьме писали И.Д. Якушкин, Н.В. Басаргин, Н.И. Лорер, М.А. Бестужев, А.П. Беляев, А.Е. Розен. М.А. Бестужев утверждал: «От казны кормовых мы получали по 3 коп. ассигнациями и муку – 2 п. в месяц на каждого, т. е. законное положение каторжников»¹⁰. «Нам шло по 8 копеек, полагавшихся по закону на сосланных в работы, и, конечно, мы бы должны были сидеть на одном хлебе и воде, но в это-то самое время мы имели такое содержание, которое можно назвать роскошным. Все это присылалось от наших дам», – вспоминал А.П. Беляев¹¹. «Кроме того, дамы присылали нам кофе, шоколад и различные кушанья, служившие нам вроде лакомства», – подтверждал Н.В. Басаргин¹².

Число узников в остроге постепенно росло, и обеспечить всех равноценным питанием становилось все труднее. Такое положение привело к необхо-

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Записки княгини М.Н. Волконской. Красноярск, 1975. С. 68.

⁸ Там же. С. 69.

⁹ Цуприк Р.И. Книга в жизни декабристов на каторге // Памяти декабристов. Иркутск, 1975. С. 65.

¹⁰ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 151–152.

¹¹ Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск, 1990. С. 152.

¹² Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 127–128.

димости устройства артели. Было решено завести общий стол, содержание которого обеспечивалось взносами состоятельных ссыльных.

В письмах и воспоминаниях декабристов нередко можно встретить описание тюремных трапез в разные периоды их пребывания в остроге. «Ели мы прескверно, – отвечал М.А. Бестужев на вопросы историка, издателя журнала «Русская старина» М.И. Семевского, – <...> потому, что негде и некому было приготовить нам пищу. <...> По положению, варить и печь мы должны были сами, а кухни еще не выстроили, и потому кушанье варилось по подряду у горного начальника Читы Смолянинова, <...> варилось где и как ни попало, не потому, чтоб [он] этого хотел, но потому, что не мог лучше делать по неимению средств в такой бедной, ничтожной деревушке, как Чита, а главное, по неимению посуды и удобного помещения»¹³.

В «Записках декабриста» Н.И. Лорера находим следующее описание тюремного меню: «Обед нам готовили вне острога, и повар был нанят из ссыльных же. Обед приносился к нам на носилках, очень грязных, на которых, вероятно, навоз выносили когда-то, и состоял обыкновенно из щей, каши и куска говядины»¹⁴. Н.В. Басаргин добавлял: «Обед нам готовили общий. Он обыкновенно состоял из супа или щей и из каши с маслом. Приносили все это в деревянных ушатах, откуда мы уже брали кушанье в тарелки. В обеденное время вносились в комнату козлы, на них клались доски, покрывались кое-как салфетками и скатертями, и на этом столе становилось кушанье <...>. Ужинали тоже кое-как, и стоя, и ходя. Всякий брал свой кусок вареного мяса и ел как и где хотел»¹⁵.

После организации артельного питания картина тюремных обедов изменилась. И.Д. Якушкин оставил краткое описание казематных трапез: «В малом каземате мы обедали все вместе и поочередно дежурили; обязанность дежурного состояла в том, чтобы приготовить все к обеду и к ужину и потом все прибрать. К обеду приносил сторож огромную латку артельных щей и в другой латке накрошенную говядину; хлеб приносили в ломтях; нам не давали ни ножей, ни вилок; всякий имел свою ложку костяную, оловянную или деревянную; недостаток тарелок дополняли чайными деревянными китайскими чашками»¹⁶.

«Пища у нас была простая и здоровая, часто удивлялся я умеренности и довольству тех товарищей, которые привыкли всю жизнь свою иметь лучших поваров и никогда без шампанского вина не обедали, а теперь без сожаления о прошлом довольствовались щами, кашею, запивали квасом или водою», – вспоминал А.Е. Розен¹⁷.

Эти заметки перекликаются со словами известной в то время в Сибири песни, авторство которой приписывают А.И. Одоевскому.

«Бывало, пред тобой поставят
Уху стерляжью, соус, крем,
Лимоном, бланманже приправят,

¹³ Воспоминания Бестужевых. С. 151.

¹⁴ Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 132.

¹⁵ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 126.

¹⁶ Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 176.

¹⁷ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 232.

Сижу и ничего не ем.
Теперь похлебкою дурною
С мякинным хлебом – очень сыт.
Дадут капусты мне с водою –
Ем, за ушами лишь пищит»¹⁸.

Однако не все узники смогли приспособиться к тюремному рациону. П.Е. Анненкова утверждала: «Иван Александрович с трудом переносил казенную пищу <...>. Я каждый день посылала ему обед, который приготавливала сама»¹⁹. Существенным подспорьем в обеспечении узников овощами и разной зеленью стали огороды. Одним из пионеров огородничества в Читинском остроге был С.Г. Волконский. В письме от 5 июля 1829 г. М.Н. Волконская сообщала свекрови: «У нас лето исключительное, ни одного мороза до сих пор; эта погода очень благоприятна для нашего огорода. У меня есть цветная капуста, артишоки, прекрасные дыни и арбузы и запас хороших овощей на всю зиму»²⁰.

Пример ведения хозяйства подавала П.Е. Анненкова. По ее словам, она первой разбила гряды, стала готовить пищу на плите, а не на жаровнях, как это делали тюремные повара. Овощами запасались на всю зиму. Урожаи были отменными: кочаны капусты вырастали до пуда, свекла по 20 фунтов, репа по 18 фунтов.

Е.П. Оболенский писал своему зятю: «Сверх того, у нас собственный огород, на котором трудов немало: на сто человек заготовить запасу на зиму – немаловажный труд. 105 гряд каждый день полить занимает по крайней мере часов 5 или 6 в день. Осенью мы собираем овощи с гряд, квасим капусту, свеклу, укладываем картофель, репу, морковь и другие овощи для зимнего продовольствия <...>»²¹.

А.Е. Розен уточнял, что в бытность его хозяином артели он с товарищами посолил на зиму 60 тысяч огурцов. Выручала и рыбалка на озере близ Читы, в котором водились жирные караси и окуни. Каждый карась весил не менее двенадцати фунтов, а окуни – не менее восьми.

По мнению Н.В. Басаргина, читинский период был лучшим временем пребывания в Сибири. «Местность Читы и климат были бесподобны. <...> Воздух был так благотворен и в особенности для меня, что никогда и нигде я не наслаждался таким здоровьем. <...> Вообще, все мы в Чите очень поздоровели и, приехавши туда изнуренными крепостным заточением и нравственными испытаниями, вскоре избавились от всех последствий перенесенных нами страданий. Конечно, к этому много способствовала наша молодость <...>. Отсутствие всяких телесных недугов имело необходимое

¹⁸ *Знаменский М.С.* Детство среди декабристов // «...В потомках ваше племя оживет...». Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986. С. 231.

¹⁹ Воспоминания Полины Анненковой. Красноярск, 1977. С. 64.

²⁰ Письма кн. М.Н. Волконской из Сибири. 1827–1831 гг. // Рус. пропилеи. М., 1915. Т. 1. С. 76.

²¹ *Головинский М.В.* Декабрист князь Е.П. Оболенский // Ист. вестник. СПб., 1890. Т. 39. С. 126.

влияние на расположение духа. Мы были веселы <...>, живя между собою дружно <...>, бодро и спокойно смотрели на ожидавшую нас будущность»²².

В августе 1830 г. декабристы покинули Читу и пешком порядком были отправлены в Петровский тюремный замок. Открывался новый период жизни заключенных и их семейств. В отличие от Читы, условия для выращивания сельскохозяйственной продукции в Петровском Заводе были плохими. М.Н. Волконская сообщала брату Н.Н. Раевскому 11 августа 1833 г.: «Вообрази себе, что у нас заморозки продолжаютя до июня, иногда даже бывает один или два в июле, которые разрушают все наши надежды и губят все, что не было покрыто войлоком и коврами во время ночного холода. Зато парники и защищенные грядки удаются замечательно»²³.

Е.И. Трубецкая жаловалась отцу, графу И.С. Лавалю, в письме из Петровского в июле 1833 г.: «Всю неделю тут по ночам были заморозки, которые побили весь наш огород. Пропали лук и картошка. Судите сами, какой еще овощ мог устоять перед ними. Говорят, с урожаем та же история, похоже, он полностью испорчен. Вот уже пять лет, как нет урожаев по эту сторону Байкала. Это действительно ужасно. Там, где морозы еще не ударили, саранча поела пшеницу. Бедные жители в отчаянии. Эта страна и без того уж обездолена. Страдания и нищета несчастных и так уж были велики сверх меры»²⁴.

«<...> Редкий год, – подтверждал И.Д. Якушкин, – даже картофель не побивало утренним морозом. Впрочем, все овощи доставлялись к нам в обилии окрестными поселянами»²⁵.

По воспоминаниям Н.В. Басаргина, быт декабристов в Петровском Заводе значительно улучшился. «Каждый имел собственные способы, мог как хотел располагать ими, обзавестись необходимым хозяйством, мог даже употреблять избыток или на пользу общую, отдавая его в маленькую артель, или на удовлетворение некоторых привычек прежней жизни, сделавшихся для многих почти необходимостью. Обедать в общую залу мы не собирались <...>, а имели стол по своим отделениям в коридоре»²⁶.

В Петровском была учреждена Большая артель. Все заботы об устройстве питания заключенных ложились на плечи хозяина артели. Н.В. Басаргин вспоминал: «В 1832 году я был избран хозяином. Эта должность сопряжена была с большими хлопотами, тем более что каждому, кого выбирали, желалось угодить своим товарищам <...>. Помню, что меня очень затрудняли распоряжения насчет кушанья. Не имея понятия в гастрономии, я часто не знал, какие выдумывать обеды для разнообразия нашего скромного стола <...>»²⁷. Гастрономов же среди декабристов было немало. Тем не менее, как утверждал А.Е. Розен, «они сознавались, что никогда теперь не терпели от голода, но зато никогда досыта не наедались»²⁸.

²² Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 130.

²³ Неизданные письма М.Н. Волконской // Тр. Гос. ист. музея. М., 1926. Вып. 2. С. 32.

²⁴ Cinquante ans de correspondance familiale. 1820–1870. Париж, 2014. С. 26.

²⁵ Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. С. 198.

²⁶ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 167–168.

²⁷ Там же. С. 75.

²⁸ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 232.

Более подробное меню в петровский период описал И.Д. Якушкин: «Чтобы каждый из участвовавших в артели имел наиболее денег в своем распоряжении, расходы на чай, сахар и обед очень ограничились: на месяц выдавалось на каждого человека по 1/3 фунта чаю, по два фунта сахару и по две небольших пшеничных булки на день; обед состоял из тарелки щей и очень небольшого куска жареной говядины <...>. Ужин был еще скудней обеда, и случалось очень часто вставать от трапезы полуголодным, что могло быть не бесполезно для многих из нас при образе нашей жизни»²⁹.

Тюремная «диета», несмотря на очевидную скудность, имела и положительную сторону. Простая пища стала основой здорового питания, помогала сопротивляться физическим недугам и сохранять здоровье. Это отмечал А.Е. Розен: «Во всю бытность мою в Чите и Петровском Заводе в продолжение шести лет мы не знали смерти в кругу наших товарищей в остроге и в тюрьме; обстоятельство довольно примечательное, если сообразить, что по принятым расчетам смертности на 75 человек ежегодно умирают двое; нас было 82 человека, и не все молодые люди, было несколько и по 60 лет от роду. Вероятно, к этому способствовала жизнь однообразная, пища умеренная, не сложная»³⁰.

В Петровске любой нуждающийся из декабристов мог требовать от артели все для себя необходимое, подавая записку о своей нужде управляющему артелью. Управляющий, в свою очередь, передавал ее плац-майору, тот – коменданту, и с его разрешения покупалась необходимая вещь. Артель оплачивала покупку из своих денег. Подобным образом покупались все съестные припасы, за исключением мяса, на поставку которого заключался договор с подрядчиком. Управляющий артелью подавал список покупок на неделю или на другое время. Продавца приводили к острогу, где при чиновнике и караульном совершалась сделка. Покупку оплачивал плац-майор из денег артели. Такой порядок сохранялся во время всего пребывания декабристов в Петровском.

Несмотря на общий для каторжников тюремный рацион, условно можно выделить два гастрономических стиля, определяемых образом жизни декабристов в Петровском Заводе. Семейные и обеспеченные в денежном отношении узники вели хозяйство самостоятельно и обедали отдельно. Продукты, которые они получали из России, значительно разнообразили их стол. Остальные продолжали питаться согласно артельному уставу.

В начале пребывания в петровской тюрьме скромная еда устраивала А.З. Муравьева. «Обед хороший, он состоит из супа и куска мяса», – сообщал он жене³¹. Однако однообразная пища вносила некоторый дискомфорт в жизнь арестанта. Декабрист писал жене: «Пища довольно плохая, иной раз даже невыносимая, ибо мы живем в артели, а так как вкладчиков мало, а потребителей много, то и стол, состоящий из одного супа или щей, не роскошен»³².

²⁹ Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. С. 198–199.

³⁰ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 263.

³¹ Муравьев А.З. Письма. Иркутск, 2010. С. 277.

³² Там же. С. 325–326.

В условиях петровской каторги большое значение для заключенных приобретали продукты, которые могли поднять настроение, повысить жизненный тонус, доставить удовольствие. Прежде всего – чай, сахар, кофе. К этому перечню можно добавить вино и табак.

А.З. Муравьев признавался супруге: «Ты знаешь, что я супов не ем, и тогда я балуюсь чаем – любимым моим напитком и пищей, но, увы, цена на сахар столь высока, что я могу его класть лишь понемножку, а люблю, как и раньше, очень сладкий чай»³³.

Чай и другую провизию родственники закупали в обеих столицах, а также на Нижегородской и Ирбитской ярмарках.

В одном из писем М.Н. Волконская просила свекровь прислать «годовой запас всякой провизии с Макарьевской ярмарки»³⁴.

В жизни декабристов чай играл немаловажную роль – помогал пережить тяжелые месяцы одиночного заключения в тюремных казематах.

Версию о роли чая во время следствия над участниками тайных обществ выдвинул историк И.А. Соколов.

«Николай I первое время думал, что Милорадовича убил А.А. Бестужев. В этой связи он проявлял особое благоволение Каховскому: «Николай I прислал 18.12 [18 декабря 1825 г. – И.С.] коменданту Сукину записку: «Каховского содержать лучше обыкновенного содержания, давать ему чай и прочее, что пожелает, но с должною осторожностью...».

Или вот еще один пример: приказ посадить в Петропавловскую крепость одного из декабристов, Петра Николаевича Свистунова, был следующий: «посадить в Алексеевский рavelин, дав бумагу и содержа строго, но снабжая всем, что пожелает, т. е. чаем».

Казалось бы, странный пример с декабристами, но он косвенно указывает и на качество жизни, и на то, что относится к некоему комфорту. Очевидно, что элита уже сильно привыкла к чаю, и лишение многих декабристов их привычного образа жизни должно было стать дополнительным наказанием, «кнутом». Для других декабристов разрешение пить чай, сохраняя привычный образ жизни, было неким «пряником», знаком отношения со стороны императора <...>³⁵. Схожее мнение было высказано исследователем истории царской тюрьмы М.Н. Гернетом. Он писал: «Для достижения своей цели – узнать о заговоре как можно более – царь не ограничивался одними обещаниями, он и оказывал обвиняемым те или иные «милости» и таким образом стремился выманить новые признания»³⁶.

Подобные психологические приемы применялись и к другим арестантам. Тем, кто был разжалован, перестали отпускать чай.

Поручик А.С. Гангелов, участвовавший в деятельности Северного общества, вспоминал: «Мой прислужник, Рослов, прислуживал с тем вместе и Лунину, и Анненкову <...>. Один из соседей Лунина, с другого конца ко-

³³ Там же. С. 326.

³⁴ Письма кн. М.Н. Волконской из Сибири... С. 47.

³⁵ Соколов И.А. Чай и чайная торговля в Российской империи в XIX – начале XX вв. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010 г. С. 54. На правах рукописи. www.academia.edu/files.rar (дата обращения 06.11.2013)

³⁶ Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М., 1951. Т. 2. С. 109.

ридора, не разжалованный по суду, попытался посылать Лунину свою долю чаю. Когда, рассказывал Рослов, я принес к ним первый стакан, они спросили: что это? А как я им растолковал, то они заплакали, так заплакали, что аж жалко стало. С той поры вот я утро и вечер чай им приношу, и всякий раз сердешный старик велит благодарить»³⁷.

В письмах декабристов упоминания о чае встречаются довольно часто. Самым дорогим и популярным сортом чая в дворянской и купеческой среде был «лянсин». «Чаю хорошего думал послать вам [и] сестре, но, право, купить нечем, а когда домашние дела мои придут в обыкновенный порядок, тогда попотчеваяю вас чаем», – писал П.А. Муханов родственникам³⁸. О проблемах с доставкой чая сообщал М.А. Фонвизин брату И.А. Фонвизину из Тобольска 22 декабря 1844 г.: «О недоставлении к нам посланного с ярмарки чая я два раза писал к Поздышеву, но не получил от него ответа. Мы вместе с Жилиным купили цыбик цветочного чаю, которого фунт обошелся с небольшим 9 р. Чай хорош»³⁹. А.Ф. Бриген писал из Пельма 1 сентября 1830 г.: «Я просил сестру, чтобы среди прочих вещей она выслала мне 3 фунта чаю <...>. В этом году я получил от нее 8 фунтов чаю, из них 1 ½ я отдал Враницкому, и один фунт еще остался у меня <...>. Ты меня очень обяжешь, написав ей, что мне нужно будет в январе или феврале: 6 фунтов чая, из них 2 по 12 руб. за фунт, 3 по 8 руб. и 1 фунт чая за 10 руб. Вот приблизительный мой запас»⁴⁰.

В переписке С.П. Трубецкого с родственниками и другими декабристами также речь нередко заходила о чае. В одном из посланий к И.И. Пущину он писал: «Если вы все охотники до чаю, то приготовьтесь запастись им в нынешнем году; говорят, его бездну привезли; весь Кантонский пришел в Кяхту, и ящики по 160 фунтов»⁴¹.

Несмотря на то что в русском ввозе товаров из Китая в 1850 г. на долю чая приходилось 94,8 процента, к середине 50-х гг. купить цыбик фамильного чая в Сибири становится все труднее. «<...> Осенью 1854 г. Г.С. Батеньков из Томска просил Трубецкого купить для него цыбик чая. Трубецкой в то время уезжал к дочери в Кяхту и рассчитывал там купить цыбик чая и лучше, и дешевле. Но в Кяхте не купил, потому что оттуда все хорошие чаи отправляются только большими партиями в Москву»⁴².

Временами при отсутствии байхового чая приходилось пользоваться кирпичным. Интересные заметки об употреблении кирпичного чая инородцами оставил Н.А. Бестужев в «Очерках забайкальского хозяйства».

«Но знаете ли, что такое кирпичный чай и что такой затуран? После сбора лучших сортов [его] в Китае остальные листья, листья упавшие и даже целые ветки собираются вместе, смачиваются каким-то клейким веществом

³⁷ Гангеблов А.С. Воспоминания декабриста. М., 1888. С. 107.

³⁸ Муханов П.А. Сочинения, письма. Иркутск, 1991. С. 375.

³⁹ Фонвизин М.А. Сочинения и письма : в 2 т. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 297.

⁴⁰ Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 101.

⁴¹ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности : в 2 т. Иркутск, 1987. Т. 2. С. 125.

⁴² Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия. Иркутск, 2007. С. 52.

и сдавливаются посредством пресса в форму кирпичей, в величину с книгу в большую осьмушку. Этот чай, приготовляемый в Китае, вовсе там туземцами не употребляется, но зато расходуется по всей Маньчжурии, Тибету, Бухарии и по Монголиям, китайской и нашей. Все почти народонаселение Сибири, кроме раскольников, называемых здесь семейскими, употребляет его. Он приготовляется в чугунных чашах; вскипятя воду, кладут туда горсть толченого в деревянной ступке чая и, получив навар, сливают в ведро. Потом в чашу вливают известную пропорцию молока, дают вскипеть и потом процеживают слитый чай из ведра сквозь ситечко, сделанное или из тоненьких древесных корней, или из стеблей травы ковыли, или просто сквозь голикочок из золотарника или другого к тому способного кустарника. Оставшийся после сливания вываренный чай называется шара; на нем в другой раз варят новый чай, прибавляя свежего. Таким образом забеленный молоком чай пьют из деревянных чашек, если дома, в юрте, то без хлеба, а если у русских на работе, то с хлебом. Но так как на покосе достать молока негде, потому что на лето для сохранения покоса от вторжения скота все близко живущие буряты откочевывают в другие места, то вместо молока употребляют затуран. Слив сваренный чай обыкновенным образом в ведро, осушают на огне чашу, потом кладут в нее муки, дают немного покраснеть, затем бросают масла коровьего или говяжьего жира, растирают, разводят понемногу чаем и, наконец, выливают на эту смесь остальной чай, хорошо размешивают, дают еще раз вскипеть, и чай с затураном готов»⁴³.

Схожий способ приготовления напитка описал А.Е. Розен: «Лакомство и любимую пищу богатых бурят составляет кирпичный чай; это сбор отпавших и испорченных листьев с чайного дерева, кои посредством вишневого клея или дурного клейкого вещества сдавливаются в формах, наподобие плоских кирпичей, длиною в фут, шириною в пять вершков, толщиною в два вершка, оттого и название кирпичного чая. От такого кирпича отрубают топором небольшой кусочек, толкут его в порошок, варят в котле, подсыпая немного соли и муки, подбавляя немного молока, или масла, или жиру, или сала, и пьют его с наслаждением из деревянных лакированных чашек, поглубже и побольше блюдечек наших чайных чашек»⁴⁴.

Для бедных жителей Иркутской губернии даже кирпичный чай временами становился недоступен. В это время сибиряки заменяли чай дикорастущими травами – мукьром, кипреем, белоголовником и баданом. Подтверждением тому – рассказ М.С. Лунина о женщине, которую он встретил во время совместной прогулки с М.Н. Волконской и ее пятилетним сыном Мишей в окрестностях Усть-Куды. «Когда возвращались, мы увидели в чаще леса женщину с мешком в руках, искавшую корней мукьра. «На что эти корни?» – спросил я. – «Дети мои будут пить их вместо чаю, которого у нас нет»⁴⁵.

Интерес к чайному растению проявлял брат Марии Николаевны Николай Раевский. В одном из писем Волконская сообщала брату: «Посылаю тебе

⁴³ Бестужев Н.А. Сочинения и письма. Иркутск, 2003. С. 317.

⁴⁴ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 245.

⁴⁵ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 88.

все, что я нашла здесь; это, во-первых, чайные семена, их ценность заключается в том, что ради них был нарушен китайский закон: говорят, вывоз их запрещен под страхом смертной казни»⁴⁶.

Значение сахара в питании декабристов в течение всей их жизни в Сибири трудно переоценить. Он был необходимым дополнением к шоколадному напитку, кофе, чаю, использовался для приготовления мучных блюд, ягодного варенья. Сладкий продукт в больших количествах получали семьи Волконских, Фонвизиных, Трубецких, Муравьевых. Продукт доставлялся в Сибирь в коробах и бочках.

Сахар-рафинад завозился из России и был доступен лишь для состоятельных людей. Для крестьян же был редкостью. В Сибири повсеместно употреблялся китайский сахар-леденец, желтого цвета, твердый, в небольших кусочках, который долго не растворялся даже в горячем чае и имел неприятный вкус. Дефицит сахара-рафинада, его дороговизна подталкивали иркутских предпринимателей к организации местного производства. В 1842 г. кяхтинский купец И. Пиленков открыл в Иркутске завод по переработке этого вида сахара в рафинад⁴⁷. Ранее попытки по переработке леденца предпринимал известный кяхтинский коммерсант Н.М. Игумнов.

Большим охотником до сладкого был А.З. Муравьев, который вместе с польским ссыльным Н. Новицким пытался организовать производство рафинада в Иркутской губернии⁴⁸.

В 1845 г. ссыльный поляк Я. Голыньский заключил договор с иркутским купцом Марковым о производстве рафинада из сахара-леденца. Сахарная фабрика размещалась за городом и перерабатывала от двух до трех тысяч пудов лебяного сахара в год⁴⁹.

Но все эти попытки не смогли удовлетворить потребности местного населения в дешевом рафинаде. Цены на сахар по-прежнему оставались высокими.

Исследователи сибирской торговли отмечали, что в XIX в. сибирские купцы-монополисты старались искусственно взвинчивать цены на некоторые товары и продукты, в том числе и на сахар.

Ю. Сабиньский свидетельствовал, что в 1847 г. в Иркутске «из-за какой-то ошибки здешних купцов относительно количества товаров, привозимых ежегодно из России для различных нужд города, а может, лучше сказать, из-за недобросовестности этих купцов и сговора, оказалась такая нехватка сахара, что его обычная цена за пуд 50–60 рублей внезапно подскочила теперь до 80»⁵⁰.

П.Н. Свистунов так описывал ситуацию сахарного дефицита, возникшую у заключенных в Петровском Заводе: «Я помню, что раз перед годичною верхнеудинской ярмаркой оскудел в Петровском запас сахара; некоторые из нас, в том числе и я, ввиду установившейся дороговизны отказались от чая.

⁴⁶ Неизданные письма М.Н. Волконской. С. 29.

⁴⁷ Шахеров В.П. Иркутск купеческий : История города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006. С. 59, 62.

⁴⁸ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник : в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2. С. 664.

⁴⁹ Там же. С. 292.

⁵⁰ Там же. С. 483.

С.П. Трубецкой, узнав об этом, принес целую голову сахара и чуть не со слезами упрашивал нас не подвергать себя лишению, которое может вредно повлиять на наше здоровье»⁵¹.

Сахарная голова весила около половины пуда (8 кг) и стоила почти 23 рубля. Соответственно, пуд сахарной головы обходился закупщикам в 45–46 рублей⁵². Согласно ценам, указанным в фактуре на товары для М.Н. Волконской, цена сахара-рафинада составляла почти 52 рубля за пуд⁵³.

Н.И. Лорер вспоминал, что, покидая Петровский Завод, Е.П. Нарышкина обменяла свой дом на две головы сахару⁵⁴.

В 1835 г. «каинским купецким сыном Поздышевым» было доставлено «государственному преступнику Фонвизину» сахара «пудов до 15»⁵⁵, 20 октября 1836 г. купецким внуком Щеголевым в Красноярск Н.Д. Фонвизиной в числе прочих вещей и продуктов было доставлено 6 пудов и 38 фунтов сахара-рафинада⁵⁶. Двенадцать пудов сахара получила в 1836 г. М.Н. Волконская, по 4 сахарных головы прислали в 1837 г. М.Ф. Митькову и П.Н. Свистуну. В этом же году семь сахарных голов получил Н.А. Панов, а годом ранее более 8 пудов доставили в Красноярск С. Г. Краснокутскому⁵⁷. В 1840 г. не дождался 4 пудов и 10 фунтов сладкого продукта М.С. Лунин, о чем он уведомил иркутского земского исправника М.И. Березовского в письме из Урика⁵⁸.

Значительное место в продуктовой корзине многих декабристов занимало вино. Предпочтение отдавалось популярным маркам – столовому красному вину «Медок» (красное бордоское вино из района Медока), согласно московским ценам 1832 г. – 1 р. 25 к. за бутылку, 58 р. за ящик, крепкой десертной «Малаге» и ост-индской «Дреймадере», соответственно – 2 р. и 90 р.; 6 р. и 150 р. В октябре 1836 г. дорогие сорта бордоских вин «Сотерн», «Барсак», а также «Шато-Мерло» и «Малага» в количестве 135 бутылок весом в 25 пудов, предназначенные для братьев Муравьевых, доставил в Иркутск томский мещанин Сапожников⁵⁹, а 13 сентября 1837 г. московский торговец Филипп Васильевич Депре поставил братьям Муравьевым 160 бутылок сотерна, марго, малаги, укуса⁶⁰.

В «Книге на записку посылок, принадлежащих государственным преступникам и их женам» от 3 ноября 1835 г. сохранилась запись о получении посылки на имя Е.И. Трубецкой. «В ящике в рогоженой укупорке, кроме разных продуктов, находилось медоку – 96 бутылок, сент-сотерну – 48, малаги – 24, люнели – 25, мадеры – 60 бутылок»⁶¹. Ром и коньяк получали М.Ф. Митьков, П.Н. Свистунов.

⁵¹ Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 2002. С. 359.

⁵² Подсчитано по: ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 13а. Карт. 23. Л. 346.

⁵³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 13. Карт. 23. Л. 461.

⁵⁴ Лорер Н.И. Записки декабриста. С. 151.

⁵⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 9. Карт. 21. Л. 72.

⁵⁶ Там же. Д. 13а. Карт. 23. Л. 220.

⁵⁷ Там же. Л. 218.

⁵⁸ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. С. 260.

⁵⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 13 а. Карт. 23. Л. 185.

⁶⁰ Там же. Д. 26 а. Карт. 26. Л. 150–152.

⁶¹ Там же. Д. 2. Л. 11 об.

Путешествие дорогих вин в Сибирь было долгим. Бутылки упаковывались в ящики, полуящики и четверть-ящики. Доставить вино в стеклянной таре в полной сохранности было практически невозможно. Случались и кражи. При доставке получателю недостача бутылок с вином списывалась на «традиционный» бой стеклянной тары. Подобный «казус» произошел с вином, которое выслала А.Н. Волконская для своего сына по просьбе невестки, – бутылки пришли разбитые. В дальнейшем эти обстоятельства заставили получателей отказаться от стеклянной тары и отдать предпочтение укупорке вин в виде анкерных бочонков. Такие емкости приходили Волконским, М.Ф. Митькову, братьям Муравьевым, П.Н. Свистуну, супругам Ивашевым.

Французские вина на столах декабристов не были исключительным явлением. Виноградному вину, как и во времена Гиппократа, приписывались многие целебные свойства. Рейнвейн и херес повсеместно применялись для лечения больных. Для М.Н. Волконской вино служило средством для улучшения качества питьевой воды. В письме к свекрови от 18 июня 1827 г. из Нерчинска она просит прислать хороших вин, чтобы подмешивать их к воде, «потому что здешняя вода очень вредна»⁶².

В своих записках А.Е. Розен упоминал о подарке Е.И. Трубецкой – бутылке токайского вина из погребов графа Лавалья, которую он хотел использовать в случае болезни жены⁶³. С просьбами о присылке вина М.Н. Волконская неоднократно обращалась к свекрови⁶⁴. Не только лечебными свойствами славились винные напитки. Благодатских узников вино спасало от депрессии, служило восстановительным средством после каторжных работ.

В «Записках» С.М. Волконского находим тому подтверждение: «Доктор прописал Сергею Григорьевичу, сильно ослабевшему в каторжных работах, вина, по рюмке в день». М.Н. Волконская вспоминала, как накануне ее отъезда из Благодатска комендант С.Р. Лепарский позволил получить от нее для больного Сергея Волконского «две бутылки вина мадеры и одну водки, чтобы производить, по усмотрению его, Волконскому порцию по две рюмки в сутки одного из сих напитков»⁶⁵.

В Петровский Завод вино привозили из Китая кяхтинские купцы Н.М. Игумнов, В.Н. Баснин, Н.П. Боткин⁶⁶.

Крупные поставки вина из Европы отчасти объяснялись тем обстоятельством, что в первой четверти XIX в. в России только начиналось производство виноградных вин. Первые образцы, которые производились в Крыму и Кизляре, не отличались высоким качеством. Только к началу 1890-х гг. они стали на равных конкурировать с лучшими европейскими марками. «Виноградные вина, – свидетельствовал сибирский писатель И.Т. Калашников,

⁶² Письма кн. М.Н. Волконской из Сибири... С. 28.

⁶³ *Розен А.Е.* Записки декабриста. С. 274.

⁶⁴ Письма кн. М.Н. Волконской из Сибири... С. 28, 52, 79.

⁶⁵ Записки княгини Марии Николаевны Волконской : с предисловием и приложениями издателя князя М.С. Волконского : 2-е изд. СПб., 1906. С. 150.

⁶⁶ *Даревская Е.М.* Декабристы в Забайкалье и соседние страны // Памяти декабристов. Иркутск, 1975. С. 159.

– были дороги и употреблялись мало. Доставка их в Иркутск была крайне затруднительна»⁶⁷.

В числе коммерческих предприятий, которыми на поселении занимались декабристы, были откупа. Занятие этим видом коммерции вызывало осуждение со стороны многих декабристов, видевших в нем способ нечестной наживы. В письме от 24 октября 1855 г. Волконский, оправдывая Бечасного, который служил по откупам, писал: «<...> жаль для нашей славы, но необходимо для обеспечения средств жизни его огромному семейству»⁶⁸.

Другой декабрист, В.Ф. Раевский, служил комиссионером в питейном откупе с жалованьем 3000 руб. в год, т. е. занимался поставками казенного вина в разные места Восточной Сибири, о чем сообщал в письме Г.С. Батенькову от 25 июля 1861 г.⁶⁹

Также служили в Сибири по откупам декабристы А.Ф. Фролов, И.В. Киреев. Последний испытывал нравственные муки от несоответствия его предпринимательской деятельности своим жизненным идеалам.

По свидетельству современников, к 1840-м гг. иркутское светское общество вело роскошную жизнь. Из Парижа выписывались предметы роскоши, в огромных количествах вино и шампанское.

«Шампанское вино в России, – сообщал П.И. Кеппен, – в столь великом употреблении, что без них или, по крайней мере, без сходствующих с ними донских и других шипящих вин редко обходятся за большими обедами»⁷⁰. По словам Н.С. Щукина, в то время шампанское пили даже на Колыме⁷¹.

Это утверждение можно принять с некоторыми оговорками, поскольку все пенные вина, как уже отмечалось, местное население относило к категории шампанских. В письмах декабристов нередко упоминаются подобные сорта, но исключительно под названием «шипучее». Настоящее французское шампанское в Сибири было большой редкостью.

Среди продуктов повседневного спроса одно из главных мест занимал табак. Лишить арестанта табака считалось более жестоким наказанием, чем отказать, к примеру, в чаепитии.

В описях вещей, изъятых у декабристов при аресте, повсеместно встречаются табачные аксессуары: трубки разной конструкции, чубуки, табак в кисетах⁷². Очевидно, что в дальнейшем курительные принадлежности возвращались заключенным.

А.С. Гангеблов так описывал свое заключение в Петропавловской крепости: «Курить позволено было с тех еще пор, как крепость начала наполняться арестованными, и каждому из них отпускался тот сорт табаку, к какому кто привык; удовлетворение этой необходимой прихоти исходило от щедрот

⁶⁷ Калашиков И.Т. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 284.

⁶⁸ Волконский М.П. Письма декабриста С.Г. Волконского // Записки ОР ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 395.

⁶⁹ Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности : в 2 т. Иркутск, 1983. Т. 2. С. 446.

⁷⁰ Кеппен П.И. О виноделии и винной торговле в России. СПб., 1832. С. 30.

⁷¹ Щукин Н.С. Житье сибирское в давних преданиях и нынешних впечатлениях // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 216.

⁷² ВД. Т. 23. С. 65, 68, 69.

в. к. Михаила Павловича, который сам был большой любитель курения»⁷³. А.Е. Розен вспоминал: «На Страстной неделе разрешено было императором, что арестанты в крепости могут получать книги духовного содержания, трубки и табак. Это было уже действительное облегчение для нас и роскошь после продолжительного лишения. Давно уже отвыкнув от трубки, принялся за нее с наслаждением <...>»⁷⁴.

Курительная трубка воспринималась как символ принадлежности к дворянскому сословию. «Что за дворянин, согласитесь, без трубки в зубах, а ведь я еще дворянин! <...> Если в дарованной дворянской грамоте не упомянуто о праве курения табаку, то это потому, что это право само собой подразумевается за дворянами», – убеждал плац-майора Петропавловской крепости Подушкина А.В. Поджио⁷⁵.

В «отряде страстных курильщиков» находились С.Г. Волконский, который «скорее обошелся бы без хлеба, чем без табаку», И.Д. Якушкин, А.З. Муравьев, С.П. Трубецкой, А.М. Муравьев, А.П. и П.П. Беляевы, А.Н. Муравьев, П.А. Муханов, М.С. Лунин, Н.А. Панов, Ф.Ф. Вадковский, Ф.Б. Вольф, А.В. Поджио. Неудивительно, что в письмах жен декабристов к родственникам часто содержатся просьбы пополнять почаще запасы табака. Табак и курительные принадлежности присылались в Сибирь с каждой оказией. В каждой посылке находилось место для табачных картузов и аксессуаров. М.А. Фонвизин писал И.Д. Якушкину из Енисейска 18 марта 1835 г.: «Поблагодари от меня княгиню за подробности, которые она сообщает мне, за табачный мешок (уверен, что прекрасный), посланный ко мне, но не полученный. Этот подарок тем для меня драгоценнее, что он ее работы, и мне чрезвычайно будет жаль, если он пропадет, надеюсь, однако, что этого не случится»⁷⁶. Е.П. Нарышкина в письме к Е.А. Шаховской от лица П.А. Муханова благодарит его матушку, пославшую ему табак по почте: «Он вас предупреждает, что не хочет больше пользоваться дорогим табаком и что надо посылать ему такой, что продается по три рубля за фунт у Симеоновского моста в Петербурге»⁷⁷.

Запасы пополнялись родственниками в московских и петербургских магазинах. Цены на табак зависели в первую очередь от качества продукта. Учитывалось также и то, из каких мест он был доставлен. Московские цены были ниже столичных. В письме А.Г. Муравьевой к В.А. Муравьевой от 23 октября 1830 г. содержалась просьба прислать А.З. Муравьеву «табаку турецкого, крупной крошки, он говорит, что любит его и курит с удовольствием и что он значительно дешевле, если только <...> покупать его в Москве»⁷⁸. Ранее, в письме от 8 июля 1829 г., она сообщала: «Его любимый табак <...> по 6 руб., который можно купить по 5 руб., если берешь больше 10 фунтов сразу»⁷⁹. Скорее всего, речь шла об американском курительном

⁷³ Гангелов А.С. Воспоминания декабриста. С. 102.

⁷⁴ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 161.

⁷⁵ Поджио А.В. Записки, письма. С. 114.

⁷⁶ Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 1. С. 150.

⁷⁷ Муханов П.А. Сочинения, письма. С. 218.

⁷⁸ Муравьев А.З. Письма. С. 253.

⁷⁹ Там же. С. 203.

табаке «под черным кораблем Р.А.» на оболочке, который продавался в московском магазине Н.И. Хатунцова по 5–6 руб. за мешок или от 1.80 руб. до 3 руб. ассигнациями за один картуз.

Кроме крепких черкесских и турецких табаков, декабристы получали и более мягкие, французские сорта «Де Лафер» («делаферм»), а также российские – фабрик Суханова, Кутулы, Жукова.

Василий Григорьевич Жуков выпускал табак двух сортов. Табак 1-го сорта в белых бумажных пакетах (картузах) продавался по три рубля за фунт, табак 2-го сорта – «вакштаф» в синих картузах – по два рубля за фунт. Жуковский вакштаф был настолько популярен, что некоторые называли его «лакомством». Впрочем, свидетельства современников о «жуковом табаке» противоречивы. По их воспоминаниям, даже скромно жившие своекоштные студенты Казанского университета в 40-е гг. XIX в. не доходили до такой крайности, чтобы курить жуковский табак. Весьма вероятно, что в данном случае речь идет о табаке 2-го сорта, который фабрика Жукова выпускала для широких слоев населения России. Возможно, А.М. Муравьев предпочитал именно этот сорт, так как в одном из писем к матери просил прислать табак – «но только по 4 р[убля]»⁸⁰.

Высококачественные сорта готовились на фабрике Жукова примерно раз в неделю по специальным заказам.

В письмах братьев Бестужевых встречаются сведения и о китайском табаке. Николай Бестужев 21 сентября 1839 г. писал брату Павлу: «Готовим тебе табак китай[ского]»⁸¹. Михаил Бестужев также в письме от 21 сентября 1839 г. сообщал брату: «Табак китайский я достал для тебя и пришлю с будущею почтою. Ежели ты привык к нему, то можно будет снабжать постоянно. Скажи, не нужно ли послабее или покрепче. У нас есть разные»⁸².

Несмотря на то что китайский курительный продукт – «шар» – продавался по вполне доступным ценам (10 рублей за пуд), большинство жителей обходилось как привозным украинским табаком «бакуном», так и местными видами, из которых примитивным способом изготовляли курительную смесь в виде махорки.

По поводу местного табака известно мнение А.З. Муравьева: «ужасно дорог и столь плох, что почти невозможно курить его»⁸³. Дорог был и турецкий табак. В середине XIX в. в Иркутске фунт заморского зелья стоил умопомрачительные 203 рубля серебром⁸⁴.

Из реестров посылок, а также из записок, писем и воспоминаний каторжан известно, что почтовые чиновники часто изымали или подменяли турецкий табак на низкокачественный сорт⁸⁵.

Проблема отсутствия табака для многих декабристов остро встала в период заключения в Читинском остроге. Некоторые, как С.Г. Волконский, пы-

⁸⁰ *Муравьев А.М.* Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 126.

⁸¹ *Бестужев Н.А.* Сочинения и письма. С. 414.

⁸² *Даревская Е.М.* Декабристы в Забайкалье и соседние страны. С. 160.

⁸³ *Муравьев А.З.* Письма. С. 317.

⁸⁴ *Сабиньский Ю.-Г.* Сибирский дневник. Т. 2. С. 692.

⁸⁵ *Штрайх С.Я.* Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 1930. С. 140; *ГАИО.* Ф. 24. Оп. 3. Д. 28. К–27. Л. 122.

тались выращивать его на своих грядках. Для этого выписывались из России семена, различные агротехнические руководства, в частности пособие Д. Готгарда «Наставление о разведении и обработовании табака», а также «Наставление о разведении табаку и приготовлении оного» Г. Ливотова.

Позже, оказавшись на поселении в Минусинском округе, П.П. и А.П. Беляевы, используя агротехнические знания, полученные в читинском каземате, с успехом выращивали табачную культуру в более благоприятных климатических условиях. В отличие от братьев Беляевых, которые на поселении с успехом занимались коммерцией, П.И. Фаленберг был весьма стеснен в средствах, и единственным его достоянием был доход с табачной плантации, с которой он получал около 40 пудов табака⁸⁶.

Табачным делом П.И. Фаленберг начал заниматься в 1837 г. В майском донесении волостного правления о поведении государственных преступников говорится, что «Фаленберг начинает заниматься разведением табачной плантации у себя при доме». Как и Волконский, он выписывает специальную литературу по данному вопросу. В июле 1837 г. П.И. Фаленберг получил письмо с приложением книги «Наставление о разведении табака». В 1845 г. «енисейскому губернатору понадобились сведения о развитии табачной промышленности в губернии; Минусинский земский суд рапортом донес, что в Шушенской волости лучше всех посевом табаку занимается госуд. преступник Фаленберг»⁸⁷.

Жизнь на поселении для многих декабристов стала тяжелым испытанием. Н.В. Басаргин готовился к новой жизни заранее: «Я еще в Петровском заводе, – вспоминал декабрист, – думал о том, что ожидает меня на поселении, и нарочно хотел испытать себя, могу ли я перенести самый строгий образ жизни как в отношении пищи, так и других необходимых потребностей. Я решил в продолжение шести месяцев питаться одним черным хлебом, молоком и яйцами, отказавшись от чая, говядины, рыбы, куренья табаку, и выдержал этот срок, не чувствуя больших лишений и не замечая, чтоб здоровье мое от того потерпело. Испытав себя таким образом, я спокойнее стал смотреть на ожидавшую меня будущность»⁸⁸.

П.А. Муханов, напротив, полагал, что «образ жизни настолько зависит от места поселения, что к этому трудно подготовиться заранее»⁸⁹. Жизненно важной для поселенцев становилась проблема обеспечения себя съестными припасами, которая осложнялась запретом покидать места поселения. Только в 1835 г. «государственным преступникам» было разрешено отлучаться на непродолжительное время, не далее одной волости, при дозволении местного начальства и при строгом надзоре.

М.С. Лунин констатировал: «Провизию можно достать только в городе. Я не имею возможности ходить туда, посылать некого и не всегда могу купить, так как все очень дорого»⁹⁰. При таких обстоятельствах по-прежнему оста-

⁸⁶ Кузьмин А.К. Минусинские ссыльные // Декабристы : сб. материалов. Л., 1926. С. 55.

⁸⁷ Косованов А.П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова : (по новым данным архива Мартыановского музея) // Декабристы в Минусинском округе. Минусинск, 1925. С. 62.

⁸⁸ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 187.

⁸⁹ Муханов П.А. Сочинения, письма. С. 290.

⁹⁰ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. С. 247.

валось надеяться на продовольственную помощь со стороны родственников. Продукты покупались оптом на весь год на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, а также в столичных магазинах. В письмах декабристов встречаются просьбы приобретать продовольственные товары у известных столичных торговцев. А.Ф. Бриген писал жене из Кургана 9 февраля 1840 г.: «Я теперь во всем нуждаюсь, как в деньгах, так и в домашней провизии, которая немного не дотянула до Ирбитской ярмарки <...>»⁹¹.

Значительная часть поселенцев была вынуждена искать разные способы для заработка: одни занимались земледелием, другие промышляли рыбой, торговали хлебом, брали винные откупа, выращивали на продажу табак, обзаводились хозяйством. Из-за неблагоприятных климатических условий (ранние заморозки, плохая почва), природных катаклизмов (засуха, нашествие саранчи, эпизодии) не всегда удавалось получать доход. «Хлебопашество мое идет посредственно: работа дорога, и цена хлебу будет от 25 до 30 копеек, следовательно, никакой выгоды», – писал П. Муханов Е.А. Шаховской из Братского острога осенью 1836 г.⁹²

Спустя семь лет, находясь на поселении в Усть-Куде, с более благоприятным климатом, декабрист подвел годовой итог своей хозяйственной деятельности: «Огурцов было у меня 7000 больших, из коих продал на 125 рублей, что очень полезно, других овощей продал рублей на 100. <...> я надеюсь на будущий год, если жив буду, получить до 500 руб. дохода со своего огорода. <...> Хозяйство мое очень исправно <...>. Корова славная, пара лошадей, птица и множество свиней – следовательно, мужик я не худой»⁹³.

Несмотря на трудности с продовольственным обеспечением, большинство поселенцев все же сводили концы с концами. Н.О. Мозгалевский, сосланный «на край света», в Нарым, занимался подледным ловом, добывая обскую рыбу, но не всегда удавалось вернуться с реки с хорошим уловом. Трагически закончилась зимняя рыбалка на Енисее для А.П. Арбузова⁹⁴. Вполне материально обеспеченный П.Н. Свистунов по ночам ловил рыбу сетью в Ангаре.

Тем же промыслом собирался заняться М.С. Лунин, когда власти запретили ему иметь ружье для охоты. Он просил сестру Е.С. Уварову прислать ему хорошую удочку с крючком. «Надо надеяться, – иронизировал декабрист, – что подобное оружие не встретит тех же препятствий. Не захотят же запретить бедному ссыльному удить себе рыбу на ужин»⁹⁵.

В середине лета 1836 г. П.Н. Свистунов так обрисовал продовольственную проблему на поселении: «Здесь пока нет торговли мясом, еще не появились овощи, а баранина, куры или свинина продаются очень дорого или же не продаются вовсе. У каждого крестьянина есть на дворе птица, но он не хочет ее продавать, и я остаюсь без всего»⁹⁶.

⁹¹ Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. С. 134.

⁹² Муханов П.А. Сочинения, письма. С. 336.

⁹³ Там же. С. 377.

⁹⁴ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 342.

⁹⁵ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. С. 247.

⁹⁶ Свистунов П.Н. Сочинения и письма. С. 236.

Причина отказов в большинстве случаев заключалась в том, что излишки продукции крестьяне старались реализовывать на сельских ярмарках или городских рынках, чтобы на вырученные деньги покупать необходимые товары.

Очевидно, чтобы восполнить отчасти дефицит сельскохозяйственных продуктов, П.Н. Свистунов решил завести огород. Результаты оказались плачевными. «Огурцы мои замерзли <...>. Весь мой огород представляет столь грустную картину, что не хватает духу на него смотреть», – писал декабрист сестре Александре в июне 1837 г.⁹⁷ «В течение шести месяцев у меня хранится в замороженном виде суп. Зимой в жертву моему и моих людей аппетиту были принесены три быка. К тому же Алексей прислал мне съестные припасы. С наступлением весны я вновь примусь за омлет и мелкую речную рыбу, а кроме того, у меня будет и отварная курица <...>»⁹⁸.

Благодаря помощи брата Алексея, к апрелю 1837 г. П.Н. Свистунов вполне освоился на новом месте жительства. В хозяйстве у него были корова, куры, гуси и пять собак. Провизия от родственников помогала декабристу разнообразить свой стол.

В описи вещей, полученных Петром Свистуновым 12 января 1837 г., значатся окорока, сыр, семга, балык, 2 бочонка сельди, 2 бочонка анчоусов, 3 банки пикулей, 3 банки сои, винные ягоды, изюм, чернослив, миндаль, чай, сахар, кофе, а также ром, коньяк и ведерный бочонок мадеры⁹⁹.

Значительную часть времени, столь необходимого для чтения книг и занятий музыкой, Свистунов тратил на приготовление пищи, и это приводило его в отчаяние. К 1840 г. проблема была решена благодаря сестре Глафире, которая прислала в Курган «славных людей». «Они не могут изобрести ни пирожных, ни котлет, ни отбивных, но зато превосходно пекут хлеб и готовят жаркое»¹⁰⁰.

В России иметь хорошего повара считалось привилегией аристократов. Как правило, приглашали поваров-иностранцев. У них кулинарному мастерству обучались крепостные люди. В Сибири за неимением искусных поваров приходилось нанимать кухарок илистряпок. В других случаях обходились одним слугой, который мог готовить еду, стирать белье, следить за хозяйством, быть кучером и рассыльным. Е.П. Оболенский жаловался И.И. Пущину в письме от 17 октября 1839 г.: «<...> хозяйка решительно ничего не умеет стряпать, кроме своего карымского чая и простых своих щей»¹⁰¹. М.А. Фонвизин всегда сам занимался приготовлением обедов.

Как вспоминала М.Д. Францева, дочь тобольского исправника, которая была близка с семейством Фонвизиных: «В Тобольске, при обилии рыбы и разнородной дичи, стол у них всегда был прекрасный. Сухие же продукты, как то: миндаль, чернослив, грецкие и другие орехи, кофе, горчица, конфе-

⁹⁷ Там же. С. 245.

⁹⁸ Там же. С. 241.

⁹⁹ ГИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 26. Л. 45.

¹⁰⁰ Свистунов П.Н. Сочинения и письма. С. 319.

¹⁰¹ Письмо Е.П. Оболенского к И.И. Пущину 17 октября 1839 года // Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. М., 1926. С. 91.

ты, масло прованское и т. п., присылались им пудами прямо из Москвы, так что недостатка они ни в чем не имели»¹⁰².

Исторических сведений и документальных материалов, характеризующих бытовую сторону жизни семейных декабристов на поселении, сохранилось немного. Основными источниками являются письма и воспоминания. В них содержатся сведения, которые помогают детализировать картину пребывания декабристов в Сибири. Таковыми, в частности, являются письма В.Л. Давыдова, в которых раскрывается бытовая сторона жизни его большого семейства.

В начале 1840 г. в письме к Е.П. Оболенскому декабрист с грустной иронией сообщает: «Что до нашего образа жизни, то он довольно уединенный и не очень отличается от того, каким был в Петровске. <...> Я хотел попробовать не есть, потому как продукты ужасно дороги, но это мне не удалось, не знаю почему. Дела наши идут хорошо, мы совсем не тратим деньги, потому что у нас нет ни гроша, и тот, кто вздумал бы обокрасть нас, оказался бы набитым дураком»¹⁰³.

В 1842 г. в письме к дочери М.В. Фелейзен В.Л. Давыдов дал краткое описание семейного меню. «В прошлом году наш обед состоял из трех блюд и ужин из двух. В этом году мы ограничили обед двумя, включая суп, а ужин одним. Мы можем позволить себе одну бутылку вина в неделю; в этот день на ужин у нас два блюда. Вот уже полгода, как я отказался от пива»¹⁰⁴.

Стоимость основных продуктов определялась многими внешними и внутренними обстоятельствами: урожайностью сельскохозяйственных культур, торговой конъюнктурой на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, откуда шла основная масса товаров в Сибирь, состоянием внешней торговли России, а также удаленностью от российских рынков, плохими путями сообщений, которые напрямую зависели от экономического развития страны.

Показателен пример с хлебом, цена на который являлась одним из показателей уровня жизни населения.

В 1830 г. пуд ржаной муки в Красноярске обходился покупателям от 0,34–0,45 руб. за пуд, пшеничной – от 0,55–0,70 руб. за пуд¹⁰⁵. В 1834 г. в Енисейске пуд ржаной муки стоил 55 коп., а хорошей пшеничной муки – 80 коп. за пуд¹⁰⁶. В Томске и Красноярске – от пяти до шести рублей за пуд ржаной муки¹⁰⁷.

Белый хлеб в Сибири был редкостью. «<...> В целой Сибири, кроме Иркутска, – писал А.Ф. Бриген, – нет белого хлеба, а только дурной пшеничный»¹⁰⁸.

¹⁰² Фонвизин М.А. Сочинения и письма : в 2 т. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 332.

¹⁰³ Давыдов В.Л. Сочинения, письма. Иркутск, 2004. С. 99–100.

¹⁰⁴ Там же. С. 146.

¹⁰⁵ Комлева Е. Миллионщики и просто первогильдейцы // Родина. 2007. № 5. С. 111.

¹⁰⁶ Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 1. С. 141.

¹⁰⁷ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 209.

¹⁰⁸ Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. С. 98.

Только в 30-х гг. в Иркутской губернии появились крупчатые мельницы, которые перерабатывали пшеницу в белую муку – крупчатку. До их открытия ее привозили из Европейской России и продавали по дорогой цене¹⁰⁹.

Начиная с 1840-х гг. в письмах сибирских изгнанников все чаще встречается слово «дороговизна».

С 1835 г. в Забайкалье началась полоса неурожая, которая докатилась к 1837 г. до Енисейской губернии, что поставило ее на край полного разорения и привело к значительному повышению цен на сельскохозяйственную продукцию. Еще больше цены на продукты питания возросли после открытия месторождений золота в Енисейской губернии. Цены на ржаную и пшеничную муку выросли соответственно до 3 ½ и 4–4 ½ рублей за пуд. Золотопромышленники вынуждены были платить от пяти до шести рублей за пуд ржаной муки и по 12–15 рублей за пуд мяса. Для многих неимущих декабристов, разбросанных по разным областям Сибири, это становилось настоящим бедствием.

В то же время цены на хлеб в 1840–1850 гг. в Тобольской губернии были сравнительно дешевы. Стоимость ржаной муки колебалась от 19 до 28 коп. за пуд; пшеничной – от 31 до 45 коп. за пуд¹¹⁰. Низкие цены на рожь объяснялись тем, что сибирская житница была отделена от рынков сбыта плохими путями сообщения.

Неурожаи сельскохозяйственных культур, резкий рост цен на основные продукты питания вынуждали даже вполне материально и финансово обеспеченных декабристов вновь и вновь обращаться к родственникам за продовольственной помощью.

Продукты, которые получали Волконские, Трубецкие, Муравьевы, Фонвизины в этот период в достаточно полном объеме, отражают разнообразие их стола. Это рис, перловая крупа, пармезанский и швейцарский сыры, чечевица, макароны, вермишель, прованское масло, кофе, изюм, чернослив, анчоусы, каперсы, французские вина – медок, сотерн, испанские – мадера, малага.

В списках вещей, отправленных Волконским в Сибирь, видим не только такие редкие для Сибири кухонные предметы, как кофейная машинка, но и разнообразные столовые приборы: «чашки для шампанского»¹¹¹, бокалы и водочные приборы. Это подтверждает тот факт, что в XIX в. в России сложилась знаковая система, где определенным винам соответствовали строго регламентированные виды бокалов.

Посуда и приборы из столового серебра, скатерти, салфетки, светильники со свечами, сервировка стола, количество блюд – все эти элементы застолья имели важный социокультурный смысл и неукоснительно соблюдались хозяевами при приеме гостей.

Польский ссыльный Ю. Сабинский отмечал высокий, «европейский» уровень обедов у Волконских. От взгляда писателя И.А. Гончарова не укры-

¹⁰⁹ История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Л., 1968. Т. 2. С. 403.

¹¹⁰ Там же. С. 369.

¹¹¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 13. Карт. 23. Л. 462 об.

лось, что жилища декабристов были «сложены из бревен, с паклей в пазах <...>. Но подавали там все на серебре <...>»¹¹².

Считается, что в России меню дворянской семьи представляло собой смешение блюд традиционной русской кухни с блюдами иностранной – французской, английской, итальянской. Английские ростбиф, бифштекс, пудинг, итальянские штуфат и макароны прочно вошли в бытовой обиход русского дворянства.

Традиционные английские мясные блюда прижились в России и пользовались популярностью среди дворян. Декабрист А.П. Беляев вспоминал свое пребывание в Кронштадте в гостинице англичанина Стиворда: «Комнаты в гостинице были очень опрятны, постели с занавесками и безукоризненно чистым бельем; сытный английский обед с неизменным, хотя и превосходным, ростбифом и картофелем, английский чай в общей зале, с яйцами, сыром, ветчиной и бутербродами, все это было так чисто, вкусно и хорошо, что нельзя было желать ничего лучшего»¹¹³.

Во время путешествия на фрегате «Паллада» И.А. Гончаров неоднократно описывал обеды по-английски, которыми угощали членов команды в разных частях света. «На столе стояло более десяти покрытых серебряных блюд, по обычаю англичан, и чего тут не было! <...> передо мной поставили суп, и мне пришлось хозяйничать <...>. Почти перед всяким стояло блюдо с чем-нибудь. Перед одним кусок баранины, там телятина, и почти все *au naturel*, как любят англичане, жаркое, рыба, зелень <...>. Как необходимая принадлежность к нему, подается особо вареный в одной воде рис»¹¹⁴.

С 20-х гг. XIX в. в России начали входить в дворянскую гастрономическую моду итальянские макароны, которые подавали с пармезаном. Рецепт их приготовления был следующим: «Отвари макароны в бульоне с солью, перцем и тертым мускатным орехом, и коль скоро они будут свободно подаваться под пальцами, вынь их и переложи в кастрюлю с коровьим маслом, наскобленным сыром пармезаном, крупно толченым перцем и малою долею сметаны. Когда сыр распустится, положи макароны, обсыпав их тертым мякишем белого хлеба; облей растопленным коровьим маслом и дай зарумяниться в печи под разогретым противнем или вода над макаронами железной раскаленной лопаткою»¹¹⁵. «Королева овощей» спаржа также подавалась с тертым сыром и различными соусами. В реестрах продуктовых посылок декабристам часто встречаются необходимые для этого ингредиенты: итальянские макароны, швейцарский и пармезанский сыры, пряности, специи.

В письмах декабристов упоминаются также названия некоторых блюд, которые они могли готовить, находясь на поселении. Это жаркое из дичи «сальми», бифштекс.

Некоторые поселенцы дополняли свой стол национальными блюдами. А.П. Юшневский любил угощать гостей малорусской и польской едой, а также разваренной кукурузой, выращенной им в суровом сибирском климате.

¹¹² Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. С. 612.

¹¹³ Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. С. 76.

¹¹⁴ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». С. 114.

¹¹⁵ Ипполитов С. Чем кормили А.С. Пушкина в имении семьи Гончаровых // Родина. 2016. № 8. С. 100.

А.В. Поджио и П.А. Муханов разводили в Урике разные сорта дынь и также угощали ими своих друзей и знакомых.

М.К. Юшневская так описывала жизнь в Малой Разводной в письме к И.И. Пущину: «Арт[амон] Зах[арович] чрезвычайно рад, что мы здесь, в Разводной, во время нашего пребывания на одном дворе с ним <...>. Стол у нас общий, даже люди его и наши обедают вместе. Для Борисовых готовят у меня же, хлебы пекут и проч. Одним словом, все, что по хозяйственной части, на моем попечении. Арт[амон] Зах[арович] упрашивал нас принять его в долю неотступно, желал, чтобы мы назначили третью часть месячного содержания. Мы очень поняли, как ему неловко было, покуда мы не согласились взять 60 рублей в месяц. Да для людей покупает он сам месячную пропорцию мяса, круп, сала и муки. Все делается по моему назначению, и все идет чудесно по хозяйственной части»¹¹⁶.

Находясь на поселении в разных местах Сибири, декабристы не только вели культурно-просветительскую деятельность, но и своим образом жизни демонстрировали идеал бытового поведения, при котором соблюдение правил дворянского застолья являлось непременным условием.

В то время в соответствии с местными правилами, принятыми в городской мещанской и купеческой среде, на стол выставлялось все разом. «Чай, сладкое вино, мороженые яблоки, такой же лимон, хлеб с маслом, водка – все вместе, беспорядочно, по сибирскому обычаю»¹¹⁷. Такой порядок сервировки стола сохранялся на протяжении многих лет.

Американский журналист Дж. Кеннан писал, как он вместе со своим товарищем был в гостях у сибирского фабриканта Колмакова, где их угостили ужином из икры, маринованных грибов, семги, разной дичи, белого хлеба, пирожного, дикой земляники, водки, двух-трех сортов вин и, наконец, чая¹¹⁸.

Не случайно, что во второй половине XIX в. появляются многочисленные руководства по застольному этикету, адресованные представителям среднего сословия, которое составляли купцы и небогатые чиновники.

Как менялась провинциальная культура застолья, видно на примере семьи купца Наквасина. П.Е. Анненкова в «Воспоминаниях» приводит два эпизода, связанных с посещением дома Наквасиных в Иркутске: «Вообще они жили очень богато <...>. Но роскошь их была только наружная и ограничивалась парадными комнатами, а вообще они жили очень грязно. Что кидалось мне более всего в глаза, это столовое белье, которое было очень грубое, очень редко менялось и совершенно не отвечало, как и вся вообще сервировка стола, очень вкусным и великолепным обедам. Мне весьма хотелось им высказать, что при их богатстве следовало прежде всего обратить внимание на белье <...>».

Девять лет спустя, когда из Петровского Завода нас перевели на поселение и мы остановились проездом в Иркутске, Наквасины пригласили меня со всей моей семьей обедать. Они были совсем уже другие люди <...> и с

¹¹⁶ Зейфман Н.В. Неизданные письма к И.И. Пущину (А.П. и М.К. Юшневские) // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 149.

¹¹⁷ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник. Иркутск, 2014. Т. 1. С. 412.

¹¹⁸ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 159.

гордостью показывали мне свое белье, которое действительно было превосходно: все из лучшего батиста и полотна»¹¹⁹.

Этот яркий пример из воспоминаний декабристки показывает, что пребывание декабристов в Сибири не прошло бесследно для сибирского населения. Европейская образованность и воспитание, простота в обращении, отсутствие чувства социальной неполноценности – все эти качества, присущие декабристам, находили отклик в сердцах людей разных сословий. Дворянская культура, в том числе и культура застолья, постепенно проникая в провинциальный мещанский и купеческий быт, меняла его в лучшую сторону.

Литература

Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / изд. подгот. И.В. Порохом / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1988.

Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск, 1990.

Бестужев Н.А. Сочинения и письма / изд. подгот. С.Ф. Коваль / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2003.

Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения / изд. подгот. О.С. Тальской / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1986.

Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л., 1951.

Воспоминания Полины Анненковой: С прил. воспоминаний ее дочери О.И. Ивановой и материалов из архива Анненковых / вступ. ст. Г. Шатровой. Красноярск, 1977.

ВД. Документы. Материалы об имущественном положении декабристов. М., 2016. Т. 23.

Гангелов А.С. Воспоминания декабриста. М., 1888.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М., 1951. Т. 2.

Головинский М.В. Декабрист князь Е.П. Оболенский // Ист. вестник. СПб., 1890. Т. 39. С. 115–145.

Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л., 1986.

Давыдов В.Л. Сочинения, письма / изд. подгот. Т.С. Комаровой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2004.

Даревская Е.М. Декабристы в Забайкалье и соседние страны // Памяти декабристов : К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975. С. 155–197.

Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия. Иркутск, 2007.

Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. М., 1926.

Записки княгини Марии Николаевны Волконской : с предисл. и прилож. издателя князя М.С. Волконского : 2-е изд. СПб., 1906.

Записки княгини М.Н. Волконской / вступ. ст. и примеч. Б.Г. Кокошко. Красноярск, 1975.

Зейфман Н.В. Неизданные письма к И.И. Пущину (А.П. и М.К. Юшневские) // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 107–167.

Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988.

Знаменский М.С. Детство среди декабристов // «...В потомках ваше племя оживет...» / сост. С.Ф. Коваль. Иркутск, 1986. С. 225–244.

Ипполитов С. Чем кормили А.С. Пушкина в имении семьи Гончаровых : кулинарные предпочтения русских помещиков в XIX веке // Родина. 2016. № 8. С. 98–101.

История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / отв. ред. А.П. Окладников. Л., 1968. Т. 2.

Калашиников И. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей / сост., примеч., послесл. М.Д. Сергеева. Иркутск, 1990. С. 255–396.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1988.

Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.

Кептен П.И. О виноделии и винной торговле в России. СПб., 1832.

¹¹⁹ Воспоминания Полины Анненковой. С. 146–147.

- Кодан С.В.* Сибирская ссылка декабристов. Иркутск, 1983.
- Комлева Е.В.* Миллионщики и просто первогильдейцы // *Родина*. 2007. № 5. С. 108–113.
- Косованов А.П.* Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова : (по новым данным архива Мартьяновского музея) // *Декабристы в Минусинском округе*. Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартьянова. Минусинск, 1925. Т. 3. Вып. 2. С. 35–66.
- Кузьмин А.К.* Минусинские ссыльные // *Декабристы : сб. материалов / предисловие В. Невского*. Л., 1926. С. 32–56.
- Лорер Н.И.* Записки декабриста / изд. подгот. М.В. Нечкиной / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1984.
- Лукин М.С.* Сочинения, письма, документы / изд. подгот. И.А. Желваковой, Н.Я. Эйдельманом / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1988.
- Муравьев А.З.* Письма / изд. подгот. Т.Г. Любарской / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2010.
- Муравьев А.М.* Записки и письма / изд. подгот. Г.Г. Лисицыной, Э.Н. Филипповой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1999.
- Муханов П.А.* Сочинения, письма / изд. подгот. Г.В. Чагиным / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1991.
- Неизданные письма М.Н. Волконской // *Тр. Гос. ист. музея. М.*, 1926. Вып. 2. С. 5–116.
- Письма декабриста С.Г. Волконского / публ. М.П. Волконского // *Зап. ОР ГБЛ. М.*, 1961. Вып. 24. С. 352–400.
- Письма кн. М.Н. Волконской из Сибири. 1827–1831 гг. // *Рус. пропилеи. М.*, 1915. Т. 1. С. 1–81.
- Поджио А.В.* Записки, письма / изд. подгот. Н.П. Матхановой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1989.
- Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности : в 2 т. / изд. подгот. А.А. Брегман, Е.П. Федосеевой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1983. Т. 2.
- Розен А.Е.* Записки декабриста / изд. подгот. Г.А. Невелевым / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1984.
- Сабиньский Ю.-Г.* Сибирский дневник : в 2 т. Иркутск, 2014. Т. 1; 2015. Т. 2.
- Свистанов П.Н.* Сочинения и письма / изд. подгот. В.А. Федоровым / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2002.
- Тимощук В.* Станислав Романович Лепарский, комендант Нерчинских рудников и Читинского острога. 1759–1838 : Биогр. очерк // *Рус. старина*. 1892. Т. 75. С. 143–177.
- Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности : в 2 т. / изд. подгот. В.П. Павловой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1987. Т. 2.
- Фонвизин М.А.* Сочинения и письма : в 2 т. / изд. подгот. С.В. Житомирская, С.В. Мироненко / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1979. Т. 1; 1982. Т. 2.
- Цуприк Р.И.* Книга в жизни декабристов на каторге // *Памяти декабристов : К 150-летию со дня восстания Иркутск*, 1975. С. 64–83.
- Шахеров В.П.* Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006.
- Шукин Н.С.* Житье сибирское в давних преданиях и нынешних впечатлениях // *Записки иркутских жителей / сост., примеч., послесл. М.Д. Сергеева*. Иркутск, 1990. С. 125–254.
- Штрайх С.Я.* Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 1930.
- Якушкин И.Д.* Мемуары, статьи, документы / изд. подгот. В.И. Порохом и И.В. Порохом / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1993.
- Cinquante ans de correspondance familiale. 1820–1870*. Париж, 2014.

References

- Basargin N.V.* Vospominaniya, rasskazy, stat'i / izd. podgot. I.V. Porohom / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1988.
- Belyaev A.P.* Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom. Krasnoyarsk, 1990.
- Bestuzhev N.A.* Sochineniya i pis'ma / izd. podgot. S.F. Koval' / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 2003.
- Brigen A.F.* Pis'ma. Istoricheskie sochineniya / izd. podgot. O.S. Tal'skoy / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1986.
- Vospominaniya Bestuzhevyyh / red., st. i komment. M.K. Azadovskogo. M.; L.*, 1951.

- Vospominaniya Poliny Annenkovoy : S pril. vospominanij eyo docheri O.I. Ivanovoj i materialov iz arhiva Annenkovykh / vstup. st. G. Shatrovoj. Krasnoyarsk, 1977.
- VD. Dokumenty. Materialy ob imushhestvennom polozhenij dekabristov.* M., 2016. T. 23.
- Gangeblor A.S. Vospominaniya dekabrista.* M., 1888.
- Gernet M.N. Istoriya carskoj tyur'my: v 5 t. M., 1951. T. 2.*
- Golovinskij M.V. Dekabrist knyaz' E.P. Obolenskij // Ist. vestnik.* SPb., 1890. T. 39. S. 115–145.
- Goncharov I.A. Fregat «Pallada».* L., 1986.
- Davydov V.L. Sochineniya, pis'ma / izd. podgot. T.S. Komarovoj / seriya «Polyarnaya zvezda».* Irkutsk, 2004.
- Darevskaya E.M. Dekabristy v Zabaykal'e i sosednie strany // Pamyati dekabristov: K 150-letiyu so dnya vosstaniya.* Irkutsk, 1975. S. 155–197.
- Darevskaya E.M. Dekabristy v Sibiri i sosednie strany Vostoka – Kitaj, Mongoliya.* Irkutsk, 2007.
- Dekabristy na poselenii. Iz arhiva Yakushkinyh.* M., 1926.
- Zil'bershtejn I.S. Hudozhnik-dekabrist Nikolaj Bestuzhev.* M., 1988.
- Zapiski knyagini Marii Nikolaevny Volkonskoj: s predisl. i prilozh. izdatelja knyazyia M.S. Volkonskogo : 2-e izd. SPb., 1906.*
- Zapiski knyagini M.N. Volkonskoj / vstup. st. i primech. B.G. Kokoshko.* Krasnoyarsk, 1975.
- Zeifman N.V. Neizdannye pis'ma k I.I. Pushhinu (A.P. i M.K. Yushnevskie) // Dekabristskoe kol'co. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov.* Irkutsk, 2011. Vyp. 2. S. 107–167.
- Znamenskij M.S. Detstvo sredi dekabristov // «...V potomkah vashe plemya ozhivyot...» / sost. S.F. Koval'. Irkutsk, 1986. S. 225–244.*
- Ippolitov S. Chem kormili A.S. Pushkina v imenii sem'j Goncharovykh : kulinarne predpochteniya russkih pomesnikov v XIX veke // Rodina. 2016. № 8. S. 98–101.*
- Istoriya Sibiri s drevnejshih vremyon do nashih dnei : v 5 t. / otv. red. A.P. Okladnikov. L., 1968. T. 2.*
- Kalashnikov I. Zapiski irkutskogo zhitelya // Zapiski irkutskih zhitelej / sost., primech., poslesl. M.D. Sergeeva. Irkutsk, 1990. S. 255–396.*
- Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika.* M., 1988.
- Kennan Dzh. Sibir' i ssylka : v 2 t. SPb., 1999. T. 1.*
- Keppen P.I. O vinodelij i vinnoj trgovle v Rossij. SPb., 1832.*
- Kodan S.V. Sibirskaya ssylka dekabristov.* Irkutsk, 1983.
- Komleva E.V. Millionshhiki i prosto pervogil'dejcy // Rodina. 2007. № 5. S. 108–113.*
- Kosovanov A.P. Gody izgnaniya dekabristov Falenberga i Frolova : (po novym dannym arhiva Mart'yanovskogo muzeya) // Dekabristy v Minusinskom okruge. Ezhegodnik Gos. muzeya im. N.M. Mart'yanova. Minusinsk, 1925. T. 3. Vyp. 2. S. 35–66.*
- Kuz'min A.K. Minusinskie ssyl'nye // Dekabristy : sb. materialov / predislovie V. Nevskogo. L., 1926. S. 32–56.*
- Lorer N.I. Zapiski dekabrista / podgot. M.V. Nechkinoj / seriya «Polyarnaya zvezda».* Irkutsk, 1984.
- Lunin M.S. Sochineniya, pis'ma, dokumenty / izd. podgot. I.A. Zhelvakovoj, N.Ya. Ejdel'manom / seriya «Polyarnaya zvezda».* Irkutsk, 1988.
- Murav'jov A.Z. Pis'ma / izd. podgot. T.G. Lubarskoj / seriya «Polyarnaya zvezda».* Irkutsk, 2010.
- Murav'jov A.M. Zapiski i pis'ma / izd. podgot. G.G. Lisicinoj, E.N. Filippovoj / seriya «Polyarnaya zvezda».* Irkutsk, 1999.
- Muhanov P.A. Sochineniya, pis'ma / izd. podgot. G.V. Chaginym / seriya «Polyarnaya zvezda».* Irkutsk, 1991.
- Neizdannye pis'ma M.N. Volkonskoj // Tr. Gos. ist. muzeya. M., 1926. Vyp. 2. S. 5–116.*
- Pis'ma dekabrista S.G. Volkonskogo / publ. M.P. Volkonskogo // Zap. OR GBL. M., 1961. Vyp. 24. S. 352–400.*
- Pis'ma kn. M.N. Volkonskoj iz Sibiri. 1827–1831 gg. // Rus. propilei. M., 1915. T. 1. S. 1–81.*
- Podzhio A.V. Zapiski, pis'ma / izd. podgot. N.P. Mathanovoj / seriya «Polyarnaya zvezda».* Irkutsk, 1989.
- Raevskij V.F. Materialy o zhizni i revolucionnoj deyatel'nosti : v 2 t. / izd. podgot. A.A. Bregman, E.P. Fedoseevoj / seriya «Polyarnaya zvezda».* Irkutsk, 1983. T. 2.
- Rozen A.E. Zapiski dekabrista / izd. podgot. G.A. Nevelevym / seriya «Polyarnaya zvezda».* Irkutsk, 1984.

- Sabin'skij Yu.-G.* Sibirskij dnevnik : v 2 t. Irkutsk, 2014. T. 1; 2015. T. 2.
- Svistunov P.N.* Sochineniya i pis'ma / izd. podgot. V.A. Fyodorovym / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 2002.
- Timoshhuk V.* Stanislav Romanovich Leparskij, komendant Nerchinskih rudnikov i Chitinskogo ostroga. 1759–1838 : Biogr. ocherk // Rus. starina. 1892. T. 75. S. 143–177.
- Trubeckoj S.P.* Materialy o zhizny i revolucionnoj deyatel'nosti : v 2 t. / izd. podgot. V.P. Pavlovoj / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1987. T. 2.
- Fonvizin M.A.* Sochineniya i pis'ma : v 2 t. / izd. podgot. S.V. Zhitomirskaya, S.V. Mironenko / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1979. T. 1; 1982. T. 2.
- Cuprik R.I.* Kniga v zhizni dekabristov na katorge // Pamyati dekabristov : K 150-letiyu so dnya vosstaniya. Irkutsk, 1975. С. 64–83.
- Shaherov V.P.* Irkutsk kupecheskij : Istoriya goroda v licah i sud'bah. Chabarovsk, 2006.
- Shhukin N.S.* Zhit'yo sibirskoe v davnih predaniyah i nyneshnih vpechatleniyah // Zapiski irkutskih zhitelej / sost., primech., poslesl. M.D. Sergeeva. Irkutsk, 1990. S. 125–254.
- Shtraih S.Y.* Roman Medoks. Pohozhdeniya russkogo avant'urista XIX veka. M., 1930.
- Yakushkin I.D.* Memuary, stat'j, dokumenty / izd. podgot. I.V. Porohom / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 1993.

Музейное дело

А. Н. Гаращенко

К вопросу об авторстве портрета иркутского гражданского губернатора А. В. Пятницкого (гипотеза)

Аннотация. В Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева находится портрет А. В. Пятницкого, бывшего гражданским губернатором региона в 1838–1848 гг. Автор данного произведения неизвестен. В статье на основе анализа эпистолярного наследия современников и ряда архивных документов делаются предположения относительно возможных исполнителей этого портрета и времени его создания. Среди кандидатов называются: польский ссыльный, художник Леопольд Немировский; декабрист Николай Александрович Бестужев; участник 12-й Русской духовной миссии в Китае Кондратий Ильич Корсалин и талантливый портретист Христиан Яковлевич Рейхель.

Ключевые слова: А. В. Пятницкий; В. Я. Руперт; Л. Немировский; Н. А. Бестужев; К. И. Корсалин; Х. Я. Рейхель.

A. N. Garashchenko

On the authorship of the portrait of the Irkutsk civil governor A. V. Pyatnitsky (hypothesis)

Abstract. In the Irkutsk Regional Art Museum. V.P. Sukachev there is a portrait of A. V. Pyatnitsky, the former civil governor of the region in the period 1838–1848. The author of this work is unknown. In the article, based on the analysis of the epistolary heritage of contemporaries and a number of archival documents, assumptions are made regarding the possible performers of this portrait and the time of its creation. Among the candidates are named: Polish exile, artist Leopold Nemirovsky; Decembrist Nikolai Alexandrovich Bestuzhev; participant of the 12th Russian Spiritual Mission in China Kondraty Ilyich Korsalin and talented portrait painter Christian Yakovlevich Reichel.

Keywords: A. V. Pyatnitsky; V. Ya. Rupert; L. Nemirovsky; N. A. Bestuzhev; K. I. Korsalin; N. Ya. Reichel.

В Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева находится портрет иркутского гражданского губернатора А. В. Пятницкого, атрибуция которого принадлежит А. М. Горшману¹. Проведя тщательный разбор статьи А. М. Горшмана «Портрет губернатора» и показав на основе сравнительного анализа первоисточников недостоверность реконструируемой ав-

¹ Горшман А. Портрет губернатора // Иркутская старина. 1995. № 3. С. 9–13.

тором биографии Пятницкого², мы, тем не менее, согласны с ним в том, что на портрете Андрей Васильевич Пятницкий. Изображение соответствует описанию В. И. Вагина, относящемуся к 1840-м гг.: «Ему было лет под 50 (родился в 1795 г. – А. Г.). Брюнет, невысокого роста, толстый, брюхастый, с обрюзглым, весьма обыкновенным и даже глуповатым лицом, с вульгарными манерами, он скорее походил на мелочного лавочника, чем на губернатора»³.

В настоящей работе мы хотим высказать предположение о возможных авторах этого портрета.

Время написания портрета

Портрет не датирован и не подписан автором. Его размеры 93×75 см. Гражданский губернатор изображен при следующих наградах и знаках отличия: ордена Св. Станислава 2-й ст. (1832 г.), Св. Анны 2-й ст., императорской короной украшенный (1833 г.), Св. Владимира 3-й ст. (1837 г.), бронзовая медаль в память 1812 г. (1820 г.) и знак отличия «За XXV лет беспорочной службы» (22 авг. 1840 г.)⁴. Получается, что крайняя дата, ранее которой портрет не мог быть создан, – август 1840 г. Это время подписания Высочайше-

² *Гаращенко А. Н.* Об атрибуции А. М. Горшманом портрета иркутского гражданского губернатора А. В. Пятницкого // Мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 210-летию со дня рождения Н. Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А. М. Сибирякова. Иркутск, 24–25 октября 2019 г. Иркутск, 2020. С. 115–123.

³ *Вагин В. И.* Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 468.

⁴ *РГИА.* Ф. 1349. Оп. 4. 1845 г. Д. 421. Л. 1122–1133.

го указа о награждении. Сам знак был получен значительно позже, вероятно, к концу 1840 г. Значит, и написание портрета могло состояться не ранее этого времени, то есть начиная с 1841 г.

3 декабря 1846 г. А. В. Пятницкий с семьей уехал из Иркутска в отпуск в Санкт-Петербург, откуда вернулся только 12 октября 1847 г. И окончательно Пятницкие покинули столицу Восточной Сибири 7 июля 1848 г.⁵

Есть еще один важный факт биографии Пятницкого, который помогает уточнить период написания портрета. 19 мая 1847 г. он был пожалован орденом Св. Станислава 1-й степени⁶. Звезды этой награды на портрете нет. Вряд ли губернатор мог «поскромничать» и не украсить мундир вновь полученной наградой, хотя данный орден и был самым младшим в иерархии российских орденов.

Итак, получается, если портрет губернатора был написан в Иркутске, то это могло произойти *в период с 1841-го по декабрь 1846 г.*

Время возможного написания портрета в Иркутске мы определили, хотя допускаем, что это могло случиться и во время отсутствия губернатора в городе, по уже сделанному ранее наброску или если кто-то выполнял копию с уже готового портрета. Есть также небольшая вероятность, что портрет создавался в Санкт-Петербурге во время отпуска Пятницкого, то есть в январе – мае 1847 г.

Возникает еще вопрос: кто был заказчиком данного портрета? Если сам изображенный, то почему он не забрал его с собой как семейную реликвию после своей отставки и отъезда из Иркутска?

Скорее портрет писался не лично для Пятницкого, а, например, по заказу городского общества, возможно купечества, или для размещения в зале городской думы, Общественного собрания или для какого-то из местных учреждений, к которому мог иметь касательство губернатор.

Данные о подобных портретах есть. Например, точно известно, что портреты городских голов находились в зале собраний (заседаний) городской думы (А. Е. Кузнецов, И. С. Хаминов, Д. Д. Демидов). Даже погибший в пожаре 1879 г. портрет А. Е. Кузнецова был вновь написан В. А. Кудельским⁷. Вероятнее всего, это была копия с сохранившегося портрета из женского духовного училища⁸. Помимо изображений городских голов, в зале помещались и портреты граждан, заслуживших эту честь своими делами и пожертвованиями, например, И. Н. Трапезникова (по предложению гражданского губернатора⁹), А. К. Медведниковой (по ходатайству думы¹⁰), Ю. И. Базановой, В. П. Кельх. Портреты генерал-губернаторов Н. Н. Муравьева-Амурского, Н. П. Синельникова, А. П. Игнатьева, А. Д. Горемыкина были в зале

⁵ Кротов В. А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. Иркутск, 2013. С. 188, 190, 193.

⁶ Список кавалерам Российских императорских и царских орденов. Ч. 1, содержащая в себе кавалеров орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского, Св. Георгия 1-й, 2-й и 3-й степени, Св. Владимира 1-й и 2-й степени, Белого Орла, Св. Анны 1-й степени и Св. Станислава 1-й степени. СПб., 1850. С. 181.

⁷ Известия Иркутской городской думы. 1890. № 12. Июнь. С. 150; Там же. 1889. № 23. Дек. С. 293.

⁸ Там же. 1888. № 22. Нояб. С. 386.

⁹ Там же. 1891. № 2. Янв. С. 96; Там же. № 7. Апр. С. 298.

¹⁰ Там же. 1898. № 11–12. Июнь. С. 125.

Общественного собрания. 27 июля 1916 г. Совет старейшин Общественного собрания, согласно постановлению общего собрания, заказал художнику И. Л. Калмыкову портрет бывшего иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева, он также занимался реставрацией других портретов в собрании, которые «удалось восстановить полностью»¹¹.

На сегодня нам известны портреты гражданских губернаторов Н. И. Трепкина, И. Б. Цейдлера, К. К. Венцеля, В. Н. Зарина. Можно полагать, что был выполнен и портрет Пятницкого, учитывая хорошее отношение к нему со стороны купечества, о чем свидетельствуют сохранившиеся воспоминания: «Отправляя должность губернатора с 1838 г., он уже, как говорится, обжился, привыкнув к Иркутску, а жители всех сословий к нему, в особенности же купечество, для которого г-н Пятницкий был особенно расположен и всеми зависящими от него средствами по званию Начальника Губернии, старался и обязывал это первенствующее здесь сословие»¹². И хотя в краеведческом музее, куда портрет попал после установления в городе советской власти, данных о месте его первоначального нахождения нет, в книге поступлений за 1922 г. указывается, что он был принят от архивной комиссии, а в 1958 г. передан в художественный музей¹³, его связь с Общественным собранием вполне вероятна.

К написанию портрета мог быть и такой повод: 22 мая 1841 г. по Высочайшему повелению А. В. Пятницкий был «пожалован в действительные статские советники за ревностную службу и отличные труды»¹⁴, что давало право на потомственное дворянство.

Возможные авторы

Как отмечает искусствовед Л. Н. Снытко, «судя по живописи, автор его – профессиональный художник, владеющий традиционными приемами композиции парадного портрета»¹⁵.

Кто же из возможных известных нам кандидатов на авторство был в это время в Иркутске?

Первым кандидатом можно рассматривать *Леопольда Немировского*, польского ссыльного, художника. Правда, большинство известных его работ выполнены акварелью, но есть свидетельства, что он писал и маслом (в том числе портреты ссыльных поляков и декабристов, а также представителей иркутской элиты того времени)¹⁶. «Сегодня [9 июня 1840 г.] господин Брониковский [иркутский полицмейстер] едет в Тельминскую фабрику на какую-то комиссию и через несколько дней, возвращаясь этим же путем, возьмет с собой нашего Леопольда для того, чтобы рисовать в Иркутске портреты

¹¹ Летопись города Иркутска. 1661–1940 гг. Иркутск, 2003. С. 303, 304, 306.

¹² ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.

¹³ Сведения получены от И. В. Кореновой, заместителя директора Иркутского областного краеведческого музея по учету и хранению.

¹⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1845 г. Д. 421.

¹⁵ Снытко Л. Портретная галерея сибиряков в собрании Иркутского областного художественного музея // Сибирь. 1988. №4. С. 124.

¹⁶ Путешествие по Восточной Сибири Леопольда Немировского: рисунки, литографии, акварели. Иркутск, 2010. С. 6, 10.

госпожи губернаторши Пятницкой и ее детей. Но не знаю, правда ли это», – отмечал Ю. Сабиньский¹⁷. В период 1841 – первой половины 1842 г. Немировский вызывался из Усолья, где официально был помещен в каторжные работы, в Иркутск заниматься живописью с детьми генерал-губернатора В. Я. Руперта.

В 1843 г. Немировский в Иркутске не жил, в начале 1844 г. он также находился в Усолье, а к маю был включен в экспедицию из членов комиссии сенатора И. Н. Толстого в качестве художника, которая 10 мая 1844 г. отбыла из Иркутска по Лене в Якутию, на Охотское море и Камчатку. Из путешествия Леопольд вернулся только в июле 1845 г.

В середине июня 1846 г. Немировский выезжал за Байкал. Здесь он познакомился с братьями Бестужевыми и гостил у них в Селенгинске¹⁸. К 1 сентября вернулся в Иркутск и, теоретически, мог написать портрет гражданского губернатора до того, когда тот уехал в декабре в отпуск.

Если портрет Пятницкого выполнял Немировский, то объяснить отсутствие на портрете подписи автора можно тем, что он был в статусе политического ссыльного и портретируемый или его заказчики не хотели широко афишировать факт связи с таким лицом.

Следующим кандидатом на авторство портрета, по нашему мнению, может быть *Николай Александрович Бестужев*. Известно большое количество акварельных портретов декабриста-художника, но есть свидетельства того, что он работал и маслом. Например, портрет Я. Д. Казимирского, выполненный в 1840-х гг., или портрет М. П. Беттихер (урожд. Трапезниковой) начала 1850-х гг.¹⁹

Как отмечал Михаил Александрович Бестужев, рассказывая о художественных талантах своих братьев, Александра и Николая, «способность к рисованию первоначально он (Александр. – А. Г.) получил в Академии художеств, где лучшие профессора живописи давали уроки ему и брату Николаю, который впоследствии был очень хорошим живописцем акварелью и масляными красками как портретист и пейзажист <...>»²⁰.

В Иркутск Н. А. Бестужев приехал примерно в конце февраля – в марте 1842 г. по настоятельным просьбам И. С. Персина²¹ и по согласованию с генерал-губернатором В. Я. Рупертом (декабрист мог совершать разъезды по письменному ходатайству). Целью его приезда было написание портретов местной знати – купцов и чиновников, сделавших уже ему заказы, о чем сообщала М. К. Юшневская в письме И. И. Пущину 30 декабря 1841 г.: «Его вызвали рисовать портреты, за мужской – 100 руб., за женский – 150. Назначена цена, и сделана уже записка на четыре тысячи с лишком. Да это на год житья будет в наших местах»²². Хотя получился и не год, но Бестужев сумел поработать очень много. «Я прожил здесь 7 месяцев, – сообщал Николай

¹⁷ *Сабиньский Ю.-Г.* Сибирский дневник : в 2 т. Иркутск, 2014. Т. 1. С. 475.

¹⁸ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 202, 315.

¹⁹ *Зильберштейн И. С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 455, 458, 500.

²⁰ Воспоминания Бестужевых. С. 209–210.

²¹ Там же. С. 192.

²² Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2014. Вып. 2. С. 166.

Александрович в письме Я. Д. Казимирскому 9 октября 1842 г., – и сделал 72 портрета: значит, я делал каждые 3 дня по портрету»²³.

По свидетельству брата Михаила, Николай Александрович в Иркутске был принят «как свой в доме Руперта, губернатора Пятницкого и ласкаемый всеми, а особенно высшим купечеством и чиновничеством; перерисовал почти всех <...>». Причем хорошие отношения Н. Бестужева с гражданским губернатором М. Бестужев подчеркивает неоднократно: «В Иркутске брат был чаще в домах генерал-губернатора Руперта и губернатора Пятницкого, особенно в доме последнего. Пятницкий был гостеприимный русский хлебосол...»²⁴ Вполне логичным будет предположить, что, долго общаясь с семьей губернатора и имея в его доме хороший прием, Бестужев написал портрет Андрея Васильевича. Трудно поверить, что, находясь в хороших отношениях с художником, принимая его в своем доме, высокопоставленный чиновник не воспользовался случаем заказать свой портрет.

Известно, что Бестужев подписывал свои картины монограммой «Н. Б.» или NB, но далеко не всегда. На портрете Пятницкого подписи автора нет. Это можно объяснить так же, как и при возможном авторстве Л. Немировского, – нежелание указывать на связь с государственным преступником.

В первой половине 1842 г. бывал наездами в городе и Л. Немировский, но с Н. Бестужевым они не встречались. Напротив, их встреча произошла позднее в Забайкалье, как отмечалось выше.

Что еще любопытно, как свидетельствует сам Н. Бестужев в письме брату Михаилу 12 сентября 1842 г., в городе были еще художники, правда, имен он не называет: «Здесь хотя и есть несколько живописцев, но я в большой моде; все хотят моей работы; впрочем, в самом деле, другие дрянь»²⁵.

Во время пребывания в Иркутске Н. Бестужев получил от В. Я. Руперта в подарок «полный прибор для письма масляными красками, с избыточным запасом». Брат Михаил утверждал, что Николай «не принимался за него» до того времени, пока не поучаствовал в написании икон для кладбищенской церкви (не сохранилась) при въезде из Троицкосавска в Кяхту²⁶. Возможно, что так и было, но можно также допустить, что краски опробовались ранее в Иркутске, в том же 1842 г.

Можно еще предположить, что портрет Пятницкого – это копия с портрета работы Бестужева, и написана она могла быть позднее. Известна, например, такая копия с портрета Н. П. Трапезникова, выполненная Н. А. Климовым.

В 1844–1846 гг. в Иркутске жил *Кондратий Ильич Корсалин*, имевший от Академии художеств аттестат на звание некласного художника. Зачисленный в состав 12-й Русской духовной миссии в Китае, он приехал в Пекин в 1840 г. и пробыл там не более трех лет. Выехав из Китая, Кондратий Ильич почти три года жил в Иркутске²⁷. Здесь в 1844–1845 гг. он создал серию ак-

²³ Бестужев Н. А. Сочинения и письма. Иркутск, 2003. С. 509.

²⁴ Воспоминания Бестужевых. С. 192, 195.

²⁵ Бестужев Н. А. Сочинения и письма. С. 505.

²⁶ Воспоминания Бестужевых. С. 187.

²⁷ Хоряк А. П. Новые биографические данные о художнике К. И. Корсалине // Национальный художественный музей Республики Беларусь. URL: <https://www.artmuseum.by/ru/about->

варельных портретов членов сенаторской комиссии И. Н. Толстого и их же большой групповой портрет маслом²⁸. Им был исполнен живописный портрет коммерческого советника Н. Ф. Мясникова, внесшего на строительство открывавшегося в городе Девичьего института Восточной Сибири 50 тыс. рублей. Вполне возможно, что он мог написать и портрет Пятницкого. В 1846 г. Корсалин был уволен в отставку и покинул город.

В начале сентября 1846 г. в Иркутск приехал с семьей *Христиан Яковлевич Рейхель*, женатый на дочери М. К. Юшневской от первого брака – Софье Анастасьевой. Целью поездки в Сибирь живописца, выпускника Академии художеств 1809 г., талантливого портретиста была необходимость заработать средства на содержание семьи. Помимо Иркутска, он несколько раз выезжал в Кяхту, где писал не только портреты, но и иконы для местного Воскресенского собора.

Прямых указаний на то, что Рейхель выполнил портрет Пятницкого, нет, но можно предположить, учитывая хорошие отношения его тещи с семейством гражданского губернатора, что он мог выполнить такую работу. Уже вскоре после приезда Рейхель имел хороший заказ на портрет генерал-губернатора Руперта для Иркутского девичьего института. Об этой картине художника Ю. Сабиньский отозвался так: «8 ноября [1846 г.], пятница. Сегодня я был у супругов Рейхелей, которые недавно переехали жить в город. Я застал Рейхеля заканчивающим портрет Руперта и не мог насмотреться на этот шедевр, свидетельствующий об огромном таланте художника. Абсолютное сходство. Но при этом в картине столько жизни, что кажется, что образ отстает от полотна и начинает двигаться. Этот прекрасный портрет поможет быстро опознать художника и сделать его весьма популярным в здешнем свете»²⁹.

Затем для этого же института он пишет портрет императрицы Александры Федоровны. Сабиньский отмечает: «28 ноября [1846 г.], четверг. Сегодня я был в мастерской господина Рейхеля, чтобы увидеть портрет императрицы, заказанный для зала здешнего Института благородных девиц за 3 тыс. рублей. Огромная и прекрасная картина, сделанная очень старательно»³⁰. У Сабиньского, который отмечал многие события в среде ссыльных и их окружении, нет упоминания о написании Рейхелем портрета Пятницкого, но это не показатель. Так, например, он ни словом не обмолвился о довольно длительном (семь месяцев) пребывании в 1842 г. в Иркутске Н. Бестужева и его работе над портретами декабристов, а ведь в это время он бывал в Иркутске.

Христиан Яковлевич ушел в работу с головой, М. К. Юшневская в конце декабря 1846 г. пишет С. П. Юшневскому: «Рейхель не расстается со своей палитрой и кистями. Слава богу, с октября месяца заработал около шести тысяч, да в виду множество работы, только бы был здоров и глаза у него не

museum/research/soobshheniya-nacziionalnogo-xudozhestvennogo-muzeya-respubliki-belarus, – vyipusk-7/novyie-biograficheskie-dannye-o-xudozhnike-k. i.-korsaline. html (дата обращения: 3 мая 2021).

²⁸ Токарев В. П. Художники Сибири. XIX век. Новосибирск, 1993. С. 56.

²⁹ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник : в 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2. С. 428.

³⁰ Там же. С. 433.

слабели»³¹. Возможно, что среди этих шести тысяч были и деньги за портрет Пятницкого, который мог быть выполнен в период сентября – ноября 1846 г. Именно только в это время могло быть создано полотно (в декабре Пятницкие уехали в Санкт-Петербург). Период с середины октября 1847 г. и до начала 1848 г. мы исключаем, так как на портрете отсутствует орден Св. Станислава 1-й ст., о чем говорилось выше. В начале 1848 г. Рейхель уехал в Кяхту и вернулся оттуда только в августе 1851 г., больше увидевшись с Пятницким, покинувшим Иркутск в июле 1848 г., он уже не мог.

Конечно, мы высказали только предположения по поводу авторства портрета, которые, по нашему мнению, заслуживают внимания и требуют дальнейшей разработки со стороны искусствоведов.

Литература

«Альбом есть памятник души...»: Альбом семьи генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта. Иркутск, 2017.

Бестужев Н.А. Сочинения и письма / изд. подгот. С.Ф. Ковалем / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2003.

Вагин В.И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей / сост., примеч., послесл. М.Д. Сергеева. Иркутск, 1990. С. 449–482.

Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л., 1951.

Гаращенко А.Н. Об атрибуции А.М. Горшманом портрета иркутского гражданского губернатора А.В. Пятницкого // Мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 210-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А.М. Сибирякова / науч. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск, 24–25 октября 2019 г. Иркутск, 2020. С. 115–123.

Горшман А. Портрет губернатора // Иркутская старина. 1995. № 3. С. 9–13.

Добрынина Е.А. Письма декабристок: подвиг повседневности // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2014. Вып. 2. С. 103–167.

Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988.

Известия Иркутской городской думы. 1888. № 22; 1889. № 23; 1890. № 12; 1891. № 2 и 7; 1898. № 11–12.

Кротов В.А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. / вступ. ст., публ., подгот. текста, коммент. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 2013.

Летопись города Иркутска. 1661–1940 гг. / сост., предисл. и примеч. Ю.П. Колмакова. Иркутск, 2003.

Путешествие по Восточной Сибири Леопольда Немировского: рисунки, литографии, акварели. Иркутск, 2010.

Сабиньский Ю. Сибирский дневник : в 2 т. Т. 1. Иркутск, 2014; Т. 2. Иркутск, 2015.

Снытко Л. Портретная галерея сибиряков в собрании Иркутского областного художественного музея // Сибирь. 1988. № 4. С. 117–127.

Список кавалерам Российских императорских и царских орденов. Ч. 1, содержащая в себе кавалеров орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского, Св. Георгия 1, 2 и 3 степени, Св. Владимира 1 и 2-й степени, Белого Орла, Св. Анны 1-й степени и Св. Станислава 1-й степени. СПб., 1850.

Токарев В.П. Художники Сибири. XIX век / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1993.

Хоряк А.П. Новые биографические данные о художнике К.И. Корсалине // Национальный художественный музей Республики Беларусь. URL: <https://www.artmuseum.by/ru/about-museum/research/soobshheniya-nacjonalnogo-xudozhestvennogo-muzeya-respubliki-belarus,-vyipusk-7/novyie-biograficheskie-dannye-o-xudozhnike-k.i.-korsaline.html>. (дата обращения: 3 мая 2021).

³¹ «Альбом есть памятник души...»: Альбом семьи генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта. Иркутск, 2017. С. 42.

References

«Al'bom est' pamyatnik dushi...»: Al'bom sem'i general-gubernatora Vostochnoj Sibiri V.Ya. Ruperta. Irkutsk, 2017.

Bestuzhev N.A. Sochineniya i pis'ma / izd. podgot. S.F. Kovalem / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 2003.

Vagin V.I. Sorokovye goda v Irkutске // Zapiski irkutskih zhitelej / sost., primech., poslesl. M.D. Sergeeva. Irkutsk, 1990. S. 449–482.

Vospominaniya Bestuzhevyh / red., st. i komment. M.K. Azadovskogo. M.; L., 1951.

Garashchenko A.N. Ob atribucii A.M. Gorshmanom portreta irkutskogo grazhdanskogo gubernatora A.V. Pyatnickogo // Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 210-letiyu so dnya rozhdeniya N.N. Murav'yova-Amurskogo i 170-letiyu so dnya rozhdeniya A.M. Sibiryakova / nauch. red. L.M. Dameshek. Irkutsk, 24–25 oktyabrya 2019 g. Irkutsk, 2020. S. 115–123.

Gorshman A. Portret gubernatora // Irkutskaya starina. 1995. № 3. S. 9–13.

Dobrynina E.A. Pis'ma dekabristov: podvig povsednevnosti // Dekabristskoe kol'co. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov. Irkutsk, 2014. Vyp. 2. S. 103–167.

Zil'bershtejn I. S. Hudozhnik-dekabrist Nikolaj Bestuzhev. M., 1988.

Izvestiya Irkutskoj gorodskoj dumy. 1888. № 22; 1889. № 23; 1890. № 12; 1891. № 2 i 7; 1898. № 11–12.

Krotov V.A. Letopis' goroda Irkutsk. 1652–1856 gg. / vstup. st., publ., podgot. teksta, komment. N. V. Kulikauskene. Irkutsk, 2013.

Letopis' goroda Irkutsk. 1661–1940 gg. / sost., predisl. i primech. Yu. P. Kolmakov. Irkutsk, 2003.

Puteshestvie po Vostochnoj Sibiri Leopol'da Nemirovskogo: risunki, litografii, akvareli. Irkutsk, 2010.

Sabin'skij Yu.-G. Sibirskij dnevnik: v 2 t. Irkutsk, 2014. T. 1; Irkutsk, 2015. T. 2.

Snytko L. Portretnaya galereya sibiryakov v sobranii Irkutskogo oblastnogo hudozhestvennogo muzeya // Sibir'. 1988. № 4. S. 117–127.

Spisok kavaleram Rossijskih imperatorskih i carskih ordenov. Ch. 1, sodержashchaya v sebe kavalerov ordenov: Sv. Apostola Andrey a Pervozvannogo, Sv. Ekateriny, Sv. Aleksandra Nevskogo, Sv. Georgiya 1, 2 i 3 stepeni, Sv. Vladimira 1 i 2-j stepeni, Belogo Orla, Sv. Anny 1-j stepeni i Sv. Stanislava 1-j stepeni. SPb., 1850.

Tokarev V.P. Hudozhniki Sibiri. XIX vek / otv. red. L.M. Goryushkin. Novosibirsk, 1993.

Horyak A.P. Novye biograficheskie dannye o hudozhnike K.I. Korsaline // Nacional'nyj hudozhestvennyj muzej Respubliki Belarus'. URL: <https://www.artmuseum.by/ru/aboutmuseum/research/soobshheniya-nacjonalnogo-xudozhestvennogo-muzeya-respubliki-belarus-vyipusk-7/novyie-biograficheskie-dannye-o-xudozhnike-k.i.-korsaline.html> (data obrashcheniya: 3 maya 2021).

О.А. Акулич

Из опыта перевода писем декабристов

Аннотация. Статья посвящена практике перевода писем декабристов, концептуальному подходу к письму как историческому источнику, значению исторического контекста в переводе.

Ключевые слова: письма декабристов; Н.М. Муравьев; словарь Н.П. Макарова; исторический контекст; кредо переводчика.

Акулич Ольга Аркадьевна – научный сотрудник Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов, Иркутск, Россия.

Akulich Olga A. – researcher of the Irkutsk regional historical and memorial museum of the Decembrists, Irkutsk, Russia.
E-mail: akulich_olga27@mail.ru

O.A. Akulich

From the experience of translating the letters of the Decembrists

Abstract. The article is dedicated to the practice of translation of the Decembrists' letters, the conceptual approach to the letter as a historical source, and the importance of the historical context in translation.

Keywords: the Decembrists' letters; N.M. Myravyov; the dictionary of N.P. Makarov; the historical context; translator's credo.

Перевод является одной из форм взаимодействия культур, дает определенное представление о некоей чужой культуре. И хотя перевод существует столько же, сколько и человеческая цивилизация, его научное осмысление формируется лишь во второй половине XX в. До этого времени преобладал взгляд на перевод как на искусство. И стихи, и проза в переводах наших великих поэтов зачастую являлись не столько точной передачей иноязычного текста, сколько самостоятельными художественными произведениями. В современной теории различают два типа перевода: художественный и специальный. В художественном до читателя необходимо донести прежде всего стиль автора произведения, не всегда придерживаясь формы. Специальный перевод включает различные жанры, в том числе и документальный. К этой категории текстов предъявляется требование сохранить форму и содержание подлинника. Перевод в известной мере заменяет (но не отменяет) подлинный текст, т. е. в предельной полноте дает из оригинального текста то, что возможно дать средствами другого языка. Подходя к переводимому тексту как к документальному источнику, исследователь предъявляет к нему требование прежде всего «дипломатической точности», близости к подлиннику.

В существующей классификации текстов письма XIX в. не могут быть безусловно отнесены к тому или иному типу перевода, поэтому и переводить их нужно в соответствии с требованиями, предъявляемыми как к научному тексту (предельная точность, какая только совместима с требованиями русского языка, использование архаических синтаксических и лексических форм), так и как к художественному произведению (максимально адекватно отражать эмоциональные моменты и художественные образы).

Произведения эпистолярного жанра XIX в., являясь по сути научными источниками, требуют к себе особого внимания переводчика, обязанного учитывать не только смысл и форму документа, но и интонацию пишущего, его чувства, эмоции, т. е. личностные характеристики автора. В лингвистике принято определение письма как произведения устной разговорной речи, зафиксированного в письменной форме. В письме реализуются личностное начало автора, его идиостиль. Последнее обстоятельство сближает письмо с художественным произведением.

Но как воспроизвести устную речь автора, от которого нас отделяют два столетия? Как угадать интонацию писем? Приступив к переводам писем декабриста Никиты Михайловича Муравьева (1795–1843), мы обратились прежде всего к его письмам к матери, написанным на русском языке в досибир-

ский период¹. Именно они стали большим подспорьем в работе над переводом писем декабриста. На их основе был составлен небольшой словарь авторского языка, вобравший в себя фразеологизмы, клише, кальки из французского языка, синонимы к нейтральным словам, не употребляемые в современной речи, и просто устаревшие слова. Этот словарик помогает более обоснованно применять те или иные лексические единицы и строить предложения в соответствии с русскими синтаксическими конструкциями того времени. Нужно заметить, что язык писем пушкинской поры сегодня является предметом лингвистических исследований, результатом которых стал «Словарь фразеологизмов дружеских писем первой трети XIX века»².

Для достижения адекватности перевода необходимо использовать все богатство русского литературного языка эпохи. Необходимо помнить, что язык живет и за два столетия некоторая часть его лексики совсем вышла из употребления, а какая-то изменила смысл, порой на прямо противоположный. Для переводчика очень важно найти в долгом словарном списке значений одного и того же французского слова то верное значение, которое подразумевал пишущий и которое было понятно его современникам. При подборе синонимов переводимого многозначного слова большую помощь оказывает сайт «Национальный корпус русского языка»³, созданный Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Это информационно-справочная система, основанная на собрании русских печатных текстов от середины XVIII до начала XXI в., включающая помимо художественных текстов и другие образцы письменного языка, среди которых и частная переписка, и дневники.

Особое значение в работе переводчика имеет базовый словарь. В нашем случае это «Полный французско-русский словарь» Н. П. Макарова⁴, изданный впервые в 1870 г., тогда его автору-составителю исполнилось 60 лет. Николай Петрович Макаров (1810–1890) – личность разносторонняя. Указание современных справочников на его кровное родство с М. Н. Волконской⁵ побудило нас к внимательному изучению его биографии. Дворянин, самоучка, неутомимый жизнелюб, по возрасту немногим моложе декабристов, французским он владел с детства. Родился Макаров в семье провинциального помещика, в юности был в военной службе. Человек безуслов-

¹ Около 170 писем за период 1813–1824 гг. см.: *Муравьев Н. М.* Сочинения и письма. Т. 1. Письма. Иркутск, 2000.

² *Фесенко О. П.* Жанровые особенности дружеских писем И. И. Пущина <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-druzheskih-pisem-i-i-puschina> Дата обращения 7.11.2021; *Фесенко О. П.* Словарь фразеологизмов дружеских писем первой трети XIX века <http://pushkin.filologia.su/processualnye-frazeologizmy-w.pdf>. Дата обращения 9.11.2021.

³ <https://ruscorpora.ru/new/>

⁴ Нами используется электронная версия словаря 1904 г. изд. См.: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/3558-makarov-n-p-polnyy-frantsuzsko-russkiy-slovar-spb-1904>. Дата обращения 8.11.2021.

⁵ В электронных энциклопедических словарях допущена и повторяется ошибка. Н. П. Макаров ни в каком родстве с княгиней М. Н. Волконской, женой декабриста, не состоял. См.: Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия <https://is.gd/3yuJPF>. Дата обращения 8.11.2021; Академик <https://is.gd/Ex6hzn>. Дата обращения 8.11.2021.

но творческий и весьма энергичный, выйдя в отставку, он большую часть жизни посвятил изучению и популяризации искусства гитары, пытался сочинять музыку, занимался литературной деятельностью (автор нескольких фельетонов, автобиографических повествований), предпринимательством. Потерпев неудачу во всех этих сферах, не отчаялся, а, уединившись в деревне, засел за словари. За свою долгую жизнь Макаров составил и издал несколько словарей в т. ч.: «Полный русско-французский словарь» (1867), «Полный французско-русский словарь» (1870) и «Полный немецко-русский словарь» (1877), «Энциклопедия ума» (1878), «Латинские, итальянские и английские поговорки, пословицы и тексты из разных писателей» (1878). В случае с французско-русским словарем, не имея средств для напечатания, Макаров заручился поддержкой Академии наук и Министерства народного просвещения, одоббивших словарь, и получил государственную субсидию на издание. На протяжении полувека в России это был самый авторитетный словарь. Выдержал при жизни автора шесть изданий и пять после его кончины. Личность и судьба Н. П. Макарова обросли разного рода легендами и анекдотами. Очень язвительно и несправедливо судили его труды в XX столетии⁶, век XXI-й воздал должное Макарову-лексикографу. Его словарь, изобилующий фразеологизмами и лексическими клише своего времени, и сегодня незаменим при переводе текстов позапрошлого века. Он был принят во все учебные заведения России до революции. По этому же словарю училась в конце XIX в. и юная гимназистка Клавдия Александровна Ганшина (1881–1952), д-р филол. наук, профессор МГУ, чл.-корр. АПН РСФСР, крупный специалист по методике преподавания французского языка. При составлении собственного французско-русского словаря она использовала и словарь Н. П. Макарова. В свою очередь, ее словарь выдержал 11 изданий, занял в XX в. высшую ступеньку лексикографического мастерства и был востребован в образовательном процессе более полувека (1929–1990-е гг.). Подробное сравнение двух этих словарей наглядно иллюстрирует происходящие в культуре России перемены. Выхолащивание из советского словаря большинства религиозных терминов в соответствии с антирелигиозной политикой государства привело к тому, что реалии XIX в. сегодня трудно поддаются переводу, теряется их смысл.

Например, выражение *faire ses devotions* у Макарова переводится как «говеть, готовиться к причастию», у Ганшиной – «выполнять религиозные обряды», в словарной статье *aile* (крыло) среди многочисленных словосочетаний Макаров приводит выражение *les ailes du Seigneur* (досл. «крылья Бога»), в литературном переводе это «покровительство Всевышнего», у Ганшиной данное словосочетание отсутствует, хотя в той же словарной статье много примеров из Макарова повторяется.

Качественное инструментальное сопровождение перевода не является панацеей в преодолении трудностей лексического порядка. Слова фран-

⁶ Электронный журнал «История гитары в лицах» (2016. №3–4) полностью посвящен Н. П. Макарову как организатору Первого международного гитарного конкурса в Брюсселе. Там же статья В. Тавровского «Ложный маршрут Эйхенбаума». (О недостоверности книги Б. М. Эйхенбаума «Маршрут в бессмертие» как биографического источника.) http://www.guitar-times.ru/pages/magazine/mag18_19.htm. Дата обращения 14.12.2020.

цузские, имеющие в русском языке вариантные соответствия, необходимо выбирать в соответствии с историческим контекстом. Так, синонимический ряд значений французского слова *journal* (*подённая записка, журнал, дневник, ведомости*) представлял некоторую сложность для начинающего переводчика. Мы отлично понимали, что в письмах Н. М. Муравьев говорил о дневнике или даже, точнее, о ежедневнике своей старшей дочери Кати, копию которого бабушка Екатерина Федоровна периодически присылала отцу в Сибирь для прочтения. Из него Никита Михайлович узнавал об образе жизни и душевных переживаниях своей дочери. В художественной литературе первой половины XIX в. для переводчика отыскилась подсказка. Это небольшой рассказ В. Ф. Одоевского, двоюродного брата декабриста А. И. Одоевского. Оба они – князья, оба – литераторы, воспитывались под одной крышей в столице. С полной уверенностью можно сказать, что язык произведений В. Ф. Одоевского тот же, что и у сибирских невольников. Рассказ называется «Отрывки из журнала Маши». Главной героине рассказа 10 лет, дочери Муравьевых Кате – 12. Это позволило нам именовать дневник принятым для того времени словом «*журнал*».

Пристальное изучение исторического контекста помогает выбрать семантически верный вариант среди омонимов. Нам встретилось в письме Н. М. Муравьева от 8 июля 1836 г. при описании путешествия через Байкал слово *haler* (*тянуть бечевой, буксировать*). Имея представление о современном рельефе байкальских берегов, мы склонны были рассматривать данное слово как опisku автора, просто пропустившего надстрочный знак. С таковым знаком *hâler* значит *палить, жарить* (о солнце), *загорать*, тем более что в письме упоминались жара и полный штиль. И все-таки, обратившись к краеведческой литературе, удалось обнаружить сведения о бечевнике на Байкале в эпоху парусного флота⁷, т. е. и времени написания письма. С учетом этого обстоятельства фраза была переведена: «*Последние три дня нашего пути по Байкалу был полный штиль, и поэтому нас тянули бечевой <...>*».

Не только исторический контекст, но порой и сам внешний вид документа может служить подсказкой при выборе значения переводимого слова. В письме Михаила Волконского от 30 июля 1852 г. мы споткнулись о слово *sachet* (*печать, карточка, отпечаток, билет, урок*). Автор просит тетю простить ему эту шутку. Имеющийся на письме оттиск изящной печати с княжеской короной склонил переводчика к выбору значения «*печать*». Тогда и шутка, за которую извиняется молодой человек перед своей тетушкой, становится нам понятна. Он, молодой чиновник, забавы ради взял тайком личную печать тети, фрейлины императрицы Софьи Николаевны Раевской, оттиснул ею несколько листов почтовой бумаги и теперь возвращает ее владелице.

В стремлении к ясности каждой фразы переводимого документа помогает и художественная литература эпохи. Так, Н. М. Муравьев употребляет

⁷ Бечевá (в речном судоходстве) – канат или трос, на котором буксируется судно людьми или лошадьми, двигающимися по берегу вдоль водного пути. О бечевнике на Байкале см.: Семивский Н. В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доньше не было всем известно. СПб., 1817. С. 43.

выражение à la glace, когда пишет матери о собственном опыте закаливания – приеме ванн. Тут возможны два варианта перевода: *ледяные ванны* и *ванны со льдом*. Пушкинская «энциклопедия русской жизни» дает точный вариант перевода:

«Прямым Онегин Чильд-Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом <...>»⁸.

Изложение небольшого личного опыта по переводу писем декабристов хотелось заключить словами известного ученого-гуманитария Г. С. Виноградова. Он еще в 1940 г., предвосхищая «Хартию переводчика» (мировое профессиональное сообщество сформулирует ее четверть века спустя), емко и точно определил миссию переводчика, его профессиональное кредо: ««Истор» – тот, кому в последнем счете мы обязаны знанием какого-либо факта. Для того, кто может пользоваться подлинной записью текста, «истором» будет лицо, записавшее и объяснившее текст; для того, кто не имеет ключа к иноязычному тексту, т. е. не знает языка, для того «истор» – переводчик. «Истор» отвечает своим именем за достоверность показаний перед всеми живущими и будущими поколениями»⁹.

Литература

Макаров Н.П. Полный французско-русский словарь, составленный Н.П. Макаровым : 11-е изд. СПб., 1904.

Муравьев Н.М. Сочинения и письма / изд. подгот. Э.А. Павлюченко / серия «Полярная звезда». Т. 1. Письма. Иркутск, 2001.

Национальный корпус русского языка. 2003–2021. Доступен по адресу: ruscorpora.ru

Семивский Н.В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доньше не было всем известно. СПб., 1817.

References

Makarov N.P. Polnyj francuzsko-russkij slovar', sostavlennyj N.P. Makarovym : 11-e izd. SPb., 1904.

Murav'jov N.M. Sochineniya i pis'ma / izd. podgot. Je. A. Pavlyuchenko / seriya «Polyarnaya zvezda». Irkutsk, 2001.

Semivskij N.V. Novejshie, lyubopytnye i dostovernye povestvovaniya o Vostochnoj Sibiri, iz chego mnogoe donyne ne bylo vsem izvestno. SPb., 1817.

⁸ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Собр. соч.: в 10 т. М., 1975. Т. 4. С. 81.

⁹ Рукопись неопубликованной статьи Г. С. Виноградова «К вопросу о переводах произведений иноязычного фольклора» хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. ПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Д. 120а. Л. 30.

Люди и судьбы

Е.А. Добрынина

Дело жизни и жизненность дела правнука декабриста (по материалам архива М.П. Волконского)

Аннотация. Статья посвящена Михаилу Петровичу Волконскому, правнуку декабриста, внесшему огромный вклад в создание Иркутского музея декабристов и формирование его коллекции. Впервые приведены многочисленные документы из его архива, хранящегося в музее. Рассказана история одного экспоната музея декабристов – настенного зеркала, которое появилось в музее благодаря М.П. Волконскому, а также история жизни его владелицы Анны Смагиной.

Ключевые слова: М.П. Волконский; Б.Г. Кубалов; С.Ф. Коваль; Анна Смагина; Иркутск; музей; архив; кормилица; зеркало.

E.A. Dobrynina

The work of life and the vitality of the work of the great-grandson of the decembrist (based on archive documents)

Abstract. The article is dedicated to Mikhail Petrovich Volkonsky, the great-grandson of the Decembrist, who made a huge contribution to the creation of the Irkutsk Museum of the Decembrists and to the formation of its collection. For the first time, numerous documents are presented from his archive kept in the museum. There are two stories: of one exhibit of the Museum of the Decembrists – a wall mirror, which appeared in the museum thanks to M.P. Volkonsky, as well as the life story of mirrors owner Anna Smagina.

Keywords: M.P. Volkonsky; B.G. Kubalov; S.F. Koval; Anna Smagina; Irkutsk; museum; archive; nurse; mirror.

Иркутский музей декабристов в настоящее время не только является публикатором наследия декабристов, но и сам стал хранителем нескольких архивов известных декабристоведов. Среди них архив правнука декабриста С.Г. Волконского – Михаила Петровича Волконского.

Михаил Волконский родился в 1891 г. в Эстляндской губернии, в замке Фалль под Ревелем (ныне посёлок Кейла-Йоа в Эстонии) в семье князя Петра Михайловича Волконского (1861–1948) и Елизаветы Алексеевны, урожд. княжны Шаховской (*ил. 1*). После окончания в 1912 г. Императорского Александровского лицея в Санкт-Петербурге Михаил уехал в Италию, где

Добрынина Елена Аркадьевна – директор Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов, Иркутск, Россия.

Dobrynina Elena A. – director of the Irkutsk regional historical and memorial Museum of the Decembrists, Irkutsk, Russia.
E-mail: decemb-ed@mail.ru

Ил. 1. Портрет М. Волконского с кузенами

Ил. 2. Портрет М.П. Волконского в роли Демона
(Михаил Верон)

учился пению. Известно также, что по возвращении из Италии он снимался в ранних русских немых фильмах, а с 1917 г. выступал в театре на юге России.

В 1920 г. Михаил Волконский написал пьесу-миниатюру «Весна зовет...». Это была первая проба сил молодого человека в литературном творчестве.

После революции 1917 г. семья Петра Михайловича Волконского эмигрировала из России. Михаил Петрович поселился в Белграде, где в сезон 1920–1921 гг. стал солистом оперы в Национальном театре Белграда, пел лирические партии (Онегин, Демон (ил. 2–3), Жермон); затем – Сербского народного театра в Нови-Саде, где, в частности, пел партии графа ди Луны в опере Верди «Трубадур», консула Шарплеса в опере Пуччини «Мадам Баттерфляй» и др. Выступал как солист в Белграде и в Любляне, позже в Париже, в русском кабаре «Золотой петушок». Михаил Волконский использовал сценические псевдонимы – Михаил Верон (от названия города Вероны) и Михаил Валдарко (Michele Valdarko). Из-за болезни легких М.П. Волконский рано покинул большую сцену и продолжал участвовать в камерных концертах в Париже. Сохранилась афиша выступления Михаила Петровича Волконского и известного композитора и пианиста Марио Кастельнуово-Тедеско во Флоренции в зале филармонического общества в 1928 г. (ил. 4).

В том же году итальянский музыкальный критик Гвидо Гатти писал в своем журнале *Rassegna musicale* («Музыкальное обозрение»): «Многообещающим оказался также русский баритон Михаил Валдарко (артистический псевдоним князя Волконского), который поет на различных языках с легко-

стью и вкусом, свойственными такого рода артистам».

Закончив певческую карьеру, приблизительно с 1930 г. Михаил Петрович работал в консульстве Югославии в Женеве, поначалу волонтером с небольшим гонораром, а затем, в 1939 г., был зачислен в персонал в качестве «дневничара» (поденщика – право государственной службы, предоставляемое правительством Югославии русским эмигрантам). Занимал разные должности, большая часть из которых была связана с репатриацией югославских граждан из советской России. В 1931 г. Михаил Петрович Волконский женился на Кире Георгиевне Петкевич (1911–1995), потомственной дворянке, уехавшей из России в 1924 г. 14 февраля 1933 г. у Волконских родился сын Андрей. Музыкальная одаренность у Андрея проявилась очень рано. С пяти лет он начал импровизировать, детские пьесы мальчика слышал еще С.В. Рахманинов. Музыкале обучался сначала дома, брал частные уроки, затем учился в Женевской консерватории. В 1946 г. семья Волконских переехала в Париж, где Михаил Петрович служил в Консульском отделе югославского посольства во Франции. Он занимался переводом документов, сбором публикаций и других материалов и пересылкой их в Министерство иностранных дел. Андрей Волконский в 1946–1947 гг. учился в Парижской консерватории. 25

Ил. 3. М.П. Волконский в роли Онегина

Ил. 4. Афиша выступления М.П. Волконского и композитора и пианиста Марио Кастельнуово-Тедеско во Флоренции

25 сентября 1946 г. М.П. Волконский писал

двоюродной сестре Елизавете Григорьевне Волконской-Никулиной¹ (ил. 5): «Дорогая Лиза! Пишу тебе после стольких лет молчания, чтоб сказать, что надеюсь вскоре с тобой встретиться. Собираюсь вернуться на родину. После декрета 14 июня², который дал возможность эмигрантам получить советское гражданство и хлопотать о возвращении домой, я, конечно, пошел получать советские паспорта и подал прошение о возвращении на Родину. Собираемся мы весной. Я очень надеюсь попасть в Москву, т. к. хотел бы работать в архивах. Я написал книгу о декабристах, которая уже здесь вышла, хотелось бы продолжить эту работу и дополнить ее богатыми материалами наших музеев, библиотек и т. п.»³ (ил. 6). Таким образом, круг интересов и занятий М.П. Волконского на родине был уже им определен.

Ил. 5. Е.Г. Волконская-Никулина

Осенью 1947 г. Михаил Петрович с семьей вернулся в советскую Россию. По указанию Сталина его направили на поселение в село Мучкап в Тамбовской области. Несмотря на это, он жил в Тамбове и работал учителем английского языка в школе.

Лишь в 1956 г. Михаил Петрович и Кира Георгиевна смогли переехать в Москву, где Волконский стал литературным переводчиком с хорватского, сербского, болгарского и французского языков. Сын Андрей вместе с известным альтистом Рудольфом Баршаем организовал Московский камерный оркестр, правда, он

Ил. 6. Книга М.П. Волконского «Декабристы»

¹ Елизавета Григорьевна Волконская (1896–1984), дочь князя Г.М. Волконского, правнучка декабриста, жила в СССР, преподавала манеры в школе-студии МХАТ. Жена писателя Л.В. Никулина, тетка актера В.Ю. Никулина.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции».

³ ИМД 397/30 Док-469. Л. 1–2.

покинул коллектив в 1957 г. и стал клавесинистом и органистом, много гастролеровал по стране.

Об основных этапах работы переводчика и писателя М.П. Волконского свидетельствует справка, очевидно составленная канцелярией Союза писателей, членом которого М.П. Волконский являлся (*ил. 7*).

В 1960 г. М.П. Волконский задумал написать книгу для юношества на материалах архива Волконских, о чем свидетельствует документ из архива Михаила Петровича – справка о начале работы над книгой: «<...> Мне кажется, – писал он в издательство, – более интересным и более подходящим к моим литературным возможностям написать по канве архивных материалов беллетристическое произведение в 6–8 листов»⁴.

Главным делом своей жизни Михаил Петрович всегда считал работу над архивом прадеда-декабриста. Удалось сделать многое, именно Волконскому принадлежит одна из самых обширных публикаций писем Сергея Григорьевича, к сожалению ставшая посмертной. 18 сентября 1961 г. Волконский умер.

Несмотря на то что Михаил Петрович Волконский жил в XX в., о нем мы знаем меньше, чем о его знаменитом прадеде. Часть автобиографических материалов сохранилась, к счастью, в его архиве. Впервые об архиве иркутяне услышали в 1985 г. во время открытия Дома-музея Волконских в Иркутске, а музеем он был получен в 1990 г. Первая публикация об архиве появилась через пять лет. «Очень содержательна переписка М.П. Волконского, – отмечала автор статьи Я.А. Шевченко. – Она составляет 28 дел. <...> Михаил Петрович вел обширную переписку с архивами городов Тарту, Ленинграда, Читы, Оренбурга, Красноярска, Иркутска, Москвы, Тбилиси. Сохранилась переписка с Борисоглебской городской библиотекой о музее декабристов в имении Волконских – Павловке, Тамбовской губернии, с Заозерским народным музеем, многими исследователями-декабристоведом: М.В. Нечкиной, С.Ф. Ковалем, Ф.А. Кудрявцевым, А.Г. Грумм-Гржимайло, В.Г. Изгачевым, Е.Д. Петряевым <...>»⁵.

В каждом документе, в каждом письме архива М.П. Волконского – свидетельства его глубочайшего интереса к истории декабристов в целом и к судьбе С.Г. Волконского, ко всему, что связано с его пребыванием в Сибири.

В связи с этим особенное значение приобретает переписка Михаила Петровича с сибирскими корреспондентами, а именно с С.Ф. Ковалем. Она охватывает незначительный отрезок времени: с 25 февраля 1960 г. по 1 июля 1961 г. Сохранилось девять писем С.Ф. Ковалю и 22 письма и одна телеграмма М.П. Волконского; письма своим корреспондентам он печатал на машинке и оставлял у себя экземпляр.

Начало переписке было положено М.П. Волконским в связи с его предстоящей поездкой в Сибирь. Будучи хорошо знакомым с известным архивистом и исследователем Б.Г. Кубаловым, Михаил Петрович по его рекомен-

⁴ ИМД 406/59. Док-88. Л. 1–2.

⁵ Шевченко Я.А. Личный архив М.П. Волконского в фондах ИОКМ // Краеведческие записки. Иркутск, 1995. Вып. 3. С. 86.

3

Справка о произведениях писателя ВОЛКОНСКОГО Михаила Петровича

№ п.п.	Наименование произведений	Жанр	Год издания	Наименование издательств, театров, киностудий, в которых были напечатаны литературные произведения, поставлены пьесы, киносценарии.
1.	<i>Die Dekabristen</i> / немецкий перевод с русского оригинала	Историческое исследование	1946	Artemis Verlag Цюрих Швейцария
2.	"Крестьянское восстание" А. Шенка - перевод с хорватского	Роман	1948	Гослит
	" " " " массовое изд.		1955	
3.	Сербские народные сказки - перевод с сербского		1956	"
4.	"Скошенное поле" Б. Чосича - перевод с сербского	роман	1957	"
5.	"Травницкая хроника" И. Андрича - перевод с сербского	роман	1958	"
6.	"Судилище" и др. рассказы П. Кочича - перевод с сербского		1960	"
7.	Переписка Рихарда Штрауса и Романа Роллана - с французского		1961	Музгиз
8.	"Декабрист С.Г. Волконский в Иркутске"	очерк	1961	Альманах "Ангара" Иркутск
9.	"Дурная кровь" Б. Станковича - перевод с сербского	роман	в производстве	Гослит
10.	"Воспоминания артиста" Ш. Гуно - с французского		"	Музгиз
11.	23 письма декабриста С.Г. Волконского, со вступительной статьей и комментариями		"	Записки Р.О. Гос. Библ. им. Ленина

Ил. 7. Справка о произведениях писателя М.П. Волконского

дании обратился за помощью в архивных поисках к Ф.А. Кудрявцеву и С.Ф. Ковалю.

О путешествии в Сибирь, о новых знакомствах, впечатлениях, поисках и находках узнаем из писем друзьям и путевых очерков Михаила Петровича. Он приехал в Иркутск 8 июня 1960 г. и провел в Сибири два месяца. За это время он побывал не только в Иркутске, Урике, Оёке, но и за Байкалом: в Чите и Петровске-Забайкальском (ил. 8). Его первый творческий отчет о поездке был опубликован в газете «Восточно-Сибирская правда»⁶. По словам М.П. Волконского, он ехал в Сибирь, так же как и его прабабка Мария Николаевна, как в «землю обетованную». Иркутск сразу влюбил в себя правнука декабриста, пора-звив обилием красивых зданий, скверов, своеобразной и небанальной архитектурой старых деревянных домов. Он посетил все места в городе, связанные с декабристами, и, конечно же, усадьбу Волконских (ил. 9). «Но вот и Волконский переулочек, дом № 10. Дом Сергея Григорьевича, вместительный, двухэтажный, хорошо сохранился. Его не так давно отре-

⁶ Волконский М.П. По заветным местам // Вост.-Сиб. правда. 1960. 30 июля. С. 4.

Ил. 8. М.П. Волконский в Иркутском краеведческом музее. 1960

монтажи. <...> На доме две мемориальные доски указывают, что прадед жил в этом доме с 1844 по 1856 год»⁷. М.П. Волконский тут же увидел ошибку в начальной дате и привел в статье некоторые аргументы в пользу ее изменения, но в то время никто на это не обратил внимания. Пожалуй, именно в этой публикации впервые прозвучала его идея о создании в Иркутске музея декабристов. «Почему бы не создать в доме Волконского, – писал Михаил Петрович, – музей декабристов, быть может собрав в него все, что касается их ссылки и поселения в Восточной Сибири? Скажут, что не так-то легко. Но никакое большое дело легко не дается. Об этом следует, по-моему, серьезно подумать»⁸. Завершая обзор своего путешествия и подводя итоги двухмесячных трудов, М.П. Волконский называл это время счастливым, а впечатления незабываемыми, но особое чувство благодарности и признательности он испытывал к людям: «Но особенно дорого мне было встретиться с сибиряками – учеными, декабристоведами, краеведами и простыми жителями Иркутска, Читы и Петровска. Не забыть их ласкового приема, их готовности помочь, объяснить, их живой интерес к нашему прошлому»⁹.

За время поездки накопились вопросы, которые не нашли разрешения, поэтому М.П. Волконский адресовал их С.Ф. Ковалю в письмах из Москвы.

Несмотря на большую занятость, Семен Федорович не оставлял без внимания просьбы и поручения правнука декабриста. Продуктивным оказался поиск иркутянки О.И. Тихоновой, о которой Михаил Петрович написал С.Ф. Ковалю в письме от 9 августа: «Сегодня получил письмо от незнакомой гражданки Тихоновой Ольги Ивановны, проживающей по ул. Баррикад № 91, кв. 1. Она прочитала мою заметку в газете и очень сожалела, что не знала о моем пребывании в Иркутске. Ее дед, Смагин, был молочным братом Еле-

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Ил. 9. Дом Волконских. 1950–1960-е

ны Сергеевны, дочери Марии Николаевны! У нее были вещи, шкатулка (пропала), осталось зеркало. Но главное, прабабка ее была кормилицей, а потом няней у декабристов, и, уезжая, мои предки в благодарность купили и подарили ей дом на Поплавской улице с тремя флигелями. Так, по-видимому, называлась раньше ул. Баррикад, так что, по-видимому, они еще живут в том доме. Все это очень интересно, и обидно, что я не знал этого раньше. Виновата отчасти газета. Надо было и мне подумать и просить напечатать хоть два-три слова о моем приезде, дабы вызвать возможный ответ со стороны жителей. Обидно. Одно только меня смущает: матери ее 67 лет, т. е. она одного со мной поколения, так каким же образом отец этой матери мог быть молочным братом Елены Серг[еевны], родившейся в 1834 году. Ему теперь было бы 126 лет!!! Если когда-нибудь будете проходить по улице Баррикад (где это??), то, может быть, зайдете и посмотрите на зеркало, а также спросите, нет ли документов о даре дома! Это было бы важно. Написал я самой Тихоновой о том же, факт это важный, и я хочу его использовать»¹⁰ (ил. 10).

В статье об архиве М.П. Волконского Я.А. Шевченко, излагая историю находки ценного экспоната – настенного зеркала, приводит фрагменты письма С.Ф. Ковалю, но очень краткие и лишь частично раскрывающие обстоятельства дела. У автора не было задачи подробно изложить историю поступления предмета в коллекцию музея, к тому же материалы, подтверждающие историю кормилицы, и ее имя были найдены Е.А. Ячменевым в письмах иркутского чиновника Г.А. Трапезникова к С.Г. Волконскому¹¹. В

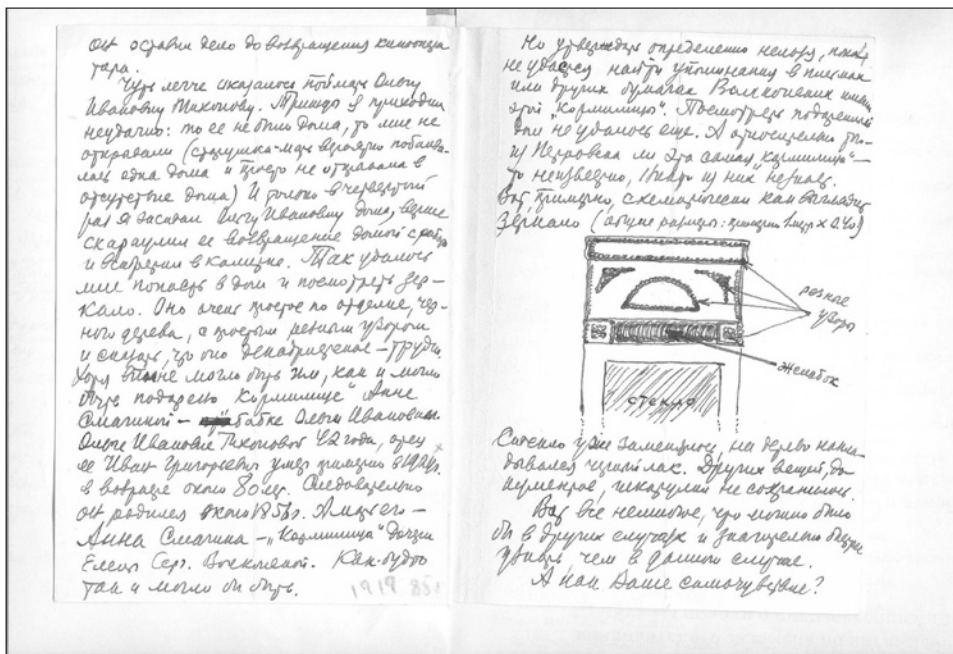
¹⁰ ИМД 397/39. Док-478. Л. 4–4 об.

¹¹ Шевченко Я.А. Личный архив М.П. Волконского в фондах ИОКМ. С. 89.

настоящее время музей располагает значительным комплексом источников о жизни семьи Волконских в сибирской ссылке, позволяющим найти новые факты и свидетельства, а также уточнить уже имеющиеся. В значительной степени это относится и к судьбе настенного зеркала из коллекции музея декабристов.

13 ноября 1960 г. С.Ф. Коваль писал М.П. Волконскому: «Дорогой Михаил Петрович! Миллион извинений за столь длительное молчание. Право, не от меня зависело ускорение ответа на ваши вопросы, которыми я занялся сразу же по приезде домой. Если не считать непродолжительного срока обострения моего бронхита, когда я не выходил почти из квартиры, остальное время я занимался Вашими вопросами, оказавшимися неожиданно такими «тяжелыми» <...>»

Чуть легче оказалось поймать Ольгу Ивановну Тихонову. Трижды я приходил неудачно: то ее не было дома, то мне не открывали (старушка-мать, вероятно, побаивалась одна дома и просто не открывала в отсутствие дочки). И только в четвертый раз я застал Ольгу Ивановну дома, вернее, скараулил ее возвращение домой с работы и встретил в калитке. Так удалось мне попасть в дом и посмотреть зеркало. Оно очень простое по отделке, черного дерева. С простым резным узором, и сказать, что оно декабристское, трудно. Хотя вполне могло быть им, как и могло быть подарено «кормилице» Анне Смагиной – бабке Ольги Ивановны. Ольге Ивановне Тихоновой 42 года, отец ее Иван Григорьевич умер примерно в 1924 г. в возрасте около 80 лет. Следова-

Ил. 10. Рисунок из письма С.Ф. Ковалья
М.П. Волконскому

тельно, он родился около 1856 г. А мать его – Анна Смагина – «кормилица» дочери Елены Серг[еевны] Волконской. Как будто так и могло бы быть.

Но утверждать определенно нельзя, как не удастся найти упоминания в письмах или других бумагах Волконских имени этой кормилицы. Посмотреть подаренный дом не удалось еще. А относительно того, из Петровска ли эта самая «кормилица», то неизвестно, никто из них не знает. Вот примерно, схематически как выглядит это зеркало (общие размеры: примерно 1 м × 0,40).

Стекло уже заменялось, на дерево накладывался черный лак. Других вещей, документов, шкатулки не сохранилось <...>¹².

В письме С.Ф. Коваля есть две неточности. Во-первых, М.П. Волконский интересовался прабабкой О.И. Тихоновой, а во-вторых, Иван Григорьевич не мог быть ее отцом, поскольку должен был стать им за шесть лет до смерти в возрасте 74 лет. Мать же О.И. Тихоновой была почти ровесницей правнука декабриста.

Свои сомнения М.П. Волконский вновь высказал в письме С.Ф. Ковалю от 20 ноября 1960 г.:

«Дорогой Семен Федорович!

Спасибо большое за Ваше милое письмо. Я в отчаянии, что задал Вам столько хлопот, ради бога извините. <...> Самое темное дело – это о «кормилице», так как годы, которые Вы даете в письме, во-первых, не совпадают с годами, которые мне написала Тихонова, и, во-вторых, вообще не совпадают с жизнью. У Вас отец ее умер «примерно в 1924 г.» «в возрасте около 80 лет. Следовательно, родился около 1856 г.». Подсчитайте, увидите, что неверно, если ему было 80 в 1924, то родился он в 1844 г. Но тогда он не мог быть молочным братом Елены Серг[еевны], родившейся в 1834!! А Ольга Ивановна пишет, что он умер в 1919, если ему было тогда 85 лет¹³, то он родился в 1834, что и требовалось доказать. Но почему они ничего не знают о Петровском Заводе – весьма непонятно. Вообще эта история мне не вполне ясна, но больше не хочу Вас затруднять. Авось судьба мне улыбнется, снова увижу милый Иркутск, и тогда сам все разужнаю»¹⁴.

М.П. Волконский совершенно обоснованно сомневался, что прабабушка Тихоновой была кормилицей Елены Сергеевны Волконской. Несовпадение возраста «молочного брата», отсутствие информации о пребывании Смагиных в Петровском Заводе, где родилась Нелли, как называли Елену в семье, – эти два факта свидетельствовали о том, что Анна Смагина не могла быть кормилицей Нелли. К тому же сейчас мы точно знаем из писем М.Н. Волконской к родным, что княгиня Мария Николаевна кормила Неллиньку сама. Но кормилица в доме Волконских была, и для семьи она являлась очень нуж-

¹² ИМД 397/38. Док-477. Л. 3–4.

¹³ Еще более странная информация: если О.И. Тихонова родилась в 1917 г., а ее отец умер в 1919 г. в возрасте 85 лет, то он стал отцом в 83 года.

¹⁴ ИМД 397/39. Док-478. Л. 6.

ным и важным человеком. Только кормилица не Нелли, а Сережи Молчанова, родившегося в Иркутске в 1853 г.

Как известно, в дворянских семьях придавалось большое значение домашнему воспитанию. Первым домашним воспитателем, к которому попадал ребенок сразу после рождения, была кормилица. Она занималась с детьми до одного года и, в отличие от многих других дворянских воспитателей, чаще всего происходила из бедных слоев населения, так как считалось, что до семи лет нужно уделять должное внимание лишь биологическому развитию ребенка.

К кормилице предъявлялись строгие требования: оценивались ее образ жизни, физическое состояние, добродетельность поведения. В конце XIX в. у дворянок уже существовало четкое представление о том, что от рациона кормилицы зависело качество грудного молока и, следовательно, самочувствие ребенка, а ее переживания и заболевания негативно сказывались на лактации. Подтверждением этому служат строки из писем С.Г. Волконского. Второго ноября 1854 г. Сергей Григорьевич писал сыну о состоянии внука Сережи, заболевшего в ночь с 31 октября на 1 ноября 1854 г.: «Причина болезни еще не разгадана, одни думают, что от излишней пищи, другие – от того, что жена вздумала заба[влять] кормилицу на устроенной вечерке <...> в флигеле твоей квартиры в честь Иоганна, а Арсений из ревности, говорят, насыпал на пол перцу и табаку. Так что все посетители извелись чиханием, впрочем, все это не доказано, а я думаю, просто приготовление к перелому зубного кризиса, в чем Бог ему в помощь. <...> Как кормилица была на вечерке и танцах, то могла быть подвержена влиянию перца и табака, и это влияние подействовало на молоко [и] повредило Сереже»¹⁵. И еще одно свидетельство о беспокойстве Волконских по поводу душевного состояния кормилицы. Очевидно, ее муж не отличался солидностью поведения, и поэтому Сергей Григорьевич отмечал в письме дочери и зятю от 26 ноября 1854 г.: «<...> кормилица дивно, доброты попечения, умеет и лелеять, и забавлять Сережу, а дом весь, весь для него в забаву. <...> Кормилица кормит грудью хорошо, боялась возвращения мужа, уверяет горное начальс[тво], что его оставили на зимовку на приисках. Дай Бог для спокойствия кормилицы и тем нашего и вашего»¹⁶.

Работа кормилицы в семье казалась раем для бедной женщины, привыкшей к тяжкому труду: в течение года-двух она занималась только ребенком, следила за его питанием, сном, опрятностью и благополучием. За поведением «мамушки» очень строго следили: ей, как правило, запрещалось видеться с родными, прогуливаться в одиночку, заводить знакомства, пропускать церковные богослужения. Кормили ее «с барского стола», обильно, сытно и сладко – считалось, что молоко прибывает от сладкой пищи. В Германии и Англии кормилицам давали пиво, в XIX в. эта традиция пришла и в Россию. Кормилица обеспечивалась одеждой и обувью, мылом и банными принадлежностями, получала подарки к праздникам, могла заходить в барские

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 29. Л. 64–64 об.

¹⁶ Там же. № 30. Л. 68 об.

покои, ее не наказывали за незначительные проступки и даже наделяли некоторыми привилегиями члена семьи. После успешного окончания срока службы ей полагалось приданое – посуда, белье, мебель, а то и новая изба.

Более того, женская грудь производит молоко лишь некоторое время после окончания беременности, то есть кормилицы сами были молодыми матерями с младенцами.

Идеальной кормилицей для высокородных детей была женщина 20–35 лет, родившая 6–7 недель назад (считалось, что в этот период молоко было лучшего качества). Отдельно отмечалось, что кормилица должна была обладать веселым характером и желательно «развитыми умственными способностями».

В доме Волконских все были довольны кормилицей, ее уходом и попечением о маленьком Сереже: «Кормилица заботлива о нем – и кормит, и нянчит, отличная женщина», – писал Сергей Григорьевич дочери и зятю 10 октября 1854 г.¹⁷

О кормилице, правда без указания имени, множество упоминаний в приходе-расходной книге М.Н. Волконской. Помимо жалованья в 50 рублей, ей давали деньги на праздники, на именины, в том числе и Сережины, на зубок Сереже кормилица получила деньги от всех членов семьи, ей дарили подарки, покупали ткань на платья, перину, серьги, одежду для ее детей, Нелли и Дмитрий Васильевич передавали приветы и поцелуи в письмах, присылали подарки в посылках из Москвы.

В августе 1855 г. после получения разрешения на выезд из Сибири Мария Николаевна с внуком отправилась в Москву, где дочь и зять с нетерпением их ожидали. Сергей Григорьевич провожал жену и внука до Красноярска, а до отъезда сообщал Молчановым и Михаилу о подготовке к путешествию: «Не излишним считаю дать тебе подробные сведения о мерах, которые будут приняты в случае выезда твоей матери; вот они: 1. Холодковский берет отпуск и сопутствует жене и Сереже. 2. Жена едет в карете, которая или будет выслана, или купится здесь, и я имею уже таковую здесь в виду; в этой карете жена, Сережа и кормилица»¹⁸. Эти планы осуществились. Седьмого августа 1855 г. Волконский написал сыну: «Провожал жену до Красноярска – пять суток ехали вместе, она – в дормезе, присланном из Москвы, с кормилицей и Сережей»¹⁹.

Сведения об имени кормилицы были обнаружены Е.А. Ячменевым в письмах Г.А. Трапезникова С.Г. Волконскому. Трапезников вел дела Волконских по продаже дома, вещей, оставшихся после их отъезда из Иркутска. На попечении Гермогена Андреевича оказалась и кормилица Сережи Молчанова: «По поручению вашему был я у кормилицы, живет она ладно, о вас вспоминает с любовью, на мужа пока не жалуется, он ведет теперь себя хорошо и сам хлопочет, как бы попасть на прииски <...>. После отъезда ваше-

¹⁷ Там же. Л. 33 об.

¹⁸ Там же. Д. 29. Л. 154.

¹⁹ Там же. Л. 163 об.

го выстроено у них во дворе новенькое зимовье. Я его осматривал и нашел порядочную комнату, остается только доложить немного печи»²⁰, – писал Трапезников Волконскому 9 декабря 1856 г. Именно в этом письме впервые появляется имя кормилицы – Аннушка: «Я и Кормилица с нетерпением ожидаем весны, – сообщал Гермоген Андреевич князю Волконскому, – чтобы составить для доброго Дмитрия Васильевича простое лекарство – мазь из земляных червей, которою по совету одного ламы вылечились в Иркутске двое, страдающих по три года точно так же, как и Д[митрий] В[асильевич]. Обо всем этом собрала сведения добрая Аннушка, и, Бог даст, дождемся лета, непременно это исполним»²¹. Иркутск, 27 марта 1857 г.: «Кормилица здорова и хлопочет о парниках, я ей выдал на устройство их 10 р. сер. на Ваш счет, а потом после праздника дам еще сколько-нибудь в счет назначенных к выдаче ей Еленою Сергеевною 25 р. и так далее. Не вдруг лучше»²². Сохранилось письмо кормилицы Сергею Григорьевичу Волконскому, в котором она благодарит князя за переданные ей через Трапезникова 10 р. сер., рассказывает о своем хозяйстве, а также вспоминает о молодой барыне – дочери Волконских: «<...> Еще бы посмотреть на Елену Сергеевну да послушать ее песенки, которые она всегда [пели] под вортопианы»²³.

До недавнего времени мы считали, что это единственное сохранившееся письмо кормилицы Сережи Молчанова Волконским, так и подписанное ею – кормилица вашего Сережи. При просмотре в очередной раз описи фонда Волконских, хранящегося в ИРЛИ, название одного дела обратило на себя внимание – «Письма Анны Смолиной». Предположение, что это неправильно прочитанная архивистами подпись Анны Смагиной, подтвердилось при получении копий материалов этого дела. Несколько писем, написанных Аннушкой лично, а также воспитанником Волконских Ваней Мальневым под ее диктовку, оказались очень интересными, информативными и, по сути, документальными свидетельствами, которые удостоверяли факт если не приобретения Волконскими дома для кормилицы, то активного участия семьи декабриста в строительстве усадьбы для семьи Смагиных.

20 мая 1857 г. Анна Смагина писала в Москву: «Здравствуйте, мои дражайшие отцы и попечители, князь, княгиня, Елена Сергеевна, Димитрий Василич, Сергей Димитрич. Я уже не называю вас господами, я почитаю вас как моих родителей, потому что вы не так обо мне заботитесь, как об прислуге, но вы заботитесь обо мне, как об самой ближней родственнице»²⁴. В письме Аннушка рассказывает о событиях, которые удивили весь Иркутск: «<...> когда приехал наш сибирский князь Николай Николаевич Муравьев 12 генваря в 2 часа дня, в тот же день в 4 часа дня присылает ко мне ординарца с запиской, чтоб я явилась в дом Генерала. Я не помню, то ли обрадовалась, то ли испугалась, взяла извозчика и приехала в дом Генерала. <...> Я

²⁰ Там же. Оп. 1. № 245. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 4 об.

²² Там же. Л. 10.

²³ Там же. № 261. Л. 1 об.

²⁴ Там же. Оп. 4. № 59. Л. 1.

стоя[ла] ни жива ни мертва, погода доложили Генералу, он приказал меня созвать. Я вхожу в зала, Николая Николаевича в зале не было, он ушел за моей посылкой в кабинет, а в зале сидели гости – Генерал Венцель, Генерал Корсаков, господин Поджиев и прочие гости сидели за столом, на меня не обращали никакого внимания. Вдруг бежит, как орел летит, наш князь Николай Николаич, в руках несет посылку и письмо, за ним два адъютанта. Закричал громко: «Здравствуй, здравствуй, Аннушка, здорова ли ты, моя милая?». Я сказала: «Благодарю Вас, Ваше Сиятельство, я по милости Бога здорова». Он сказал: «Вот тебе посылка и письмо, – обнял меня и раз шесть меня поцеловал и говорит: «Тебе все кланяются, княгиня и Неллинька, князь, Дмитрий Василич, Сережа об тебе всегда говорит, они все об тебе помнят, и я надеюсь, они тебя никогда не забудут». <...> Еще 14 числа в 5 часов вечера опять Николай Николаич прислал за мной ординарца, чтобы я в 7 часов непременно пришла к нему. Вот я приезжаю, прошла прямо в кабинет, он опять так же сказал: «Здравствуй, Аннушка». Расспрашивал об моей жизни и говорил мне: «Смотри, знай, что я всегдашняя твоя защита, чуть что, малейшие неприятности, то прямо ко мне». Я спросила: «Как вас, Ваше сиятельство, встречал Сережа, вероятно, крестный отец?» – «Нет, – говорит, – он меня все звал дедом»²⁵. Уже первая встреча генерал-губернатора с кормилицей Сережи Молчанова имела большой общественный резонанс: «Весь город из-за меня в смущении, не то что господа, все <неразб. одно слово> разговор об моей встрече с Генералом, по всему городу говорят: вот что значит Молчановы и Волконские, как их уважает Генерал. А он приехал в Иркутск да не позаботился прежде об городских делах, а послал прежде всего за ихней кормилицей. А простые-то только и говорят: вот так счастье»²⁶.

Трапезников вновь сообщал Волконским о кормилице уже в письмах за 1857 г. 27 июня он писал князю: «Кормилица усердно хлопочет о своих парниках и огороде, все ее хозяйство я осматривал подробно, огурцы и даже арбузы очень порядочные, огурцов и прочей зелени она продала уже рублей на 18. Во флигельке живут постояльцы, в доме с ней вместе тоже. Муж на приисках, и, кажется, оставят его на зиму»²⁷.

Сведения о кормилице по имени Аннушка использовал Е.А. Ячменев при приеме в краеведческий музей от О.И. Тихоновой зеркала. Дело в том, что история с зеркалом кормилицы не имела продолжения в 1960 г. Лишь в 1987 г. оно было подарено музею и с этого времени находится в экспозиции дома Волконских. Запись в акте о приеме предмета на постоянное хранение в Иркутский областной краеведческий музей была сделана Е.А. Ячменевым: «Зеркало подарено музею правнучкой Анны Смагиной, кормилицы Е.С. Волконской (дочери декабриста), О.И. Тихоновой, 1917 г. р. Подлинность семейного предания установлена по сопоставлению с архивными данными (ОР ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 245. Л. 4, 4 об., 10 об., 14)». Есть

²⁵ Там же. Л. 1 об.–2 об.

²⁶ Там же. Л. 2 об.

²⁷ Там же. Оп. 1. № 245. Л. 14.

одна странность в этой записи: непонятно, почему Евгений Александрович, для которого было очевидным, что Анна Смагина была кормилицей Сережи Молчанова, написал, что она была кормилицей Елены Сергеевны. К акту приложена дарственная О.И. Тихоновой: «Я, Тихонова Ольга Ивановна, проживающая г. Иркутск, Донская, 54, кв. 80, передаю в дар Иркутскому музею декабристов реликвию своей семьи – зеркало, которое было подарено княгиней Марией Николаевной Волконской моей прабабушке Анне Смагиной, кормилице дочери декабриста Волконского Елены Сергеевны. Хочу, чтобы этот дар украсил дом Волконских». Казалось бы, семейная легенда о кормилице нашла подтверждение, и на этом можно было бы закончить эту историю, начавшуюся в Иркутске с приездом правнука декабриста. Но один из вопросов, поставленных Михаилом Петровичем, так и остался неразрешенным. Это вопрос о доме, якобы подаренном семье кормилицы Волконскими. Попытаемся внести ясность и в этот вопрос, тем более что сведения, которыми мы сейчас располагаем, могут нам в этом помочь.

В приходо-расходной книге Марии Николаевны Волконской имя Аннушка встречается два раза в записях 1852 г.

На форзаце нижней корки книги есть запись, сделанная карандашом рукой М.Н. Волконской: «Мигрулова (?) мать следовала за сыном, а дочь осталась у Зыковой в Тобольске А.Ф. Смагина».

Благодаря архивным разысканиям О.А. Акулич, работавшей с исповедными росписями Спасо-Преображенского храма, нам известно, что в 1827 г. в приходе жили мещане Смагины и их домашние: Смагин Иван Иванович, 67 л.; жена его Евдокия Емельяновна, 53 г.; дети – Иоанн, 24 г., Иоанн, 23 г., Тимофей, 18 л., Мария, 20 л.²⁸

22.04.1828. Мещанин Иван Смагин 24 лет намерен обвенчаться первым браком с дочерью умершего мещанина Максима Зыкова девицей Анной 16 лет²⁹.

Запись в приходо-расходной книге М.Н. Волконской говорит о том, что А.Ф. Смагина была в девичестве Мигруловой и какое-то время провела в Тобольске у некоей Зыковой. В связи с чем была сделана такая запись М.Н. Волконской, пока остается загадкой. Кто такие Мигруловы, в каком возрасте была оставлена дочь в Тобольске и как она потом попала в Иркутск, пока все эти вопросы не разрешены, но поиски продолжаются. Может ли быть случайностью, что в записи М.Н. Волконской есть упоминание о Зыковой в Тобольске, а в брачном розыске Преображенской церкви в Иркутске дочь Зыкова выходит замуж за Смагина? Пока неясно. Очевидно же, что не только до замужества, но и до появления на свет Анны, ставшей кормилицей Сережи Молчановой, было еще далеко. В последующие годы фамилия мещан Смагиных в исповедных росписях Преображенской церкви отсутствует. Но это вполне объяснимо. Смагины могли перебраться в другой район города. И еще одно обстоятельство: в 1835 г. на окраине второй части Иркутска

²⁸ ГАИО. Ф. 266. Оп. 5. Д. 2. Л. 92 об.

²⁹ Там же. Л. 121. Сборник дел СПц за 1827–1828 гг.

началось строительство Успенского храма и Преображенский приход был разделен. Жители прилегающих к новому храму улиц города стали прихожанами Успенской церкви, освященной в 1846 г.

Уже цитировавшееся письмо Аннушки Смагиной Волконским – Молчановым от 20 января 1857 г., помимо информации о ее свидании с Н.Н. Муравьевым, наполнено бесхитростными и теплыми чувствами ко всем членам семьи: «Благодарю вас, мой неоцененный князь, княгиня, Елена Сергеевна, Дмитрий Васильевич, милый мой Сергей Димитриевич, за все ваше обо мне попечение. Я из-за вашей милости увидела свет в мире, и такие меня вельможи принимают, как я это все ценю и дорожу всею вашею для меня милостью, еще больше молю за все семейство, а что имею свое гнездышко и до сих пор со своим семейством питаюсь вашими крошками, покуда живу благополучно»³⁰. Особенно интересны в этой цитате слова о гнездышке, которым благодаря Волконским и Молчановым владела кормилица Сережи. Опираясь на эту информацию, можно было бы с уверенностью говорить, что семья декабриста приобрела дом для Анны Смагиной, ее мужа и детей. Но сохранилось еще письмо, более раннее, от 21 февраля 1855 г., адресованное Е.С. и Д.В. Молчановым, в котором Анна сообщала: «Я купила дом недалеко от вас, весьма удобный, и 100 лесу, и по недостатку моего лесу прошу у вас снабдить меня оным, хотя немного. Я заплатила за дом 215 р. с.»³¹. В следующем, недатированном письме кормилица писала: «Елена Сергеевна и Дмитрий Василич, благодарю вас, что вы меня не забываете своими милостями, я получила материю, за которую чувствительно благодарю, и еще благодарю за лес, который вы мне позволили брать для постройки, но я еще не знаю, когда моя будет постройка, потому что не могу выхлопотать крепость»³². Таким образом, дом был куплен кормилицей в 1855 г., очевидно, что на деньги, заработанные у Волконских – Молчановых, и недалеко от усадьбы Волконских.

Еще одним подтверждением, правда косвенным, что Смагины, во всяком случае семья Анны, жили в Успенском приходе, является семейное предание. В письме М.П. Волконского С.Ф. Ковалю говорилось о том, что Волконские купили дом кормилице на Поплавской улице. Причем Михаил Петрович предполагал, что это улица, получившая в советское время название Рабочего Штаба, где и жила в 1960 г. семья О.И. Тихоновой. На самом деле улица Поплавская, бывшая 1-я Кузнецкая, – это нынешняя улица Красногвардейская.

В одном из уже приведенных нами писем Г.А. Трапезникова, от 9 декабря 1856 г., Гермоген Андреевич описывает строения усадьбы Смагиных, говорит о построенном уже после отъезда С.Г. Волконского новом зимовье. Сохранился фрагмент письма Аннушки Волконским и Молчановым, но с обращением непосредственно к Сергею Григорьевичу: «Да и меня не забудьте, князь, вы спрашивали насчет работы моего мужа, он все около дому хлопо-

³⁰ Там же. Л. 3.

³¹ *ИРЛИ*. Ф. 57. Оп. 4. № 59. Л. 4–4 об.

³² Там же. Л. 7–7 об.

чет, клал в зимовье печку, теперь настиляет пол. Туда переходят квартиранты, 15 рублей серебром в год и чтобы обе печки топить ихними дровами сверх платы. За все это я благодарю Бога и вас. Письмо ваше прочли все, и благодарю вас, князь, за обещанное вами. Что вы обещали, то я надеюсь, что будет исполнено, а для меня очень дорого. За парниками постараюсь ходить»³³. Какого рода обещание дал князь Сергей Григорьевич кормилице внука, неизвестно, возможно, он помогал оформлять купчую крепость на дом, но одно несомненно: новое строительство на территории усадьбы Смагиных стало возможным благодаря участию семьи Волконских – Молчановых.

Сообщения Г.А. Трапезникова о житье-бытье Аннушки с неизменным упоминанием о доме, постройках, жильцах и хозяйстве только усиливают аргументацию в пользу справедливости семейной легенды. И наконец, последняя цитата из письма Гермогена Трапезникова от 12 мая 1860 г.: «Муж Аннушки хоть и порядочно теперь себя держит, но надежда плохая, чтобы мог сохранить для детей ее оставшуюся рухлядь, пойдут от молодой жены другие дети, и тогда пойдут другие расчеты, конечно, можно надеяться на один дом, которого промотать не может, впрочем, молодая мачеха, говорят, добрая женщина и ласкает ребят. Ваня в училище, и я надеюсь, что из него выйдет порядочный мальчик, он является ко мне каждый праздник, и я, и вся семья моя его любят и ласкают. Другому мальчику 7 лет, а когда достигнет 10-ти, то я думал бы поместить его в то же военное училище, и лучшего желать нечего. Крестница Ваша мала еще, ей только 4 г., а чтоб поместить в Сиропитательный дом, нужно 10 лет. Годовая цена за воспитание там 60 р. Бог Вас наградит за Ваши добрые желания не забыть сирот»³⁴. Информативность этой цитаты очень высока. Из нее ясно, что в мае 1860 г. кормилица уже по крайней мере год как умерла, вдовец женился, таким образом, прошел уже год со смерти Аннушки, и, следовательно, она умерла в 1859 г. Тот факт, что промотать дом – это единственное, чего не может сделать вдовец, свидетельствует, что это имущество только Аннушки, на нее записано и оформлено. Из письма Г.А. Трапезникова следует также, что Ваня, старший сын кормилицы, учится в военном училище. Известно, что приказом военного министра России, высочайше утвержденным 30 января 1858 г., в Иркутске была учреждена дивизионная артиллерийская школа, в которой подготавливались нижние солдатские чины. В этом же году военным ведомством решено основать в Иркутске училище третьего разряда – военную прогимназию. В январе 1859 г. открыто военное училище на 250 человек. Училище готовило писарей для военного сухопутного ведомства. В училище зачисляли воспитанников не моложе двенадцати и не старше шестнадцати лет по желанию родителей, опекунов, родственников. Воспитанники находились на полном государственном обеспечении. Среди учащихся были дети потомственных дворян, чиновников, канцелярских служащих и даже сыновья нижних воинских чинов. Принимая во внимание дату основания училища и возраст зачисляемых воспитанников,

³³ Там же. Л. 10.

³⁴ Там же. Оп. 1. № 245. Л. 15–15 об.

можно предположить, что Ване Смагину в 1859 г. могло быть от 12 до 16 лет, т. е. дата его рождения определяется между 1843 и 1847 гг. Возвращаясь к семейной легенде, обратим внимание на информацию Ольги Ивановны Тихоновой, что отец ее, Иван Григорьевич, умер в 1924 г. в возрасте около 80 лет. Следовательно, родился он около 1844 г. Не тот ли это Ваня, старший сын кормилицы, учившийся в военном училище и значившийся как потерявший документы на свое имение казак Иван Григорьевич Смагин, проживавший в Иркутске в Успенском приходе по ул. Поплавской, д. 11?³⁵

Очень жаль, что в архиве М.П. Волконского не сохранились письма О.И. Тихоновой, поэтому мы не можем сейчас определить, кто ошибся со степенью родства Ивана Григорьевича Смагина и Ольги Тихоновой. Судя по собственноручно составленной О.И. Тихоновой дарственной музею, Анна Смагина приходилась дарительнице прабабушкой. Ивану Григорьевичу она была матерью, следовательно, И.Г. Смагин был дедом Ольги Ивановны Тихоновой по матери. Отцом О.И. Тихоновой мог быть Иван Иванович Смагин, упоминавшийся в именном списке мещан, которые были обязаны явиться в мещанскую управу для уплаты недоимок³⁶. Остается только сожалеть, что Е.А. Ячменев не расспросил О.И. Тихонову подробно о ее родителях, но... сейчас уже ничего не вернешь.

Вернемся к письму Трапезникова. «Другому мальчику», писал Трапезников, семь лет, значит, родился он в 1853 г. и именно он был молочным братом Сережи Молчанова. Младшую девочку кормилицы, по-видимому, крестил сам князь Сергей Григорьевич в 1856 г. Установить точные даты рождения, имена и сословную принадлежность членов семьи Смагиных еще предстоит. Исходя из фактов, изложенных Трапезниковым в письме Волконскому, можно почти с уверенностью сказать, что старший сын Аннушки Ваня – это и есть Иван Григорьевич Смагин. Имя Григорий встречается в приходо-расходной книге М.Н. Волконской два раза, ему оплачиваются расходы на сливки, мясо в феврале 1852 г. и месячное жалование

Ил. 11. Зеркало в экспозиции

³⁵ Иркутские губернские ведомости. 1914. № 5793 (8 мая). С. 2.

³⁶ Там же. 1877. № 55 (12 июля). С. 8.

5 руб. В этом же 1852 г. появляется в записях Марии Николаевны и Аннушка, о которой написано: «Аннушка поступила 13 августа, дано вперед 10 руб.». В качестве кого поступила к Волконским Аннушка в 1852 г., еще предстоит выяснить. Семейная же легенда, если не в приобретении дома Волконскими в знак признательности и благодарности кормилице за ее заботу о Сереже Молчанове, то в участии в строительстве усадьбы Анны Смагиной, на наш взгляд, нашла подтверждение.

В заключение остается заметить: к архиву М.П. Волконского в музее, фотографиям его родственников Волконских, документам можно прибавить зеркало кормилицы Сережи Молчанова, поступившее в собрание музея только благодаря приезду Михаила Петровича в Иркутск (ил. 11).

Литература

Шевченко Я.А. Личный архив М.П. Волконского в фондах ИОКМ // Краеведческие записки. Иркутск, 1995. Вып. 3. С. 72–91.

References

Shevchenko Ya. A. Lichnyy archiv M.P. Volkonskogo v fondakh IOKM // Kraevedcheskie zapiski. Irkutsk, 1995. Vyp. 3. S. 72–91.

Есть ли жизнь в музее?

Л.М. Подшивалова

Иркутский музей декабристов: хроника событий

Аннотация. В статье дается краткий обзор основных событий, произошедших в жизни Иркутского музея декабристов в 2020–2021 гг.: крупные выставочные проекты, организация и проведение международной конференции по альбомной культуре, научные издания музея, онлайн-проекты, посвященные коллекциям музея и поступлениям.

Ключевые слова: юбилей Иркутского музея декабристов; выставки; юбилейный альбом; «Декабристское кольцо»; видеопроjekt «Музейные истории»; дарители; альбомная культура; потомки декабристов; круглый стол; ярмарка урожая.

L.M. Podshivalova

Irkutsk Museum of the Decembrists: chronology of events

Abstract. The article contains a short review of Irkutsk Museum of the Decembrists 2020–2021 main events, such as large exhibition projects, organization and carrying out of international conference on album culture, research publications, online projects dedicated to the museum's collections, and acquisitions.

Keywords: anniversary of Irkutsk Museum of the Decembrists; exhibitions; Anniversary Album; «Decembrist's Ring»; video project «Museum stories»; donators; Album culture project; Decembrists' descendants; round table; Harvest fair.

2020 г. стал для Иркутского музея декабристов временем не только серьезных испытаний, но и интересных, уникальных и значимых событий.

В декабре 1970 г. открыл двери Дом-музей Трубецких и начался официальный отчет истории Иркутского музея декабристов. В честь этого юбилея нами была создана масштабная выставка «Между прошлым и будущим. Иркутскому музею декабристов 50 лет», расположившаяся в домах обеих исторических усадеб. Вниманию гостей музея была представлена тайм-линия, или «Линия жизни музея декабристов», коротко и вместе с тем очень емко отразившая основные этапы формирования музейных коллекций, создания основных экспозиций, значимые события, произошедшие за эти 50 лет. Экспозиционные залы и Дома-музея Волконских, и Дома-музея Трубецких

Подшивалова Любовь Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, и. о. заведующей отделом «Дом и усадьба Волконских», Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, Иркутск, Россия.

Podshivalova Lyubov M. – candidate of historical sciences, Research Fellow, acting head of department «Manor-house of Volkonsky», Irkutsk regional historical and memorial Museum of the Decembrists, Irkutsk, Russia. E-mail: svlubava@yandex.ru

были дополнены своеобразными «окнами в прошлое» – фотографическими образами первых выставочных пространств музея. На юбилейной выставке были представлены предметы из фондов нашего музея и Иркутского областного краеведческого музея. Среди них – ценные мемориальные реликвии, редко покидавшие фондохранилища или никогда ранее не экспонировавшиеся. Это подлинные фотографии из архива семьи Волконских, книжные раритеты, а также предметы из захоронений декабристов А.З. Муравьева и А.П. Юшневского.

К юбилейным торжествам был приурочен и выпуск альбома «Иркутский музей декабристов: страницы биографии. К 50-летию музея», который был подготовлен сотрудниками музея. На страницах альбома нашли отражение и первые экспозиции, и предыстория создания музея, и люди, стоявшие у его истоков, и реставрационные работы на мемориальных усадьбах, и формирование коллекций, и нынешние реалии музейной жизни. Прекрасный иллюстрированный альбом стал для нас значимым событием.

Еще одним событием, связанным с 50-летием музея, стал пятый выпуск Вестника Иркутского музея декабристов «Декабристское кольцо», презентация которого состоялась, как и практически все мероприятия 2020 года, в онлайн-формате. В состав сборника вошли письма жены декабриста А.П. Юшневского Марии Казимировны Юшневской, статьи об изучении эпистолярного наследия С.Г. Волконского и М.Н. Волконской, материалы об Амурской компании известного архивиста и декабристоведа Б.Г. Кубалова, а также его переписка с иркутским историком профессором Ф.А. Кудрявцевым, статьи о детях декабристов – М.С. Волконском, В.А. Поджио.

Также в 2020 г. начался перспективный видеопроjekt «Музейные истории» – цикл передач о коллекциях текстиля, обуви и аксессуаров, которые появились в музее благодаря дарителям и друзьям музея – семье Гринбергов. Первая передача этого цикла, вышедшая в рамках юбилейных мероприятий музея, посвящена дамским шалям вообще и мемориальному экспонату – шали Марии Николаевны Волконской в частности. Продолжила цикл программа о стиле ампир. Планируется еще ряд передач о музейной коллекции исторического костюма, насчитывающей уже более 1500 предметов.

В силу сложившихся обстоятельств открытие выставки «Дары музею» в 2020 г. (в Международный день музеев 18 мая) прошло в онлайн-формате, и наши гости смогли полюбоваться новыми предметами коллекции только после официального открытия музея в июле. Тем не менее всем представленным предметам было уделено особое внимание – были организованы видеосъемки с участием не только дарителя, Татьяны Гринберг, но и специально приглашенных экспертов: Татьяны Вотяковой и Елены Дунаевской. Результатом стал небольшой цикл передач об этой выставке, представленный на нашем сайте, а также в социальных сетях.

Другим значимым событием стал масштабный проект по альбомной культуре «Альбом есть памятник души», в котором, кроме Иркутского

музея декабристов, приняли участие Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского и НКО культурных инициатив «Буквица». Этот проект включал в себя оформление виртуального собрания материалов на платформах izi.Travel и «Артефакт», изготовление цифровых копий нескольких альбомов, а также научно-практическую конференцию «Альбомная культура: исторический экскурс и современное прочтение» на онлайн-платформе Zoom. На конференции, которая прошла 8 и 9 декабря, прозвучали доклады о таких замечательных памятниках альбомной культуры, как альбом Софьи Никитичны Муравьевой, дочери декабриста Н.М. Муравьева; фотографические альбомы Павловки и Романовки (имений, принадлежавших С.М. Волконскому, внуку декабриста С.Г. Волконского); альбомы княгини Екатерины Ивановны Трубецкой и Елизаветы Матвеевны Челищевой, хранящиеся у потомков семей декабристов во Франции и в России (в конференции приняли непосредственное участие сами потомки). В конференции приняли участие ведущие специалисты из музеев и библиотек России: Красноярского краевого краеведческого музея, Государственного исторического музея, Всероссийского музея А.С. Пушкина, Литературного музея Института русской литературы РАН, Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Иркутского музея декабристов, Иркутского областного краеведческого музея и Иркутской областной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского.

Летом 2021 г. музей посетили супруги Куликовы: потомок декабриста Иосифа Поджио Юрий Юрьевич Куликов и его жена Елена Хусаиновна. Они привезли в Иркутск семейную реликвию – альбом Елизаветы Челищевой (первой супруги И.В. Поджио), который был представлен в стенах Дома-музея Волконских.

2021 г. стал временем и новых серьезных проектов.

21 мая в Доме-музее Волконских была открыта большая выставка свадебного исторического костюма, полностью состоящая из подлинных нарядов XIX–XX вв., которые поступили в собрание музея в последние пять лет. Выставка была приурочена к 200-летию со дня венчания Сергея Петровича Трубецкого и Екатерины Ивановны Лаваль. Открытие выставки сопровождалось не только традиционной авторской экскурсией по экспозиции, но и зрелищным «свадебным дефиле», в ходе которого сотрудницы музея продемонстрировали свои подвенечные платья и наряды предыдущих поколений.

Весной, ко дню рождения декабриста Н.А. Бестужева, музей провел виртуальный круглый стол для музеев и исторических сообществ. В нем приняли участие представители музеев Иркутска, Читы, Новоселенгинска, Улан-Удэ, а также московского общества «Наследие декабристов».

Осенью 2021 г. мы приняли сразу две выставки: «Император Александр Первый Благословенный», привезенную Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником, – в Доме-музее Трубецких; «В

альбоме вашем я пишу...», из собрания Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина, – в Доме-музее Волконских.

За прошедшее время дважды была проведена «Ярмарка урожая» (в 2020 и 2021 гг.), на которой гости музея имели возможность получить овощи и зелень, выращенные на наших усадебных огородах. Оба раза проводился розыгрыш между участниками ярмарки – призами стали клубни пиона и селекционного лилейника. Выбор призов был не случаен: оба эти растения происходят от цветов, подаренных и посаженных в усадьбе Волконских в 2013 г. потомком семьи Волконских – светлейшим князем А.П. Волконским.

Список сокращений

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ИОИММД – Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов
ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург)
ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей
ОР РГБ – отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

Декабристское кольцо

Вестник Иркутского музея декабристов

Выпуск 6

Редактор и корректор А.В. Глюк

Иркутский музей декабристов.
664007 Иркутск, пер. Волконского, 10.

Подписано в печать 1.12.2020 г. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 26.80. Уч.-изд. л. 15.61.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ № 217.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.

Тел.: 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru